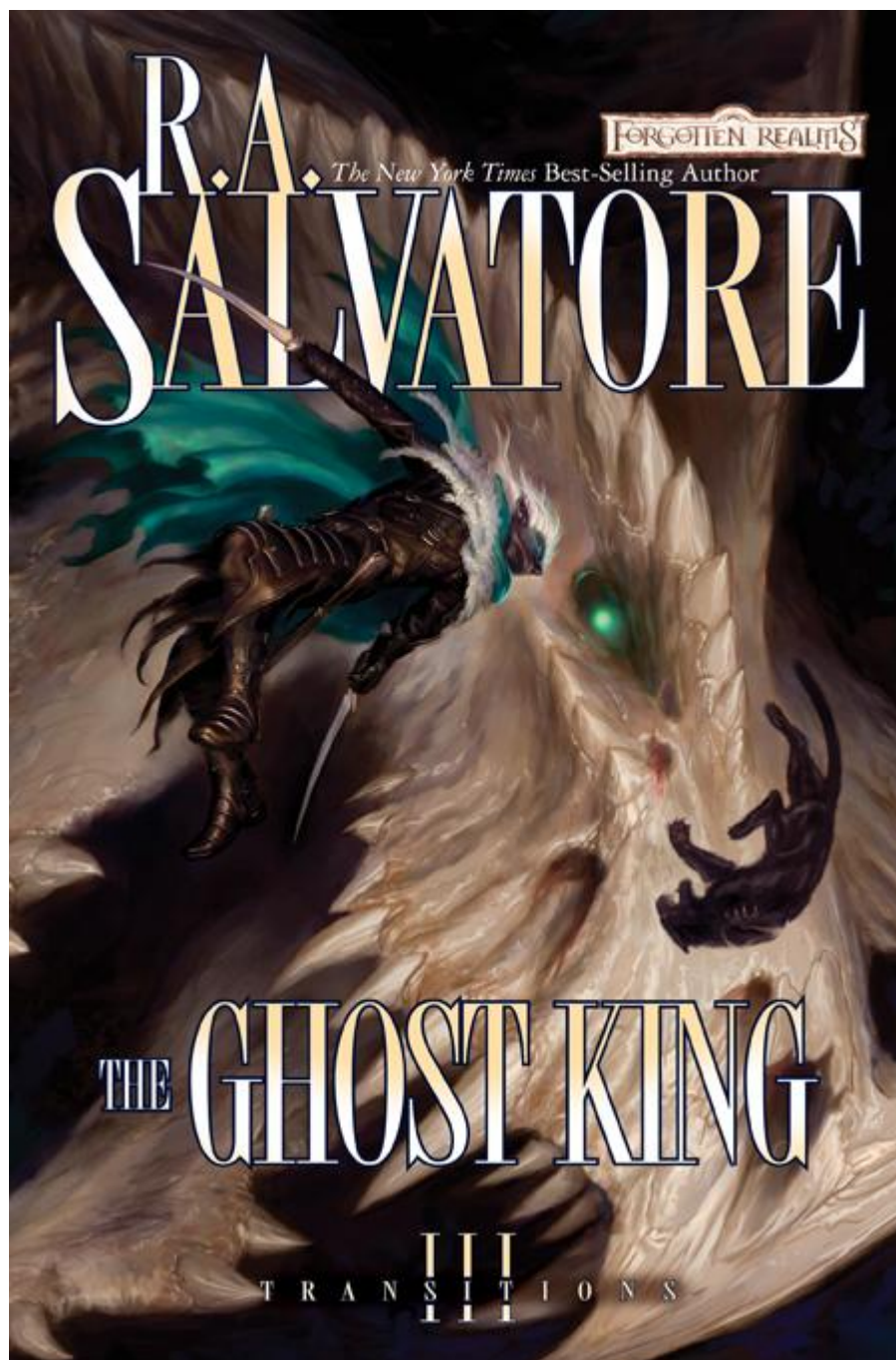

**Роберт Энтони Сальваторе
Король призраков**

Переходы – 3

Аннотация

Когда Магическая Чума разрушает Фаэрун, Дризт и его товарищи оказываются в Хаосе. В поисках помощи священника Кэддерли, герой серии Клирик, Дризт обнаруживает наиболее мощного и неуловимого своего врага, Осколок Кренинибон, демонический кристалл, обладающий собственным разумом, и который, как считал Дризт, был уничтожен несколько лет назад. Приключения начинаются...

Оглавление

Аннотация
Пролог
Часть первая.
Часть вторая.
Часть третья.
Часть четвертая.
Эпилог

Пролог

Дракон угрожающе зарычал, приняв оборонительную позу. Его глаза были мертвы, утратив блеск от взрыва при уничтожении артефакта, но его драконьи чувства более чем компенсировали этот недостаток.

Кто — то был в его пещере — Гефестус в этом не сомневался — но тварь не выдавала себя ни звуком, ни запахом.

— Ну? — негромко пророкотал дракон. Его голос гулким эхом отразился от стен горной пещеры. — Ты подойдёшь ко мне или будешь продолжать прятаться?

— Я прямо здесь, перед тобой, — пришёл ответ, прозвучавший в голове чудовища.

От подобного вмешательства в свой разум, Гефестус запрокинул огромную рогатую морду и зарычал.

— Ты не помнишь меня, дракон? Ты уничтожил меня, вместе с хрустальным осколком.

— Мне не нравится твоя непонятная игра, дроу! Не дроу.

Это привело Гефестуса в замешательство, и пустые глазницы, некогда служившие домом его выгоревшим глазам, расширились, когда он понял.

— Иллидид! — в ярости выдохнул дракон, потоком пламени опалив то самое место, где когда — то уничтожил сразу всех: и пожирателя разума, и дроу, и осколок.

От жара пузырился камень, и раскалилась вся пещера. Миновала не одна сотня ударов сердца, прежде чем пламя угасло, и Гефестусу пришёл ответ.

— Благодарю.

Мгновение смятения прошло после выдоха, и вот уже холод начал сковывать его чешую. Гефестус не любил холод. Он был созданием пламени, жара и огненной ярости и единственным холодом, который он знал, был мороз, что кусал его за крылья, во время зимних отлучек из горного жилища.

Но этот холод был хуже — он не был физическим.

Разве можно назвать "холодом" абсолютную пустоту, полное отсутствие тепла жизни, последнее напоминание колдовской силы самого мощного артефакта прошлого тысячелетия — Креншинибона?

Холод проник между чешуек дракона, просачиваясь внутрь и вытягивая саму жизнь из могучего зверя.

Гефестус пытался сопротивляться: он рычал, клацал пастью, напрягал мускулы в попытке хоть как — то защититься. Глубокий вдох опалил дракона изнутри огнём, но выдоха не последовало: ледяные когти сжали сердце.

Стук чешуи, ударившейся о каменный пол, эхом отдался в голове дракона.

Он завертел своей огромной головой, пытаясь определить источник угрозы... Но он не мог видеть.

Гефестус почувствовал... разложение.

Он чувствовал, как смерть поглощает его, как она проходит сквозь него, как её когти сжимают его сердце. Вдох болью опалил нутро. Он попытался вдохнуть ещё раз, но его лёгкие отказали ему.

Дракон попробовал мотнуть головой, но шея не послушалась и его морда глухо упала на пол.

Тьма окружала Гефестуса с тех самых пор, как он уничтожил хрустальный осколок, но сейчас она была и внутри него.

Тьма.

Замерцали два огонька жизни, два огненных глаза чистой энергии, чистой ненависти.

Именно это — зрение! — озадачило слепого Гефестуса. Он мог видеть!

Но как?

Дракон наблюдал за передвижением завесы потрескивающего голубого света по выгоревшему полу. Он пересёк место, где много лет назад взорвался могущественный артефакт, высвободив волны магии, которые ослепили Гефестуса, а потом, совсем недавно, смертельная колдовская энергия атаковала дракона и...

И что? Дракон вспомнил холод, вспомнил, как у него выпали все чешуйки, как он почувствовал всю бездну разложения и смерти. Как — то он мог снова видеть, но чего это ему стоило?

Гефестус сделал глубокий вдох или попытался сделать, но только тогда осознал, что не дышал совсем.

Дракон ужаснулся и посмотрел на отметину, где уничтожил артефакт. Он сосредоточился на ней и, когда завеса голубой магии истончилась, увидел пляшущие внутри остатков осколка неясные очертания. Согнувшись и сторбившись, призраки — семь личей, которые создали могущественный Креншинибон — кружили и пели слова силы на языке давно забытых царств Фаэруна. Эти люди древности, собранные со всего континента, имели разное происхождение, культуру и традиции. Но издалека они казались одинаковыми, струящимися серой дымкой созданиями, одетыми в лохмотья. Гефестус понял, кто они: живая сила разумного артефакта.

Но ведь они были уничтожены первым взрывом осколка!

Дракон не стал нападать на духов. Он смотрел и сравнивал. Заметил, как изменился тон их пения и осознал их отчаяние. Они хотели вернуться в свой дом, вернуться в Креншинибон, хрустальный осколок.

С любопытством, смешанным со страхом, Гефестус посмотрел на пустой кристалл, на когда — то могущественный артефакт, который он неосторожно уничтожил ценой своего зрения.

Он понял, что уничтожил его дважды. Ведь когда щупальцеголовый иллитид вынудил его снова выдохнуть пламя, он не знал, что в хрустальном осколке ещё оставалась колдовская сила.

Гефестус замотал головой. Ярость захватила всё его существо прежде, чем испуг полностью вытеснил гнев.

Его огромные, блестящие, яркие чешуйки были разбросаны на полу. Лишь несколько осталось на теле — жалкие остатки бывшего величия и мощи. Он поднял крыло, красивое крыло, которое когда — то позволяло Гефестусу спокойно парить в высоких воздушных потоках, дующих в Снежных Хлопьях.

Кости и ключья кожи — ничего больше не украшало его.

Когда — то великолепный, величественный дракон превратился в омерзительное посмешище.

Он стал... кем? Мертвецом? Живым? Как?

Гефестус посмотрел на кости другого сломанного крыла и осознал, что голубая завеса странной магической энергии пересекает и его. Вглядевшись в неё, дракон заметил второй поток потрескивающей энергии — зеленоватый осколок на голубом поле вращался и искрился внутри. Ближе к земле, видимая граница энергии соединяла крыло дракона и

артефакт, сращивая Гефестуса с хрустальным осколком, который он считал уничтоженным.

— Пробудись, великий дракон, — приказал в голове голос иллитида Яраскрика.

— Ты здесь! — прорычал Гефестус, но неожиданный удар псионической энергии заставил его залепетать в замешательстве.

— Ты жив, — энергично говорило ему внутри создание. — Ты победил смерть. Ты стал более великим, чем раньше. Я здесь с тобой, чтобы повести тебя, наделить таким могуществом, какого ты не можешь и представить.

Подавив влияние иллитида, дракон поднялся, задрал голову и осмотрел пещеру. Гефестус не отважился оторвать крыло от магической завесы, боясь, что опять впадёт в небытие. Он протиснулся к пляшущим приведениям и хрустальному осколку.

Неясные силуэты духов прекратили кружиться и повернулись, рассматривая дракона. Гефестус не мог определить, почему они отодвинулись — из страха или из уважения. Дракон подобрался к осколку и попробовал тронуть его лапой. Но стоило ему приблизиться, как что-то, мгновенно сломившее его волю, заставило со всей силы ударить головой по Креншинибону; артефакт вонзился прямо над его горящими глазами. Когда он сделал это, то понял, что это было дело щупалец Яраскрика.

Однако, ярость испарилась до того, как он смог отомстить за оскорбление. Дракона захлестнул экстаз, сопровождавшийся ощущением неимоверного могущества: зверь чувствовал себя живым, как никогда раньше.

Он вернулся назад. Его крылья оторвались от завесы, но Гефестуса это не беспокоило: благодаря его изменившемуся мировосприятию поток жизненной энергии не прекращался.

Нет, не жизненной энергии, — понял Гефестус.

Совершенно противоположной... определённо противоположной.

— Ты Король Призраков, — сказал Яраскрик. — Смерть не властна над тобой. Ты властен над смертью.

Гефестус присел, обдумывая происходящее и пытаясь во всём разобраться. Движущийся свет достиг дальней стены пещеры и скальная поверхность внезапно засверкала, будто состояла из тысяч маленьких звёзд. Сквозь завесу прошли личи, окружив дракона полукругом. Они молились на своих древних и давно забытых языках и их страшные лица поникли, покорно смотря в пол.

Он мог командовать ими, понял Гефестус, но предпочёл помешать им ползать и преклонять перед ним колени — чудовище больше интересовала стена голубой энергии, рассекающей его пещеру.

Что это может быть?

«Плетение Мистры», — прошептали личи, будто прочтя каждую его мысль.

«Плетение?» — подумал Гефестус.

«Плетение... распалось», — ответил хор личей. — «Магия... одичала».

Гефестус смотрел на несчастные создания, прокручивая в голове возможности. Призраки хрустального осколка были древними волшебниками, напитавшими артефакт своими собственными жизненными силами. От самой сущности, Креншинибона, во все стороны расходились эманации магии смерти.

Дракон устался на завесу — кусок Плетения сделался видимым и твёрдым. Он вновь вспомнил момент, когда он выдохнул свой огонь на дрею, иллитида и осколок.

Пламя дракона взорвало могущественный артефакт, ослепив Гефестуса.

Затем холодная волна пустоты уничтожила его, чешуя и тело сгнили до костей.

Имеется ли заклинание... любое... переносящее кусочек Плетения Мистры?

— Оно здесь, перед твоим носом, — появилось объяснение, рассеявшее беспорядочные мысли.

— Появилось после первого уничтожения осколка, — сказал Гефестус.

— Нет, — сказал Яраскрик в мыслях дракона. — Плетение высвободило магию из кусочков артефакта, дало мне способность ощущать и оживило приведения в их нынешнем виде.

— И ты вторгся в мой сон, — упрекнул Гефестус.
— Я так виноват, — признал иллитид. — В тот раз ты уничтожил меня, и я вернулся отдать тебе долг.

— Я уничтожу тебя ещё раз, пообещал Гефестус.
— Ты не сможешь, для этого нечего разрушать. Я свободная мысль, ни к чему не привязанная. И я ищу дом.

Прежде, чем до Гефестуса дошло, что это было ничем иным, как угрозой, его рассудок затопила ошеломляющая волна энергии, наполняя каждую частицу его существа болью и изменяя их. Он не мог вспомнить своё имя — настолько сильным оказался удар иллитида, проникающего в душу дракона.

Вдруг мрак рассеялся и Гефестус всё понял.

— Что ты сделал? — спросил он мысленно иллитида. Но ответ ждал его в его собственных мыслях.

Гефестусу не нужно было ещё о чём — нибудь спрашивать Яраскрика. Это всё равно, что обдумать вопрос самостоятельно.

Гефестус был Яраскриком и Яраскрик был Гефестусом.

И оба были Креншинибоном, Королём Призраков.

Гефестус вновь вернулся к тому, что произошло с осколком. Семеро личей каким — то непостижимым образом были связаны с ним, то есть, Креншинибоном, который был внутри него, посредством голубой полосы колдовской энергии. Это могущество было достаточно мощным, хоть хрустальный осколок и был почти уничтожен. Дракон ощущал, как Креншинибон пульсирует на его черепе. Он расплавился там, и колдовская энергия влилась в Гефестуса.

Таким образом, он возродился. Но он не воскрес, а стал нежитью.

Привидения поклонились ему, и он понял их мысли и намерения так же ясно, как если бы они слышали его самого. Их единственной целью было служение.

До Гефестуса дошло, что он чувствует связь между жизнью и смертью.

Голубой огонь покинул стену, оставляя след на полу. Он пересёк то место, где лежал хрустальный осколок и покоились крылья дракона. В конце концов огонь покинул комнату: теперь её озаряло оранжевое пламя на месте глаз личей, глаз Гефестуса, и зелёное свечение Креншинибона.

Но хоть огонь и исчез, мощь чудовища не уменьшилась.

Драколич восстал.

Часть первая

Дневник Дриззта: распутывание

Где заканчиваются пределы разумного и начинается магия? Где сдаётся рассудок и вступает в силу вера? Это два ключевых вопроса понимания, как говорил мой друг — философ, который прошёл нелёгкий путь до конца своих дней и обратно. Это конечная цель всех размышлений, предел всех поисков, предел осознания того, кто мы есть. Жить означает умирать, и знать, что ты должен уйти, но удивляться, всегда находить повод для удивления.

Эта истина является фундаментом для храма Парящего Духа — собора, библиотеки, места поклонения и раздумий, дискуссий и философских измышлений. Его камни были скреплены силами веры и магии, его стены — возведены удивлением и надеждой, его потолок удерживается силами разума. Там Кэддерли Бонадьос переступил глубины познания и заслужил право требовать от своих многочисленных посетителей, набожных и учёных, чтобы те не терялись перед всеобъемлющими вопросами бытия, не прикрывались необоснованными догматами и не преследовали с их помощью других.

Самые впечатляющие события в обширном мире страстных споров — именно

подобные столкновения между здравомыслием и верованиями. Кто мы: всего лишь причуда богов, или результат гармоничного процесса? Бессмертные или смертные, и если первое, тогда какое отношение имеет наша живущая вечно часть, именуемая душой, к той части, которая, как мы знаем, будет скормлена червям? В чём состоит следующая ступень развития сознания и духа — в самопознании и/или потере индивидуальности в состоянии единения с чем — то большим? Какова связь между тем вопросом, на который есть ответ, и тем, на который нет, если первый в конечном счёте произрастает из второго?

Конечно, подобные вопросы, однажды заняв чьи — то мысли, не исчезают бесследно. Из них вырастают тревожные возможности для одних людей, проявления наказуемой ереси для других, и даже сам Кэддерли как — то откровенно признался мне, что жизнь стала бы куда проще, если бы мы могли всего лишь принять то, что есть, и жить настоящим. Ощущение иронии его слов не покидает меня. Один из самых выдающихся жрецов Денеира, молодой Кэддерли оставался скептиком даже в вопросах, связанных с существованием бога, которому он служил. На самом деле он был сомневающимся жрецом, но наделённым божественной мощью. Если бы он поклонялся другому богу, а не Денеиру, чьи суицидные принципы вдохновляли его на исследования, молодой Кэддерли, вероятно, никогда бы не получил доступ ни к одной из сил, что позволяли ему исцелять страждущих и насыщать гнев своего божества.

Сейчас он уверен в возможностях небес Денеира как никогда прежде, но всё ещё задаёт вопросы и всё ещё в поисках. В храме Парящего Духа множество истин — законов нашего обширного мира и даже небес над нами — расплетаются и распространяются для изучения и познания. С покорностью и отвагой учёные, которые собираются там освещать детали планов нашей реальности, спорят о модели вселенной и правилах, которые руководят ей, и несомненно переосознают наши устоявшиеся представления об Абер — Ториле и его отношении к луне и звёздам.

Для некоторых всё это звучит как ересь, опасные исследования в мире знаний, которые должны оставаться непотревоженными во владении богов, созданий более высоких, чем мы. Хуже, предостерегают эти фанатичные провозвестники рока, подобные измышления и неразумные объяснения преуменьшают влияние самих богов и отвращают от веры тех, кто наиболее в ней нуждается. Однако, для философов, подобных Кэддерли, чем сложнее и запутаннее устройство вселенной, тем выше способно подняться чувство восхищения богами, сотворившими всё это. Гармония природы, как он утверждает, и исключительная красота законов, которым подчиняется вселенная и происходящие в ней процессы, означают величие и представление о вечности за пределами того, что осознано в слепоте, упрямстве или всеяющем страх невежестве.

Для пытливого ума Кэддерли обозримая система, обеспечивающая соблюдение божественных законов, намного превосходит предрассудки Материального плана. Хотя у многих других, даже у некоторых из тех, кто соглашается с выводами Кэддерли, это вызывает определённую тревогу.

Я вижу противоположность в Кэтти-бри и её непрерывном изучении и восприятии магии. Она нашла в ней успокоение, как она говорила, потому, что магию нельзя объяснить. Её силы в вере и одухотворённости поднимаются над её искусством волшебницы. Иметь перед собой что-то, что просто есть, не ища объяснений, не повторяя и не путая факты — на мой взгляд, в этом и состоит сущность истинной веры.

Я не знаю, существует ли на самом деле Миликки. Не уверен и в том, реален ли вообще кто — либо из богов, или если они действительно есть, заботятся ли они о повседневной жизни одного непослушного тёмного эльфа. Заповеди Миликки — нравственность, чувство общности и служения и способность ценить жизнь, свою или чужую — вот что действительно существует для меня и что бережно хранится в моём сердце. Они были там и до того, как я повстречал Миликки, ту, что дала им имя, и они останутся там, даже если мне предоставят подлинные доказательства того, что нет ни живого существа, ни какого — либо материального воплощения этих принципов.

Мы принимаем те или иные решения и совершаем поступки из страха перед наказанием или по велению нашего сердца? Для меня ответом всегда будет второе, равно, я надеюсь, как и для всех прочих, кто способен отвечать за свои поступки, хотя я знаю по своему горькому опыту, что это несчастный факт. Действовать по соображениям, призванным перебросить тебя с одних небес на другие, может показаться прозрачным для бога, для любого бога, но что если чьё — то сердце поступает согласно убеждениям, отличным от убеждений создателя этих небес, что тогда, в чём для него будет выбор?..

И так я приветствую Кэддерли и тех, кто ищет путь вместе с ним, тех, кто откладывает в сторону божественное, дающее пищу для лёгких ответов, и отважно карабкается к чести и красоте великой гармонии.

Подобно тому, как многие жители Фаэруна пробираются сквозь ежедневные тяготы и испытания, двигаясь вперёд к концу их почётных жизней, слова, что струятся из храма Парящего Духа, будут колебаться и замирать, встречая перед собой сопротивление и даже попытки остановить их. Личный путь Кэддерли к осознанию вселенной в границах его собственного исключительной силы ума вне всяких сомнений будет подвергнут испытанию страхом, в особенности перед самым основным и самым страшным свойством всех живущих — умирать.

Что до меня, я лишь оказываю посильную поддержку своему другу — жрецу. Я вспоминаю ночи в долине Ледяного Ветра, подъём Бруенора, который, кажется, более отдалён от тундры внизу, чем от звёзд над ним. Были ли мои размышления в те времена менее еретическими, чем плоды работы храма Парящего Духа? И если результатом для Кэддерли и его последователей является что — нибудь похожее на то, что я испытал, стоя на вершине той одинокой горы, то я легко могу понять, что служит для него доспехом от проклятий ненавистников и от обвинений в ереси от менее просвещённых и более привязанных к догмам глупцов.

Моё путешествие к звёздам, среди звёзд, наедине со звёздами, принесло мне чувство абсолютной удовлетворённости и неукротимого счастья, момент самого сильного умиротворения в душе, какой я когда — либо знал.

И самый сильный в этом состоянии единения со вселенной вокруг меня я, Дризт До'Урден, стоял, сам подобный богу.

Дризт До'Урден

Глава первая

Блуждая по снам дроу.

Я найду тебя, дроу.

Глаза тёмного эльфа широко распахнулись, и он моментально напряг все свои чувства, оценивая обстановку вокруг. Но голос, прочно угнездившись в подсознании, ясно звучал у него в голове.

Голос был таким же знакомым, как и полтора десятка лет назад: он напоминал о катастрофе. Дроу поправил повязку на глазу и провёл рукой по своей лысой голове, пытаясь понять, что здесь происходит. Этого не могло быть. Дракон был уничтожен: никто, даже такой могучий красный змей, как Гефестус, не мог пережить мощный взрыв Креншинибона. Или даже если чудовище каким — то непостижимым образом выжило, то почему оно не восстало там, где его враги были беззащитны перед ним? Нет, Джарлаксл был уверен в том, что Гефестус мёртв. Но он не думал, что кто — то может вторгнуться в его подсознание. Вот в чём в чём, а уж в этом тёмный эльф был уверен наверняка.

Я найду тебя, дроу.

Это был Гефестус — телепатическая связь между ним и Джарлакслем выдала чёткий

образ великого дракона. Сила голоса не оставляла и тени сомнений. Это отвлекло дроу от медитации и он инстинктивно прекратил её, заставив себя вернуться к реальности. Почти сразу он пожалел об этом: громкий храп его спутника, дварфа, мешал сосредоточиться. Джарлаксл ещё долго не мог сконцентрироваться, пока не убедился, что вокруг безопасно. Затем он снова закрыл глаза и вновь погрузился в медитацию, оставаясь наедине с самим собой.

Правда, он был не один.

Там его ожидал Гефестус. Джарлаксл ощутил на себе взгляд дракона, два огонька пылающей ненависти. Он чувствовал зверя, кипящего от ярости и жаждущего возмездия. Довольное рычание раздавалось в мыслях Джарлаксла. Хищник ухмылялся так, будто жертва уже оказалась в его лапах и не сможет выбраться. Если дракон нашёл его телепатически, то неужели он знал, где сейчас находится дроу?

На мгновение Джарлаксл поддался панике, но затем успокоился и прикоснулся к своей повязке, которую в этот день носил на левом глазу. Её магия должна была остановить вторжение Гефестуса, должна была защищать Джарлаксла от всех нежелательных телепатических связей. Но ему не мерещилось. Гефестус был с ним.

Я найду тебя, дроу, — вновь заверил его дракон.

”Найдёт” его. Значит, тот не знает, где он.

Джарлаксл направил все свои силы на защиту, пытаясь скрыть своё текущее местоположение, поскольку он понял, зачем Гефестус продолжал повторять свою угрозу. Дракон хотел поймать его: зверь мог телепатически узнать его местонахождение от него самого. Дроу наполнил свои мысли изображениями Лускана, Калимпорта, городов Подземья. Заместитель Джарлаксла в его банде наёмников, опытный псионик, научил того многим способам ментальной защиты. Тёмный эльф пустил в ход все свои знания.

Рычание Гефестуса, передаваемое псионической связью, минуту назад удовлетворённое, стало разочарованным, вызвав смех Джарлаксла.

— Ты не сбежишь от меня, — настаивал дракон.

— Ты ещё жив?

— Я найду тебя, дроу!

— Тогда я убью тебя снова.

Случайный ответ Джарлаксла разозлил дракона, как дроу того и хотел — и вместе с появлением эмоций дракон мгновенно потерял концентрацию, чего и добивался Джарлаксл. Ярости Гефестуса он противопоставил ментальную стену, выталкивая дракона из своего разума. Дроу передвинул повязку на правый глаз. Это прикосновение пробудило артефакт, увеличивая защитную энергию.

В последнее время так случалось и со многими другими волшебными безделушками. Что-то происходило во всём мире с Плетением Мистры. Киммуриэль предупреждал его остерегаться использования магии, поскольку доклады, описывающие катастрофические последствия даже от самых простых заклинаний, стали обычным делом.

Наглазная повязка выполнила свою работу, хоть и не без помощи самого Джарлаксла. Гефестус был изгнан из подсознания дроу.

В очередной раз открыв глаза, Джарлаксл осмотрел свой маленький лагерь. Он и Атрогейт находились к северу от Мирабара. Солнце ещё не взошло, но на востоке уже начинало светлеть. В это утро у них была запланирована тайная встреча с маркграфом Эластулом из Мирабара. Целью встречи являлось заключение торгового договора между корыстным правителем и прибрежным городом Лускан. Или, точнее, между Эластулом и Бреган Д’Эрт, бандой наёмников Джарлаксла, которая становилась всё более и более коммерческой. Бреган Д’Эрт использовали Лускан как базу — посредник с миром наверху: они торговали товарами из Подземья, получая взамен артефакты королевств Поверхности, переправляли дорогие экзотические безделушки как в город дроу Мензоберранзан, так и оттуда.

Дроу осмотрел их лагерь, разбитый на небольшой площадке посреди трёх огромных

дубов. Видна была тихая и пустынная дорога. У одного из деревьев затрещала свою унылую песнь цикада, в ответ каркнула ворона. Через небольшой травянистый луг проскакал длинными прыжками кролик, будто испугавшись пристального взгляда Джарлаксла. Тёмный эльф соскользнул с крепкой ветки, послужившей ему кроватью, и спрыгнул с дерева. Он бесшумно приземлился благодаря волшебным сапогам и осторожно прокрался по дорожке, ведущей из рощи: надо было получше изучить местность.

— Далеко ты собрался, хотел бы я знать? Не изволишь ли мне, о том рассказать? — кинул ему вслед дварф.

Джарлаксл повернулся к Атрогейту, который ещё лежал на спине, завернувшись в спальный мешок. Один полуоткрытый глаз смотрел на него.

— Я часто думаю, дварф, что меня сильнее раздражает: твой храп или твои рифмы.

— Меня тоже, — сказал Атрогейт. — Но, поскольку я не так часто слышу свой храп, я выберу второе.

Джарлаксл покачал головой и повернулся, чтобы уйти.

— Я всё ещё хочу знать, эльф.

— Я подумал, что выбрать место для встречи разумнее будет прежде, чем наш высокопоставленный гость прибудет, — ответил Джарлаксл.

— Не сомневаюсь, что он прибудет сюда с половиной всех мирабарских Щитов, — сказал Атрогейт. Наверняка так оно и будет, подумал Джарлаксл. Он услышал, как Атрогейт свернул спальный мешок и поднялся.

— Благоразумие, мой друг, — бросил дроу через плечо и пошёл.

— Ба, это явно нечто большее, чем просто благоразумие, — заявил Атрогейт.

Джарлаксл лишь рассмеялся: мало кто знал дроу достаточно хорошо, чтобы так легко предугадать его тактические ходы, но за годы, проведённые в компании с Атрогейтом, он действительно позволил дварфу узнать истинного Джарлаксла Бэнра. Он обернулся и улыбнулся своему грязному бородатому другу.

— Ну? — спросил Атрогейт. — Тебя ещё пойму, быть может, но что тебя тревожит?

— Тревожит?

Атрогейт пожал плечами.

— Это есть то, что есть, а я вижу, что есть.

— Хватит, — велел ему Джарлаксл, подняв руки в знак того, что сдаётся.

— Ты расскажешь мне или я снова буду рифмовать, — предупредил дварф.

— Лучше ударь меня своим моргенштерном, прошу тебя.

Атрогейт упёрся руками в бока и уставился на тёмного эльфа.

— Я пока не знаю, — признал Джарлаксл. — Что-то... — он осмотрелся по сторонам, достал свою огромную шляпу с широкими полями, придал ей форму и надел.

— Что-то?

— Да, — сказал дроу. — Гость: возможно, это был сон, возможно — нет.

— Скажи мне, что она рыжая.

— Скорее, с красной чешуёй.

Атрогейт скривил лицо в отвращении.

— Тебе нужны сны получше, эльф.

— Действительно.

— Полагаю, моя дочь неплохо поживает, — заметил маркграф Эластул.

Он сел в большое удобное кресло за крепкий богато украшенный стол, который принесли его слуги из мирабарского дворца. Его окружала дюжина суровых Щитов. Напротив, в креслах поменьше, расположились Джарлаксл и Атрогейт, пихавший в рот хлеб, яйца и прочую снедь. Даже во время встречи на природе Эластул соблюдал некоторые нормы цивилизованной дискуссии, в которые, к великой радости дварфа, входил отличный

завтрак.

— Да, Арабет хорошо приспособилась к произошедшим изменениям в Лускане, — ответил Джарлаксл. — Она заполучила благорасположение Кенсидана, её влияние в городе продолжает расти.

— Чёрт бы побрал этого Ворона, — со вздохом прошептал Эластул, имея ввиду верховного капитана Кенсидана, одного из высших капитанов, управлявших городом. Он хорошо знал, что Кенсидан стал их главой.

— Кенсидан выиграл, — напомнил ему Джарлаксл. — Он обманул Арклема Грита и Братство Чародеев — а это было не так — то просто! — и убедил других высших капитанов в том, что его курс лучше.

— Я бы предпочёл Капитана Дюдермонта.

Джарлаксл пожал плечами.

— Такое положение дел является более выгодным для всех нас.

— Подумать только, я сижу здесь и веду дела с тёмным эльфом, — пожаловался Эластул. — Половина моих Щитов предпочла бы, чтобы я убил тебя, а не вёл переговоры.

— Это было бы неразумно.

— Или невыгодно?

— Небезопасно.

Эластул фыркнул: его дочь Арабет рассказывала о Джарлаксле, поэтому он знал, что тонкое замечание дроу было наполовину шуткой, наполовину серьёзной смертельной угрозой.

— Если Ворон и другие капитаны узнают о нашей небольшой договорённости, они будут недовольны, — сказал Эластул.

— Бреган Д'Эрт не отчитывается перед Кенсиданом и остальными.

— Но у тебя же есть договорённость с ними: ты направляешь свои товары только на их рынки.

— Их богатство значительно увеличивается благодаря тайной торговле с Мензоберранзаном, — ответил Джарлаксл. — Если я считаю, что мне удобно заключить какой — либо контракт, не оговоренный в том договоре, то... я поведу себя как торговец, в конце концов.

— Мёртвый торговец, стоит Кенсидану узнать об этом.

Джарлаксл рассмеялся над этим утверждением.

— Скорее, уставший торговец. Что же я ещё должен делать, чтобы управлять городом на Поверхности?

Произошла небольшая заминка, пока Эластул соображал, что к чему, и она немного развлекла дроу: это было явным напоминанием и предупреждением маркграфу о том, что он имел дело с тёмными эльфами.

Очень опасными тёмными эльфами.

— Ну что, сделка заключена? — спросил Джарлаксл.

— Я открою туннель к складу Баркскина, — ответил Эластул, говоря про тайный рынок подземного Мирабара в районе дварфов. — Там могут проехать фургоны Киммуриэля, но ни один не должен заезжать в другие районы. И я рассчитываю на те цены, о которых мы договаривались, так как мне придётся содержать стражу для охраны от дроу, а это выйдет недёшево.

— Охраны от дроу? Надеюсь, ты не думаешь, что мы соизволим проникнуть дальше в твой город, уважаемый маркграф? Уверяю тебя, данное соглашение нас вполне устраивает.

— Ты дроу, Джарлаксл. Тебя никогда не может всё устраивать.

Джарлаксл рассмеялся, не собираясь парировать эту колкость. С тех пор, как он вернулся из путешествия и на некоторое время решил покинуть Лускан, дроу согласился заключать сделки вместо Киммуриэля, который лишь наблюдал за их условиями. По правде говоря, Джарлаксл дал себе зарок не удивляться ничему, даже по возвращении на север после многомесячного путешествия. Но он обнаружил, что Киммуриэль готовит

полномасштабное проникновение в Мирабар: возможно, даже для установления своей власти, используя Эластула или любого другого идиота, который станет прикрытием.

Джарлаксл надел свою шляпу и поднялся, чтобы уйти, подав знак Атрогейту.

Фыркая, как свинья на трюфели, дварф продолжал набивать рот яичным желтком и вареньем, пачкая свою чёрную бороду, заплетённую в косички.

— Мы проделали длинный путь и проголодались, — пояснил Джарлаксл Эластулу.

Маркграф покачал головой в отвращении. Щиты Мирабара посмотрели с нескрываемой завистью.

Джарлаксл с Атрогейтом прошли более мили прежде, чем дварф остановился и спросил:

— Мы возвращаемся в Лускан?

— Нет, — ответил Джарлаксл. — Киммуриэль узнает о том, что я заключил сделку, и без моей помощи.

— Перед дальней дорогой нужно подкрепиться.

— Ты половину утра набивал себе брюхо.

Атрогейт потёр своё пузо и рыгнул, спугнув стайку птиц с соседнего дерева. Джарлаксл беспомощно покачал головой.

— У меня болит живот, — пожаловался дварф. Он снова потёр его и несколько раз рыгнул. — Итак, мы не возвращаемся в Лускан. Тогда куда?

Этот вопрос заставил Джарлаксла задуматься.

— Я не знаю, — признал он.

— Я не буду скучать по этому месту, — сказал Атрогейт. Он завёл руку за плечо и погладил рукоять одного из своих моргенштернов из стекла и стали, которые были закреплены у него за спиной крест — накрест, рукоятями вверх: шипованные шарики подпрыгивали позади него при ходьбе. — Давно не пускал их в ход.

Джарлаксл просто кивнул, задумчиво глядя вдаль.

— Лучше ехать, чем идти, коль не знаешь, куда дорога может привести. Ба — ха — ха! — дварф достал мешочек, где хранил чёрную статуэтку боевого борова, которая могла призвать этого зверя. Он собирался было использовать её, но Джарлаксл придержал его.

— Не время, — объяснил дроу. — Сегодня идём пешком.

— Ба, но я хочу потрястись в седле, проклятый эльф.

— Сегодня мы идём, — отрезал Джарлаксл.

Атрогейт посмотрел на него с подозрением.

— Итак, ты не знаешь, куда мы идём.

Дроу осмотрелся вокруг и потёр изящный подбородок.

— Скоро узнаю, — пообещал он.

— Ба! Мы могли бы вернуться в Мирабар, чтобы купить больше еды!

Одного взгляда Джарлаксла, напомнившего, кто здесь главный, хватило, чтобы Атрогейт побледнел — достаточно — таки редкое явление для дварфа.

— Хороший день для прогулки! — воскликнул Атрогейт, подтверждая свои слова громкой отрывкой.

Они разбили лагерь в нескольких милях к северо — востоку от того поля, где встречались с Маркграфом Эластулом, на небольшом горном хребте, окружённом невысокими деревцами, большинство которых было высохшими, с остальных же опала почти вся листва. Ниже них, на западе, вырисовывались очертания развалин старой фермы, или, возможно, небольшой деревни, возле которой находилось маленькое поле, усеянное плитами: некоторые из лежали, а некоторые торчали из земли, вызывая недовольное бормотание Атрогейта — тот считал, что это кладбище.

— Никуда не денешься, — беззаботно ответил Джарлаксл.

Селуна появилась из — за облаков. Под её тусклым светом Атрогейт вскоре умиротворённо захрапел, но Джарлаксл подумал, что ему не следует погружаться в забытие. Он наблюдал, как тени под тусклым лунным свечением начали уменьшаться, исчезать, затем вытягиваться на восток, как только луна прошла зенит и начала опускаться на запад. Усталость всё — таки взяла верх, хоть он и сопротивлялся ей достаточно долго.

Дроу беззвучно выругал себя за глупость. Он не мог оставаться настороже вечно и прильнул к мёртвому дереву, по очертаниям напоминавшему скелет человека, который молится богам. Джарлаксл не стал забираться наверх: старое дерево не выдержало бы его веса; вместо этого он остался на земле, прислонившись к шершавому стволу.

Он позволил своему разуму погрузиться в сладкую дрему. Воспоминания смешивались с ощущениями мягкого приятного водоворота грёз. Он почувствовал собственное сердцебиение, прилив крови в жилах. Он ощутил дыхание мира под ногами, почувствовал единство с землёй. И в то же время он испытал ощущение невесомости, будто плыл, когда его тело окутал сон.

Только здесь Джарлаксл был свободен. Грёзы были его убежищем.

Я найду тебя, дроу.

Гефестус ждал его. В мыслях Джарлаксла снова появился свирепый взгляд зверя. Он ощутил горячее дыхание и сильнейшую ненависть.

— Исчезни. Я с тобой не ссорился, — тихо ответил тёмный эльф.

Я не забыл!

— Это твоё собственное дыхание уничтожило кристалл, — напомнил Джарлаксл существу.

Из — за твоей проделки, умный дроу. Я не забыл. Ты ослепил меня, ты ослабил меня, ты уничтожил меня!

Это последнее утверждение удивило Джарлаксла не только потому, что дракон, очевидно, не был уничтожен, но ещё и из — за того, что он до сих пор отчётливо ощущал, что это был не совсем тот Гефестус, которого он знал. Другой образ пришёл в его мысли: луковицеголовое существо с щупальцами на лице.

Я знаю тебя. Я найду тебя, — продолжил дракон. *— Это ты украл у меня прелести жизни и свежего мяса. Это всё из — за тебя!*

— Итак, дракон мёртв, — констатировал Джарлаксл.

Не я! Он! — голос, принадлежавший некогда Гефестусу, гремел в его голове. *— Я был слеп и спал во тьме! Это не смерть, а мука! Считайся со своими врагами, дроу! Считай, что король найдёт тебя — уже нашёл!*

Эта последняя мысль принесла с собой такую волну ужаса и ненависти, что Джарлаксл вынырнул из своих грёз. Он осмотрелся, мысленно приготовившись увидеть дракона, сжигающего своим дыханием всё вокруг, или иллитида, обрушивающего на его разум волну губительной энергии.

Но бледная луна лишь чуть освещала тихую ночь. Слишком тихую.

Где были лягушки, где ночные птицы, жуки?

Внимание Джарлаксла привлекло движение на западе. Он осмотрел местность, надеясь увидеть, что это было: возможно, какой — то грызун.

Но он ничего не увидел, кроме травы, колышущейся от лёгкого ветерка. Краем глаза вновь заметив движение, Джарлаксл поднял повязку и взглянул двумя глазами на каменистое поле. Посреди него стояла тёмная фигура, машущая руками. Возможно, это был лич или призрак. Между ними подвинулась плита. Другая, стоявшая вертикально, наклонилась. Джарлаксл сделал шаг в сторону древних развалин.

Луна скрылась за облаками и стало гораздо темнее. Но Джарлаксл вырос в Подземье: его глаза могли видеть в непроглядной тьме. В почти неосвещённых пещерах, расположенных чуть дальше от плиты, светящееся пятно лишайника в его глазах давало света не меньше, чем яркий факел. Даже в тот момент, когда луна спряталась, он увидел, что стоящие плиты подвинулись чуть — чуть снова, как будто кто — то под землёй толкал их.

— Кладбище... — прошептал он, наконец осознавая, что плоские плиты — это надгробия. Атрогейт был прав. В это мгновение вновь появилась луна и осветила поле. Что-то показалось из — под плиты. Рука.

Рука скелета.

Странные зеленовато — синие молнии заискрились по всему полю. В этом свете Джарлаксл увидел, что под остальными плитами происходит то же самое.

Я нашёл тебя, дроу! — торжествующе прошелестело существо в голове Джарлаксла.

— Атрогейт, — негромко позвал Джарлаксл. — Просыпайся, достопочтимый дварф. дварф перемененно, то храпел, то кашлял, то рыгал, но продолжал спать спиной к дроу.

Джарлаксл снял арбалет с пояса и зарядил его тупыми тяжёлыми зарядами, висевшими в волшебном мешочке.

— Просыпайся, дварф, — повторил дроу, не отрывая взгляда от поля. Рука скелета хваталась за пустой воздух возле покосившегося надгробия.

Когда Атрогейт ничего не ответил, Джарлаксл прицелился из арбалета и нажал на курок.

— Эй, какого чёрта! — дварф взвыл, как только болт ударил его пониже спины, перевернулся и вскочил на ноги. Он стал кружиться, прыгая на месте и потирая раненый зад.

— Что такое, эльф? — спросил он, наконец.

— Ты своими криками мёртвых разбудил, — ответил Джарлаксл, указывая на поле, усеянное камнями. Атрогейт осмотрелся.

— Эээ... темно, — сказал он. Стоило ему это сказать, как не только луна снова показалась из облаков, осветив ночь, но и одновременно с этим вспышки молний озарили всё поле. Поле, по которому брели скелеты, явно направляясь к усаженному деревьями хребту.

— Кажется, идут за нами! — заорал Атрогейт. — И, похоже, они немного проголодались. Более, чем немного! Ба — ха — ха! Держу пари, голодны!

— Давай убираться отсюда да побыстрее, — сказал Джарлаксл. Он достал из мешочка на поясе обсидиановую статуэтку тощей лошади с завихрениями вокруг копыт, похожими на пламя.

Атрогейт кивнул и сделал то же самое, доставая фигурку кабана.

Они оба бросили статуэтки и одновременно призвали ездовых животных, адского жеребца для Джарлаксла, фыркающего дымом, с копытами, объатыми пламенем, а также демонического борова для Атрогейта, излучавшего жар и изрыгавшего пламя. Джарлаксл первым вскочил в седло и направил коня в сторону, чтобы как можно быстрее убраться отсюда. Однако, посмотрев через плечо, он увидел Атрогейта, который достал моргенштерны, запрыгнул на борова и помчался в сторону кладбища.

— Быстрее! — крикнул дварф, раскручивая цепи с тяжёлыми шарами. — Ба — ха — ха!

— О, Ллос! — простонал Джарлаксл. — Если ты послала его, чтобы мучить меня, то знай: я сдаюсь, забери его назад.

Атрогейт устремился прямо на поле, пиная кабана. Ещё одна зеленая вспышка осветила каменистый луг перед ним: куча живых мертвецов тянула руки к дварфу. Атрогейт проревел во всю глотку и плотно стиснул ногами демонического зверя. Казалось, не менее сумасшедший, чем его бородатый всадник, вебрь мчался на толпу плетущихся мертвецов. дварф послал свой вращающийся моргенштерн прямо в них. Тяжёлые шары дробили кости, ломали тянущиеся пальцы и руки, крушили рёбра. Боров с жадностью бодал, пинал, рвал безмозглую нежить. Атрогейт пришпорил кабана и тот подпрыгнул. Пламя на копытах разгорелось ещё ярче, а когда они приземлились, произошёл мощный взрыв, вызвав волну пламени по всему полю.

Его языки лизали траву вокруг покрытого сажей Атрогейта.

Хоть и ближайшей нежити досталось от взрыва, задние ряды были в целости и сохранности. Твари приближались, не выказывая ни капли страха. Ударом сверху Атрогейт разнёс в порошок череп одному из скелетов. Он широко взмахнул другим моргенштерном и

отсёк три тянущиеся к нему сзади костлявые руки. Скелеты, казалось, не замечали подобного и продолжали напирать. Атрогейт ревел всё громче, еле сдерживая их натиск. Он сражался всё яростнее. Ему не нужно было целиться: дварф не мог промахнуться, даже если бы этого захотел. Фаланги пальцев тянулись к нему, усмехающиеся черепа клацали челюстями.

Внезапно кабан вскрикнул от боли. Он подпрыгнул, вызвав ещё одно кольцо пламени. Но безмозглой нежити было плевать на обугленные кости. Костяные лапы рвали борова, приводя его в безумие. Атрогейта выкинуло из седла прямо на передние ряды скелетов.

Джарлаксл терпеть не мог подобные бои. Большая часть его боевого репертуара, как магического, так и физического, была предназначена для того, чтобы запутать, смутить, вывести противника из равновесия.

Но заморочить безмозглого скелета или зомби невозможно.

Сделав глубокий вдох, Джарлаксл сорвал огромное перо со шляпы и бросил его на землю, шепча волшебные слова. Почти сразу же перо вместе с клубами дыма превратилось в гигантскую бескрылую птицу, диатриму, десяти футов высотой и с шеей толщиной с грудь крепкого человека.

Подчиняясь телепатическим командам Джарлаксла, чудовищная птица побежала на кладбище, давя толпы нежити и разнося их на части мощным клювом. Птица прорвалась через них, яростно пинаясь, толкаясь и клюя. Каждый удар разносил на кусочки кости, крошил черепа в порошок.

Но ещё больше восставало из могил.

Стоя на горном хребте, Джарлаксл небрежно надел кольцо на палец, и в его руках появилась тонкая палочка.

Он ударил кулаком с кольцом. Магия усилила этот удар во много раз: в рядах нежити была пробита брешь, скелеты и их кости разлетелись в разные стороны. Второй удар разрушил три других ряда, пытавшихся подойти к нему с левого фланга.

Защитив свою позицию, дроу поднял палочку, призывая вспышку ярко сияющего света, губительного для нежити.

В отличие от огня магического борова, скелеты не могли выстоять против света палочки. Там, где огонь мог только опалить их кости, возможно, немного ранить, волшебный свет ударил в основу самой магии, давшей им способность двигаться, противостоя отрицательной энергии, которая подняла их из могил.

Джарлаксл направил вспышку в то место, где упал Атрогейт. Ожидаемый возглас дварфа от удивления и жгучей боли в глазах прозвучал приятно для дроу.

Он не мог не засмеяться, когда дварф наконец — то выбрался из заваливших его костей разрушившихся скелетов.

Однако им ещё оставалось далеко до победы. Всё больше и больше скелетов продолжало восставать из могил. Убитый ордой боров Атрогейта исчез. Магия статуэтки не могла вызвать другое существо в течение нескольких часов. Птица Джарлаксла тоже пала жертвой толп нежити и была разорвана на части. Пальцы дроу прикоснулись к ленте на шляпе, где начинал расти кусок нового пера. Но пройдет ещё несколько дней прежде, чем можно будет вызвать ещё одну диатриму.

Атрогейт поворачивался, как будто собирался врубиться в другую шеренгу скелетов, а Джарлаксл закричал:

— Вернись назад!

Всё ещё потирая покалывающие глаза, дварф ответил:

— Там ещё есть, кого можно побить, эльф!

— Тогда я ухожу, а они пускай рвут тебя по частям.

— Ты просишь меня сбежать с поля боя! — крикнул Атрогейт, когда моргенштерн

разнёс скелета, схватившего дварфа.

— Возможно, магия, поднявшая этих существ, превратит тебя в зомби, — сказал Джарлаксл. Спустя несколько ударов сердца он услышал бурчание подоспевшего Атрогейта. дварф стоял возле него, шепча над ониксовой статуэткой борова.

— Сейчас ты не можешь вызвать ещё одного, — напомнил Джарлаксл, протягивая ему руку.

дварф уселся на спину адскому жеребцу позади дроу, и Джарлаксл пришпорил коня, уносившего их прочь от кладбища. Спустя некоторое время они замедлили скачку и дварф захихикал.

— Что такое? — спросил дроу, но Атрогейт лишь залился диким смехом.

— Что? — потребовал Джарлаксл. Ему нельзя было тратить время, чтобы обернуться и посмотреть, что там творится, а Атрогейт из — за смеха не мог ответить.

Наконец, когда они достигли безопасного места, где можно остановиться, Джарлаксл резко дёрнул коня и обернулся.

Атрогейт с покрасневшим от смеха лицом держал костяную руку: пальцы всё ещё хватали воздух перед ним. Джарлаксл прыгнул с коня, и, увидев, что дварф не собирается слезать, приказал коню исчезнуть. Атрогейт грохнулся на землю, продолжая хихикать над рукой.

— Избавься от этой чертовщины! — бросил Джарлаксл.

Атрогейт посмотрел на него недоверчиво.

— У тебя нет воображения, эльф, — сказал он.

Он вскочил и отстегнул тяжёлый нагрудник. Как только тот отлетел в сторону, дварф перекинул через плечо ещё царапающуюся руку и глубоко вздохнул от удовольствия: пальцы чесали ему спину.

— Как думаешь, сколько ещё она будет жить?

— Надеюсь, дольше, чем ты, — ответил дроу, закрыв глаза и беспомощно покачав головой. — Не очень долго, полагаю.

— Ба — ха — ха! — проревел Атрогейт. — Ааааааа.

— В следующий раз, когда мы столкнёмся с подобными тварями, надеюсь, ты будешь выполнять мои приказы, — сказал Джарлаксл Атрогейту на следующее утро, когда дварф снова играл со своей костяной игрушкой.

— Следующий раз? Что ты имеешь ввиду, эльф?

— Всё это произошло не случайно, — признал дроу. — Зверь, которого я считал уничтоженным, как — то обманул смерть и посетил меня дважды во время сна.

— Зверь, призвавший скелетов?

— Великий дракон, — объяснил Джарлаксл, — к югу отсюда и... — Джарлаксл запнулся: он не был точно уверен, где находится логово Гефестуса. Дроу доводилось там бывать, но и тогда оказался в том месте благодаря магии, используя заклинание телепортации. Он знал в общих чертах тот регион, хотя и понятия не имел о логове; тем не менее, Джарлаксл думал о том, кто наверняка знает это место. — Рядом со Снежными Хлопьями, — закончил он. — Великий дракон, чьи мысли, кажется, могут пересечь сотни миль.

— Ты считаешь нам нужно бежать дальше?

Джарлаксл покачал головой.

— Существуют великие силы, которые я могу склонить на нашу сторону, дабы победить это существо.

— Хмм, — произнёс дварф.

— Только сначала я должен убедить их не убивать нас.

— Хмм.

— Конечно, — сказал дроу. — Могучий жрец Кэддерли, избранный своего бога. Он обещал меня убить, если я когда — либо вернусь.

— Хмм.

— Но я найду способ.

— Итак, ты говоришь, и ты же просишь, но я надеюсь, что меня за всё это расплачиваться не бросишь.

Джарлаксл уставился на дварфа.

— Ну, коль не имеешь ты возможности вернуться в желанные места, понять не могу я, почему идти тебе хочется туда, ведь это же место, где драконы охотятся на тебя!

Пристальный взгляд сменился стоном.

— Я знаю, знаю, — сказал Атрогейт. — Больше никаких стихосложений. Но это была хорошая рифма, правда?

— Стоит подкорректировать, — ответил дроу. — Хотя, не так сильно, как твои обычные обороты.

— Хмм, — промычал дварф, сияя от гордости.

Глава вторая

Разрушение плетения

Дризт До'Урден откинул свой спальный мешок и потянулся. Как же здорово было возвращаться в Мифрил Халл после такой ужасной зимы! Бодрил не только ветер, трепавший гриву густых белых волос, но и сам воздух — свежий, не пропитанный дымом кузниц воздух.

Тёмный эльф повертел головой, разминая шею. Он снова потянулся и встал на колени на одеяле. Лёгкий ветерок охладил его обнажённый торс, но не мысли. Ветер ещё сильнее обострял его восприятие.

Дроу медленно поднялся, размялся, сделав пару хороших упражнений, а затем прошёлся вокруг маленького лагеря, надеясь увидеть Кэтти-бри.

Женщина стояла на склоне неподалёку, одетая только в яркую магическую блузу, которая приводила в восторг одевавшихся в простые робы магов гномов; она сложила ладони вместе, концентрируясь. Дризт восхищался её простым обаянием. Пёстрая рубашка доходила только до середины её бёдер, но изящно сотканная одежда ничуть не затмила природной красоты Кэтти-бри. Они возвращались по дороге в Мифрил Халл из Серебристой Луны, где правила могущественная леди Аластриэль, учившая Кэтти-бри магии. Что-то такое было в самом воздухе — нечто опасное: некоторые маги чувствовали, что что-то не так с Плетением. По всему Фаэруну ходила молва об искажении магии: то тут, то там заклинания срабатывали не так, как нужно, или отказывали вообще. Многие выдающиеся волшебники сошли с ума.

Аластриэль признала, что боится за целостность Плетения Мистры, источника магии. Дризт никогда не видел у неё такого пепельного цвета лица: ни когда дроу напали на Мифрил Халл много лет назад, ни даже когда король Обальд во главе орды орков начал свою кампанию. Дризт никогда не думал, что на лице знаменитой воительницы, одной из семи Сестёр, избранной Мистры, пользующейся любовью народа правительницы могущественной Серебристой Луны, может быть написано такое смутение и страх.

Постоянные бдения и медитации, бывшие нормальным явлением для Аластриэль, стали неотъемлемой частью распорядка дня Кэтти-бри, пока остальные пытались понять, что творится с Девятью Кругами.

Дризт знал, что именно поэтому она и встала так рано. Он пошёл к лагерю, ничем не выдав своего присутствия: он не стал отвлекать девушку.

Он улыбался, смотря на неё: его по — прежнему привлекало, может, чуть и

располневшее с годами, но для него оставшееся таким же прекрасным и привлекательным тело, её золотисто — каштановые волосы, разметавшиеся по плечам.

Она медленно развела вытянутыми руками, будто призывала магию; рукава её блузы собрались на локтях. Дризт улыбнулся, когда девушка плавно поднялась в воздух благодаря левитации. Пурпурное пламя волшебного огня замерцало вокруг её тела: казалось, что магия — это часть её, естественное продолжение её фиолетовой мантии. Магический порыв ветра сдул на спину золотисто — каштановую гриву волос. Дризту было понятно, что его возлюбленная сотворила простое заклинание, пытаясь с его помощью создать более тесную связь с Плетением: девушка относилась к страхам Аластриэль всерьёз.

Вспышка молнии где — то вдалеке стала большой неожиданностью для Дризта. Он развернулся в ту сторону как раз тогда, когда прогрехотал гром. Эльф удивлённо приподнял бровь: на небе было ни облачка, так откуда взялась молния? Дроу была отлична видна ломаная голубая линия, вспыхнувшая на небе.

Дризт жил на поверхности уже сорок пять лет, но ему ещё не доводилось видеть подобное: он прошёл через ужасные шторма во время путешествия на «Морской Фее» вместе с Дюдермонтом, пыльные бури пустыни Калим, пережил снежную лавину. В долине Ледяного Ветра он даже стал свидетелем столь редкого явления, как шаровая молния. Дризт вновь взглянул на небо: может, то было нечто похожее?

Но эта молния двигалась по странной траектории и цеплялась за сине — белую завесу мерцающей энергии. Он не мог определить её скорость, но заметил, что завеса позади неё увеличивалась прямо на глазах.

Она была где — то к северу от его местонахождения. Дроу кинул взгляд на восток на безмятежно парящую над вершиной холма Кэтти-бри. Надо было прервать её медитацию: девушке стоило обратить внимание на происходящее. Он снова посмотрел на молнию, и его лавандовые глаза расширились в ужасе. Она, ни с того ни с сего, ускорилась, и сменила курс, повернув в его направлении.

Дризт повернулся к Кэтти-бри, уже на бегу понимая, что ноги сами понесли его к ней.

— Кэтти! — закричал он. Она, казалось, не слышала.

Магические поножи ускорили Дризта: невозможно было уследить за его ногами. Но молния была быстрее: он опять закричал, когда она прошипела мимо него. Его волосы встали дыбом от близости мощного заряда, белые пряди вздыбились во все стороны.

— Кэтти! — он кричал изо всех сил. — Кэтти-бри! Беги!

Она была погружена в глубокую медитацию, но, кажется, отреагировала, повернула голову и взглянула на Дризта.

Но было поздно. Её глаза расширились, когда мчащаяся вдоль земли молния настигла её. Голубые искры прошли через протянутые руки, пальцы спазматически дёрнулись, тело трянуло мощным разрядом.

Странная молния замерла на несколько биений сердца, а затем продолжила движение, оставив бесшумно парящую девушку в мерцании голубой завесы.

— Кэтти, — задохнулся Дризт, с отчаянием оскальзываясь на камнях. К тому времени, как он добрался туда, завеса исчезла, оставив на земле потрескивающий рубец.

Кэтти-бри левитировала над ним, тихо вздрагивая. Дризт затаил дыхание, когда приблизился к ней: было видно, что её глаза закатились, оставив видимыми только белки.

Он схватил её руку, и его ударило током. Но он не выпустил её и упрямо потянул в сторону от рубца на земле. Тёмный эльф крепко обнял её и попытался оттащить прочь.

— Кэтти-бри, — умолял Дризт. — Не покидай меня...

Казалось, что прошла вечность, пока Дризт держал её, прежде, чем тело девушки расслабилось и мягко опустилось на землю. Дроу положил её на спину, чтобы видеть лицо; его сердце бешено билось, пока он пытался что — нибудь разглядеть в её глазах.

— Хвала богам, я думал, ты покинула меня, — с облегчением произнёс он за секунду до того, как понял, что Кэтти-бри не моргнула ни разу. Её взгляд был устремлён куда — то в сторону, а не на него. Дроу с надеждой посмотрел через плечо, но ничего не увидел.

— Кэтти? — прошептал он, всматриваясь в её огромные глаза — глаза, которые пристально глядели... Куда? Ни на него, ни в сторону... В пустоту.

Он встряхнул её. Девушка пробормотала что-то, чего он не смог разобрать. Дризтт придвинулся ближе.

— Что? — спросил он, встряхнув её снова.

Она поднялась в воздух на несколько дюймов: руки её были широко разведены в стороны, глаза вновь закатились, а вокруг опять заплесало пурпурное пламя.

Дризтт собрался было оттащить её прочь, но отстранился, когда всё её тело замерцало так, словно по нему прошла волна энергии. Напуганный дроу мог лишь беспомощно наблюдать за происходящим.

— Кэтти-бри? — спросил он и посмотрел в её белые глаза. Он понял, что что-то изменилось, несомненно изменилось! Морщины на её лице разгладились и исчезли. Не только волосы Кэтти-бри казались длиннее и гуще, но и она вся выглядела как — то иначе.

Моложе.

— Это был лук, что нашёл меня в усыпальнице короля дварфов, — произнесла она нечто в этом роде — Дризтт мог не мог сказать точно — с отчётливо дварфским акцентом, какой был у неё в то время, когда она жила с кланом Бруенора в далёкой Долине Ледяного Ветра. Она парила над землёй, но магический огонь и магия, разлитая в воздухе, исчезли. Её глаза сфокусировались и вернулись в нормальное состояние, глаза, которые когда — то украли сердце Дризтта.

— Искатель Сердец, да, — сказал Дризтт. Он отступил назад и вытащил могучий лук из — за спины, протянув ей.

— Когда ловишь рыбу в Мер — Дуалдоне, лук не нужен, поэтому я последую за Пузаном, — произнесла она, вновь уставясь в пустоту

Дризтт в смятении вглядывался в её лицо.

Девушка глубоко вздохнула. Её глаза опять закатились. Пламя и магия появились вновь, из ниоткуда налетел порыв ветра, обдувая только Кэтти-бри, как будто это были волны энергии, которые выходили из неё, возвращая к жизни. Её волосы, её кожа, её возраст — всё вернулось, а волшебный ветер перестал трепать яркие одеяния. Мгновения спустя она осела на землю без сознания.

Дризтт тряс её, звал, но она, казалось, ничего не замечала. Он пощёлкал пальцами перед её глазами, но она даже не мигнула. Дроу поднял девушку, намереваясь отнести к их стоянке, на которой они остановились по пути в Мифрил Халл, но тут он заметил дыру в мантии под её плечами. С трепетом Дризтт убрал ткань в сторону.

Он с шумом втянул в себя воздух. Он видел обнажённую спину Кэтти-бри тысячу раз, каждый раз изумляясь её безупречной, гладкой коже. Но сейчас на ней была отметина, даже шрам: песочные часы размером с кулак дроу. Нижняя половина была тусклой, тогда как в верхней был небольшой синяк, похожий на оставшиеся в часах крохи песка.

Дрожащими пальцами Дризтт прикоснулся к нему. Кэтти-бри не отреагировала.

— Что это такое? — прошептал он беспомощно.

Тёмный эльф поспешил обратно к лагерю. Голова девушки склонилась так, словно она дремала.

Глава третья

Объясняя необъяснимое

Это было здание из высоких башен, широких лестниц на воздушных опорах и гигантских окон, украшенных витражами, место света и просвещения, разума и волшебства, веры и науки. Это был храм Парящего Духа, создание Кэддерли Бонадьуса, избранного

Денеиром. Кэддерли, как и его братья, был отмечен Денеиром, богом, последователями которого они были. Богом, который требовал непрерывных размышлений от своих последователей.

Кэддерли возвел это величественное строение на месте руин библиотеки Назиданий, которая, как считают многие, была самой великолепной библиотекой во всем Фаэруне. Действительно, архитекторы из городов столь далеких и различных, как Серебристая Луна и Калимпорт, приезжали в Снежные Хлопья, чтобы бросить взгляд на это здание, восхититься парящим опорами — никогда не виданными прежде в странах Фаэруна — и тем более в столь величественном масштабе. Магия и божественное вдохновение создали украшенные витражами стеклянные окна, разрисованные превосходными фресками стены, вдохновлявшие ученых, проводивших здесь бесконечные часы в занятиях и размышлениях.

Храм Парящего Духа был воздвигнут и как библиотека, и как собор. Он стал местом общих интересов, где ученые, волшебники, мудрецы, и священники могли бы собраться, чтобы обсудить и разрешить свои сомнения, охватывающие их разум. И не было места на континенте, где еще можно было бы представить такое поразительное единение веры и науки, где никто не боялся, что логика, рассуждения, и экспериментаторство могли бы лишить ученика милости Всевышнего. Храм Парящего Духа был местом, где правда считалась, божественной, а не наоборот.

Ученые не боялись, что там будут оспаривать их теории. Философы не боялись, что будут подвергать сомнению их понимание божественных начал и мира. Никто из священников и их богов тем более не боялся, что там их будут преследовать. И вообще, очень разумное понятие дискуссии, принятое в храме, не давало возможности для каких-либо преследований с чьей бы то ни было стороны.

Храм Парящего Духа был местом, где можно было узнавать обо всем, все исследовать и изучать, разрешать вопросы, которые вызывали сомнения. Там дискуссии о различных богах Абер— Торила почти всегда граничили с ересью. Природа волшебства была досконально исследована там, и поэтому во время всеобщей неразберихи и неуверенности, царящих в эти времена, когда Плетение Мистры начало разрушаться, ученые стремились в храм отовсюду, из самых далеких мест.

И Кэддерли приветствовал каждого из них с распростертыми объятьями. Он разделял их тревоги и беспокойство. Жрец выглядел очень молодо, намного моложе, чем мог бы выглядеть в свои сорок четыре года. Его серые глаза искрились юношеским блеском, а длинные волнистые каштановые волосы без признаков седины плавным полукругом спускались вдоль плеч. И двигался он как очень молодой человек, свободно и проворно, легким и пружинистым шагом. Он носил обычное для последователей Денеира одеяние — коричнево— белую тунику и брюки, добавив к ним от себя светло— голубой капюшон и широкую синюю шляпу, соответствующую ему, на правой стороне которой красовалась красная полоса в виде пера.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — Одним ярким утром он поприветствовал трех гостей, которые были облачены в зеленые мантии друидов.

— Молодой Бонадьос, я предполагаю? — Сказал один из друидов, тот, что был с седой бородой.

— Не такой уж и молодой, — поправил Кэддерли.

— Я знал твоего отца много лет назад, — ответил друид. — Действительно ли я прав в том, что нам будут рады здесь во время этого беспорядка?

Кэддерли посмотрел на человека любопытным взглядом.

— У Кэддерли все хорошо?

— Да, все хорошо, — ответил Кэддерли, а затем усмехнулся и спросил,

— Клео?

— Ах, Ваш отец рассказал вам про ... меня, ... — начал было отвечать друид, но закончил он, заикаясь и широко открыв глаза:

— К— кэддерли это вы?

— Я думал, что Вы пропали во время проклятия Хаоса, старый друг — Ответил Кэддерли

— Как можете Вы быть ...? — Начал спрашивать Клео, находясь в полном замешательстве

— Разве Вас не уничтожили? — Спросил священник, напоминающий юношу. — Хотя конечно нет, иначе Вы не стояли бы здесь передо мной!

— В течение многих лет я блуждал в форме черепахи, — объяснил Клео. — В момент грозящей мне опасности я был благословлен, и мне удалось принять ее.

— Но как Вы можете быть Кэддерли? Я слышал о детях Кэддерли, которые уже выросли ...

Пока он говорил, к священнику приблизился молодой человек. Он был очень похож на Кэддерли, разница была разве что в необычных миндалевидных глазах.

— А вот как раз и один из них, — объяснил Кэддерли, подходя к своему сыну с вытянутыми руками. — Мой самый старший сын, Тэмберли.

— Который выглядит постарше, чем ты, — сухо заметил Клео.

— Это длинная и сложная история, — сказал священник, — связанная с этим местом — храмом Парящего Духа.

— Ты требуешься в обсерватории, отец, — сказал Тэмберли. вежливо поклонившись посетителям. — Последователи Гонда снова заявили о своем превосходстве, поскольку их устройство победило магию.

— Без сомнения, и те, и другие думают, что я буду за каждого из них.

— Тэмберли пожал плечами, и Кэддерли глубоко вздохнул.

— Мой старый друг, Кэддерли, — сказал Клео, — я хотел бы провести с вами некоторое время.

— Я могу рассказать тебе о том времени, когда я был черепахой, — Клео невозмутимо улыбнулся Кэддерли.

— У нас в храме у каждого есть своя точка зрения и небольшое соглашение, — объяснил Кэддерли. — Но конечно они все нервничают.

— И не без причины, — сказал один из друидов.

— И, только хорошенько всё обдумав, мы сможем преодолеть все эти трудности, — сказал Кэддерли. — Поэтому добро пожаловать, друзья, и входите. Еды тем для обсуждений у нас хватит на всех. А ваши голоса для нас очень важны, присоединяйтесь.

Три друида переглянулись, и один из них одобрительно кивнул Клео.

— Я говорил вам, что он будет рад, — сказал Клео. — Разумные они, эти жрецы Денеира. — Он повернулся к Кэддерли, который слегка поклонился и широко улыбнулся.

— Ты видишь? — сказал Кэддерли сыну, когда друиды прошли мимо в храм Парящего Духа. — Я говорил тебе много раз, что я в порядке... — Он похлопал своего сына по плечу и тоже последовал за друидами.

— И каждый раз ты не упускаешь случая сделать какое—нибудь родительское наставление. Но ведь твое здравомыслие полностью основано на том, что нужно тебе, — сказал Тэмберли ему вслед.

Казавшись полностью ушедшим в себя и продолжая шагать, Кэддерли никак не отреагировал на эти слова. Рассмеявшись, он даже не оглянулся, а просто продолжил свой путь.

Тэмберли отставил строительство, которым занимался с утра, и пошел к южной стене, в большой сад, где он должен был встретиться со своей сестрой Ханалейсой. Тем утром они запланировали путешествие в Кэррадун, небольшой город на берегу озера Импреск, который находился на расстоянии всего одного дневного перехода от храма Парящего Духа. Улыбка

Тэмберли стала шире, поскольку рядом с сестрой он заметил своего любимого дядю.

Зеленобородый дварф прыгал около ряда недавно посеянных семян, шепча слова какого— то друидского заклинания, и махал руками, вернее одной, как птица которая в бурю пытается набрать высоту. Этот дварф, Пайкел Валуноплечий, был самым необычным дварфом из всех. Хотя бы уже тем, что был друидом. Да и по многим другим причинам, большинство из которых и сделало его любимым дядей Тэмберли.

Ханалейса Бонадьос была очень похожа на её мать Данику в молодости. У нее были такие же губы цвета спелой земляники, золотистые волосы и яркие карие миндалевидные глаза, как и у Тэмберли. Она тоже смотрела на недавно посеянные семена и улыбалась своему брату, который был удивлен ужимками Пайкела.

— Дядя Дядя Пайкел говорит, что он заставит их вырасти больше, чем они вырастают обычно, — заметила Ханалейса, когда Тэмберли уже прошел через ворота.

— Верь, брат, — сказала Ханалейса подошедшему Тэмберли. — Дядя Пайкел знает землю.

— Кэррадун ждет, — ответил Тэмберли.

— Хии хии хии, — сказал дварф.

— Кэррадун ждет, — повторил Тэмберли.

— А где Рори? — Спросила Ханалейса, имея ввиду их младшего семнадцатилетнего брата.

— С компанией волшебников, обсуждает целостность магического Плетения, которое поддерживает мир. Я жду, что, когда эта неразбериха закончится, найдется не меньше дюжины сильных волшебников, соперничающих между собой ради того, чтобы быть наставником нашего Рори.

Ханалейса кивнула в ответ, поскольку она, как и Тэмберли, хорошо знала склонность и талант их младшего брата вставлять замечания во время любых дискуссий. Поднявшись, девушка стряхнула грязь с коленей и рук.

— Вот и привлеките его, — предложила она своего брата. — Дядя Пайкел не позволит моему саду умереть, не так ли?

— Доо— дад! — торжествующе объявил Пайкел и начал свой танец дождя ..., или танец плодородия, чтобы сад поскорее начал плодоносить ... или танец, света ... и независимо от того, как он танцевал, так и случалось. Когда, близнецы уехали, дядя Пайкел проводил их широкой, искренней улыбкой, появившейся на его лице при воспоминании о том, как много времени прошло с тех дней, когда они были детьми.

Ее руки и лоб твердо упирались в коврик. Женщина расслабила голени, находящиеся над полом и вытянутые перпендикулярно туловищу. С превосходным изяществом она позволила своим ногам широко раскачиваться в разные стороны, а затем соединила их, выпрямившись в простой и безопасной стойке на голове.

Дыша мягко, в совершенном равновесии и гармонии, Даника повернула руки и аккуратно встала на них в полную стойку. Она медитировала и представляла себя так, словно находится под водой, или как будто сила тяжести не действовала на неё. Она двигалась с невероятным изяществом, вытягиваясь от ладоней до кончиков пальцев ног и представляя, будто ее перемещает какой— то воздушный поток.

Она стояла на голове, совершенно прямая, и не чувствующая течения времени. Она не старалась удерживать равновесие, но её мышцы сами удерживали его, так, словно на её крепкие руки опустился равномерный груз. Глаза Даники были закрыты, а пепельные волосы свешивались до самого пола.

В этот момент она была очень сосредоточена, полностью погружившись в свои мысли. Однако же это не помешало ей почувствовать чье— то приближение. Женщина открыла

глаза за секунду до того, как Айвэн Валуноплечий, желтобородый брат Пайкела, просунул через дверь свою волосатую голову.

Даника шире открыла глаза, чтобы разглядеть дварфа.

— Когда вся их магия ушла, многие принимают это, а многие так и не могут смириться, девочка, — сказал он, усиленно подмигивая.

Даника вертикально прокрутилась на пальцах и грациозно встала, оказавшись прямо перед лицом дварфа.

— Что ты знаешь, Айвэн? — спросила она.

— Следовало бы больше, но мне достаточно и этого для того, чтобы убедиться. Твои старшие непоседливые дети спустились в Кэррадун, мне это сообщил мой брат.

— Я слышала, что Тэмберли пользуется популярностью среди некоторых молодых леди.

— Ах, — дварф задумался и очень серьезно посмотрел на нее. — А что насчет Ханы?

Даника засмеялась, глядя на него.

— А что с ней?

— Она тоже заставила некоторых юношей обратить на себя внимание?

— Ей — двадцать два года, Айвэн. Это было бы вполне нормально.

— Вот ещё! Только до тех пор, пока ее дядю Айвэна не начинают вводить за нос. Не будет этого!

— Она вполне может позаботиться о себе. Она обучена этому.

— Нет, не может!

— Но ты ведь не устраиваешь такую же демонстрацию по поводу Тэмберли.

— Ба!. Мальчики делают то, что должны делать мальчики, — ответил он, — но они не могут делать лучше то, что умеют девочки, например Хана.

Даника поднесла руку ко рту в бесполезной попытке скрыть смех.

Тёмное существо, бывшее когда-то архимагом Фетчигролом, архимагом великой и потерянной цивилизации, даже не признавало себя им, давно отказавшись от своей личности ещё в общем ритуале объединения, который провел Креншинибон. Он знал, что такое жизнь, знал, что такое бессмертие. Как лич, знал государства, состоящие из чистой энергии, как часть хрустального Осколка знал небытие и уничтожение.

И даже из того последнего государства существо, которым был когда-то Фетчигрол, возвратилось, вызвав этим искажение Плетения Мистры. Нет, он больше не был духом со свободной волей, а стал просто душой, всего лишь частью того триумvirата, который объединился в исключительно злую силу во взорванной огнем пещере на юго-востоке за много миль отсюда.

Фетчигрол служил гневу Креншинибона— Гефестуса— Яраскрика, существу, которым они стали. Королю призраков

Так же как и все семь тёмных духов, Фетчигрол по ночам стремился найти тех, кто докучал его хозяину. Все ближе приближаясь к нижним пределам Снежных Хлопьев, паря над большим озером, сияющим под лунным светом на западе, и по следам, ведущим всё глубже в горы к великой библиотеке, он ощущал, что был близок к цели.

Услышав голоса, тёмная сущность Фетчигрола почувствовала нервную дрожь — это злоба немёртвого призрака искала выхода и жертв для своей ненависти. Он всё ниже опускался в тень позади дерева, возвышающегося над дорогой, по которой шла пара молодых людей. Они приблизились к этому дереву, идя в тусклом лунном свете среди корней, то и дело попадающих на этом пути.

Они прошли прямо перед Фетчигролом и не заметили его, находящегося совсем рядом. Хотя молодая женщина, видимо что-то почувствовав, подняла голову, осматриваясь с

некоторым любопытством и страхом.

Как же немёртвый призрак хотел выпрыгнуть и наброситься на них! Но Фетчигрол находился слишком далеко от их мира, пребывая в Царстве теней. Как и у шести его собратьев, у него не было возможности трогать что— либо материальное.

Только души. Он мог использовать только убывающую энергию мертвых.

Он следовал за парой вниз под гору, пока она наконец не нашла место, которое посчитала подходящим для лагерной стоянки. Уверенный, в том, что они останутся там по крайней мере, до начала рассвета, злобный дух помчался в дебри, ища для себя мёртвую оболочку.

Но только в нескольких милях от лагеря молодых людей он нашел то, что ему было нужно: полуразложившуюся тушу медведя, изобилующую личинками мух и других насекомых.

Фетчигрол склонился над останками животного и начал петь, направляя силу короля призраков на призыв духа мертвого медведя.

И труп пошевелился.

Его поступь была медленной, но сердце — более сильным, чем уставшие руки и ноги. Дризт До'Урден пересек мост через реку Сарбрин. Он уже видел восточный вход в Мифрилл Халл, как и dwarфов из клана Боевого Молота, спешащих к нему на помощь, поскольку ноша его была тяжела.

Кэтти-бри лежала на его руках, её голова покачивалась с каждым его шагом, а глаза, хоть и были открыты, ничего не видели.

На лице Дризта отражалось так много страха и печали, что это действительно добавляло ужаса всей картине.

— Прикажете позвать Бруенора, открывайте двери и освободите дорогу! — велел Дризт, проходя черным ходом. И прежде, чем он сделал десять шагов в зал Мифрилл Халла, фургон подпрыгнул около него, и группа dwarфов помогла ему снять со спины Кэтти-бри.

И только после того, как сделал это, Дризт, понял, насколько он был уставшим и опустошенным. Он прошел много миль с Кэтти-бри на руках, не смея останавливаться, поскольку она нуждалась в помощи, которой он не мог ей оказать. Он молился, чтобы жрецы Бруенора знали, что надо сделать, и dwarфы, которые собрались вокруг него, неоднократно его подбадривали.

Идущий впереди dwarf дал команду проходить через ущелье Гарумна, через его нижние длинные и вьющиеся туннели, ведущие к палатам Бруенора.

А Бруенор уже всё знал и ждал их. Реджис и многие другие стояли около него, поскольку он с тревогой вышагивал туда-сюда по залу, заламывая свои сильные руки или теребя большую бороду, некогда пламенная краснота которой сейчас была немного тронута сединой.

— Эльф? — спросил Бруенор. — Что ты сделал?

Дризт почти отчаялся, услышав, каким тоном обратился к нему его дорогой друг, поскольку не мог дать ни нормального объяснения произошедшего, ни какой— либо надежды на будущее. Но старался проявлять как можно больше выдержки. Эльф встретил пристальный взгляд Бруенора и слегка поклонился. Из всех сил пытаясь держаться с оптимизмом, он повернулся к фургону и, открыв его, заключил в объятия свою любимую Кэтти-бри.

Бруенор был уже рядом с ним, когда Дризт поднял её. Глаза dwarf расширились, и его руки дрожали, когда он попытался добраться до Кэтти и притронуться к своей дорогой дочери.

— Эльф? — спросил он, шепотом, и спросил так, что это короткое слово показалось

многосложным.

Дризт смотрел на него, замерев, будучи неспособным пошевелиться перед ним или хотя бы обнадеживающе улыбнуться.

У него не было никаких ответов.

Так или иначе, Кэтти-бри была сражена волшебством, и насколько он мог сказать, она была потеряна для них, как и они были потеряны для нее.

— Эльф? — снова спросил Бруенор, касаясь пальцами мягкого лица дочери.

Она отлично держалась, уставившись на выступающую ветвь сухого мёртвого дерева, а её руки находились прямо перед нею, уже готовые нанести точный удар. Ханалейса была истинной дочерью своей матери, с большим потенциалом и прекрасным чувством равновесия, нашедшая свой центр мира и силы.

Она смогла добраться до конца ветви и схватить его, а затем использовала как рычаг, налегая всем своим весом, чтобы сломать его и освободиться. Но зачем же она это делала?

Дерево стало её противником, её врагом, бросало ей вызов.

— Поторопись, ночь становится холодной! — крикнул ей Тэмберли с дороги рядом с их лагерем.

Ни одной улыбке Ханалейса не позволила нарушить свою серьезность. Полностью сконцентрировавшись, она резко и внезапно выбросила руку, вкладывая в удар всю свою силу. Ударив ветку около ствола слева, она нанесла ещё один удар с другой стороны, чтобы получился правильный крест. Один раз, затем ещё и ещё, затем снова по другую сторону, моментально зафиксировавшись перед тем, как отступить в оборону и занести ногу для удара.

Кружась в прыжке, девушка поднялась и вновь ударила, и этот удар, расколов ветвь посередине, отделил ее от ствола. Закончила она свой импровизированный бой, повторив такой же прыжок, высоко и широко размахнувшись ногой и ударяя ею снизу в то место ветки, которое она уже ослабила своими прежними ударами.

Ветка сломалась совсем, упав на землю в виде трёх аккуратных обломков.

Ханалейса приземлилась и сложила руки вместе, соприкасая их друг с другом кончиками пальцев. Она поклонилась дереву, словно побежденному противнику, затем подобрала сломанную ветку и пошла к лагерю, поскольку брат позвал её еще раз.

Но девушка сделала всего лишь несколько шагов прежде, чем услышала шум, доносящийся из леса неподалеку. Она замерла на месте, не издав ни звука. Её глаза напряжённо обыскивали участки леса, залитые лунным светом, ловя в них малейшее движение.

Что-то двигалось через подлесок, что-то тяжёлое и грузное, на расстоянии всего в двадцать шагов. И по направлению движения она поняла, что это что-то двигалось прямо к их лагерю.

Согнув колени, Ханалейса медленно опустилась на землю, осторожно и тихо положив рядом обломки ветки, оставив в руке только один из них, самый крепкий. Она стояла, оставаясь совсем незаметной, снова и снова ловя каждый малейший звук, чтобы получить подтверждение тому, что она уже услышала. Удивительно ловко девушка приподнялась на ноги, по одному сняв ботинки, а затем убрала их, неслышно двигаясь на пальцах босых ног.

Скоро она увидела свет костра и Тэмберли, который замер, тоже заметив движение. Затем обратила внимание на того, кто так тяжело двигался перед нею, время от времени пересекая этот свет и загораживая его, что доказывало, что это действительно было какое-то существо.

Ханалейса задержала дыхание, пытаясь продумать свой следующий шаг. И сделать это надо было быстро, поскольку существо сконцентрировало свое внимание на её брате. Она

обучалась у своих родителей, обучалась сражаться и сражаться хорошо, но никогда прежде она не сталкивалась со смертельной опасностью так близко.

Она услышал голос брата, зовущего ее по имени:

— Хана? Это ты?

Ханалейса чуть не закашлялась от этого сравнения. Тэмберли услышал животное. И действительно, животное было очень близко к нему, и двигалось довольно быстро.

Девушка выбежала вперед и что-то выкрикнула, чтобы привлечь внимание существа. Она боялась, что колебалась слишком долго.

— Твой меч! — крикнула своему брату.

Поскольку Ханалейса была уже рядом с медведем или кем бы там ни было это существо, она подпрыгнула, цепляясь за ветку стоящего рядом дерева, а затем, раскачавшись, одним махом взлетела на неё, осматривая его сверху. Только теперь Ханалейса увидела истинную природу монстра: это был не просто медведь, которого можно было бы и испугать. Она увидела, что половина его морды сильно сгнила и там обнажились белые кости черепа, хорошо видимые в лунном свете.

Поскольку находилась рядом с ним, девушка ударила вниз. Её открытая ладонь опустилась прямо на его морду, но существо успело среагировать. Резкий удар встряхнул монстра, но сильно его не задержал. А он ударил в ответ, подрезав Ханалейсу и сбив ее с ветки.

Она приземлилась легко, но сбалансировав не очень удачно, чуть не упала при приземлении. И как раз вовремя, поскольку Тэмберли мчался мимо неё с мечом в руке. Он вложил всю силу в этот удар, и меч, погружившись в шкуру на спине немертвого существа, наткнувшись на кость, расколол её и застрял там.

Но медведь продолжал приближаться. Казалось, что он не обращает на рану никакого внимания. Он шёл, держа свои ужасные широкие когти справа от меча Тэмберли, а его зубастая пасть открылась в рёве.

Ханалейса прыгнула мимо Тэмберли и точным двойным движением ноги ударила животному в грудь. Если бы это был живой медведь, состоящий из нескольких сотен фунтов мускулов, крепкой шкуры и толстых костей, это очень мало чего дало бы, но этот был давно мёртв, большая часть массы существа сильно сгнила и была изъедена падальщиками.

Животное откинулось назад, освобождая лезвие меча Тэмберли настолько, что тот смог его выдернуть и освободить.

— Коли и бей не останавливаясь! — крикнула ему Ханалейса после того, как приземлилась на ноги и начала выстраивать защиту из пинков и ударов. Она стала бить палкой со стороны атакующей ее лапы, стараясь избегать ударов смертельных когтей, а затем начала наносить ряд тяжелых ударов по плечам животного.

Девушка чувствовала, что кости монстра хрустели под градом ее ударов, но, казалось, что животное это абсолютно не беспокоит. Медведь начал заносить удар слева, который вынудил молодую женщину отступить.

Он свирепо пошел в наступление, перемещаясь так, чтобы заняться девушкой. Ханалейса начала отступать назад, споткнувшись о торчащий из земли корень, а затем запуталась в ветках березы, около которой оказалась.

В страхе она крикнула, поскольку животное, начав заваливаться, зацепило её. Но вспыхнувший позади медведя в лунном свете могущественный меч, словно скользнув по нему, опустился на правое плечо монстра.

Немертвое животное выло и преследовало уклоняющуюся Ханалейсу. Оно врезалось в березу, его стало заносить вниз и из— за своей большой массы оно начало падать. Монстр продолжал кусаться и махать лапами, стараясь зацепить её, но Ханалейса, воспользовавшись его падением, начала уходить в сторону, отступая от него всё дальше.

Медведь попытался следовать за Ханалейсой, но Тэмберли не отставал от него ни на шаг, неустанно обрушивая на нежить свой тяжелый меч. Он разрубал куски плоти, рассыпая насекомых и размалывая его кости в порошок.

Тем не менее животное, опустившись вниз на четвереньки, продвигалось вперед, за закрывающейся Ханалейсой.

Ей приходилось бороться с отвращением и паникой. Девушка опять ушла от животного, которое приближалось к ней с открытой пастью для того чтобы укусить, и встала, упершись спиной в дерево и согнув ноги. Она снова и снова уклонялась от него, а её пятка снова и снова била по его морде.

Но животное всё равно двигалось, и Тэмберли всё ещё рубил его мечом, а Ханалейса продолжала пинать. Верхняя часть морды и челюсти были оторваны и висели сбоку, болтаясь на кусках кожи, но оживший труп всё приближался!

В последний момент Ханалейса сделала кувырок в обратную сторону. Она приземлилась на ноги, и инстинкт и каждая клеточка тела говорили ей, что надо бежать.

Но она отказывалась согласиться с тем, что ей страшно.

Теперь медведь повернулся к Тэмберли. Меч парня скользнул вниз, рассекая ключицу зверя, но монстр ударил его с такой силой, что вырвал клинок из рук, отшвырнув далеко от себя.

Монстр поднялся в полный рост, и его поднятые вверх лапы были готовы опуститься на невооружённого воина.

Ханалейса, вспомнив всё, чему учили ее монахи в течение нескольких лет, прыгнула на его спину и сконцентрировавшись, сосредоточила всю свою энергию в кончиках пальцев. И её средние пальцы словно лезвие пронеслись сзади от головы животного.

Она почувствовала, как они проникли в череп. Тогда девушка снова размахнулась и начала бить, ударяя кулаком снова и снова, кроша кость, направляя свои пальцы в мозг животного и разрывая его на части.

Медведь крутился в разные стороны, и Ханалейса, не удержавшись, полетела через деревья, ломая встретившиеся на её пути ветки и даже пару молодых вязов, и упала на землю прямо позади них.

Скатившись через узкий пролом, она поняла, что её лодыжка застряла в расщелине. Отчаянно девушка смотрела на приближающегося монстра.

Она видела след после меча, который остался на его черепе. Клинок разрубил голову зверя пополам, и след уходил вниз через шею существа.

И тем не менее он продолжал приближаться! Глаза Ханалейсы расширились от ужаса. И она никак не могла освободить ногу!

Но оказалось, что немёртвое животное двигалось уже только по инерции. Оно ещё немного прошло вперед, врезалось в вязы и упало на бок.

Ханалейса задышала свободнее. Тэмберли подбежал к ней и помог освободить ногу, а затем и встать. Она поранилась в дюжине мест и сильно ушибла плечо.

Но зато животное было мертво снова.

— Что за зло появилось в этих лесах? — спросила девушка.

— Я не зна ... — начал отвечать Тэмберли, но запнулся. И он, и его сестра задрожали, а их глаза расширились от удивления. Ощущение холодной злобы внезапно наполнило воздух вокруг них.

Они услышали шипящий звук, слабо похожий на смех, и подскочили, становясь спиной к спине в защитную стойку, которой они обучались. Холод прошёл, и смех отступил.

В свете костра их лагеря они увидели фигуру, маячившую на расстоянии в темноте.

— Что это было? — спросил Тэмберли.

— Мы должны вернуться, — затаив дыхание ответила Ханалейса.

— Но мы намного ближе к Кэрраду, чем к храму Парящего Духа

— Тогда пошли! — сказала Ханалейса, и брат с сетрой помчались в лагерь и начали собирать вещи.

Каждый из них взял по горящей ветке, чтобы использовать как факел, а затем они пошли вдоль следа. Они бежали, и холодные потоки воздуха неоднократно обволакивали их, а сгустки теней, более тёмные, чем самая тёмная ночь, плясали вокруг. Они слышали визг

животных и крики птиц, в страхе вспархивающих с ветвей.

— Давай поднажмём, — неоднократно убеждал один другого, и они шептали это друг другу с каждым разом все более настойчиво, когда, наконец, их факелы сгорели, и темнота окружила их.

Они бежали до тех пор, пока не достигли окрестностей Кэррадуна, тёмного и спящего на берегах озера Импреск пока еще не наступил рассвет. Поблизости находилась прекрасная гостиница «Пляшущий кедр», владельца которой они знали. И, подойдя к её двери, близнецы сильно и настойчиво постучали.

— Кто там? Что за шум в этот колдовской час? — услышали они отчётливый вопрос из окна над дверью. — Чего вы хотите? Вы дети Даники?

— Позвольте нам войти, добрый Бестер Билге, — попросил Тэмберли. — Пожалуйста, только позвольте нам войти.

Когда дверь распахнулась, они слегка расслабились. Старый добрый Бестер Билге пропустил их внутрь, прося Тэмберли подбросить в очаг несколько дровишек и обещая быстренько приготовить какой-нибудь крепкий напиток и разогреть немного супа.

Тэмберли и Ханалейса смотрели друг на друга с большим облегчением, надеясь, что холод и темнота остались снаружи.

Они не знали, что Фетчигрол последовал за ними в Кэррадун и теперь уже находился на старом кладбище, расположенном за городскими стенами, планируя резню, которую хотел начать со следующим закатом.

Глава четвертая

Улика в расщелине

Атрогейт держал в воздухе руку скелета. Он проворчал что-то по поводу ее бездействия и слегка встряхнул. Пальцы снова начали царапать, дварф ухмыльнулся и протянул костяную руку через свое плечо, довольно охая, когда дерущие пальцы работали над труднодоступным местом посередине его зудящей спины.

— Как думаешь, долго она ещё будет шевелиться, а, эльф? — спросил он.

Но Джарлаксл, слишком озабоченный своими мыслями, чтобы обращать внимание на выходки дварфа, просто пожал плечами и продолжил свой извилистый путь. Дроу не был уверен, куда он идет. Каждый, кто знал Джарлаксла, несомненно, понял бы всю серьезность ситуации из — за его неуверенного выражения лица, так как крайне редко, если вообще когда —нибудь, кто —либо замечал Джарлаксла Бэнра сбитым с толку.

Дроу осознавал, что не может ждать, когда Гефестус придет за ним. Он не хотел столкнуться с таким противником в одиночку или только с Атрогейтом на своей стороне. Он подумывал вернуться в Лускан — Киммуриэль и Бреган Д'эрт определенно могли бы помочь — но его инстинкты были против этого. Он снова позволит Гефестусу напасть и будет стравлен с противником, который, по всей видимости, с легкостью может поднимать приспешников — нежить под свое командование.

Кроме всего прочего, Джарлаксл хотел сразиться с драконом и верил, что Кэддерли может действительно оказаться полезным в решении его проблемы. Но как он мог привлечь на свою сторону жреца, который определенно не желал вступать в союз с темными эльфами? За исключением одного особенного.

И разве было бы не великолепно, иметь Дриззта До'Урдена и некоторых его могущественных друзей на своей стороне в своих поисках? Но как?

Таким образом, под руководством Джарлаксла пара двигалась на восток по направлению к Мифрил Халлу, блуждая по Серебряным Землям. Это, без сомнения, отнимет у них дней десять, а Джарлаксл не был уверен, что у него в запасе есть столько времени.

Первый день он опасался входить в транс, и когда пришла ночь, позволил себе всего лишь легкие грезы, стоя на ненадежном выступе скалы.

Холодный ветерок настиг его, и как только он передвинулся, чтобы отвернуться, то соскользнул с узкого выступа, на котором стоял, и произошедшая запинка пробудила его. К тому моменту его рука была уже в кармане, откуда Джарлаксл вытащил горсть керамической гальки. Он быстро провернулся, разбрасывая ее вокруг, и когда каждый камешек ударялся о землю, то взрывался, высвобождая заключенные внутри него двеомеры яркого света.

— Что? Что такое? — вскрикнул Атрогейт, пробужденный ото сна внезапным ярким светом.

Джарлаксл не обратил на него внимания. Он побежал за призрачной фигурой, удирающей от магического света — весьма болезненного явления для нежити. Эльф бросил еще одну световую бомбу перед убегающим, съжившимся фантомом, а затем еще одну, когда он попытался укрыться на темном участке.

— Скорее, дварф! — позвал дроу, и вскоре услышал Атрогейта, пыхтящего и тяжело дышавшего на бегу. Как только Атрогейт догнал его, Джарлаксл достал палочку и выпустил вспышку более яркого и мощного света, направляя луч в сторону призрачной фигуры. Существо пронзительно и неестественно закричало, криком, который вызвал у Джарлаксла пробежавшую вниз по позвоночнику дрожь.

Этот вой несколько не замедлил Атрогейта, и храбрый дварф с неистовством устремился в атаку, его кистени вращались в вытянутых руках. Атрогейт призвал магию моргенштерна, который держал в правой руке, и взрывчатое масло потекло по его металлической головке. дварф прыгнул к съжившемуся существу и ударил со всей силы, думая закончить бой единственным взрывным ударом.

Но моргенштерн не поразил ничего, просто просвистел сквозь пустой мрак.

Зато Атрогейт взвизгнул, когда острый укол поразил его плечо, отдаваясь внезапной и нестерпимой болью. Он отступил, и его кистени, неистово вращаясь и перекрещиваясь, снова поразили пустоту. Дварф увидел темные холодные руки призрака, тянущиеся к нему, и решил испробовать другую тактику. Он размахнулся своими кистенями с разных сторон, нацеливая головки так, чтобы они столкнулись прямо в центре призрачной темноты.

Джарлаксл с любопытством наблюдал за битвой, стараясь оценить этого противника. Призрак, очевидно, был приспешником Гефестуса, а эльф хорошо знал обычные свойства бестелесной нежити.

Оружие Атрогейта, по крайней мере, должно было причинить хоть какой — то вред противнику, поскольку на моргенштерны дварфа были наложены сильные заклинания. Даже самая могущественная нежить, которая существовала и на первичном материальном Плате, и в более темном пространстве негативной энергии, не могла быть абсолютно невосприимчива к его атаке.

Джарлаксл вздрогнул и отвернулся, когда головки моргенштернов Атрогейта лязгнули друг о друга, летучее масло взорвалось ослепительной вспышкой, сотрясаясь взрывом, который заставил дварфа отступить назад.

Когда дроу снова посмотрел туда, призрак казался совершенно не обеспокоенным взрывом. Но Джарлаксл отметил кое — что необычное. Как раз в тот момент, когда головки моргенштернов столкнулись, призрак, казалось, на секунду растворился. В момент взрыва существо как будто пропало или исчезло.

Но как только нежить приблизилась к дварфу, она снова стала материальной, темные руки потянулись вперед, чтобы причинить еще больше леденящей боли.

— Эльф! Я не могу повредить эту чертову штуку! — дварф взвыл от боли и отшатнулся.

— Больше масла! — крикнул Джарлаксл, когда внезапная идея пришла ему в голову. — Ударь ими снова!

— Это больно, эльф! У меня руки онемели!

— Делай, что говорю! — приказал дроу.

Он снова выстрелил из своей палочки, и вспышка света вынудила призрака отпрянуть, выигрывая для Атрогеята еще несколько мгновений. Джарлаксл снял свою шляпу и потянулся внутрь, и как только Атрогейт с силой ударил своими моргенштернами с разных сторон, эльф вытащил наружу плоский кружок ткани, похожий на черную подкладку его шляпы. Он бросил его, и тот завертелся, слегка растягиваясь, когда пролетал мимо дварфа.

Кистени столкнулись в еще одном взрыве и снова отбросили Атрогейта назад. Призрак, как и ожидал Джарлаксл, стал исчезать, переходя в ничто — нет, не в ничто, а на какой — то другой план или измерение.

А матерчатый кружок, магический внепространственный карман, созданный силой зачарованной шляпы Джарлаксла, опустился на землю.

Внезапное сияние, вызванное волнами фиолетовой, голубой и зеленой энергии, разошлось от лоскутка, высвобождая гул исключительной мощи. Ткань мира разрывалась.

Джарлаксл и Атрогейт всплыли, невесомые, таращась на место приземления подкладки, которое только недавно представляло собой небольшой участок земли. Но теперь, казалось, его вытеснил... звёздный столп.

— Что ты делаешь, эльф! — закричал дварф изменяющим свою громкость голосом, так, будто его издавала доносили гигантские порывы ветра.

— Держись от этого подальше! — предупредил Джарлаксл и почувствовал легкий толчок в спину, вынудивший его двигаться в направлении звёздного столпа, к разрыву, как он знал, ведущему на астральный План.

Атрогейт начал дико извиваться, вдруг испугавшись, что он находится не так далеко от этого опасного места. Он начал вертеться вверх ногами и кругом, но его потуги оказались бесполезными против неумолимого движения к звездам.

— Не так! — крикнул Джарлаксл.

— А как, тупой ты эльф?

Для Джарлаксла решение было простым. Он все еще находился позади дерева, до сих пор крепко державшегося под небесным сводом. Эльф одной рукой схватился за дерево и без труда удерживал себя на месте, зная, что всего лишь легкий рывок мог бы отбросить его прочь от разрыва.

А как знал Джарлаксл, это был именно он — разрыв в ткани первичного материального Плана, являющийся результатом смещения энергий двух внепространственных зон. У дроу имелись разные предметы — хранилища, создававшие внепространственные карманы большей, чем казалось, вместимости, наряду с парой поясных сумок, делавших то же самое, а также другие безделушки, которые могли усиливать простые двеомеры. И последствия их смешивания не были неизвестными или непредсказуемыми для эльфа.

Тем не менее, его удивило, что его пространственная дыра вступила в такую реакцию с этим призрачным существом. Все, что он надеялся сделать, — так это поймать эту сущность с помощью магической дыры, в момент, когда она постаралась бы вернуться на план живых.

— Брось туда что —нибудь! — крикнул Джарлаксл, и как только Атрогейт поднял руку, как если бы хотел запустить туда один из своих моргенштернов, дроу добавил:

— Что —нибудь, что тебе никогда не нужно будет вернуть!

Атрогейт задержал свой бросок в последний момент, затем стащил тяжелый рюкзак со своей спины. Он подождал, пока повернется кругом, и затем швырнул его в разрыв. Обратная реакция заставила дварфа плыть назад, прочь от дыры — достаточно далеко, чтобы Джарлаксл мог использовать верёвку. Он кинул ее конец Атрогейту, настолько близко, чтобы дварф мог поймать его, и как только Атрогейт ухватился, дроу стал с усилием тянуть заставляя дварфа плыть к нему, а затем мимо себя.

Эльф заметил, что до того как выйти из зоны невесомости, Атрогейт проплыл расстояние лишь нескольких шагов, затем тяжело грохнувшись на свой зад. Всё это время его глаза не отрывались от необычного звёздного столпа, который виднелся буквально в десяти шагах от них. Джарлаксл оттолкнулся назад и опустился позади Атрогейта, как раз когда тот поднялся на ноги.

— Что ты сделал? — спросил дварф совершенно серьезно.

— Понятия не имею, — ответил Джарлаксл.

— Хотя бы сработало, — сказал Атрогейт.

Джарлаксл, не столь уверенный в этом, только усмехнулся.

Они продолжали смотреть на разрыв еще некоторое время, и постепенно явление рассеялось, дикая местность вернулась под свой прежний небосвод без видимого ущерба. Всё встало на свои места, исчез только призрак.

— Все еще идем на восток? — спросил Атрогейт, когда они с Джарлаксом отправились в путь на следующий день.

— Таков был план.

— План победить.

— Да.

— Я думаю, прошлой ночью мы победили, — сказал дварф.

— Мы нанесли поражение лишь приспешнику, — объяснил Джарлаксл. — Исходя из моего опыта, устранение одного из подчинённых могущественного противника всегда только больше раздражает последнего.

— И поэтому мы должны были дать этой призрачной штуке одержать верх?

Вздых Джарлаксла вызвал громкий смех у Атрогейта.

После дневного перехода, во время ночного привала, Джарлаксл рискнул позволить себе погрузиться на некоторое время в грёзы, заменяющие эльфам сон.

И там, в его собственном подсознании, Гефестус снова нашел его.

«Ловкий дроу», — сказал драколич в его разуме. — «Ты действительно думал, что можешь так просто от меня сбежать?»

Джарлаксл тут же воздвиг защиту в форме изображений Мензоберранзана, величественного города Подземья. Он сконцентрировался на определенном воспоминании, на битве, которую вела его наемная банда от лица Матери Бэнр. В этом сражении куда более молодой Джарлаксл вступил в бой с двумя разными мастерами оружия прямо перед дверьми Мили — Магтира, школы военной подготовки дроу. Это, наверное, было самое отчаянное сражение, которое когда — либо знал Джарлаксл, и в котором он не выжил бы в одиночку, если бы не вмешательство третьего мастера оружия одного из Домов ниже рангом — Дома До'Урден. И эта битва велась за много десятилетий до того, как Дриззт сделал свой первый вдох.

Это воспоминание долго выкристаллизовывалось в разуме Джарлаксла Бэнра, сопровождаясь четкими и ясными картинками и степенью душевного волнения, достаточного, чтобы держать мысли занятыми. И с помощью такого эмоционально — мысленного щита дроу надеялся не выдать свое настоящее местоположение навязчивому драколичу.

«Отлично, дроу!» — поздравил его Гефестус. — «Но в конечном счете это не будет иметь никакого значения. Ты действительно веришь, что можешь так просто скрыться от меня? Ты действительно веришь, что твой простой, но, бесспорно ловкий трюк, уничтожит одного из семи?»

«Одного из каких ещё 'семи'?» — спросил про себя Джарлаксл.

Он быстро поместил этот вопрос на задворки своего сознания и возобновил ментальную защиту. Он понимал, что его храброе сопротивление делает мало или вообще ничего, чтобы поколебать самонадеянность Гефестуса, но он оставался уверенным, что охотящийся дракон пока еще не добился особых успехов. Затем ему пришла в голову одна идея, и Джарлаксла тут же выкинуло из противостояния с драконом и из транса. Спотыкаясь, он отошел от дерева, на которое опирался.

— Семь, — сказал он и нервно сглотнул, пытаясь вспомнить все, что знал о

происхождении хрустального осколка и семи личах, создавших его.

— Семь, — снова прошептал Джарлаксл, и дрожь пробежала вверх по его позвоночнику.

На следующий день Джарлаксл даже ускорил шаг. Кошмар и адский хряк быстро бежали вдоль дороги. Когда они увидели дым лагеря недалеко впереди, Джарлаксл остановился.

— Орки, скорее всего, — объяснил он дварфу. — Мы рядом с границей владений короля Обальда.

— Тогда пойдем, убьем их.

Джарлаксл покачал головой.

— Ты должен научиться использовать своих врагов, мой маленький волосатый друг, — объяснил он. — Если это орки Обальда, они не враги Мифрил Халла.

— Ба! — сказал Атрогейт и сплюнул на землю.

— Мы идем к ним не как враги, а как пара путешественников, — распорядился Джарлаксл. — Давай — ка посмотрим, что мы сможем разузнать.

Заметив разочарование на лице Атрогейта, он добавил:

— Но держи свои кистени наготове.

Это и в самом деле был лагерь орков королевства Многих Стрел, которые состояли на службе у Обальда. И хотя при внезапном приближении необычной парочки — дварфа и дроу — они вскочили, с готовностью размахивая оружием, все — таки придержали свои стрелы.

— Мы путники из Лускана, — поприветствовал их Джарлаксл на отличном оркском, — торговые эмиссары к королю Обальду и королю Бруенору. Уголком рта он приказал Атрогейту оставаться спокойным и держать свой размашистый шаг ровным и медленным.

— Мы можем поделиться хорошей едой, — добавил Джарлаксл. — И еще более хорошим грогом.

— Что ты им сказал? — спросил Атрогейт, видя, как свиноподобные солдаты просияли и закивали друг другу.

— Что мы собираемся выпить вместе, — прошептал Джарлаксл.

— В жирной свинячьей заднице! — запротестовал дварф.

— Где пожелаешь, — ответил дроу. Он соскользнул вниз с седла и отпустил своего порожденного адом коня. — Пошли, посмотрим, что мы сможем узнать.

Всё началось несколько неуверенно, когда Джарлаксл стал подавать еду и «грог» в изобилии. Питье возымело среди орков успех, в особенности, когда дварф выплюнул свой первый глоток с отвращением. Он посмотрел на Джарлаксла, как будто онемев, как если бы он не мог себе даже представить чего — либо, имевшего столь ужасный вкус. Джарлаксл подмигнул ему и взял свою флягу, чтобы вновь наполнить кружку Атрогейта, но уже другой смесью, как заметил дварф.

Веселый мясник.

Больше от Атрогейта не доносилось ни слова недовольства.

— Вы друзья Дриззта До'Урдена? — спросил Джарлаксла один из орков заплетающимся от выпитого языком.

— Вы знаете его? — вопросом ответил Джарлаксл, и несколько орков закивали. — И я тоже! Я встречался с ним множество раз, и время от времени, сражался на его стороне — и горе тому, кто встанет на пути его скимитаров.

Это последнее замечание не вызвало энтузиазма среди орков, а один из них угрожающе зарычал.

— Дриззт ранен в самое сердце, — сказал орк, и существо ухмыльнулось, как если бы этот факт его весьма радовал.

Джарлаксл весьма насторожился и попытался понять этот намек.

— Кэтти-бри?

— Отупела, — объяснил орк. — Ранена магией. Отупела из — за магии. — Парочка других орков засмеялась.

Плетение Мистры, понял Джарлаксл, так как был осведомлен о трагических событиях, разворачивающихся вокруг него. Лускан, город, в котором некогда располагалась главная башня Тайного Братства, и всё ещё называемый в её честь многими волшебниками, как гражданами — и союзниками Бреган Д’эрт — также, несомненно, был поврежден выходящим из строя Плетением.

— Где она? — спросил Джарлаксл, но орк пожал плечами, как если бы его это совершенно не волновало.

Зато несомненно, волновало Джарлаксла, у которого уже созрел план. Чтобы победить Гефестуса, ему нужен был Кэддерли. Чтобы заручиться поддержкой Кэддерли, ему был нужен Дризт. Возможно ли такое, что Кэтти-бри, а соответственно и Дризт, также нуждались в Кэддерли?

— Гвенвивар, — позвала молодая девушка. Ее глаза выровнялись в глазницах, показывая свой ярко — голубой цвет.

Ошеломлённые Дризт с Бруенором стояли в маленькой комнате и не отрывали глаз от Кэтти-бри, черты лица которой внезапно изменились, преобразив её внешность. Теперь девушка выглядела так, как если бы ей было десять — одиннадцать лет. Она снова поднялась в воздух над своей кроватью, закатывая глаза и обнажая белки. Багровое пламя и потрескивающая энергия кружились вокруг неё в танце, а густые волосы Кэтти-бри развивались по ветру, которого ни Дризт, ни Бруенор ощутить не могли.

Дризт уже видел подобное несколько ранее и предупредил Бруенора, но когда положение и поведение дочери дварфа и всё, что делало девушку собой, изменилось: сначала незаметно, но потом разительным образом, слабость чуть не подкосила ноги короля. В этот момент девушка выглядела совершенно другим человеком, помолодевшей Кэтти-бри.

Полным сострадания и сожаления голосом Бруенор позвал её, но, казалось, она ни на что не обращала внимания.

— Гвенвивар? — снова позвала она.

Казалось, что она куда — то медленно и не торопясь, шагала, хотя фактически оставалась на месте. Кэтти-бри протянула одну руку вперёд, очевидно, по направлению к кошке, которой там не было.

Её голос был мягким и тихим, когда она спросила:

— Гвенвивар, где тёмный эльф? Ты можешь отвести меня к нему?

— Клянусь богами, — пробормотал Дризт.

— Что это, эльф? — спросил Бруенор.

Молодая девушка распрямилась и медленно отвернулась от наблюдавших за ней.

Ты дроу? — спросила она. Затем последовала пауза, как если бы кто — то ей ответил. — Я слышала, что дроу — это зло, но, глядя на тебя, мне так не кажется.

— Эльф? — взмолился Бруенор.

— Это её первые слова ко мне, — прошептал Дризт.

— Меня зовут Кэтти-бри, — сказала она, всё ещё обращаясь к стене напротив друзей.

— Моего отца зовут Бруенор, он король клана Боевого Молота.

— Она на Пирамиде Кельвина, — сказал Бруенор.

— Дварфы, — продолжила Кэтти-бри. — Он не мой настоящий отец. Бруенор удочерил меня, когда я была ещё ребёнком, когда мои настоящие родители... — Она сделала паузу и тяжело сглотнула.

— Пирамида Кельвина, наша первая встреча, — затаив дыхание, объяснил Дризт. Несомненно, он слышал голос женщины, а тогда ещё девочки, точно так же, как и в тот, не по сезону тёплый зимний день, на склоне отдалённой горы.

Кэтти-бри посмотрела на них через плечо — нет, не на них, но чуть выше.

— Очень красивая кош..., — начала было говорить она, но неожиданно сделала резкий вдох, закатила глаза, а ее руки вытянулись вдоль тела. Невидимая магическая энергия вновь пронзила её, сотрясая всё тело своей мощью.

И перед их изумлёнными глазами Кэтти-бри снова постарела.

К тому моменту, как она начала опускаться на пол, Дризт с Бруенором уже обхватили её руками, потом нежно отнесли и положили Кэтти-бри на кровать.

— Эльф? — спросил полным отчаяния голосом Бруенор.

— Я не знаю, — ответил дрожащий Дризт. Он пытался сдерживать подступившие слёзы.

Вновь пережитый Кэтти-бри момент из прошлого был столь дорог ему, момент, так запавший в его сердце и душу...

Они ещё долго сидели у её кровати, даже после того как Реджис зашёл напомнить Бруенору, что короля уже ожидали в комнате для аудиенций. Прибыли эмиссары из Серебристо Луны, Несма, от короля Обальда и из более отдалённых земель. Пришло время Бруенору Боевому Молоту вновь быть королём Мифрил Халла.

Оставить свою дочь там, на кровати, было для Бруенора Боевого Молота самым трудным испытанием за всю его жизнь. К большому облегчению дварфа, после того, как он удостоверился, что дочь крепко спит, Дризт вышел из комнаты вместе с ним, оставляя женщину для присмотра верному Реджису.

Чернобородый дварф стоял в очереди третьим спереди, пытаясь вспомнить предстоящую речь. Он был посланником, официальным представителем королевского двора. Для Атрогейта ситуация не являлась чем — то новым, так как когда — то он уже жил такой жизнью, в которой были повседневные приёмы правителей разных областей. Когда — то, давным — давно.

«Только не рифмуй,» — тихо предупредил он сам себя, потому что, как отметил Джарлаксл, любая его глупая игра со словами скорее всего выдаст конспирацию дварфа Дризту До'Урдену. Он громко откашлялся, мечтая о том, чтобы его кистени сейчас были рядом, или же любое другое оружие, используя которое он мог бы пробиться прочь оттуда, в случае обнаружения его истинной личности.

И вот вышел вперёд первый из делегатов на аудиенцию с королём дварфов.

Атрогейт снова повторил свою речь, мысленно утверждая, что всё было действительно очень просто, и, уверяя себя, что Джарлаксл хорошо его подготовил. Он механически повторял всё снова и снова.

— Подойди же теперь и ты, брат мой дварф, — проговорил король Бруенор вздрогнувшему Атрогейту. — У меня очень много дел, чтобы сидеть здесь и ждать!

Атрогейт посмотрел на сидящего Бруенора, затем на Дризта До'Урдена, который стоял позади трона. Как только они встретились взглядами, Атрогейт увидел намёк на то, что эльф его узнал, ведь они уже скрещивали оружие восемь лет назад во время неудачи Дюдермонта в Лускане.

Но если Дризт и видел ложь дварфа, то дроу хорошо это скрывал.

— Рад встрече, король Бруенор, после всех рассказов, что я слышал о тебе, — с энтузиазмом поприветствовал его Атрогейт, проходя вперёд и становясь перед троном. — Очень надеюсь, что не причиняю никаких неудобств своим приходом сюда, чтобы непосредственно увидеть тебя. Просто если я вернусь к своим братьям, так и не поговорив с

тобой, они непременно меня выгонят!

— И где же находится твой дом, добрый...

— Стуттгард, — ответил Атрогейт. — Клан Каменных Холмов Стуттгарда.

Бруенор с любопытством посмотрел на него и покачал головой.

— Это на юге Снежных Хлопьев, далеко на юге отсюда, — соврал дварф.

— Боюсь, что ничего не знаю о твоём клане или о Каменных Холмах, — сказал Бруенор. Он бросил взгляд на Дриззта, но тот лишь пожал плечами и покачал головой.

— Ну, зато мы слышали о вас, — ответил Атрогейт. — В Каменных Холмах поётся множество песен о Мифрил Халле!

— Приятно слышать, — ответил Бруенор и жестом руки подал эmissару знак, очевидно торопясь покончить с формальностями. — И, вероятно, ты здесь с предложением о торговле? Или для того, чтобы подготовить почву для нашего союза?

— Нет, — сказал Атрогейт. — Я просто дварф, который странствует по миру и желает встретиться с королём Бруенором Боевым Молотом.

Король дварфов кивнул.

— Прекрасно. И ты хочешь остаться с нами в Мифрил Халле на некоторое время?

Атрогейт пожал плечами:

— Я направлялся на восток, в Адбар, — сказал он. — Кое — кто из семьи живёт там. На обратном пути на запад планировал зайти в Мифрил Халл и не задумывался где — либо останавливаться. Но по дороге до меня дошли слухи о твоей девочке.

Это встряхнуло Бруенора, как, в общем, и стоящего за ним дроу.

— Что ты слышал о ней? — с явным подозрением в голосе спросил Бруенор.

— По дороге слышал, что она была ранена разрушающимся магическим Плетением.

— Ты правда это слышал?

— Да, король Бруенор. Поэтому я подумал, что нужно добраться сюда так быстро, как только могут принести меня мои короткие ноги.

— Ты, наверное, жрец?

— Нет, простой балагур.

— Тогда зачем? Почему? Есть ли у тебя что — либо предложить мне, Стуттгард из Каменных Холмов? — спросил весьма взволнованный Бруенор.

— Имя, которое, я думаю, вы знаете, — сказал Атрогейт. — Человек, которого зовут Кэддерли.

Бруенор обменялся с Дриззтом взглядами, затем оба в изумлении уставились на гостя.

— Он живёт не так далеко от моих земель, — объяснил Атрогейт. — И конечно я был там как раз по дороге, когда направлялся сюда. Ах да, у него там сейчас много магов и жрецов и все они пытаются понять, что к чему, если ты понимаешь, о чём я.

— А что насчёт него самого? — спросил Бруенор, изо всех сил стараясь оставаться спокойным, но всё же не мог избавиться от нетерпения, как в голосе, так и внешне, подавшись всем телом вперёд на своём троне.

— Он и его гости работали над некоторыми проблемами, — объяснил Атрогейт. — Я думал, что тебе стоит знать, что многие, чей мозг был ранен Плетением, шли именно туда, и большая их часть возвращалась здоровыми.

Бруенор вскочил на ноги.

— Значит, Кэддерли лечит тех, кто по глупости оказался в беде?

Атрогейт снова пожал плечами:

— Я думал, что ты был бы не прочь это узнать.

Бруенор резко повернулся к Дриззту.

— Это займёт больше месяца утомительного похода, — предупредил дроу.

— Магические артефакты ещё работают, — ответил Бруенор. — У нас есть повозка, которую ещё строят для поездок в Серебристую Луну. У нас есть ботинки ветров ...

При этом упоминании у Дриззта загорелись глаза, так как дварфы клана Боевого Молота действительно работали над решением вопросов перемещения ещё до того, как

началось магическое бедствие. Не используя магической телепортации, которая была в ходу в соседних городах, и не создавая летающих огненных колесниц, как это делала леди Аластриэль, dwarфы пришли к более приземлённому решению, конструируя повозку, достаточно крепкую, чтобы выдержать многие столкновения на предательских каменных местностях. И теперь они нашли магическую поддержку упряжке, которая сможет толкать всю эту конструкцию.

Дроу сорвался с места до того, как Бруенор мог ещё закончить своё предложение.

— За мной, — сказал Дризт.

— Могу я пожелать тебе всего хорошего, король Бруенор? — спросил Атрогейт.

— Стуттгард из Каменных Холмов, — повторил Бруенор и повернулся к придворному писцу. — Запиши это!

— Да, мой король.

— И знай, если моя девочка найдёт покой в храме Парящего Духа, я посету ваш клан, добрый друг, — сказал Бруенор, оглядываясь на Атрогейта. — И помни, что отныне и навсегда ты друг Мифрил Халла. Оставайся здесь так долго, как пожелаешь и все расходы за мой счёт! А теперь прошу прощения, мне пора идти.

Он быстро поклонился и выбежал из комнаты до того, как Атрогейт даже успел поблагодарить его.

Впервые за эти несколько долгих дней, полные сил и энтузиазма, с надеждой в сердцах, Дризт с Бруенором устремились вниз по холлу по направлению к двери, ведущей в комнату Кэтти-бри. Приблизившись, они резко остановились, заметив фиолетовые и голубые лучи энергии, проскальзывающие сквозь дверные щели.

— Ба, только не снова! — простонал Бруенор. Он пихнул Дризта вперёд, открывая тем самым дверь.

С руками, опущенными вдоль тела, с закатившимися глазами, над кроватью в воздухе зависла дрожащая Кэтти-бри.

— Моя девочка... — начал Бруенор, но осёкся на полуслове, заметив скрюченного и хватающегося за голову, лежащего у стены Реджиса.

— Эльф! — закричал Бруенор, но Дризт уже бежал по направлению к Кэтти-бри, и, схватив её, попытался опустить на кровать. Зарывав и засыпав проклятиями, dwarф поспешил к Реджису.

Когда припадок закончился, напряжённость спала с тела Кэтти-бри, и обмякшая, она упала на руки Дризту. Он медленно посадил её на кровать и заключил в объятия. Только теперь он заметил, в каком отчаянном состоянии находился Реджис.

Хафлинг дико молотил Бруенора, и, осыпая dwarфа быстрыми ударами, уворачивался от тянущихся к нему рук. Охваченный ужасом, Реджис будто смотрел не на dwarфа, а на какого — то огромного монстра.

— Пузан, да что с тобой? — спросил Бруенор.

В ответ Реджис закричал dwarфу прямо в лицо, разражаясь абсолютным первобытным страхом. Как только Бруенор отстранился, хафлинг отполз в сторону, вставая на колени, затем на ноги. Он ринулся лицом вперёд, в сторону противоположной стены и со стоном отскочил от неё, падая на пол.

— О, во имя богов, — проговорил Бруенор, затем наклонился и что-то поднял с пола. Он повернулся к Дризту и показал ему предмет. Это была рубиновая подвеска, заколдованный драгоценный камень, позволяющий Реджису накладывать заклинания на своих незадачливых жертв.

Реджис уже пришёл в себя от сильного удара об стену и вскочил на ноги. Он снова закричал и побежал мимо Бруенора, бешено размахивая руками. Когда король попытался

перехватить его, хафлинг шлёпнул его и ударил кулаком, а затем ущипнул и даже укусил дварфа. Всё это время Бруенор звал его, но, казалось, Реджис не слышит ни слова. Вероятно, дварф всё ещё представлял перед ним в виде демона или дьявола, который пришёл пообедать полуросликом.

— Эльф! — позвал Бруенор, затем вскрикнул и отпрянул, хватаясь за кровоточащую руку.

Реджис ринулся к двери. Дризтт настиг его там же, сделал захват ногами, и, кувыркаясь, они оба оказались в холле. Во время кувырка Дризтт ловко работал руками, и когда они остановились, эльф оказался позади Реджиса, обхватывая своими ногами талию хафлинга, и резкими движениями искусно завязывал узлы вокруг него.

Теперь у Реджиса не было возможности ни вырваться, ни ударить, ни выскользнуть от Дризтта. Но это едва могло остановить его неистовые вращения и безумный крик.

В коридор стекалось всё больше любопытных дварфов.

— Эльф, ты что, уколол его иглой в задницу? — спросил один из подошедших.

— Помоги мне с ним! — умоляя, крикнул Дризтт.

Дварф подошёл к Реджису, затем быстро одёрнул руку, когда хафлинг попытался кусить её.

— Девять Кругов Ада! Да что же это?

— Просто схвати его! — закричал Бруенор из комнаты. — Схвати и свяжи, но не делай ему больно!

— Да, мой король!

Это заняло много времени, но, в конце концов, дварфы оттащили бьющегося Реджиса прочь от Дризтта.

— Я могу треснуть его и успокоить, — предложил один из них, но сердитый взгляд Дризтта отверг эту затею.

— Отнесите Реджиса в его комнату и приглядывайте за ним, — сказал дроу. Затем он вернулся обратно и закрыл за собой дверь.

— Она даже не заметила, — сказал Бруенор, когда Дризтт присел на кровать возле Кэtti-бри. — Она не замечает мир вокруг неё.

— Мы уже знали это, — напомнил Дризтт.

— Не замечает абсолютно ничего! Как и Пузан теперь.

Дризтт пожал плечами.

— Кэддерли, — напомнил он королю дварфов.

— Для них обоих, — сказал дварф и посмотрел на дверь. — Пузан использовал на ней свой рубин.

— Чтобы попытаться добраться до неё, — согласился Дризтт.

— Но вместо этого она добралась до него, — сказал дварф.

Глава пятая

Мертвецы в гневе

— Это произойдёт у храма Парящего Духа — объявил Король Призраков. Видение, докучающее Джарлакслу, исчезло прежде, чем тёмный эльф успел закрыть свой разум. Но если призраки что — нибудь прознали, об этом обязательно узнает драколич.

Враги Гефестуса, Яраскрика и, конечно же, Креншинибона будут собираться там, в Снежных Хлопьях, где из — за пары призраков уже было очень опасно.

Там будет одним южанином больше. Кристалл знал, что его можно обнаружить, хотя и не так же легко, как Джарлаксла. Креншинибон имел отдельную тайную связь с тёмным эльфом уже больше десяти дней. С псионическими силами Яраскрика, присоединившимися к Осколку, расположение известного наёмника можно было выяснить весьма легко, тем

более, если это было необходимо. Джарлаксл стал главной мишенью гнева, который и послужил причиной объединения могущественной троицы. В скором времени люди станут свидетелями их силы.

Кроме того, двоим из этого триумvirата грядущая катастрофа доставит огромное удовольствие.

Для Яраскрика ликвидация его врагов была бы очень полезна. Достойная и оправдывающая расходы награда за не приносящее никакого удовольствия объединение.

И Креншинибон, который послужил связующим звеном между неконтролируемым порывистым драконом и практичным жестоким разумом иллитида, мог бы тщательно изучить процесс уничтожения Джарлаксла и остальных, что доставило бы, несомненно, удовольствие обоим.

— Дядя Пайкел! — прокричала Ханалейса, увидев зеленобородого дварфа на улицах Кэррадуна следующим утром. Он был одет в своё походное снаряжение: дубинка и котелок для варки пищи, надетый на голову вместо шлема.

Пайкел ответил ей широкой улыбкой и поманил за собой в лавку. Притянув Ханалейсу к себе, он обнял её, как это делают только дварфы, а в это время из лавки вышел Рори, младший брат Ханалейсы.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она, спрятав улыбку от своего брата в плечо Пайкела.

— Я же сказал тебе, что хочу прийти один.

— Думаешь, спорящие колдуны дали мне отдохнуть? — ответила Ханалейса.

— Ду — дид! — произнёс Пайкел, придвигая обратно девушку, и когда она с Рори посмотрели на него с любопытством, то он просто добавил: — Хи — хи — хи.

— Он уже обо всём догадался, — объяснил Рори, и Ханалейса кивнула.

— А колдуны и жрецы тоже догадались? — спросила Ханалейса. — Полагаю, всё это из — за ваших открытий?

Рори посмотрел вниз.

— Они прогнали тебя, — рассудила Ханалейса.

— Это точно: они просто не могли допустить, чтобы наш братишка казался умнее их! — провозгласил Тэмберли, выйдя из — за угла от кузнеца, к которому он частенько заглядывал. На его огромном мече прошлой ночью появилась скверная зарубка, когда клинок отскочил от ключицы медведя — нежити.

Рори немного смутился, но когда он поднял глаза на своих брата и сестру, это уже прошло.

— Что произошло? — спросил он, заметив, что Тэмберли держит свой меч в руке и внимательно изучает лезвие.

— Вы покинули храм Парящего Духа вчера поздно вечером? — спросил Тэмберли.

— В полдень, — поправил Рори. — Дядя Пайкел хотел использовать корни дерева, чтобы покинуть горы, но отец запретил, опасаясь непредсказуемости и нестабильности волшебства, даже друидского.

— Ду — ид, — прохихикал Пайкел.

— Я не хочу пока перемещаться волшебным образом, — сказала Ханалейса. — Не сейчас.

Пайкел опустил руки и посмотрел на неё с притворной обидой.

— Так вы прошлой ночью встали лагерем в лесу? — продолжил Тэмберли.

Рори кивнул, не совсем понимая, куда клонит его брат, но Пайкел видимо вошёл во вкус и изрёк:

— Ууух.

— Что-то не так в тех лесах, — сказал Тэмберли.
— Угу, угу, — согласился Пайкел.
— О чём это вы говорите? — спросил Рори, переводя взгляд с одного на другого.
— Брррр, — сказал Пайкел, обхватив себя за плечи.
— Я наверно проспал всю ночь, — сказал Рори. — Но так холодно не было.
— Мы боролись с зомби, — объяснила Ханалейса. — С медведем — зомби. И было там ещё что-то, преследовавшее нас.

— Угу, угу, — согласился Пайкел.

Рори посмотрел на дварфа с любопытством:

— Вы об этом мне ничего не рассказывали.

Пайкел пожал плечами.

— А вы почувствовали это? — спросил Тэмберли.

дварф ответил:

— Угу, угу.

— Так вы участвовали в настоящем сражении? — спросил Рори у брата и сестры, явно заинтригованный. Эти трое выросли в тиши огромной библиотеки, окружённые тенями могущественных священников и великих колдунов. Они слышали рассказы о великих битвах, чаще всего о борьбе их родителей против Проклятия Хаоса, сотворённого их собственным дедушкой. Но жизнь детей Бонадьусов была спокойной: войны родителей кончились, дяди — дварфы давно уже вернулись из похода на коронацию короля Бруенора в Мифрил Халле. Их по — настоящему обучали искусству ближнего боя, воспитывали сразу как жрецов, волшебников и монахов. С такими родителями, как Кэддерли и Даника, эта троица получала прекрасное образование — одно из лучших в Фаэруне, но вплоть до предыдущей ночи никогда не проверявшееся на практике.

Ханалейса и Тэмберли обменялись взглядами.

— Расскажите мне! — попросил Рори.

— Это было ужасно, — признала его сестра. — Я никогда за всю свою жизнь не волновалась так.

— Но это было захватывающе, — добавил Тэмберли. — А стоит начать битву, ты забываешь о страхе.

— Точнее, забываешь обо всём, — поправила Ханалейса.

— Хи — хи — хи, — одобрил Пайкел.

— Это и есть наше обучение, — подытожил Рори.

— Нам повезло, что наши родители и наши дяди, — начала Ханалейса, внимательно посмотрев на Пайкела, — не мешали нам в мирное время учиться как должно...

— Сражаться, — прервал Тэмберли.

— И защищаться, — сказала Ханалейса, которая всегда немного более философски смотрела на сражения и роль, которую военная подготовка играла в их жизни. Она была очень похожа в этом на свою мать, и именно поэтому сама Даника жёстко и интенсивно обучала её собственным приёмам в использовании меча и булавы.

— Даже тот, кто знает, как в совершенстве пользоваться мечом, мог бы погибнуть прошлой ночью в лесу, если бы он не знал, как побороть свои страхи.

— Значит, ты тоже почувствовал нечто в лесу, — сказал Тэмберли Пайкелу.

— Угу.

— Оно всё ещё там.

— Угу.

— Мы должны предупредить горожан и сообщить об этом в храм Парящего Духа, — добавила Ханалейса.

— Да, да. — Пайкел вытянул здоровую руку перед собой и выпрямил пальцы, указывая вперёд. Он начал дрыгать рукой то туда, то сюда, изображая рыбу, плавающую под водой озера Импреск. Остальные поняли, что он хочет поговорить с животными ещё до того, как он добавил, осклабившись:

— Ду — дид.

— Ты не можешь этого сделать, — сказал Ханалейса, а Тэмберли кивнул.

— Мы можем выйти завтра на рассвете, — сказал он. — Что бы это ни было, это ближе к Кэррадуну, чем к храму Парящего Духа. Мы можем взять лошадей на первую часть пути. Я даже знаю некоторых людей, которые проводят нас вдоль дороги.

— Если поторопимся, мы доберёмся туда до захода солнца, — согласилась Ханалейса.

— Но сейчас мы должны предупредить горожан, чтобы они подготовились к неожиданностям, — сказал Тэмберли. Он посмотрел на Ханалейсу и пожал плечами. — Хотя мы действительно не знаем, что там такое и там ли оно ещё. Возможно, там был только один этот медведь, которого мы убили, злобный дух, а сейчас уже всё прошло.

— А возможно и нет, — сказал Рори, и по его тону было ясно, что он надеется на свою правоту. С его молодым энтузиазмом, он очень завидовал брату и сестре, и в скором времени надеялся исправить своё положение.

— Может, это уже длится около сотни лет, — пробормотал один старый морской волк — один из рыбаков Кэррадуна, который жил в городе. Человек махнул рукой, словно рассказанное не должно было его волновать.

— Эх, а раньше было спокойнее, мир был лучше, — сокрушался ещё один сидящий в таверне.

— Нет, не мир, — объяснил другой. — Но та часть его, которая живёт в тени родителей этой троицы. Я думаю, мы были цивилизованнее, вот что!

Одна половина постоянных клиентов засмеялась, другая закивала с одобрением.

— Остальной мир вырос более жёстким, — продолжал человек. — И до нас он тоже доберётся, даже не сомневайтесь.

— А ведь мы, старики, хорошо помним те сражения, — сказал первый морской волк. — И я удивлён, что более молодое поколение, выросшее при Кэддерли, готово к любым неожиданным битвам.

— А детишки его как? — раздался голос, и все в таверне подняли пивные кружки, приветствуя ещё двоих вошедших.

— Мы живы, — громко ответила Ханалейса, осматривая таверну. — Но, похоже, что пара демонов ещё там.

И эта бесстрашная девушка заулыбалась и даже засмеялась под звон кружек. Ханалейса посмотрела на Тэмберли, и они оба глянули назад, когда Пайкел из — за отсутствия серьёзности у толпы выдал:

— Ууух.

— Кэррадун должен выставить охранников у каждого ворот и на стенах, — крикнул Тэмберли. — Пусть вооружённый патруль с факелами выйдет на улицы. От имени города я прошу вас!

И хотя его крик привлёк некоторое внимание, все глаза обратились к распахнувшейся двери таверны. Человек влетел туда с криком: «Нападение, нападение!» Более того, за незнакомцем слышались крики страха и мучительной агонии.

Некоторые моряки тут же опрокинули стол, собираясь использовать его в качестве щита для обороны.

— О — о, — сказал Пайкел и обхватил одной рукой руку Тэмберли, а культией ткнул Ханалейсу, успев до их вмешательства. Они пришли таверну, чтобы предупредить людей и организовать их, но Пайкел был достаточно сообразителен, чтобы уйти от этого безумия.

Тэмберли пытался говорить, но некоторые экипажи кэррадунских рыболовных судов уже сбивались в отряды, чтобы ехать в доки искать оружие и вместе отправиться на улицы.

— Но народ... — протестовал Тэмберли. Однако Пайкел требовательно толкал его

вперёд.

— Шшшш! — предупредил дварф.

— Но нас четверо, — согласилась с братом Ханалейса. — Давайте посмотрим, где и чем мы можем помочь.

Они вышли из таверны вместе с другими посетителями, хотя некоторые капитаны кораблей ещё остались, чтобы выработать какую — нибудь стратегию боя. С парой слов Пайкел вытащил свою чёрную волшебную дубинку и сунул её под обрубок руки, а другой рукой начал шевелить пальцами. И дубинка, загоревшись, превратилась в факел.

Почти два полных отряда вышло из таверны и двинулось к воротам Кэррадуна. Теперь стало понятно, из — за чего началась паника. Разлагающиеся трупы и скелеты заполнили улицы. Людские и эльфийские, дварфские и хафлингские, и многие другие, в том числе и трупы животных, свободно разгуливали по городу. Мертвецы бродили всюду и нападали на людей.

Заметив одинокую семью, пытающуюся сойти с дороги, четвёрка свернула к ним, но внезапно Рори с криком упал на землю, держась за ногу. Пайкел посветил на неё своим факелом, и вместе со струйками крови свет показал ещё кое — что. Рори ударила какая — то маленькая тварь, летевшая у обочины дороги.

Она шлёпнулась позади них и выглядела просто сплошной кучей перьев, костей и кожи.

— Птица, — ахнула Ханалейса.

Пайкел бегал и светил на нежить, от чего эти существа разваливались. Свет его волшебного факела наносил большой урон мертвякам — они загорались и тлели.

— Ша — ла — ла! — гордо объявил Пайкел, поднимая высоко свою дубинку. Он быстро поправил свой шлем — котелок и свернул в ближайший переулок. Сразу после того, как свет от его дубинки пересёк край аллеи, дварф показал на огромную толпу скелетов.

Тэмберли обхватил рукой спину брата, помогая ему идти, и стал подталкивать Рори вперёд, пытаясь убежать из Кэррадуна.

— Дядя Пайкел! — заплакала Ханалейса, на бегу помогая братьям.

Она ненадолго остановилась у переулочка, заслышав звук хруста костей и увидев куски летящих рёбер и черепов. Пайкелов свет танцевал, как при штормовом ветре, и сам дварф — друид двигался в такт с ним. Это был самый дикий танец, который когда — либо видела Ханалейса. От своего дяди — садовника она такого никак не ожидала.

Девушка продолжала отступать вниз по улице, к семье с тремя детьми. Доверив Пайкелу сражаться с мертвецами, хотя они намного превосходили его по численности, она бросилась за семьёй. По пути Ханалейса самостоятельно напала на двух скелетов, преследующих людей по пятам. Успешно комбинируя защиту и нападение, она продолжала наносить удары, отходя назад. Затем, развернувшись в прыжке, легко приземлилась на ноги.

Ханалейса быстро поднялась на одну ногу и, вращаясь, стала наносить удары другой, сильно ударив в грудь один из скелетов. В стороны полетели куски рёбер. Прекрасно сохраняя после этого равновесие, девушка изменила направление следующего удара, попав другому скелету в череп.

По — прежнему отлично балансируя, она ещё пару раз ударила в грудь второго скелета, после чего хорошенько, с разворота, приложила его по «лицу». Затем, встав на обе ноги, провела ещё одну серию сокрушительных ударов по врагу.

Расправившись с двумя скелетами, Ханалейса двинулась дальше. К её облегчению, Пайкел присоединился к ней, когда она проходила мимо переулочка. Бок о бок, они со смехом бросились на ближайшую толпу мертвецов, разбивая их ударами ног и кулаков.

Граждане города немедленно присоединились к ним, вместе с Тэмберли, чей огромный меч разил зомби и скелетов наповал.

Но их было слишком много!

Мертвецы прибывали с кладбища, где уже много лет хоронили жителей Кэррадуна — полчища кровожадной нежити поднимали из могил мощными чарами. А в озере Импреск из —

под толщ тёмных вод выплывали тысячи мёртвых рыб. Они топили лодки, стоящие у берега, и уничтожали всё живое на своём пути.

Фетчигрол наблюдал, стоя на воде. В его мёртвых глазах горел огонь. Эти глаза всякий раз сверкали удовлетворением, когда крики ужаса раздавались над городом.

Он чувствовал, как тонут вместе со своими матросами многие корабли.

— Я в порядке, — твердил Рори, пытаясь оттянуть ногу от Пайкела.

Но дварф твёрдо схватил его одной рукой, хваткой, способной остановить лошадь, и взял под руку неуступчивого юношу.

Они вернулись в таверну, где им бы никто не помешал. Хотя казалось, что должно быть совсем наоборот.

Оторвав полоску ткани, Пайкел стал окутать её в свой котёл — шлем, куда он налил свежий отвар из трав, с которыми никогда не расставался.

— Мы не можем здесь больше оставаться, — сказал Тэмберли, подходя к двери. — Они близко.

Друид стал быстрее перевязывать голень Рори, не обращая внимания на его просьбы. Культёй он держал один конец повязки, а здоровой рукой завязывал узлы.

— Слишком туго, — пожаловался Рори.

— Шшш, — ругался Пайкел.

Пайкел схватил шлем и напялил на голову, проигнорировав содержимое, которое растеклось по волосам, зелёной бороде и одежде. Если дварфа что и забеспокоило, то он этого не показал, только лизнул ручеёк, тёкший по лицу. Он выпрямился, сунув дубинку под обрубок, и поставил Рори перед собой.

Молодой человек попробовал было идти быстро, но чуть не упал с первых же шагов. Рана была глубже, чем надеялся Рори.

Пайкел удержал его, после чего они быстро пошли за Тэмберли. Ханалейса ждала снаружи, качая головой.

— Их слишком много, — мрачно пояснила она. — Невозможно победить бесконечные полчища мертвяков, лежащих в земле, лучше отступить.

— К докам? — спросил Тэмберли, глядя на поток жителей, бегущих в этом направлении, и очевидно не обрадованный такой перспективой. — Вернёмся к воде?

Ханалейса поморщилась, но у них не было выбора. Они побежали вместе с горожанами.

На полпути к докам они обнаружили нечто вроде обороны и нетерпеливо подошли к позициям. Пайкел подбородком показал Рори на большие постройки, нависшие над пристанью. Это была крепость, где капитаны организовали защиту.

— За отца и мать, — сказала Ханалейса Тэмберли. — Не посраим их имена.

Тэмберли улыбнулся ей, испытывая те же чувства.

Они использовали свой шанс и помчались по улице за последними группами жителей города, стараясь перехватить как можно больше монстров. Ханалейса и Тэмберли бесстрашно бросились на нежить, круша и полосуюя её, нанося мертвякам большие потери. Их атака стала ещё более действенной, когда к ним присоединился Пайкел с его дубинкой, сокрушавшей любую нежить, отважившуюся приблизиться к нему.

Но несмотря на объединённые усилия, троица хоть и медленно, но отступала, пропуская некоторых мертвецов. На каждого убитого зомби или скелета вставало трое других. И когда мимо проходили живые люди, мертвяки бросались в толпу.

И те несчастные, кто падал замертво, потом вставали и сражались на другой стороне. Люди в панике и с отвращением отступали от восставших друзей и родственников.

Они нашли поддержку около укреплений, где у них не было выбора, кроме как

сражаться. Но, в конечном счёте, даже эта оборона стала разваливаться.

Ханалейса посмотрела на брата: печаль и отчаяние были в её прекрасных карих глазах. Они не могли отступить к воде, а стены недолго будут удерживать полчища. Она, как и он, были в страхе.

— Мы должны найти Рори, — сказал Тэмберли дяде дварфу.

— А? — переспросил Пайкел.

Он не понимал, зачем нужно было искать брата, если они всё равно умрут.

Глава шестая

Политика обязательств

Об этом Бруенор Боевой Молот хотел узнать только в последнюю очередь.

— Обальд рассержен, — объяснял гном Нанфудл. — Он считает, что это мы стали причиной странных магических безумств и молчания его бога.

— Да, эта тупая башка всегда во всём винит нас, — проворчал в ответ Бруенор. Он посмотрел на дверь, ведущую в ущелье Гарумна и к выходу из Восточного Зала, надеясь увидеть Дриззта. С наступлением утра ничего не изменилось для Кэтти-бри и Реджиса. Хафлинг находился в состоянии крайнего истощения с тех пор, как постоянно томился в беспокойном страдании.

— Посол Обальд... — начал говорить Нанфудл.

— У меня нет времени на него! — крикнул Бруенор.

Несколько дварфов напротив наблюдали не совсем обычную вспышку эмоций. Среди них был генерал Банак Бронанвил, сидевший на своём кресле. В давней первой битве с появившимися ордами Обальда он потерял возможность контролировать свою нижнюю часть тела.

— Мне некогда! — снова провопил Бруенор, хотя уже немного извиняющимся тоном. — Моя девочка должна идти! И Пузан тоже!

— Я буду сопровождать Дриззта, — предложил Нанфудл.

— Девять Кругов Ада и десятый для удачи ты будешь! — проревел на него Бруенор. — Я не брошу свою девочку!

— Но ты — король! — крикнул один из дварфов.

— И весь мир сходит с ума, — прибавил Нанфудл.

Бруенор был на грани.

— Нет, — сказал он окончательно, поклонившись гному, ставшему одним из самых доверенных и надёжных советников, и прошёл через комнату к Банaku.

— Нет, — повторил Бруенор. — Я сейчас не могу быть вашим королём.

У нескольких дварфов перехватило дыхание, но Банак Бронанвил торжественно кивнул, принимая на себя ответственность, которую ожидал.

— Прежде ты уже руководил этим местом, — сказал Бруенор. — И я знаю, что ты можешь сделать это снова. Прошло много времени с тех пор, как я был в дороге.

— Ты защищаешь свою девочку, — ответил старый генерал.

— Не могу оставить тебе Пузана, чтобы он помогал тебе в этот раз, — Бруенор продолжал:

— Но этот малый достаточно смыслённый, — король оглянулся посмотреть на Нанфудла, который не мог не улыбнуться неожиданному комплименту и проявленному Бруенором доверию.

— У нас много хороших парней, — согласился Банак.

— Только не начинайте очередную войну с Обальдом, — инструктировал Бруенор. — По крайней мере, без меня, уж я — то ему покажу!

— Никогда.

Бруенор похлопал друга по плечу и повернулся, чтобы уйти. Большей частью он осознавал, что обязан нести ответственность, которую ему поручил клан Боевых Молотов, особенно в это смутное время. Но ещё большая часть его отрицала это. Несомненно, он был королём Мифрил Халла, но также он был отцом Кэтти-бри и другом Реджиса. Казалось, мало что имело значение в эти тяжёлые времена.

Он нашёл Дриззта в ущелье Гарумна в компании с самым вонючим и грязным дварфом, которого когда — либо видел.

— Готовы выйти, мой король! — торжественно приветствовал его Тибблдорф Пвент.

Бруенор посмотрел на дроу, который только закрыл глаза.

— Готовы? — спросил Бруенор. — Даже оставить назревающую здесь войну?

В глазах Пвента промелькнула искорка надежды на возможность участия в битве, однако он решительно покачал головой:

— Моё место — с моим королём!

— Бронанвил останется руководить Мифрил Халлом на то время, пока меня не будет.

Сложно было не заметить возникшее смятение дварфа.

— С моим королём Бруенором! — дополнил Пвент. — Если ты отправляешься в путь, Пвент со своими ребятами тоже отправляется в путь!

После этого восклицания зазвучали возгласы одобрения и распахнулось несколько соседних дверей. Знаменитый отряд Весёлых Мясников появился в широком коридоре.

— О, нет, нет! — ругался Бруенор. — Только не вы!

— Но мой король! — дружно крикнуло двадцать дварфов.

— Я не заберу у Бронанвила самый известный во всём Фаэруне отряд, — сказал Бруенор. — Я не могу. — Он смотрел Пвенту прямо в глаза. — Ни одного из вас. Нет свободного места в фургоне ни для кого.

— Ба! Мы будем бежать рядом с вами, — настаивал Пвент.

— Мы отправимся в волшебной обуви, и у нас нет больше волшебных сапог для вас, — объяснял Бруенор. — Я не сомневаюсь, что все вы будете бежать до тех пор, пока не свалитесь замертво, но именно этим всё и закончится. Нет, друг мой, ваше место — здесь, в том случае, если Обальд удумает, что снова пришло время для войны, — он глубоко вздохнул, посмотрел на Дриззта, ища поддержки, и пробормотал: — И моё место — здесь.

— И ты скоро вернёшься обратно, — пообещал дроу. — Сейчас ты нужен мне в путешествии с Кэтти-бри и Реджисом. Предупреждаю тебя: у нас нет времени для глупостей. Наш фургон ждёт.

— Мой король! — кричал Пвент. Он покинул свою бригаду и побежал вслед за Дриззтом и Бруенором, которые быстро шли по тоннелям, ведущим к их попавшим в неприятности друзьям.

В конце концов, только четверо из них покинуло Мифрил Халл в фургоне, запряжённом самыми лучшими мулами, которых только можно было найти. Не Пвент остался дома, а Реджис.

Бедный хафлинг не прекращал биться с невидимыми монстрами, испытывая отчаяние и ярость, как и любой другой стоящий на краю пропасти в Абисс. Он не мог есть. Он не мог пить. Он не мог прекратить болтать ногами, брыкаться и бить несуществующего врага хотя бы на мгновение. Никакие слова не оказывали на него воздействия. Только благодаря усилиям множества дежуривших возле него дварфов Реджис получал питание, чего невозможно было бы сделать в трясущемся фургоне, движущемся через дебри.

Бруенор доказывал до хрипоты, почему Реджиса обязательно надо было брать, но, в конце концов, Дриззт сказал:

— Хватит! — и увёл расстроенного короля.

— Даже если магия выдержит, даже если фургон не сломается, — сказал Дриззт. — Пройдёт дней десять, даже больше, прежде чем мы доберёмся до храма Парящего Духа, и столько же времени потратим на обратный путь. Он не переживёт.

Они оставили Реджиса.

— Он может выздороветь со временем, — объяснял Дриззт, когда они продвигались по туннелям через большое ущелье.

— Магия не тронула его, в отличие от Кэтти-бри.

— Он не в порядке, эльф!

— И, как я уже сказал, это, возможно, не продлится долго. Твои жрецы достучатся до него, — Дриззт, сделал паузу и остановился, — Или я.

— В чём дело, эльф? — потребовал Бруенор.

— Пойди, подготовь повозку, — инструктировал Дриззт, — Но подожди меня.

Он повернулся и побежал в ту сторону, откуда они пришли. Дроу забежал в комнату Реджиса и подошёл к сундуку, стоящему на столике. Трясущимися руками Дриззт достал рубиновый кулон.

— Что ты делаешь? — спросил его Кордио Маффинхэд, высокоуважаемый жрец, стоявший возле хафлинга. Дриззт держал кулон с чарующим рубином, соблазнительно вращающимся в свете факелов.

— У меня есть идея. Молитесь, чтобы всё получилось. Но будьте готовы к непредвиденным обстоятельствам, все вы.

Они посмотрели на дроу с любопытством, но за годы, проведённые вместе с Дриззтом До'Урденем, дварфы научились доверять ему и поэтому сделали всё так, как он сказал. Реджис очнулся и начал сопротивляться, его ноги двигались, будто он пытался сбежать от какого — то невидимого монстра. Дриззт склонился над хафлингом и позвал его, но Реджис не подавал никаких признаков того, что он слышит старого друга. Дроу ближе поднёс раскачивающийся кулон к глазам Реджиса.

Очаровывающие и успокаивающие искры завлекли Дриззта, и через мгновение в глубинах рубина он нашёл Реджиса.

— Дриззт, — сказал хафлинг вслух и в сознании Дриззта. — Помоги мне.

Дриззт получил только неясный мимолётный проблеск видений, мучающих Реджиса. Он обнаружил себя в земле теней, возможно, на Плате Теней, или на каком — то другом более низком уровне, населённом зловещными существами, которые бросились к нему со всех сторон с разинутыми пастьми, полными острых клыков. Когтистые лапы хлестали вокруг, всегда за мгновение перед ним. Инстинктивно свободная рука Дриззта потянулась к поясу, где висел скимитар, он закричал и попытался вытащить клинок. Что-то сильно ударило его, отбросив в сторону, прямо через кровать, которую он не мог видеть. Дроу был опрокинут на невидимый им пол. Издалека Дриззт услышал звон чего — то ударившегося о камни. Это была рубиновая подвеска. Он ощутил жжение в районе предплечья и зажмурил глаза от боли. Когда эльф снова открыл их, то понял, что вернулся в комнату. Кордио стоял возле него. Он посмотрел на руку дроу и увидел струйку крови в месте, где тот порезался скимитаром, когда падал.

— Что... — начал было спрашивать дварфа Дриззт.

— Извини, эльф, — сказал Кордио, — но я должен был толкнуть тебя. Ты увидел тех монстров, которые мучают Реджиса, и вытаскивал свой клинок...

— Больше ничего не говори, достопочтимый дварф, — ответил дроу, принимая сидячее положение и осматривая раненую руку, сильно сжав её, чтобы остановить кровотечение.

— Дайте мне бинт! — крикнул Кордио другим, кто находился поблизости от страдающего Реджиса.

— Он там, — объяснял Дриззт, когда Кордио перебинтовал руку. — Я нашёл его. Он звал на помощь.

— Да, мы это слышали.

— Он в ужасном месте и видит там монстров, существ из тени.

Другой дварф подошёл и передал Кордио рубин. Тот хотел вернуть драгоценность Дриззту, но дроу остановил его.

— Оставь себе, — сказал Дриззт. — Ты можешь узнать, как использовать его, чтобы помочь хафлингу, но будь осторожен.

— Ох, у меня будет под рукой отряд Весёлых Мясников, готовый остановить меня в этом случае, — заверил его Кордио.

— Всё равно, — сказал Дризт. — Будь готов покинуть место, где сейчас обитает Реджис.

Он посмотрел с сочувствием на несчастного хафлинга, впервые чётко осознав те ужасы, которые каждый раз переживал Реджис, приходя в сознание.

Дризт встретил Бруенора в восточном тоннеле. Король сидел на скамье волшебного фургона из полированного дерева с массивными колёсами. Фургон являлся проявлением мастерства и гордости, соответствующих представлениям искусства и умений Мифрил Халла.

Повозка ещё не была завершена, поскольку дварфы планировали добавить раскладную кровать и, возможно, дополнительную полку для груза позади, с большим ремнём, который позволит уместиться отряду в шесть или восемь дварфов. Но из — за настойчивой просьбы Бруенора им пришлось завершить работу быстрее. Они выбрали самых лучших мулов, молодых и сильных, подковав их волшебными подковами, позволяющими идти в быстром темпе целый день.

— Я нашёл Реджиса в его кошмарах, — рассказывал Дризт, забравшись наверх к своему другу. — Я испробовал рубин на нём, так же, как он это делал с Кэтти-бри.

— Ты глупец!

Дризт покачал головой.

— Я был осторожен, — убеждал он своего друга.

— Я заметил, — сказал сухо Бруенор, пристально глядя на перебинтованную руку дроу.

— Я нашёл его, и он увидел меня, но только на мгновение. Он живёт в царстве кошмаров, Бруенор, и хотя я пытался забрать его с собой, ничего не вышло. Вместо этого он тянул меня к себе, туда, в место, которое подавило бы меня так, как подавило его. Но есть надежда, я верю.

Он вздохнул и произнёс имя человека, на которого они надеялись — Кэддерли. Бруенор ускорил мулов, когда они выехали из восточных ворот Мифрил Халла, быстро направившись на юго — запад. Пвент подвинулся ближе к Бруенору. Дризт в одиночку бежал позади них. Он часто забирался в фургон, чтобы перевести дыхание, ибо повозка постоянно двигалась, без остановок для отдыха мулов. Кэтти-бри спокойно сидела в задней части фургона, не видя и не слыша ничего вокруг, неподвижная и безмолвная.

— Ты хорошо их знаешь, — поздравил Атрогейт Джарлаксла позже в тот день, когда они лежали на вершине травянистого холма и наблюдали за катящейся по дороге с северо — востока повозкой.

В данный момент Джарлаксл не был уверен в этом, поскольку был удивлён быстрым продвижением повозки. Он не ожидал увидеть отряд Бруенора до следующего утра.

— Они будут ехать целый день, пока не устанут мулы, — пробормотал дроу, качая головой. На расстоянии от фургона, в тени, двигался тёмный силуэт. Джарлаксл знал, что это был Дризт.

— Быстро едут из — за их больного друга, — заметил Атрогейт.

— Нет ничего сильнее, чем долг, который они разделяют, друг мой, — сказал дроу. Он закашлялся, прочищая горло и пытаясь скрыть озабочившие его мысли. Но недостаточно быстро, понял он, когда глянул на Атрогейта, чтобы не дать дварфу повода смотреть на него недоверчиво.

— Их чувства — это их слабость, — сказал Джарлаксл, пытаясь быть убедительным. — И я знаю, как использовать эту слабость.

— Ухух, — произнёс Атрогейт. — Бахахаха!
Джарлаксл мог лишь улыбнуться.
— Мы спустимся туда, или только будем следовать за ними?
Дроу мгновение думал об этом, а затем удивил и себя, и дварфа, поднявшись с травы и отряхиваясь.

— Стуттгард Каменный Холм? — спросил Бруенор, когда фургон проехал поворот, и они увидели дварфа, стоящего на их пути.

— Я думал ты остался в Мифрил... — сказал он, остановив повозку перед дварфом. Его голос затих, когда он заметил впечатляющее оружие дварфа — пару кистеней из стекла и металла, слегка раскачивающихся за его крепкими плечами. Бруенор засомневался: Стуттгард из Мифрил Халла никогда не разгуливал с таким оружием. Его подозрение только усилилось, поскольку он соображал как долго уже они были в пути — Стуттгард должен был отправиться в дорогу сразу же после их встречи, чтобы находиться в этом месте.

— Нет, но снова рад встрече, король Бруенор, — ответил Атрогейт.

— О чём ты, дварф? — спросил Бруенор.

Возле Бруенора стоял Пвент, готовый принять бой. Рык в стороне привлёк их внимание, на ветке одиноко стоящего дерева сидела Гвенвивар — пантера тоже была готова прыгнуть вниз на дварфа.

— Мир, достопочтимый король, — сказал Атрогейт, спокойно помахав руками перед собой, — Никакой я не враг.

— Нет, ты — Стуттгард Каменный Холм, — слышалось предположение за спиной Атрогейта.

Бруенор и Пвент посмотрели в ту сторону и кивнули, хотя и не могли видеть своего спутника — дроу. Студгард оглянулся через плечо, зная что это Дриззт, но и он не мог увидеть скрытого в кустарнике дроу.

— Я должен был признать тебя во дворце Бруенора, — сказал Дриззт.

— Это мои кистени, — объяснил Стуттгард. — Мне говорят, я выгляжу крупнее с ними. Ба — ха — ха! Прошло много времени с тех пор, когда мы скрестили оружие, а, Дриззт До'Урден?

— Кто он? — спросил Бруенор Дриззта, затем посмотрел прямо на дварфа, стоящего на дороге и сказал: — Кто ты такой?

— Где он? — вместо ответа сказал Дриззт, вызвав удивление у Бруенора и Пвента.

— Он прямо перед нами, слепой эльф! — воскликнул Пвент.

— Не он, — ответил Дриззт, — Не Стуттгард.

— Ах, я расстроен, что достопочтимый дроу не может вспомнить моё имя, — сказал дварф, стоящий на дороге.

— Где кто? — потребовал Бруенор ответа у Дриззта, начиная злиться.

— Он говорит про меня, — ответил другой голос. На дороге, напротив Гвенвивар, стоял Джарлаксл.

— О, зудящая задница Морадина, — проворчал Бруенор. — Где один, там и другой.

— Я тоже рад видеть тебя вновь, король Бруенор, — сказал Джарлаксл, поклонившись.

Дриззт выбрался из кустов, направляясь к группе. У дроу не было при себе никакого оружия, он поклонился, когда тот подошёл.

— Что это, мой король? — спросил Пвент, нервно переводя взгляд с дварфа на Джарлаксла, — Какой?

— Не сражение, — уверил и одновременно разочаровал его Бруенор. — Не сейчас, по крайней мере.

— Никогда, — добавил Джарлаксл, подойдя к своему компаньону.

— Вот ещё! — фыркнул Пвент.

— В чём дело? — потребовал Бруенор.

Атрогейт проворчал, а когда подошёл Дризт, резко качнул головой, и на его заплетённой бороде подпрыгнули маленькие бусинки.

— Атрогейт, — шепнул Дризт, когда прошёл мимо него, и тогда дварф закатился от смеха.

— Ты его знаешь? — спросил Бруенор.

— Я рассказывал тебе о нём. Из Лускана. — Он посмотрел на Джарлаксла. — Восемь лет назад.

Наёмник поклонился:

— Печальный день для многих.

— Но не для тебя и твоих приспешников.

— Я говорил тебе тогда, говорю и сейчас, Дризт До'Урден. В падении Лускана и капитана Дюдермонта не была замешана Брэган Д'Эрт. Я был бы счастлив иметь дело с ним.

— Он никогда не стал бы сотрудничать с тобой и подобными тебе наёмниками, — прервал его Дризт.

Джарлаксл не закончил свою мысль, лишь поднял руки в знак того, что сдаётся.

— И что дальше? — снова спросил Бруенор.

— Мы услышали о тяжёлом положении Кэтти-бри, — объяснял Джарлаксл. — Вы правильно поступили, отправившись к Кэддерли, а я как раз должен идти со своим другом туда.

— Ты лжёшь нам, — сказал Дризт.

— Это казалось благоразумным некоторое время, — допустил Джарлаксл. — Но ты знаешь правильную дорогу к Кэддерли.

— Ничего я не знаю о том, в чём заинтересован Джарлаксл, — Дризт оглянулся, как раз когда кивал Бруенор. — Если это всё, что ты требуешь, то почему тогда вы встретили нас здесь, на дороге?

— Ему охота с нами ехать, не сомневайся, — сказал Пвент.

— Едва ли это, — ответил дроу. — Хотя я буду не против компании. Он сделал паузу и посмотрел на мулов, очевидно удивившись, как свежо они выглядят, и это при том, что они проехали гораздо дальше, чем проехало бы большинство других за два дня.

— Волшебные копыта, — заметил Дризт. — Они могут проделать за день путь, который обычные проезжают за шесть.

Джарлаксл кивнул.

— Теперь он хочет ехать, — заметил Пвент, Джарлаксл рассмеялся над этим, но покачал головой.

— Нет, уважаемый дварф, не ехать, — объяснял дроу. — Но есть кое — что, о чём бы я попросил вас.

— Удивительно, — сухо сказал Дризт.

— Мне тоже нужен Кэддерли, но совершенно для другого дела, — объяснял Джарлаксл. — И я буду нужен ему, или он будет рад, что я там, когда узнает об этом. К сожалению, мой последний визит для могущественного жреца закончился не очень хорошо, поэтому он просил меня больше не возвращаться.

— И ты думаешь, что он впустит тебя с нами, — рассуждал Бруенор, а Джарлаксл поклонился.

— Ба! — фыркнул король дварфов. — Ты многое недоговариваешь.

— Очень многое, — согласился Джарлаксл, больше смотря на Дризта, чем на Бруенора. — И я всё расскажу вам. Но это длинный рассказ, а мы не должны останавливаться, ради спасения твоей жены.

— Не делай вид, что переживаешь о моей девочке! — закричал Бруенор, и Джарлаксл отступил на шаг. Тогда Дризт заметил кое — что, хотя Бруенор был слишком расстроен, чтобы понять. Истинная боль вспыхнула в глазах Джарлаксла, он действительно переживал. Дризт вспомнил один случай, когда Джарлаксл позволил ему с Кэтти-бри и Артемисом

Энтрери сбежать из Мензоберранзана, один из многих, когда наёмник позволял ему уходить. Дризт пытался применить всё это к текущей ситуации, чтобы понять возможные мотивы действий Джарлаксла. Лгал ли он или говорил правду?

Дризт чувствовал, что последнее, и поэтому удивился.

— О чём ты размышляешь, эльф? — спросил его Бруенор.

— Я бы хотел услышать эту историю, — ответил Дризт, не сводя глаз со второго дроу. — Но услышать в то время, когда мы будем ехать.

Джарлаксл подтолкнул Атрогейта, и дварф достал свою статуэтку кабана в то же самое время, когда Джарлаксл вынул из мешочка обсидианового Кошмара. Мгновение спустя появились их ездовые животные, а мулы Бруенора от испуга прижали уши и отступили в сторону.

— Что за чертовщина, во имя Девяти Кругов? — пробормотал Бруенор, пытаясь удерживать их.

По сигналу Джарлаксла Атрогейт отвёл своего борова за фургон.

— Я хочу такого же! — сказал Тибблдорф Пвент, с обожанием глядя на пронёсшегося мимо огненного демонического борова. — О, мой король!

Джарлаксл, державший за узду своего Кошмара, подвёл его к фургону. Дризт взобрался по другой стороне повозки, чтобы сидеть поближе к нему. Затем он позвал Гвенвивар.

Пантера знала своё место. Она спрыгнула вниз с дерева, пробежала мимо Атрогейта и запрыгнула в фургон, свернувшись в защитной позиции вокруг сидевшей Кэтти-бри.

— Это — длинная дорога, — заметил Дризт.

— Это — длинный рассказ, — ответил Джарлаксл.

— Тогда расскажи его медленно и полностью.

Фургон стоял на месте, и тогда Дризт с Джарлаксом посмотрели на Бруенора. дварф обернулся, глядя на них тёмными, полными сомнения глазами.

— Ты точно уверен, эльф? — спросил он Дризта.

— Нет, — ответил Дризт, но затем перевёл взгляд на Джарлаксла, покачал головой, и передумал: — К храму Парящего Духа, — сказал он.

— С надеждой, — добавил Джарлаксл.

Дризт посмотрел на Кэтти-бри, которая спокойно сидела, отрешившись от всего окружающего мира.

Глава седьмая

Пересчитывая нити

— Это бесполезно! — воскликнул Ванабрик Престоковин, энергичный молодой маг из Врат Балдура. Он хлопнул ладонью по столу, разметаив пергамент.

— Полегче, дружок, — сказал Делебрентия Промис, его товарищ, тоже прибывший из портового города. Он был старше и носил седую, похожую на дварфскую, бороду. Делебрентия выглядел, как человек, практикующий магию, и даже носил соответствующую одежду: голубую коническую шляпу и тёмно — синюю мантию, украшенную позолоченными звёздами.

— Нас просили бережно относиться к свиткам и книгам храма Парящего Духа.

Несколькими месяцами ранее люди, сидящие в читальном зале огромной библиотеки, куда Кэддерли и его людьми были собраны книги со всего Фаэруна, не одобрили бы подобных вспышек в таком месте. Тем не менее, сейчас большинство магов, жрецов и других мудрецов были солидарны с Ванабриком.

Кэддерли, сидящий посреди комнаты в окружении кучи свитков, среди которых были и его собственные записи с расчётами, касающимися событий последних дней, не мог этого не

заметить. Он сам был не в духе: чем больше он пытался разобраться в происходящем, тем меньше была понятна жрецу логика всего этого. Не все боги исчезли, не все замолчали, как было в Смутное Время, однако общаться с богами стало ощутимо сложнее, а заклинания, как магические, так и божественные, стали делом и вовсе непредсказуемым.

Кэддерли поднялся и направился к столу, за которым проводили исследование трое гостей из Врат Балдура; Избранный Денеира специально натянул на лицо обезоруживающую улыбку и шёл спокойными размеренными шагами.

— Вы простите нас, достопочтимый брат Бонадьос, — сказал Делебрентия, когда он приблизился. — Мои друзья молоды и очень переживают.

Ванабрик настороженно взглянул на Кэддерли. Его лицо оставалось напряжённым, несмотря на спокойный кивок Кэддерли.

— Вы не подумайте, что я в чём — то виню Вас или храм, — сказал Ванабрик. — Мой гнев, кажется, столь же не управляем, как и моя магия.

— Все не в духе и устали, я понимаю, — сказал Кэддерли.

— Нам пришлось оставить троих из своих товарищей в разной степени безумия, — объяснил Делебрентия. — Наш четвёртый товарищ, друг Ванабрика, спалил себя собственным огненным шаром при попытке помочь фермеру очистить надел земли. Он кидал его достаточно далеко, — я уверен в этом — но порыв ветра сдул шар до того, как тот успел слететь с руки.

— Плетение вечно, — сказал Ванабрик с раздражением. — Оно не может быть нестабильным и разрушиться... В противном случае работа всей моей жизни была бы не более, чем жестокой шуткой!

— Может, и так, — произнёс один гном.

Его слова говорили сами за себя: последователя Гонда, ценящего механику, порох и сложные конструкции, привыкшего думать головой, сегодняшние беды почти не затронули.

— Он молод, — сказал Делебрентия Кэддерли. — Он не помнит Смутного Времени.

— Я не так молод, — ответил Кэддерли.

— В душе! — воскликнул Делебрентия и рассмеялся, чтобы снять напряжение. Два других балдурских мага, один средних лет, примерно как Кэддерли, а другой даже старше Делебрентии, тоже рассмеялись.

— Но многие из нас, у кого в дождливое утро скрипят колени, не шибко тебе сочувствуют, молодой брат Бонадьос!

Даже Кэддерли улыбнулся: его постоянно меняющийся возраст даже ему казался странным. Он начал строить храм Парящего Духа после того, как ужасное Проклятие Хаоса уничтожило его предшественницу, библиотеку Назиданий. Денеир даровал ему для этого магию — магию, которую жрец пропускал через себя и своё тело, — и Кэддерли сильно постарел: Бонадьос был уверен, что стоит закончить строительство, и он умрёт. Он и Даника смирились с этим, приняли этот жребий во имя великого дара науке и знаниям, храма Парящего Духа. Но это была временная плата: возможно, это было лишь испытание Денеира. После завершения храма он помолодел и выглядел гораздо моложе своего реального возраста. Ему было сорок четыре, но на вид двадцать: отец был моложе своих детей — близнецов. Кэддерли верил, что его физический и духовный возрасты со временем придут в равновесие. И, действительно, за последний месяц он постарел.

— Это было воистину очень странно, — сказал Кэддерли, утешительно кладя руку на плечо Ванабрика. — Боюсь, перемены — это единственное, что постоянно.

— Определённо, это не так! — не согласился Ванабрик.

— Хотелось бы верить, — сказал Кэддерли.

— Ты нашёл какой — нибудь ответ, достопочтимый жрец? — спросил Делебрентия.

— Я узнал лишь, что Денеир работает, как и я: пытается привести в порядок хоть что-то в этом хаосе.

— Но безуспешно, — с некоторым пренебрежением заметил Ванабрик.

— Терпение, — успокоил его Кэддерли. — Ответы, новые законы, новый порядок —

всему требуется время. Стоит лишь подождать, и мы поймём масштабы последствий. И со всем справимся, вот увидите.

Аплодисменты раздались от соседнего стола, за которым работал гном, а потом были подхвачены дюжиной магов и жрецов, работавших в зале, — некоторые почтительно поднялись при этом. Кэддерли понимал, что это была дань прозвучавшим только что словам надежды, столь необходимой сегодня перед лицом нависшей угрозы.

— Спасибо тебе, — тихо сказал Делебрентия Кэддерли. — Нам было необходимо это услышать.

Кэддерли посмотрел на Ванабрика, стоявшего со скрещёнными на груди руками. На его лице читались тревога и раздражение. Однако маг кивнул ему.

Кэддерли снова похлопал его по плечу и пошёл к выходу, кивая и улыбаясь всем, кто молча приветствовал его. Выйдя из зала, жрец вздохнул. Он не солгал, когда рассказал Делебрентии, что Денеир усердно работает, пытаясь разобраться в происходящем, но и не поведал всей правды.

В ответах бога знаний, литературы и истории на молитвы явственно читались трепет и неуверенность перед неизвестным.

— Продолжай верить, друг мой, — сказал Кэддерли Ванабрику позже этой же ночью, когда маги покидали храм Парящего Духа.

Казалось, Ванабрик не согласен, однако он кивнул и вышел.

— Давайте не будем терять надежду, — призвал Делебрентия Кэддерли, подойдя к нему и пожав руку в знак признательности.

— Может быть, останетесь на ночь и отправитесь с восходом солнца?

— Нет, любезный брат, мы уйдём так далеко, как сможем, — ответил Делебрентия. — Некоторые из наших гильдий пали жертвами безумия. Мы попытаемся добраться туда и, может статься, что-то из того, чему мы научились здесь, окажется полезным. Позвольте ещё раз отблагодарить вас за возможность воспользоваться библиотекой.

— Это не моя библиотека, дорогой Делебрентия. Это мировая библиотека. Я всего лишь Хранитель знаний, собранных здесь, и уже смирился с ответственностью, возложенной на меня великими мудрецами.

— Хранитель и, притом, автор не одного тома, как я заметил, — сказал Делебрентия. — И, правда, нам несказанно повезло, что именно Вы являетесь Хранителем, брат Бонадьос. В эти беспокойные времена утешает лишь то, что можно найти место, где могут собраться великие умы, даже если в данной ситуации они мало на что способны. Но сейчас мы стоим лицом к лицу с неизвестностью, и я уверен, что когда удастся понять причины разрушения Плетения, если это именно оно, то ваша коллекция пополнится очень важными работами.

— Если они будут принадлежать вашему перу или равным вам мудрецам, им всегда будут рады, — заверил его Кэддерли.

— Наши переписчики увековечат каждое слово, сказанное здесь сегодня, для храма Парящего Духа, чтобы во времена, когда подобные беды вновь обрушатся на Фаэрун, упаси Тимора, наша мудрость помогла магам и жрецам будущего.

Они не разжимали рук в течение всей беседы, черпая силу друг в друге, оба — и Кэддерли, Избранный Денеира, и Делебрентия, маг, завоевавший себе авторитет ещё за два столетия до Смутного Времени — подозревали, что всё, с чем они сегодня столкнулись, вполне может привести к концу того Торила, который они знали. К невообразимому по размерам хаосу.

— Я с интересом прочту слова мудрого мага по имени Делебрентия, — заверил Кэддерли волшебника. Делебрентия разнял рукопожатие и поспешил за товарищами.

Их телега медленно катилась вниз по длинной каменной дороге, ведущей прочь от

храма. Настроение магов было лучше, чем сразу по приезду, хоть они и были достаточно — таки мрачны. Может, они и не обнаружили ничего существенного, что могло бы помочь решить стоящую перед ними загадку, им было тяжело покидать храм Парящего Духа без крупицы надежды. Библиотека, и правда, стала так же великолепна по содержанию, как и по архитектуре: в ней хранились тысячи пергаментов, книг, рукописей, томов, подаренных и привезённых из таких далёких городов, как Глубоководья и Лускана, Серебристой Луны и даже великого южного Калимпорта. Это место вселяло надежду в сердца людей, излучало ауру света, успокаивая и воодушевляя в такие тяжёлые для всех времена.

Делебрентия забрался в телегу рядом со старым Ресмилиту в то время как Ванабрик ехал на месте возницы вместе с Пирсоном Блатом, правившим двумя пони.

— Мы найдём ответы, — слова Делебрентии предназначались, главным образом, для раздражённого Ванабрика, но относились и к другим спутникам. Цокот копыт и стук колёс по каменистой тропе были единственными звуками. Они выехали на грязную длинную дорогу, что вела прочь от Снежных Хлопьев в Кэррадун. Нависающие сверху ветви отнюдь не прибавляли света — стало ещё темнее. Жрецы не обращали внимания на почти полную тишину, нарушаемую изредка шуршание веток и шорохом листьев при дуновении ветра.

Огни храма Парящего Духа всё удалялись и вскоре совсем потерялись в темноте.

— Зажгите огонь, — предложил Ресмилиту остальным.

— Свет выдаст нас врагам, — ответил Ванабрик.

— Тут четыре могущественных мага. Кого нам бояться?

— Не так уж и холодно, а? — сказал Пирсон Блат, бросая взгляд через плечо.

Хотя заявление возницы было верным, он и другие два мага с удивлением заметили, что Ресмилиту крепко обхватил грудь руками и сильно трясётся.

— Тогда посвети, — предложил Делебрентия Ванабрику.

Молодой маг закрыл глаза и зашевелил пальцами, вызывая магический свет на верхушке дубового посоха. Свет зажёгся и Ресмилиту кивнул, хоть теплее и не стало.

Делебрентия полез доставать шерстяное одеяло из сумки в задней части телеги.

Затем снова стало темно.

— О, Мистра, ты нас дразнишь! — воскликнул Пирсон Блат, в то время как Ванабрик отозвался о происходящем куда менее вежливо.

Спустя некоторое время от свойственного Пирсону добродушия и спокойствия не осталось и следа. Темнота сгустилась вокруг них: создавалось такое впечатление, что колдовство Ванабрика сыграло с ними злую шутку и обратилось в заклятие тьмы. Блат попросил товарищей остановиться. Он не видел пони и не мог разглядеть даже Ванабрика, сидящего рядом с ним. При всём желании он не мог различить их в этом густом, как смола, мраке.

— Что за чертовщина! — воскликнул Ванабрик.

— О, ты просто спрятал от нас звёзды, — сказал Делебрентия самым беззаботным тоном, на какой был способен: сзади повозки явно было не светлее.

Ресмилиту вскрикнул, стуча зубами:

— Так холодно! — и прежде, чем кто — либо успел ответить ему, все они почувствовали то же самое — необычайно сильный, пробирающий до костей холод.

— Что за... — вскрикнул Пирсон Блат, хотя он знал, как и остальные, что это был не обычный феномен, и чувствовал вместе со всеми что-то недоброе в этом холоде, ощущение самой смерти. Ресмилиту первый пронзительно завопил от боли, когда какое — то невидимое создание пробралось в телегу и когтистыми лапами коснулась старого мага.

— Свет! Свет! — закричал Делебрентия.

Пирсон Блат двинулся было на звук, но пони начали брыкаться, лягаться и громко ржать. Бедный возница не мог удерживать обезумевших животных. Рядом с ним Ванабрик размахивал руками, не побоявшись прибегнуть к ставшей такой непредсказуемой магии в попытке создать сильное заклинание. Он вызвал яркий свет, но колдовство продлилось не дольше одного удара сердца, чего, впрочем, оказалось достаточно, чтобы осветить

согнувшуюся неясную фигуру напавшего на Ресмилиту.

У невысокого существа было уродливое квадратное тело: широкие плечи, не было шеи, как и ног — на месте последних была кожа, подвёрнутая внутрь тела. Тварь передвигала на огромных мощных руках с длинными когтистыми пальцами. Ресмилиту попробовал откатиться, но чудовище последовало за ним, подтягиваясь на лапах, как какой —нибудь безногий калека.

— Сгинь! — крикнул Делебрентия, замахиваясь тонким жезлом из отполированного дерева: из металлического навершия вырвались яркие энергетические стрелы как раз тогда, когда потух свет Ванабрика. Вместе с полным боли криком твари раздался визг бедного Ванабрика — отчётливо был слышен треск разрываемой мантии старого мага

— Сгинь! — снова прокричал Делебрентия слово, приводящее в действие жезл: было слышно, как из жезла вырвались очередные стрелы.

— Дайте света! — заорал Делебрентия.

Ресмилиту закричал опять вместе с созданием, хотя этот звук больше был похож на кровожадный вопль, чем на крик боли. Ванабрик перескочил через сидение, набросился на чудовище и принялся лупить и колотить его своим посохом, пытаясь освободить несчастного коллегу.

Монстр оказался не слишком силён, и маг уже смог разомкнуть его руки, как вдруг спереди пронзительно заорал Пирсон Блат, а телега накренилась на бок. Шар магической темноты исчез и в тот же момент их окружил свет от посоха Ванабрика. Однако радоваться было нечему, поскольку перепуганные лошади съехали с дороги и потащили прыгающую повозку по крутой насыпи. Маги попытались удержать её, но передние колёса заскрипели и намертво застряли в колее, опрокидывая телегу.

Дерево треснуло, и люди закричали. Громче всех был мул — его ноги раздробило колёсами.

Делебрентия тяжело приземлился на какой — то мох под деревом и сломал себе руку. Однако ему удалось справиться с болью и подняться на колени. Он быстро огляделся, пытаясь найти выроненный жезл, но увидел бедного Ресмилиту. Монстр сидел на нём сверху, яростно раздирая на куски переломанное тело.

Делебрентия побежал к нему, но тут же упал, сбитый вспышкой яркого пламени: монстр отлетел далеко прочь от тела его друга. Делебрентия оглянулся на Ванабрика, чтобы благодарно кивнуть ему, но не смог: со спины молодого мага, около которого лежал светящийся посох, приближались огромные бескостные голодные твари. Боковым зрением он увидел Пирсона Блата, на спину которого запрыгнул монстр: тварь одной лапой сдавила шею, а второй — раздирала лицо старика.

Делебрентия прочёл заклинание — он хотел вызвать огненный град и направить его так, чтобы он зацепил только чудовищ, но не попал на его друзей. Плетение подвело: огонь взорвался, едва успев сорваться с его рук. Волна нестерпимого жара опалила старого мага — Делебрентия катался по земле, схватившись за обожжённые глаза и пытаясь погасить пламя. Волшебник бился в агонии, не слыша криков друзей и визжания монстров.

Где — то в глубине сознания старого Делебрентии теплилась надежда, что огненный шар поразил монстров и не причинил вреда его товарищам. Но они рухнули мгновение спустя: когтистая лапа схватила его за горло, грязным когтем пропарывая кожу. Делебрентия, висящий словно рыба на крючке, ослеплённый, опалённый собственным пламенем Делебрентия не мог даже сопротивляться напавшему на него чудовищу.

Если бы Кэддерли остался возле двери, у которой час назад расстался с магами, он увидел бы вспыхнувший далеко внизу пожар. Взрыв с силой фейерверка, которыми жрец порой развлекал своих детей, объял величественную сосну. Но Бонадьос вернулся храм

почти сразу, четвёрка гостей из Врат Балдура отправилась в путь. Кэддерли не оставалось ничего, кроме как вновь попробовать связаться с Денеиром — Лорд Глифов и Образов был одним из немногих богов в людском пантеоне, способных найти выход из сложившейся ситуации.

Кэддерли устроился для медитации в маленькой комнате на расстеленном одеяле — помещение освещалось лишь парой свечей. Жрец сел на пол, скрестив ноги, а руки положил на колени ладонями вверх. Хранитель делал глубокие вдохи и выдохи, очищая свой разум от лишних переживаний и сует: это было нужно, чтобы перенестись из материального Плана в Дом Знаний, родной План Денеира и Огмы.

Бонадьос много раз пытался попасть туда в последнее время. Пару раз ему даже казалось, что у него получилось, но образ исчезал из его разума прежде, чем обретал ясные очертания.

Хотя в этот раз было иначе: Кэддерли чувствовал присутствие Денеира. Жрец приложил все силы в попытке отделиться от своего сознания.

Избранный Денеира оказался посреди усыпанного звёздами неба — он видел своего бога, посреди небесных светил читающего нараспев длинный развёрнутый свиток. Поначалу Кэддерли не мог разобрать слов. Жрец направился к своему богу, зная, что удача на этот раз на его стороне: он в обители Лорда Образов.

Он слышал песнь.

Числа. Денеир работал над Метатекстом, связывающим воедино логические цепочки во всём сущем.

Постепенно Кэддерли начал различать светящиеся нити, образующие сеть в небе над ним и Денеиром — сеть, дающую волшебство Торилу. Плетение. Бонадьос остановился и обдумал увиденное: возможно ли, что Метатекст и Плетение связаны не только в философском смысле? И если это так, то не повлекло ли разрушение Плетения нарушения в Метатексте? Нет, нет, это невозможно. Жрец вновь сконцентрировался на Денеире.

Кэддерли понял, что бог пересчитывал нити, каким — то непостижимым образом упорядочивая их и занося в свиток. Возможно, он пытается связать прорехи в Плетении с логикой Метатекста, подумал взволнованный жрец. Был ли его бог единственным, кого волновала гибель магии?

Бонадьос хотел было просить своего бога об озарении, но с удивлением понял, что Денеир на него не обращает внимания. Да его бог вообще тут не при чём: Кэддерли оказался в Доме Знаний лишь благодаря стечению обстоятельств.

Он переместился ближе, чтобы взглянуть из — за плеча бога на записываемые наблюдения.

Кэддерли заметил, что в пергамент занесены таблицы чисел — похоже на архисложную задачу. Денеир пытался расшифровать само Плетение, разгадать смысл каждой пряди. Было ли возможным, что Плетение, так похожее на паутину, имело центральные скрепляющие узлы, державшие всё остальное? Тогда, может, всё дело в том, что Плетение разрушилось из — за этих узлов?

Или повреждена сама модель? Быть этого не может!

Кэддерли молча наблюдал за работой Денеира. Жрец выделил и запомнил несколько рядов чисел — вернувшись в своё тело, он запишет и подумает над ними. Хотя он и не был богом, Бонадьос полагал, что может хоть чем — то помочь своему покровителю, писарю Огмы.

Избранный Денеира открыл глаза: свечи ещё горели, но, судя по их длине, он провёл в Доме Знаний порядка двух часов. Кэддерли поднял и подошёл к своему столу, чтобы записать запомненные ряды чисел из свитка Огмы, являвшие собой Плетение.

Разрушенное Плетение.

— Что же случилось с недостающими нитями?

В отличие от Кэддерли Айвену Валуноплечему, собиравшему дрова для своей кузни, было хорошо видно зарево пожара.

— Это явно не к добру, — пробормотал дварф.

Он сначала подумал о своём брате, но затем понял, что Пайкел тут же пришёл бы в ярость, увидев такую великолепную сосну, объятую пламенем. Айвен встал на каменный выступ, чтобы получше разглядеть, что там происходит. Не успел он спуститься по тёмной тропе вниз, как ветер донёс до него крики.

Дварф свалил свою ношу возле тачки с дровами, поправил однорогий шлем и поднял Расщепитель. К слову, обоюдоострая секира получила от хозяина подобное название после того, как Кэддерли зачаровал её: оружие разрубало одинаково легко и брёвна, и гоблинов. Даже не взглянув в сторону храма, желтобородый дварф побежал вниз по тёмной тропе.

Когда он добрался до горящей сосны, то увидел, как какие — то тёмные твари пожирали тела балдурских магов. Айвен было притормозил, но тут одно из чудищ заметило дварфа и направилось к нему, волоча по земле свои длинные конечности. Валуноплечий подумывал уже об отступлении, когда услышал стон одного из магов.

— Ну, тогда ладно! — решил дварф и ударил чудовище. Расщепитель загудел при взмахе. Лезвие секиры с лёгкостью прошло сквозь чёрную плоть и из визжащего существа вывалилось что-то липкое.

Твари не успевали уворачиваться от мощных ударов и из — за своей глупости не могли забыть о голоде и избежать неминуемой смерти. Чудовищам не было конца: вокруг дварфа валялись распотрошённые туши и внутренности, его руки работали без усталости, отсекая головы и конечности.

Когда поток врагов неожиданно иссяк, Айвен устремился к ближайшему магу, старшему из группы.

— Этому уже не поможешь, — пробормотал он, когда, перевернув Ресмилиту, увидел его разорванную глотку.

Лишь один из них был ещё жив. Бедный Делебрентия лежал, чуть вздрагивая: его кожа была покрыта волдырями, а глаза плотно закрыты.

— Я помогу тебе, — прошептал ему Айвен. — Ты потерпи, я отнесу тебя к Кэддерли.

Сказав это, он быстро огляделся, повесил Расщепитель за спину и наклонился, одну руку продев под колени Делебрентии, а другой обхватив его поверх спины. Поднимая его, Айвен почувствовал нестерпимый холод — то было похоже не на зимний мороз, а на ощущение стоящей позади смерти.

Он медленно развернулся. Рядом с ним находилось какое — то существо: неясная тень рассматривала его. Оно не было похоже на убитых им бескостных монстров, а скорее, напоминало старого и сгорбленного человека.

От холода у Айвена начали стучать зубы. дварф хотел обратиться к этому...и понял, что слова излишни.

В голове у Айвена возникли картины далёкого прошлого: он и шестеро его друзей находились в пещере возле могущественного артефакта. Образ красного дракона был таким чётким и мощным, что дварф присел, будто бы монстр находился прямо над ним.

Но появилось ещё одно видение: образ иллитида с щупальцами, напоминавшими пряди бороды старого дварфа, вытеснил все остальные.

Ветер принёс имя. «Яраскрик».

Айвен выпрямился, подняв Делебрентию на руки. Затем он положил человека на землю перед собой и тяжёлым ботинком наступил магу на горло, душа Делебрентию до тех пор, пока тот не перестал корчиться и извиваться.

С довольной ухмылкой существо, бывшее ранее Айвеном, посмотрело вокруг. Оно протянуло руки к телам четверых балдурских магов, медленно поднимавшихся под воздействием зова. Разорванные глотки, наполовину съеденные руки, огромные дыры в их

животах — всё это не имело значения, поскольку устами дварфа к мертвецам взывал Король Призраков.

Айвен Валуноплечий вместе со своими «охранниками» пошёл прочь от храма Парящего Духа. Той ночью дварф вместе со своей свитой отправился в пещеру неподалёку: там они могли переждать день. А когда стемнеет, настанет время убивать.

Глава восьмая

Сражение клинка и разума

Ханалейса метнулась в сторону, отрубая мечом кисть скелету, находившемуся вблизи Тэмберли. Девушка прогнулась и ударом правой ноги снесла череп скелета, имевшего неосторожность повернуться к ней. В тот же миг она нанесла ещё один удар: её кулак проломил гниющую грудную клетку, издав противный чавкающий звук. Но что стоил её удар, способный выбить весь воздух из лёгких, против нежити, которой незачем дышать? Тварь даже не остановилась — её тяжёлая рука наткнулась на блок Ханалейсы, вынуждая её сделать шаг в сторону брата.

Хоть позади и была полная битв и сражений ночь, Ханалейса, как ни странно, почувствовала прилив сил, не переставая осыпать зомби градом ударов. Девушка не останавливалась, пока очередной мертвяк не падал на землю бесформенной грудой: её интересовал только конечный результат — ей не было дела до того, что под ноги валяются кишки, гниющие, кишашие червями и личинками внутренности из пробитых её ударами тел.

Казалось, зомби и скелетам нет конца. Лезвие меча Тэмберли промелькнуло перед лицом Ханалейсы прежде, чем она переключилась на очередного врага, — клинок с лёгкостью прошёл сквозь рёбра, разрубая зомби пополам.

— Тебе явно нужно отдохнуть, — сказал ей брат и тут же вскрикнул от боли: его попытка защитить сестру стоила пропущенного удара от ближайшего монстра — на правой руке парня появилась длинная кровоточащая рана. Он быстро отступил назад, не переставая рубить наступавшего на него скелета.

И тут в бой снова вступила Ханалейса. Сделав сальто, она приземлилась аккуратно между двумя скелетами — ближайшему к ней и тому, что наседали на её брата. Девушка одновременно ударила руками — оба мертвяка рассыпались по земле грудой костей. Мягко опустившись на левое колено, Ханалейса с полуоборота нанесла мощный удар по телу следующего зомби.

Она было ступила вправо, но обнаружила, что её нога застряла в теле мертвяка, зацепившись за позвоночник. Девушка дёрнулась ещё раз, но увязла сильнее.

Тэмберли ударом меча попал зомби в морду, начисто снес его челюсть. Ханалейсе же пока так и не удалось выбраться из этого «капкана».

— Прикрой меня, — крикнула она брату, но слова застряли в горле, стоило ей увидеть, что кровотечение на руке Тэмберли стало ещё сильнее.

Мышцы его предплечья напряглись до предела, когда парень в очередной раз замахнулся мечом, и кровь обильным красным фонтаном ударила в воздух. Ханалейса знала, что он долго не продержится. Они оба не продержатся.

Измученным и раненым, прижатым к стене склада, им требовалась передышка, что-то, что дало бы им время и возможность перегруппироваться и перевязать раны — иначе, Тэмберли умрёт от потери крови.

Наконец освободившись из «объятий» зомби и встав на ноги, Ханалейса глазами начала искать Пайкела, или путь к отступлению, или ещё что-то, что могло помочь им. Но всё, что она увидела, — это очередной павший от лап зомби защитник города и море нежити вокруг. Новый пожар разгорался всего в нескольких кварталах отсюда. Кэррадун пылал.

Со вздохом, полным отчаяния и скорби, еле сдерживая слёзы, девушка вновь вступила

в жестокий неравный бой, нанося удары сразу двум монстрам, включая и того, который атаковал Тэмберли раз за разом. Она крутилась и вертелась, колола и рубила, а брат старался не отставать от неё. Но его удары становились всё медленнее и медленнее. Он потерял слишком много крови.

Конец близился...

— Они слишком тяжёлые! — пожаловалась девочка, пытаясь поднять ящик. Но неожиданно её ноша стала лёгкой, и она подняла ящик, будто он ничего не весил. Когда она увидела, что подняла его сама, без чьей — либо помощи, девочка недоуменно заглянула внутрь: не просыпалось ли содержимое?

Неподалёку на крыше Рори сосредоточился и отдал приказ невидимому слуге помочь малышке. Собственно, это не было магией, да и сам Рори не был магом — в такие непредвиденные и опасные времена он не смел прибегать к более сложным «трюкам».

Он получил удовольствие от своих попыток: лидеру пристали мудрость и благоразумие, а не только сила воина или талант Искусства. Его отец никогда не был великим воином, даже когда беды обрушились на библиотеку Назиданий и Кэддерли стал избранным своего бога Денеира. Однако Рори хотел больше тренироваться и учиться тому, что умели его сестра с братом. Парень с трудом опирался на походный посох: из его опухшей лодыжки шёл гной. Это явно не делало из него могучего воина.

«Но и маг я тоже далеко не самый лучший,» — подумал Рори, наблюдая за тем, как его невидимый слуга исчез. Девочка, потеряв равновесие из — за тяжести, упала. Крышка ящика разбилась, и виски разлилось по крыше склада.

— Что дальше? — спросил один из защитников. До Рори спустя мгновение дошло, что говоривший мужчина, по возрасту намного старше, обращается к нему, ожидая указаний.

— Будь лидером, — пробурчал сам себе Рори и указал в сторону фасада склада, где внизу всюду кипел бой.

— Ду — да! — послышался знакомый возглас справа от Ханалейсы. Она взглянула туда, но тут же в испуге отскочила назад.

Над головами защитников начали падать ящики с виски, дюжины ящиков! Они съезжали с крыши и падали — некоторые на головы зомби и прочие созданий, другие просто тяжело разбивались о мостовую.

— Что за...

— Ду — да! — последовал выразительный ответ.

Все защитники посмотрели в ту сторону и увидели Пайкела, указывающего на них: его правая рука была вытянута, дубинка нацелена на орду врагов. С намерения сорвались искры, отогнав зомби и давая Пайкелу место. Но, что более важно, искры воспламенили алкоголь — ничто не горит сильнее и ярче Кэррадунского виски! Дварф побежал дальше, его дубинка рассыпала искры, а пламя шипело в ответ.

Несмотря на боль и страх за братьев, Ханалейса не смогла удержаться от смеха, видя, как дварф, словно раненная птица, махал рукой. Он не бежал — Ханалейса видела — он танцевал.

Образ пятилетнего Рори, бегающего по саду матери во внешней части храма Парящего Духа, с фейерверком в руках, вспыхнул в памяти Ханалейсы. Девушка поняла, что дядя Пайкел всё сделал правильно. Она быстро отогнала воспоминание и прикончила ближайшего по эту сторону огненной стены монстра. Ханалейса подбежала к Тэмберли, который как раз собирался трубить отступление. Из сумки она достала чистую ткань и быстро перевязала раненную руку брата. Он благодарно кивнул и потерял сознание. Ханалейса подхватила его

и позвала помощь, указывая какой — то женщине на меч Тэмберли, потому что она знала, что меч ему ещё понадобится, и притом очень скоро.

Склад, в который они попали, был полон утомлённых и измученных защитников города — измученных не только физически, но и, что гораздо важнее, морально. Мужчины и женщины знали, что их любимый Кэррадун не сможет пережить этот неожиданный штурм.

— Ты спас нас всех, — чуть позже, когда все собрались вместе, сказала Ханалейса Рори.

— Дядя Пайкел сделал самую опасную работу, — ответил Рори, кивая головой в сторону дварфа.

— Ду — да, хи — хи — хи, — сказал дварф. Он показал на свою дубинку и добавил «БУМ!», потрясая волосатой головой.

— Но мы ещё не в безопасности, — следя за резнёй на улице сквозь маленькое окошко, сказал Тэмберли. Его слова прозвучали жёстко, хоть и были сказаны в полголоса: — Тех огней надолго не хватит.

Это была правда, но начатый виски пожар повернул битву вспять и дал им возможность передохнуть. Тупые мертвяки не знали страха и продолжали лезть вперёд — их гниющая одежда и кожа давали огню новое топливо: пламя пожирало их и перекидывалось на других ближайших. Нескольким зомби удалось прорваться сквозь огонь — они цапалились и бились о стены склада, колотили в обшивочные доски.

Один из них прошёл прямо через огонь, весь объятый пламенем, протопал к двери склада и умудрился несколько раз ударить кулаками в неё, пока огонь не прикончил его. Но, к несчастью, удары не прошли даром: огонь лизнул дверь склада. Ничего страшного в этом не было бы, если бы не крыша над ними, на которой чуть раньше разбился ящик с виски, которое разлилось по крыше...и ниже.

Несколько человек вскрикнуло, когда угол склада загорелся. Некоторые кинулись тушить огонь, но без толку. Хуже того, здесь тоже было помещение с алкоголем. Виски — наиболее экспортируемый товар Кэррадуна: лодки с бочонками, наполненными им, отчаливали почти каждую неделю.

Более сотни людей находились в помещении и паника распространилась очень быстро, подобно огню на крыше.

— Нам надо выбираться отсюда! — крикнул кто — то.

— К докам! — поддержали другие и начался панический бег к чёрному выходу из склада.

— Ух — ох, — только и смог сказать Пайкел.

Тэмберли закинул руку Рори на своё плечо и братья, опираясь друг на друга, двинулись к выходу, потянув Ханалейсу и Пайкела за собой. Пайкел было двинулся за ними, но Ханалейса схватила его за руку и придержала.

— Э — э-э....?

Девушка указала на бочку и рванулась к ней. Одним ударом выбила крышку и подняла емкость с виски, потом направилась к переднему входу, где нежить всю колотила в дверь. Глянув на Пайкела, девушка начала разбрызгивать содержимое бочонка вдоль стены.

— Хи — хи — хи, — согласился Пайкел, тут же оказавшись подле неё точно с таким же бочонком. Сначала он поднёс его к губам и сделал долгий глоток, а потом начал разливать виски вдоль стены, на пол и стропила. Ханалейса глянула в другой конец склада: храбрые горожане успокоились и теперь слажено и чётко через выход направлялись в сторону доков. Пожар быстро распространялся. Несколько горящих балок упало с потолка на пол.

— Хана! — крикнул Рори с другой стороны склада.

— Уходи! — закричала она в ответ. — Дядя Пайкел, давай!

Дварф схватил её, и они бок о бок побежали к выходу. Ещё несколько горящих обломков упали с потолка, пропитанная виски стена занялась пламенем. Огонь разошёлся по всей стене позади них.

Но нежить это не сильно задело, осознала Ханалейса, как только они достигли выхода.

— Иди! — приказала она Пайкелу, и толкнула его в дверь. К всеобщему ужасу, Ханалейса обернулась и побежала обратно в горящее здание.

Дым забивался ей в нос и разъедал глаза. Она почти ничего не видела, но девушка и так знала дорогу. Она перепрыгнула через горящую балку посреди склада, затем нырнула и прокатилась под ещё одной.

Ханалейса приблизилась к парадной двери, и как только она подбежала к ней, ближайший бочонок виски взорвался, вызывая цепную реакцию. Она вложила всю силу в удар, толкнув ещё один бочонок в сторону двери. Девушка слышала, как трещат доски пола у неё под ногами. Наконец, огонь набросился на виски, разлитое ею с Пайкелом. Ханалейсе не оставалось ничего, кроме как спастись бегством от неминуемой гибели.

Но дверь уже была выломана — кровожадные тупые мертвяки хлынули внутрь. Ещё больше бочонков взорвалось и половина крыши обвалилась позади неё прямо на врагов. И Ханалейса продолжала бежать, добившись своего. Она не видела ничего и бежала вслепую, до крови сдирая ноги, когда пробиралась через горящие обломки.

Бочонки взрывались дальше, пылающие осколки разлетались во все стороны. Дым стал таким густым, что она не видела не то, что выход, — она не видела даже себя. Ханалейса пробежала ещё немного и врезалась в какие — то коробки, опрокинув их.

Она не могла видеть, не могла дышать, не имела представления, где выход, и знала, что куда бы она не пошла, везде её ждёт смерть. Ханалейса металась вправо и влево, шла в одном направлении, потом резко назад. Она кричала, но её голос тонул в рёве пожара.

В какой — то момент ужас отступил. Она знала, что обречена, её успешная выходка стоила ей жизни.

Пусть будет так!

Девушка стояла на четвереньках и думала о своих братьях. Она надеялась, что выиграла достаточно времени, чтобы они могли убежать. Дядя Пайкел отведёт их в безопасное место, сказала она себе, и сама кивнула в знак согласия.

К всеобщему удивлению, Бруенор ничего не сказал. Но ни Тибблдорф Пвент, ни Дризт не смогли не заметить пристального и явно неприветливого взгляда в ту сторону, где между деревьев на своих волшебных скакунах петляли Джарлаксл с Атрогейтом.

— Он создан для Мясников, — заметил Пвент, сидевший на козлах повозки позади Бруенора, в то время как Дризт шёл сбоку. Тибблдорф кивнул головой в сторону Атрогейта. — Он слишком уж чистый и ухоженный, но мне нравится его свинья. И его кистени!

— Весёлые Мясники любят поиграть с дроу, не правда ли? — спросил Бруенор, но прежде, чем колкость дошла до Пвента, Дризт ответил:

— Иногда.

— Ба, эльф, ты не дроу, и никогда им не был, — запротестовало Бруенор. — Ну, ты понимаешь, что я имею в виду.

— Да, — кивнул Дризт. — Ты не хотел обидеть, а я не обиделся. Но и Джарлаксл — не то, что ты привык ожидать от моего народа.

— Ба, но он — не Дризт.

— Не был им и Закнафейн в том смысле, что ты имел в виду, — ответил Дризт. — Но король Бруенор был бы рад моему отцу в Мифрил Халле. Я в этом уверен.

— И этот... странный, похож на твоего отца, да?

Дризт посмотрел в сторону леса, видя, как Джарлаксл едет на своём адском скакуне, и пожал плечами, слегка растерявшись.

— Мне говорили, что они были друзьями.

Бруенор замолк на миг, разглядывая странное существо, коим был Джарлаксл, в своей широкополой, украшенной большим пером, шляпе. Всё в нём казалось dwarфу чужим и странным. Для консервативного Бруенора это «всё» звучало, как «иное».

— Я просто не уверен в нём, — пробормотал король dwarфов. — Моя девочка в беде, а ты просишь меня доверять Джарлакслу и его ручному dwarфу.

— Достаточно справедливо, — признал Дризт. — И я не скрываю, что у меня есть собственные подозрения.

Дризт вскочил на повозку и взял вожжи, чтобы проехать немного вперёд. Он смотрел на Бруенора, требуя его внимания.

— Но я также знаю, что если бы Джарлаксл хотел нашей смерти, мы бы уже ходили по Долине Фуги. Мы с Реджисом не выбрались бы из Лускана без его помощи. Кэтти-бри и я не убежали бы от его же воинов за пределами Мензоберранзана много лет тому назад, не позволяй он этого. Я уверен, что он не просто так предложил нам помощь, нам и Кэтти-бри.

— У него есть на это причины, — сказал Бруенор, — или я бородастый гном! И проблема побольше, чем та сказка, которую он нам рассказал: вряд ли он просто хочет убедиться, что хрустальный Осколок уничтожен.

Дризт кивнул.

— Очень даже может быть. Но, если даже это правда, у нас больше шансов с Джарлаксом на нашей стороне. Мы бы даже не двинулись по направлению к храму Парящего Духа и Кэддерли, не пришли Джарлаксл своего dwarфа в Мифрил Халл, чтобы предложить это.

— Чтобы выманить нас! — грубо отрезал Бруенор.

Дризт поднял руку, успокаивая dwarфа.

— Опять же, друг мой, если бы это было сделано только для того, чтобы сделать нас уязвимыми, Джарлаксл бы организовал засаду на дороге, сразу за воротами твоего Королевства. Мы бы сейчас лежали мёртвыми и нас клевали бы вороны.

— Если только ему не надо что-то от тебя, — вопросительно взглянув на эльфа, сказал Бруенор. — Например, хорошая награда за голову отступника Дризта До'Урдена: матроны Мензоберранзана были бы весьма щедры и благодарны.

Такое было возможным, признал про себя Дризт. Он обернулся через плечо, чтобы взглянуть на Джарлаксла, потом отрицательно помахал головой. Если бы Джарлаксл желал чего — то подобного, он бы использовал всю свою силу, и ещё возле Мифрил Халла захватил всех четверых, включая того, кто был нужен ему сильнее всего. Но кроме такой простой логики, было что-то ещё: понять Джарлаксла и его мотивы было очень трудно.

— Я не верю в это, — ответил Дризт Бруенору.

— Ба! — фыркнул dwarф, едва ли поверив ему. Он щёлкнул поводьями, и их группа двинулась быстрее: хоть они и прошли за сегодня полсотни миль, но впереди был ещё день пути.

— Значит, ты веришь, что мы ему нужны только для того, чтобы познакомить с Кэддерли? Ты купился на эту сказку? Ба!

Трудно было найти надлежащий ответ одному из этих самых «ба». Но прежде, чем Дризт открыл рот, крик с задней части фургона в один миг закончил дискуссию.

Все трое повернулись назад и увидели Кэтти-бри, парящую в воздухе — её глаза закатились так, что видны были только белки. Она не поднялась достаточно высоко, чтобы выплыть за борт фургона — так и застыла в невесомом состоянии. Одна её рука поднялась в сторону, плавая в воздухе, как будто в воде, но вторая была вытянута вперёд, двигаясь так, как будто она держала меч.

Бруенор потянул поводья и передал их в руки Пвента, перепрыгивая через сидения, даже прежде, чем тот успел их поймать. Дризт прижал dwarфа к борту повозки — ловкий дроу перепрыгнул через неё и схватил Кэтти-бри за левую, свободную, руку в тот момент, как она начала соскальзывать с фургона. Дроу поднял вторую руку, останавливая Бруенора, и пристально наблюдал за тем, как Кэтти-бри ведёт свою невидимую борьбу. Затем её

голубые глаза вновь вернулись на место. Правая рука дёрнулась, и девушка поморщилась. Её взгляд был направлен куда — то в пространство. Рука медленно повернулась, как будто вложила воображаемый меч в ножны. Но сразу после этого рука дёрнулась — будто кто — то или что-то потянуло за эфес клинка. Дыхание Кэтти-бри стало тяжёлым и прерывистым. Одинокaя слеза скатилась по её щеке, и она спокойно вымолвила:

— Я её убила.

— О чём это она? — спросил Бруенор.

Дризт продолжал держать руку, прося дварфа молчать, и не отрывал взгляда от любимой. Голова Кэтти-бри наклонилась вниз, как будто она смотрела на землю, потом повернулась назад и она подняла свой «меч» вверх.

— Уверен, она смотрит на кровь, — прошептал Бруенор. Он слышал, как Джарлаксл с Атрогейтом подъехали сбоку, но даже не оторвал взгляд от своей любимой дочери.

Кэтти-бри тяжело дышала и не сдерживала катившиеся по щекам слёзы.

— Она сейчас в будущем или в прошлом? — спросил Джарлаксл. Дризт качнул головой неуверенно, но по правде говоря, он почти точно узнал сцену, которая перед ними разыгралась несколько минут назад.

Атрогейт срифмовал что-то про слабоумие. Бруенор повернулся и бросил на него испепеляющий взгляд.

— Прошу прощения, добрый король Бруенор, — извинился Атрогейт, — но это то, что я думаю.

Рыдания сотрясли Кэтти-бри. Дризт увидел достаточно: он обнял её и начал нащёптывать на ухо слова утешения.

И тут мир потемнел для дроу. На миг он увидел жертву Кэтти-бри — волшебницу по имени Сидни, носящую робу главной башни магов, и он без сомнения узнал ту сцену, которую пришлось пережить его возлюбленной.

Прежде, чем он понял, что видел тело первой убитой Кэтти-бри, чью кровь она почувствовала на своих руках, изображение пропало, и его понесло дальше, как будто через королевство смерти в...

Он в ужасе оглянулся, но не увидел ни фургона, ни Бруенора — только странный, тусклый свет, мрачные тени и тёмно — серый, почти чёрный туман, подгоняемый ветром.

Они добрались до него там, в другом мире — тёмные, безногие твари из плоти, похожие на троллей, передвигаясь на руках и скаля клыки. Дризт быстро обернулся, положил Кэтти-бри на землю и потянулся к своим скимитарам. Первая из тварей была уже возле него. Даже блеск Мерцающего казался тусклым, когда он махнул им. Но свою работу оружие сделало, отрубив лапу чудища по локоть. Дризт метнулся вперёд, вгоняя Леденящую Смерть в грудь другого существа.

Он отскочил назад и повернулся. К его ужасу Кэтти-бри не было там, где несколькими моментами раньше он её оставил. Дризт рванулся вперёд, врезаясь в кого — то или что-то, легко увернулся и кувырком прокатился дальше. Точнее попытался сделать это, но обнаружил, что земля на несколько футов ниже, чем он ожидал, и приземлился на спину, да так, что аж челюсть хрустнула.

Дризт неистово замахал клинками, чувствуя тварей во тьме. Он вскочил на ноги и отпрыгнул, пытаясь увернуться от тварей

Дроу был в ярости: клинки выписывали невероятные пируэты, восьмёрки и круги, нанося мощные и разрушительные удары. Твари с криками и визгами так и валялись, по три за раз.

— Кэтти-бри! — прокричал Дризт — он её не видел, значит, они забрали её! Он было рванулся вперёд, но услышал какой — то звук справа от себя, и как только повернулся, что-то ударило его: одна из тварей очень близко подобралась к нему и нанесла мощный удар.

Падая, он потерял один из скимитаров, врезался в что-то твёрдое, похоже дерево, и обнаружил, что застрял: создавалось такое впечатление, что тварь его окутала чем — то липким, мешая двигаться. Дризт смог пошевелить лишь рукой, он ничего не видел и даже

дышал с трудом.

Он попробовал освободиться, думая о Кэтти-бри, но чувствовал, что чёрные твари приближаются к нему всё ближе и ближе.

Глава девятая

Время героев

Возникший свет, подобный свету яркого маяка, с трудом пробивался сквозь дым и словно притягивал её. Ханалейса ощутила его манящую теплоту, столь отличную от жара пламени. Он звал её так, словно это были чары. Когда девушка наконец — то вырвалась через дверь сквозь плотный дым, валящийся на пристань, она не была удивлена, увидев усмехающегося дядю Пайкела. Друид стоял там с поднятой вверх ярко сияющей тростью. Она попыталась поблагодарить его, но закашлявшись от дыма, зажала рукой рот. Пройдя чуть дальше, она только собралась было подойти к Пайкелу, чтобы обнять его; как к ней подбежали братья и начали что есть сил хлопать по спине, дабы помочь избавиться от дыма в лёгких.

Все это привело к тому, что понадобилось некоторое время, прежде чем Ханалейса сумела откашляться и встать прямо. Пайкел быстро вывел всех их из склада. Хотя множество взрывов разрушило почти всё, оставалось несколько бочонков кэррадунского виски, готовых взлететь на воздух в любое время.

— Почему ты пошла туда? — начал ругать её Рори вскоре после того, как непосредственная опасность миновала. — Это было глупо!

— Тут, тут, — обратился к нему Пайкел, покачивая пальцем в воздухе, чтобы заставить его замолчать.

Половина крыши осела с сильным грохотом, подмяв под себя часть стены. Через этот пролом компания видела продолжающееся нападение нежити, безмозглые монстры охотно шли в открытую Ханалейсой дверь, где быстро падали, пожираемые огнём.

— Она пригласила их войти, — сказал Тэмберли своему младшему брату. — Хана сэкономила нам время, в котором мы будем нуждаться.

— Что они делают? — спросила Ханалейса, глядя в сторону причалов. Этот вопрос оказался скорее восклицанием, нежели попыткой узнать правду, поскольку ответ был очевиден. Люди толпились на борту двух маленьких рыбацких суденышек, практически лодок, пришвартованных поблизости.

— Они собираются переправить нас через озеро на север, в Бьерндайн, — объяснил Тэмберли, говоря про ближайшую к Кэррадуну деревню на берегу озера.

— У нас нет времени, — ответила Ханалейса.

— У нас нет выбора, — сказал Тэмберли. — Здесь у них хорошие команды. Они быстро подготовят и переправят много лодок.

Со стороны доков послышался гомон. Он перерастал в давку и борьбу отчаявшихся горожан, хотевших забраться на борт первых двух лодок.

— Только моряки! — громче всех кричал мужчина, так как план состоял в том, чтобы заполнить первые две лодки опытными моряками, которые затем смогли бы восстановить оставшуюся часть флота.

Но всё шло не так, как было запланировано.

— Отходите! — кричало много людей на борту одной из лодок, в то время как другие всё ещё пробовали забраться на борт.

— Слишком много, — прошептала своим компаньонам Ханалейса. Действительно, небольшое рыбацкое судно в двадцать футов длиной не было рассчитано на перевозку такого большого количества людей, которые, к тому же, ещё и раскладывали на борту свои

пожитки. Однако они перерубили швартовы и отошли от причала. Как только суденышко стало отплывать, несколько людей прыгнуло в воду и изо всех сил поплыло следом, чтобы хотя бы зацепиться за край борта, который был чуть выше холодных вод озера Импреск.

Вторая лодка, в которой людей было поменьше, также отошла от берега, и вскоре на ней были подняты квадратные паруса. А первая была так сильно перегружена, что команда просто не могла добраться до такелажа, не говоря уже о том, чтобы поднять паруса. У людей, стоящих на берегу, перехватило дыхание, когда они увидели как сильно она накренилась, в то время как на самой лодке от отчаяния шум лишь усилился.

Многие в тревоге уже качали головами в ожидании катастрофы, когда ситуация еще больше ухудшилась. Внезапно люди в воде с ужасом начали кричать и метаться. Рыбы — скелеты, словно брошенные ножи, пронзали их насквозь.

Рыбацкая лодка очень сильно раскачивалась, а пассажиры в ней вопили, видя как вспененная вода становится красной от крови.

Затем, появились моряки — зомби, восставшие по чьему — то невидимому приказу. Костистые руки зацепились за борта осевших судов, люди в лодках и на берегу закричали от ужаса, поскольку скелеты давно погибших рыбаков стали выбираться из темных вод.

Из — за паники на борту первой лодки несколько человек оказалось в воде. Судно раскачивалось и меняло направление, а постоянно смещающийся центр тяжести и стал в конце концов причиной её неукротимого и бедственного переворота. Моряки на второй лодке тоже запаниковали и не смогли достаточно быстро отреагировать на маневр первой. Треск дерева, раздавшийся при столкновении, почти заглушил крики обречённых на гибель горожан. Многие нырнули в воду, и, так как на борт забирались скелеты, у остальных не было выбора, кроме как прыгать в Импреск и плыть к берегу.

Мужчины долго курсировали по водам озера. Эти глубины знали тысячу тысяч поворотов круга жизни. Их покой был нарушен восставшими мертвецами, а воды становились мутными, поскольку в них появлялось всё больше и больше рыбьих скелетов.

Стоявшие на причалах Ханалейса, её братья и дядя Пайкел могли лишь с ужасом наблюдать, как ни один из восьмидесяти людей, севших на те две лодки, не добрался до берега живым.

— Что теперь? — закричал Рори со слезами на глазах; он еле смог произнести эти слова, задохнувшись от горя.

Действительно, каждый, кто стоял на пристани задался этим ужасным вопросом. Затем с сильным грохотом разрушился склад. Много нежити было уничтожено в том пожарище благодаря смелости Ханалейсы, но всё равно её оставалась ещё большая часть, гораздо большая. И горожане оказались в ловушке, прижатые к воде, к озеру, к которому они теперь не осмеливались приближаться.

Группы беженцев, подавшиеся на север и юг, больше напоминали сброд, поскольку в них царили паника и анархия. Несколько команд с лодок сумели объединиться на берегу, и многие горожане последовали под их защиту.

Ещё больше людей надеялось на детей Кэддерли и Даники, этих малолетних героев. В свою очередь, у них оставалась единственной надежда — дядя Пайкел.

Пайкел Валуноплечий принял на себя эту ответственность, взмахнув при этом культией в воздухе. Обрубком руки он прижал к себе свою дубинку и начал какие — то странные прыжки по кругу, дотрагиваясь пальцем до губ и постоянно что-то бормоча.

— Ну, что дальше? — крикнул капитан лодки. Толпа смотрела компанию, надеясь получить ответ.

— Мы нашли место, где можно обороняться, — сказал Тэмберли, после того как узнал об этом от Пайкела. — Найдите неширокую дорожку. Мы не можем здесь оставаться.

— Ух — ух, — протестовал Пайкел, как раз когда они начали готовить отступление.

— Нельзя здесь оставаться, дядя Пайкел! — сказал Рори дварфу, но упрямый Пайкел лишь улыбнулся в ответ.

Зеленобородый друид закрыл глаза и застучал тростью по дощатому настилу, будто

обращаясь к земле. Он повернулся налево, на север, а затем заколебался и развернулся обратно.

— Что он делает? — спросил капитан и несколько других людей.

— Я не знаю, — ответил Тэмберли, пожав плечами.

— Мы не пойдём вслепую за глупым дварфом! — сказал капитан.

— Тогда вы погибнете, — без промедления ответила Ханалейса.

Её слова возымели действие, и все они двинулись вслед за Пайкелом. Он вёл их из доков на северное побережье, быстро приближаясь к тёмным скалам, защищавшим гавань Кэррадуна от северных ветров.

— Но мы не сможем забраться на эти утёсы! — пожаловался один человек.

— Мы слишком близко подошли к воде! — закричала другая женщина, когда из озера появилась тройка оживших моряков — зомби, вынудившая Тэмберли, Ханалейсу и нескольких воинов всю дорогу защищать правый фланг колонны.

Всю дорогу, ведущую к очевидному тупику, где под большим наклоном поднималась скалистая дорожка, затем завершившаяся обрывом.

— Чудесно, — всхлипнул идущий рядом с Пайкелом капитан.

— Ты убил нас всех, глупый дварф!

Конечно, казалось, что он говорил правду: ожившие мертвецы гнались за ними, а им некуда было бежать.

Но Пайкел был совершенно спокоен. Он стоял на самом краю пропасти, возле раскачивающейся сосны и, закрыв глаза, колдовал какое — то друидское заклинание. Дерево отозвалось и опустило вниз перед ним ветку.

— Хе — хе — хе, — произнёс Пайкел, открыв глаза, и вручил ветку стоявшему рядом Рори.

— Что? — спросил молодой человек.

Пайкел кивнул в сторону пропасти и указал Рори на пещеру позади залива.

— Ты хочешь чтобы я прыгнул туда? — недоверчиво спросил Рори. — Ты хочешь чтобы я спустился вниз?

Пайкел в ответ кивнул и толкнул его с уступа.

Вопящий Рори был опущен послушным деревом на узкую полосу камня у залива так мягко, как мать укладывает своего младенца в кроватку. Там он подождал, пока спустится капитан с двумя людьми, прежде чем направился в пещеру.

Пайкел спустился с уступа последним, как раз в то время, когда множество скелетов и зомби подобралась близко. Несколько монстров прыгнуло вслед за ним, однако они упали и разбились о камни.

Держа свою ярко светящуюся трость, Пайкел прошёл мимо толпящейся группы людей и повёл их в пещеру, которая, на первый взгляд, казалась широкой и высокой. Но чувства Пайкела и его волшебное способность общаться с землёй не подвели. В противоположной стене пещеры был боковой коридор, ведущий вглубь утёса и дальше в глубины Снежных Хлопьев.

Выживших кэррадунцев, отправившихся в эту тьму, можно было разделить на два типа: половина из них являлась способными бойцами, вторая половина состояла из испуганных жителей, часть из которых была слишком стара, другая слишком молода, чтобы держать в руках оружие. Некоторое время спустя они добрались до места, которое могли защищать — коридор завершался сужающимся проходом, а он, в свою очередь, переходил в другую пещеру.

Там они и решили разбить первый лагерь. Кольцо стражей стояло у входа в пещеру, который люди закрыли большим валуном, ещё больше стражников охраняло два коридора, ведущих прочь из пещеры, вглубь горы.

Больше не было никаких жалоб в адрес дяди Пайкела.

Джарлаксл вытянул свою волшебную палочку, при этом крикнув Атрогейту:

— Только его лицо!

Дроу выпрыгнул из седла и, оказавшись позади фургона, выстрелил прямо в спину Бруенору, который упал на одно колено и сжимал правой рукой левое плечо, пытаясь задержать струящуюся кровь. Мерцающий огонёк пролетел прямо сквозь броню дварфа и погрузился в его плоть.

Джарлаксл подхватил Кэтти-бри, когда она стала падать из фургона от сильного толчка, произошедшего во время столкновения. Наемник обнял её и подтолкнул обратно, когда Дризт отключился и начал то путешествие к безумию.

Джарлаксл знал, каковыми были на самом деле искажения, поскольку его магическая повязка сопротивлялась мороку. Он держал и успокаивал рыдающую Кэтти-бри. Постепенно дроу смог усадить её в фургон и прислонить к борту.

Отвернувшись, он покачал головой, когда увидел Тибблдорфа Пвента, отрывавшего пропитавшийся кровью рукав Бруенора.

— Ах, мой король, — стонал боец.

— Он дышит, — слышался голос Атрогейта с того места, где находился Дризт, обездвиженный вязким шариком, наколдованным волшебной палочкой Джарлаксла. — И сражается, рубит саблей, хотя не движется, но хочет выжить!

— Не спрашивайте, — сказал Джарлаксл Бруенору и Пвенту, посмотревшим на него вопросительно.

— Что случилось? — потребовал ответа Бруенор.

— С твоей дочерью — не знаю, — ответил Джарлаксл. — Но, когда я подошёл к ней, то меня словно втянуло через неё в какое — то тёмное место. И, посмотрев на Дризта, добавил: — Боюсь, это то место, где сейчас остаётся наш друг.

— Реджис, — пробормотал Бруенор. Он перевёл взгляд на Джарлаксла, но дроу задумчиво смотрел вдаль. — Ты что-то знаешь? — спросил Бруенор, но Джарлаксл только покачал головой.

Наёмник снова посмотрел на Кэтти-бри и вспомнил о внезапно произошедшем телепатическом путешествии, когда он дотронулся до неё. Он верил, что это было нечто большее, чем просто иллюзия. Словно его разум отправился на другой уровень существования. Возможно, уровень теней или какой — либо другой круг Бездны, который, он надеялся, никогда больше не посетит.

Но даже во время этого недолгого путешествия Джарлаксл на самом деле не уходил никуда, словно этот уровень наложился на реальность, соединился в своего рода странную и опасную трещину

Он думал о призраке, с которым столкнулся, когда появился разыскивающий его Гефестус, о дыре, в которую он прогнал существо, и о трещине на астральном уровне, которую он непреднамеренно создал.

Мог ли призрак впредь физически пройти обратно из Торила в то тёмное измерение?

— Это реально, — спокойно сказал он.

— Что? — спросил Бруенор одновременно с Пвентом.

Джарлаксл посмотрел на них и покачал головой, неуверенный, что может объяснить о том, что появилось нечто, чего он так боялся. Нечто, что появилось, чтобы пройти сюда, в этот мир.

— Он успокаивается, — слышался голос стоящего у дерева Атрогейта. — Спрашивает о девчонке и говорит со мной.

С помощью Пвента Бруенор поднялся на ноги и в сопровождении дроу и дварфа направился в сторону Дриззта.

— О чём ты, эльф? — спросил Бруенор, когда подошёл к совершенно беспомощному, приклеенному к дереву Дриззту.

— Что случилось? — спросил дроу — следопыт, пристально глядя на раненую руку Бруенора.

— Всего лишь царапина, — уверил его Бруенор.

— Ба, ещё на два пальца повыше, и ты попал бы ему в голову! — Атрогейт осёкся, когда Джарлаксл с Бруенором впились в него взглядом.

— Я сделал? — хотел спросить Дриззт, но запнулся и с озадаченно нахмурился.

— Как и в тот раз в Мифрил Халле, — проворчал Бруенор.

— Я знаю, где Реджис, — с тревогой глядя на них сказал Дриззт. Он был уверен, что другие понимали, что в этот момент он ещё больше переживал о маленьком друге. Ещё больше опасения и тревоги появилось на его лице, когда он посмотрел на Кэтти-бри. Если разум Реджиса так неосторожно оказался пойманным в ловушку в том тёмном месте, то Кэтти-бри точно застряла между двумя мирами.

— Ты же вернулся, эльф, значит и Пузан вернётся, — попытался убедить его Бруенор.

Но Дриззт не был так уж уверен насчёт этого. Он ведь лишь немного погрузился в это измерение, а Реджис с помощью рубина проник в самые глубины разума Кэтти-бри.

Джарлаксл чуть шевельнул запястьем, и в его руке появился кинжал. Жестом он показал Атрогейту отойти в сторону и, подойдя к Дриззту, стал освобождать его.

— Если снова соберёшься сходить с ума, предупреди меня, — Джарлаксл подмигнул Дриззту.

Дроу не ответил, даже не улыбнулся. Выражение его лица стало еще более мрачным, когда Атрогейт принёс потерянный скимитар, окрашенный кровью его самого дорогого друга.

Часть вторая

Дневник Дриззта: что будет дальше?

Я знаю, что она постоянно мучается, а я не могу пойти к ней.

Я видел ту темноту, в которой она живет, место настолько унылое, что подобного не сыщешь и на самых нижних планах. Она взяла меня туда поневоле, когда я пытался ее немного успокоить, и там, за столь короткий срок, я почти сломался. Она поневоле взяла Реджиса туда, когда он попытался достать её при помощи рубина. И там он сломался. Он бросил тонущей Кэтти-бри веревку, и она утянула его за собой в пучины безумия.

Она потеряна для меня, боюсь, навсегда. Потеряна в забвении, полной пустоте, вялом и безжизненном существовании. И те редкие мгновения, когда она живет, являются для меня самыми болезненными из всех: мгновения, на фоне которых её состояние кажется ещё ужаснее. Как будто она вновь переживает всю свою жизнь, по частям, видя снова те поворотные моменты, благодаря которым она стал той потрясающей женщиной, которую я люблю всем своим сердцем. Она снова стояла на том склоне Пирамиды Кельвина в долине Ледяного Ветра, проживая снова тот самый момент, когда мы впервые встретились, — время, которое является моим самым драгоценным из воспоминаний. Воспоминание, от которого становится невыносимо больно.

Насколько потеряна моя любимая Кэтти-бри? Может, я должен уже отпустить её? И Реджис, несчастный Реджис... Я не могу знать, насколько глубоко во мраке теперь обитает Кэтти-бри, но для меня очевидно, что Реджис сейчас оказался полностью во

тьме. Я вижу всё, что с ним происходит, как и Бруенор, на чьём плече остался шрам от моего клинка, когда я отбивался от воображаемых монстров. Или действительно ли они были лишь плодом сознания? Я не знаю. Но для Реджиса... для него они, конечно же, реальны, и они, как и всё вокруг него, безжалостно ранит.

Наша четвёрка — я, Кэтти-бри, Бруенор, Реджис — боюсь, отражаем мир вокруг нас. Падение Лускана, безумие Капитана Дюдермонта, появление Обальда — всё это было лишь первыми ласточками. То, в вечность чего мы так непоколебимо верили, не стало — Плетение Мистры разрушено. Чудовищность происходящего легко читается на доселе спокойном лице леди Аластриэль. А последствия нашли своё отражение в безумии Реджиса, безмолвной, почти лишившейся рассудка Кэтти-бри и шраме на плече короля Бруенора.

Не только волшебники ощутят последствия этих трагичных перемен. Как можно будет излечить болезнь, если боги не услышат молитв своих священников? Как будут жить короли, когда им нужно будет поехать на грозящую неведомо чем обернуться встречу с союзниками или противниками, если раньше можно было положиться на телепортацию и предсказания? Насколько ослабнут армии, караваны, маленькие города без поддержки могущественных волшебников и как поступят гоблины с орками, когда увидят нашу слабость? Что будут делать друиды? Какая магия поддержит наш готовый рухнуть мир? Или могучие империи падут точно так же, как Тайное Братство и казавшийся вечным Незерил?

Не так давно я разговаривал в Мифрил Халле с гномом Нанфундлом. Мы обсуждали то, как при помощи его мастерства и газа был взорван горный хребет, погрёбший под собой артиллерию Обальда. Довольно — таки ловкий ход: взрыв оказался более действенен, чем шаровая молния самого Эльминстера. Возможно, Нанфундл, трудящийся во имя Гонда, способен на большее, чем иной волшебник. Я неоднократно задавал ему вопрос, почему он делает что — нибудь, чего можно получить легко с помощью магии, вручную.

Конечно, я никогда не получал прямого ответа — это же был Нанфундл. Взамен, он начинал философские рассуждения о ложности утешения, которое мы находим в своей вере в магию, и об «этом самом».

Теперь же я как никогда понимаю, что он подразумевал под «этим самым».

Знают ли фермеры и крестьяне, живущие по всему Фазруну — хотя бы вблизи Глубоководья, Серебристой Луны — как жить без магии друидов? Будут ли они в состоянии прокормить население крупных городов без помощи магии? И это лишь верхушка той горы проблем, которая возникнет, когда магия окончательно исчезнет. Даже канализация Глубоководья, такой сложный механизм, построенный столетия назад, построена на магии. А если её не будет?

А что Калимпорт? Реджис часто мне рассказывал, что там людей гораздо больше, чем можно прокормить лишь при помощи океана и пустыни. Богатые паши тратили целые состояния, нанимая могущественных жрецов, чтобы те обеспечили пищей и напитками рынки, и волшебников, чтобы с помощью магии доставлять провиант из дальних земель.

Каковы будут масштабы того хаоса, что последует без этой поддержки?

И, конечно, что станет с моей родиной, Мензоберранзаном, когда исчезнет волшебство, держащее в подчинении кобольдов, волшебство, защищающее Дома от конкурентов, волшебство, пронизавшее общество дроу насквозь. Ллос, конечно, любит хаос, но что как она отнесется к такому хаосу, когда магия исчезнет?

Общество изменилось за долгие века. Системы, к которым мы ежедневно прибегали, развились и эволюционировали, и я боюсь, что мы забыли об их первоначальном предназначении и принципах работы. Хуже, возможно, будет то, что даже изучая позабытое искусство, этого вряд ли будет достаточно для того, чтобы обеспечить мир, ставший с тех времён таким огромным, всем необходимым. Тот же Калимпорт, возможно, столетия назад вообще не поддерживал таким образом своё население.

Не мог мир достигнуть такого уровня развития в те времена, как сейчас. Контакты с другими землями налажены более плотно, чем в предыдущие века. Многие влиятельные

торговцы Врат Балдура часто посещают Глубоководье и наоборот. Их торговые сети простираются на многие лиги как раз таки из — за поддержки волшебников. И эти сети важны настолько, что без них вспыхнет война между могущественными конкурирующими городами. Если же жители Врат будут зависеть от мастеров и крестьян Глубоководья, то им не нужна будет война!

Но что, если всё это в одночасье рухнет? Что случится, если «то самое» произойдёт? Каким образом мы справимся со всем этим, когда закончится еда, а болезни нельзя будет излечить одними молитвами?

Объединятся ли люди, чтобы создать единое государство, готовое противостоять хаосу?

Или они просто замрут, не в силах бороться с бедствиями невиданных доселе масштабов?

Я боюсь, так и будет. «Это самое» будет первым шагом к войне и напряжённым отношениям между доселе сотрудничавших цивилизаций.

Беспомощно глядя на безжизненную Кэtti-бри, безумного Реджиса и шрам на плече Бруенора, я боюсь того, что вижу будущее.

Дризт До'Урден

Глава десятая

Богатый заместитель

— Ты получаешь слишком много удовольствия от такой простой вещи, — сказал Гефестус своему товарищу в пещере к югу от храма Парящего Духа.

— Это просто эффективность и выгода, дракон, от которых я не получаю ни малейшего удовольствия, — ответил Яраскрик голосом Айвена Валуноплечего, в чьём теле он обитал — по крайней мере, частично.

Любой, знавший Айвена, сейчас удивлённо чесал бы в затылке, поражённый странным акцентом в скрипучем голосе дварфа. При более внимательном осмотре обнаружились бы и другие любопытные детали — Айвен стоял слишком спокойно. Он не дёргал себя за великолепную золотистую бороду, не переминался с ноги на ногу и не ударял себя, как обычно, кулаком в грудь или по бёдрам.

— В тебе я практически не заметен, — добавил Яраскрик. — Гефестус, Креншинибон и Яраскрик едины. Удерживая дварфа под своим контролем, я получаю лишь внешний голос для беседы, хотя и это исключительно хорошая вещь.

— Пока ты читаешь каждую мою мысль, — ответил дракон, не скрывая сарказма в голосе, — ты вынужден использовать часть своего сознания, чтобы защитить свои мысли от меня.

Дварф поклонился.

— Ты не отрицаешь этого? — спросил Гефестус.

— Я в твоём сознании, дракон. Ты знаешь то, что знаю я. Любой вопрос, заданный мне, становится риторическим.

— Однако мы уже не полностью едины, — возразил Гефестус. Дварф усмехнулся. Смущение дракона было очевидным. — Неужели ты не настолько умен, чтобы разделить свои мысли на части — твои собственные и, в виде этого уродливого маленького дварфа, приходящие извне?

Яраскрик в теле Айвена снова поклонился.

— Ты льстишь мне, великий Гефестус. Истина в том, что мы неразрывно связаны. Я могу навредить тебе не больше, чем себе. Что делает один, то делает другой. Ты прекрасно знаешь, что это правда.

— Тогда почему ты пользуешься телом этого бородатого дварфа?

— Потому что тебя, никогда не знавшего такой тесной ментальной связи, сбивало бы с толку то, что один голос затихает и начинается другой, — ответил иллитид. — Может статься так, что мы станем сражаться за управление телом, в котором оба находимся, работая до изнеможения над простейшими движениями. То, что я делаю сейчас, — наилучший выход.

— Так что ты хочешь этим сказать?

— Загляни в себя, Гефестус.

Драколич именно этим и занялся и долгое время не отвечал. Наконец, он взглянул дварфу прямо в глаза и сказал:

— Это хорошая идея.

Яраскрик снова поклонился. Он бросил взгляд в ту часть комнаты, мимо четырёх оживлённых тел волшебников Балдура, где в глубоком сумраке сжалась пара созданий.

— Похоже, Креншинибон воплотил части себя, — сказал иллитид голосом дварфа.

Фетчигрол выступил вперёд до того, как Гефестус ответил.

— Мы — Креншинибон, — произнёс призрак. — Сейчас мы лишь отдельные части одного тела, разделённые магией распадающегося Плетения, но мысленно мы едины.

Гефестус кивнул своей огромной головой, но Яраскрик, ощущавший некую странность последние дни, не согласился.

— Нет, — ответил иллитид, — вы подобны щупальцам кальмара: вы едины, но можете двигаться по отдельности, сами решая как.

— Это не так, ведь мы владеем собой, — возразил Фетчигрол, но это прозвучало пустым звуком для Короля Призраков. Иллитид был довольно точен в своей оценке. Семь призраков, надо думать, приобрели бы какую — то независимость мыслей ещё раз, хотя никто не сказал бы, что Короля Призраков это устроило бы.

— Вы прекрасные воины в деле Креншинибона, — сказал Яраскрик. — Всё же в некоторых пределах у вас есть независимость, поскольку вы показали её в этих горах.

Призрак издал слабый стон.

— Мы существуем в двух мирах, — объяснил Яраскрик. — И в третьем — благодаря Креншинибону, благодаря жертве Фетчигрола и его шести собратьев. Как просто это было для вас, как просто это для всех нас, — достигнуть царства смерти и прикинуться бездумными марионетками, что и сделал Фетчигрол.

— Кэррадун объят хаосом, — проговорил призрак — на тёмном лице не шевельнулся ни один мускул. — Поскольку сбежавшие убиты, их души скоро присоединятся к нам.

Яраскрик кивнул головой в сторону четырёх колдунов — зомби, поднятых им из забвения — одного ещё до того, как унялось пламя, пожидающее его плоть.

— Как это легко, — сказал иллитид, голос его дрогнул впервые за всё время разговора. — С этой силой мы могущественны.

— Однако у нас есть больше, чем просто мощь, — проговорил Гефестус.

Призрачный соратник Фетчигрола выплыл вперёд, подчиняясь воле Короля Призраков.

— Стоит нам захотеть, и сила Царства Теней станет нашей, — сказал Солме. — Ворота не крепки. Дверь не заперта. Твари жаждут плоти Торила.

— И если они погибнут, наши ряды возрастут, — произнёс Фетчигрол.

Яраскрик кивнул и закрыл глаза, прикидывая шансы. Любопытное стечение обстоятельств: неожиданная смесь магии, разума и грубой силы — Креншинибон, Яраскрик и Гефестус — создавала, по — видимому, безграничные возможности. Однако, можно ли было подчинить её общей цели? Завоёвывать или разрушать? Взвешивать, ожидать, исследовать? Какие плоды даст древо, служащее судьбе? И к чему это приведёт?

Рычание Гефестуса оторвало Яраскрика от его размышлений. Он увидел, что дракон смотрит на него с подозрением.

— Где мы, в конце концов, окажемся, не имеет сейчас значения, — предупредил дракон, его голос звенел от сдерживаемой ярости. — Я должен отомстить.

Яраскрик достаточно ясно слышал внутренний диалог дракона, сопровождаемый картинами храма Парящего Духа, родины жрец, из — за которого пали трое соединившихся духов — на это были обращены ненависть и гнев дракона. Прошлой ночью они летели над зданием — уже тогда Яраскрик и Креншинибон должны были принять в расчёт естественную ярость Гефестуса. Могло ли быть связано с двумя внутренними голосами то, что дракон устремился вниз в припадке явного злорадства? Яраскрик не выражал открыто своё несогласие и не позволял даже в мыслях высказывать противоположное мнение.

— Месть! — проревел Гефестус.

— Нет, — отважился возразить иллитид. — Магическое Плетение — таинственная плоть магии — разрушается. Оно отнюдь не потеряно для мира, просто ненадёжно сейчас. Такое место как храм Парящего Духа наполнено могущественными жрецами и волшебниками. Недооценивать скопившуюся там силу было бы полным безрассудством. Когда нам придёт время выбирать, всё падёт, и тогда падут и они. Но это случится не так скоро.

Гефестус взревел снова, но Яраскрик не боялся ярости зверя: он знал, что Креншинибон постоянно укрепляет свою связь с Гефестусом. Дракон жаждал мести, жаждал уничтожить повергших его. Импульсивность и вспыльчивость были частью сущности Гефестуса, частью его жизни.

Иллитиду же были присущи тщательное взвешивание и выдержка. И ни одно разумное существо в мире не было столь терпеливым, как Креншинибон, видевший смены тысячелетий.

Они взяли верх над Гефестусом и усмирили зверя. Их обещания превратить храм Парящего Духа вовсе не были их конечной целью, и, конечно же, Гефестус знал это так же, как если бы эти мысли были его собственными. Драколич был потрясён этими открытиями. Он тоже мог быть терпеливым. В какой — то степени.

— Держать строй! — крикнул Рори людям на левой стене пещеры, рассыпавшимся среди валяющихся камней. Они стояли по голень в воде и бились против толпы скелетов и зомби. Центр защитной линии, поддерживаемый тремя детьми Бонадьюса и Пайкелом, стойко держался против натиска нежити. Вода поднялась почти до колена, и это затрудняло продвижение монстров больше, чем защитники. Извивающийся справа туннель тоже сыграл немаловажную роль в сдерживании чудовищ. Перед ними, там, где туннель расширился, находилась глубокая пропасть. Те скелеты и зомби, которые отваживались пройти этим путём, оказывались под водой, а те, кто пытался вскарабкаться назад, сбивались вниз тяжёлыми булавами. Эта пропасть стала главной причиной для беглецов остановиться именно здесь, где их, наконец, настигли полчища нежити. Вначале это казалось правильным выбором, но неослабевающий напор врага заставил многих, в том числе Тэмберли и Ханалейсу, думать, что им стоило бы пойти более прямым узким путём, чем оставаться на открытом пространстве.

— Они не удержатся, — сказал Рори родным, в тот момент, когда Ханалейса снесла голову скелету и та покатилась вниз по туннелю. Сестра не нуждалась в объяснениях, чтобы понять, что он имел в виду. Она кинула влево пристальный взгляд — туда, где валялись камни из разрушенной части туннеля. Они верили, что эти камни дадут им преимущество, сдержат натиск нежити, а их неровный ряд воспрепятствует их дальнейшему продвижению. Но вскоре что-то привлекло сюда монстров. Многие из них разбирали камни, теперь ставшие помехой для защитников, слишком часто оказывавшихся отрезанными от союзников. Ханалейса отшвырнула Тэмберли на выступ и отскочила в сторону. Она едва успела сделать два шага, как Рори закричал от боли. Девушка бросилась назад, как понял Рори, чтобы помочь с его раненой ногой, из которой вновь хлынула кровь. Тэмберли тоже бросился к

нему, но всплеск воды сбил его с ног. Рыба — скелет рассекла воду и сильно ударила его в лицо.

По всему центру защитной линии люди начали шататься и стонать — рыбы — нежить выпрыгивали из воды и всегда находили цель.

— Отступаем! — крикнул кто — то. — Бежим!

— Некуда бежать! — закричал другой.

— Обратно вниз по туннелю! — снова крикнул первый, и тут же начал прокладывать себе путь в пещеру вместе с несколькими другими бойцами, следовавшими за ним по пятам. Строй рухнул.

Рори и Тэмберли одновременно вскочили на ноги. Рори оттолкнул брата, но Тэмберли, у которого из носа текла кровь, развернулся и поднял свой двуручный меч.

Ханалейса появилась на левом фланге как раз, чтобы увидеть человека, скрывшегося под дюжинами тянущихся рук. Выбора не было, всё рушилось на её глазах, и она могла только закричать, «Дядя Пайкел!», как делала это много раз в своей жизни, сталкиваясь с проблемами в детстве.

Если Пайкел и слышал её, то по зеленобородому дварфу, стоящему вне линии защиты, это не было заметно — его глаза были закрыты. Он простёр руку с волшебной дубинкой перед собой, описывая ею медленные круги. Ханалейса снова начала звать его, но увидела, что он уже читает заклинание. Юная послушница скользнула к левой стене и обратно к центру. Прodelывая это, она вынуждена была довериться дяде, стрелой рванувшись к камням, навстречу толпе скелетов, разрывающих на части и убивающих упавших защитников. Девушка прыгнула в самую гущу толпы, руками и ногами молотя по врагам и нанося точные удары. Она отбросила одного скелета и проломила грудь зомби, потом без промедления вскочила на валун у её ноги.

— Ко мне! — крикнула она соратникам упавших: многие из них попытались спастись бегством, как бойцы из центра.

Ханалейса вздрогнула, когда рука скелета схватила её за плечо, а костлявые пальцы глубоко впились в тело. Она локтем ударила в лицо твари и отшвырнула её прочь. Затем снова била и била, уничтожая чудище.

Мужчины и женщины в глубине пещеры оставили мысли об отступлении и яростно сражались. Ханалейса воодушевила их. Она заставила их почувствовать стыд.

Воительница из монастыря была довольна тем, что полчища нежити отброшены назад, а упавшие вырваны из их лап. Она волновалась, что это может означать конец битве, — это касалось и её тоже. Она должна умереть с мужеством и честью, только тогда это зачтётся. Девушка бросилась к братьям, когда Пайкел с четвёртой попытки, наконец, закончил своё заклинание. Белоснежный сияющий шар, размером с кулак Ханалейсы, сорвался с дубинки дварфа и поплыл над головами защитников. Шар ударился о скелета и отскочил. Ханалейса удивлённо открыла рот, так как скелет, которого достигла сфера, застыл и покрылся льдом.

— Что происходит? — попыталась сказать она, потому что маленький шар скрылся в воде, а затем у неё и всех остальных перехватило дыхание от изумления: весь пруд вокруг упавшего шара застыл до самого дна.

Бойцы впереди закричали сначала от удивления, а потом от боли: заклятие задело и их, то замораживая на месте, то отбрасывая прочь. Людям предоставили отличный шанс: рыба — нежить, а также монстры, оказавшиеся в воде, были им более не опасны. Лёд, повинаясь воле Пайкела, сковывал всё водное пространство, расширяясь от центра во все стороны и удаляясь от защитников.

— Сейчас! — крикнула Ханалейса своим товарищам на левой стене и те яростно надели на нежить. Те же, кого не задело заклятье, решительно долбили лёд, чтобы освободить своих союзников. Они двигались с отчаянным безрассудством, когда заметили новых монстров, обошедших замёрзшую поверхность с другой стороны и теперь карабкающихся по ней, используя своих застывших сородичей в качестве опор, помогавших им пересекать скользкий лёд. Но Пайкел предоставил своим товарищам достаточно времени:

потрёпанная и помятая группа отступала вниз по туннелю, в недра гор, до тех пор, пока они друг за другом не пересекли узкий коридор, который — слава богам — превратился в широкую пещеру в несколько сотен шагов шириной. На выходе из туннеля они сделали привал. Два воина встали на стражу и были готовы встретить нежить, попытайся монстры проникнуть внутрь.

Тем временем позади охраны Рори построил цепь защитников, которые искали большие камни, а когда увидел, что сделано достаточно, позвал остальных, стоявших в стороне. Один за другим, люди, стоящие в цепи, находили и бросали камни в туннель, отбрасывая скелетов и зомби. Бросив один камень, они тут же убегали за следующим. Это продолжалось до тех пор, пока камни не стали попадать только в другие камни, а монстры не были отброшены назад и отрезаны растущей каменной стеной. Когда всё было закончено, упрямые твари всё ещё пытались прорваться с другой стороны заграждения. Пайкел шагнул вперёд и спокойно начал смешивать камни и землю со стен туннеля. Он призывал растения, приказывал им прорасти дальше: вскоре показались стебли и корни, которые переплетались среди камней. На тот момент показалось, что опасность наконец — то миновала. Ценой за это стали многочисленные порезы и синяки, а иногда и более серьёзные раны. Человек, оказавшийся сброшенным в самую середину нежити, больше никогда не будет сражаться, даже если и оправится от полученных ран. Защитники оказались глубоко в туннеле, в царстве тьмы, которого они совсем не знали. Сколько ещё туннелей смогут найти они в предгорьях Снежных Хлопьев, и со сколькими монстрами они ещё смогут сразиться?

— Итак, что мы делаем? — спросил кто — то, когда весь ужас их положения предстал перед ними.

— Прячемся и сражаемся, — ответил Тэмберли, сопя разбитым носом.

— И умираем, — угрюмо сказал другой, старый седобородый капитан рыболовецкой шхуны.

— Да, но мы поднимемся наверх и дадим бой, — добавил ещё один.

Тэмберли, Ханалейса и Рори переглянулись, но ничего не сказали в ответ.

— О, боги, — произнёс Пайкел.

Глава одиннадцатая

Оживший Кошмар

— Нужно достать нам новых лошадей, — с преувеличенным вздохом сказал Джарлаксл.

— Мы прошли свыше тысячи миль от Мифрил Халла, — напомнил Бруенор. — И дорога была для них тяжёлой. Даже учитывая подковы... — он покачал головой. Действительно, хорошие мулы были на пределе своих сил, до поры до времени, конечно, но со своей работой справились прекрасно. Они тянули фургоны все дни кряду. Хорошей комплектации и усиленные магическими подковами, мулы покрывали за день такое расстояние, на которое обычным понадобилось бы неделя или больше.

— Так и есть, — согласился дроу. — Но они действительно измучены. — Дриззт и Бруенор с любопытством переглянулись между собой, когда Пвент закричал:

— Я хочу такого же! — дварф указывал на огнедышащего борова Атрогейта.

— Ба — ха — ха! — рассмеялся Атрогейт в ответ. — Будь уверен, что я чувствую себя намного больше, когда вступаю в бой на своей волшебной свинье! И когда орки меня теснят в бою, я сжимаю её бока и выпускаю на них поток пламени! Ба — ха — ха!

— Ба — ха — ха! — эхом отозвался Тибблдорф Пвент.

— Может, мы запряжём их двоих, чтобы они тянули этот проклятый фургон? — спросил Бруенор, махнув рукой в сторону дварфов. — Мне совсем не сложно будет подковать их.

— Теперь ты понимаешь всю горечь, что я познал за последние годы, — сказал Джарлаксл.

— Но ты всё равно вместе с ним, — подчеркнул Дризт.

— Потому что он хороший боец и может противостоять моим врагам, — сказал Джарлаксл. — И я могу его обогнать, когда мы отступаем с поля боя.

Джарлаксл передал мула Дризту, который повёл измученное животное за фургон, где он уже успел привязать другого: дни, проведённые в упряжи, закончились. По крайней мере, на время.

Кошмар, огненный жеребец Джарлаксла, всячески сопротивлялся всем попыткам запрячь его в повозку.

— По — моему, ему это не нравится, — сказал Бруенор.

— По сути, у него нет выбора, — ответил Джарлаксл, и, наконец, сумел запрячь зверя. Он отряхнул руки и направился к повозке, чтобы занять место позади Бруенора и Пвента. — Поддерживай сильный и быстрый темп, достопочтимый дварф. Дьявольская лошадка тебе покажется... — Он запнулся, наткнувшись на скептические ухмылки обоих дварфов. — Я отдал вам своего Кошмара, а вы хотите, чтобы я шёл пешком? — удивлённо спросил Джарлаксл.

Пвент взглянул на Бруенора.

— Пусти его, — решил Бруенор.

— Я тебя защищу, мой король! — заявил Пвент и, как только дроу занял место возле него, дварф уселся между Бруенором и наёмником.

— Он убьёт тебя раньше, чем ты поймёшь, что бой начался, — мимоходом обмолвился Дризт.

Зрачки Пвента расширились..

— О, это правда, — заверил его Джарлаксл.

Пвент начал заикаться и мямлить, но Бруенор сильно его толкнул.

— Что, мой король? — спросил берсеркер.

— Просто заткнись, — сказал Бруенор, и Джарлаксл засмеялся.

Король дварфов щёлкнул поводьями, но, вместо того, чтобы двинуться вперёд, жеребец выпустил поток пламени и помотал головой в знак протеста.

— Прошу, позволь мне, — с очевидной тревогой в голосе сказал Джарлаксл, забирая поводья у Бруенора.

Отдав мысленную команду, Джарлаксл приказал Кошмару двигаться и тянуть повозку, что для последнего не составило никакого труда. Единственным, что замедляло их движение, была жалость дроу к двум мулам, привязанным позади фургона и очень утомлённым длинной дорогой. И, действительно, путь казался долгим: к утру они прошли много лиг, до Снежных Хлопьев был ещё целый день езды, но они, по крайней мере, были хотя бы видны.

Джарлаксл заверил, что его Кошмар может тянуть и после заката, так как видит и в полной тьме, но из — за до сих пор не прошедшего приступа сочувствия к мулам, отдавшим все силы в дороге, Бруенор скомандовал привал после обеда. Они решили разбить лагерь у подножья гор.

Джарлаксл отослал своего жеребца на его родной план, а Атрогейт точно также поступил с демоническим боровом. Потом Атрогейт с Пвентом пошли на поиски валунов и брёвен, чтобы хоть как — то обозначить их лагерь. Как только Джарлаксл с Бруенором отвязали мулов, животные начали нервно дёргаться и фыркать, сопротивляясь.

— Что такое? — спросил Бруенор.

Джарлаксл сильно дёрнул поводья мула, но животное неудовлетворённо фыркнуло и опять стало дёргаться.

— Подождите, — сказал им Дризт. Он был в фургоне подле Кэтти-бри и когда все повернулись к нему, ожидая объяснений, они приумолкли, видя, как напрягся Дризт: его глаза смотрели в сторону деревьев через дорогу.

— Что ты видишь, эльф? — прошептал Бруенор, но Дризт только махнул рукой,

требуя от дварфа тишины.

Джарлаксл неспешно привязал мулов обратно к фургону, его взгляд перебегал с Дриззта на деревья. Дроу снял Тулмарил с плеча и натянул тетиву.

— Эльф? — снова прошептал Бруенор.

— Что это, во имя Девяти кругов Ада?! — воскликнул Тибблдорф Пвент позади троицы. Бруенор и Джарлаксл обернулись: длиннорукое, почти безногое чёрнокожее существо на этих самых руках направлялось в сторону Пвента и Атрогейта. Дризт так и не отвёл своего взгляда от деревьев, пока не увидел такого же монстра, сунувшего из леса.

Дроу замер: он был знаком с этими странными существами достаточно близко, поскольку побывал на их родном плане. Так же, как и Кэтти-бри. И Реджис.

Неужели он снова оказался там? Тёмный эльф поднял лук и прицелился для выстрела, но потом глубоко вдохнул, думая, что, может, ему вновь кажется.

— Дризт, стреляй! — сказал Джарлаксл на чистом языке дроу, который Дризт не слышал уже очень давно. И это выглядело так, как будто Джарлаксл прочёл его мысли:

— Это тебе не кажется!

Дризт спустил тетиву: волшебный лук метнул блестящий поток энергии, словно молнию, прямо в грудь монстра, отбросив его обратно в кусты.

Один. Но их было много: крики позади дварфов подсказали Дризту, что нападавших сзади было ничуть не меньше тех, что пёрли их леса.

Ночь осветилась вспышками молний: руки следопыта мелькали, накладывая стрелу за стрелой и спуская их с тетивы. Размеры тварей не оставляли никакого шанса на промах — каждая стрела попадала в плоть чудовища, а некоторые пробивали навывлет и ранили ползущих следом. Зловоние горящей плоти наполнило воздух, и только звуки шипения и лопания кожи были слышны между выстрелами Тулмарила.

Несмотря на усталость, Дризт поливал врагов дождём серебряных стрел. Многие наступающие уже переползли через дорогу и были рядом с фургоном. Эльф выпустил последнюю стрелу, бросил Тулмарил и потянулся за клинками, чтобы врукопашную встретить атаку.

Рядом с ним Бруенор прыгнул с фургона, поднимая свой старый, верный щит, на котором была изображена пенящаяся кружка клана Боевых Молотов. Он крепко сжал свой зазубренный топор, оружие, которое служило ему десятилетие за десятилетием. Как только дварф оказался на земле, Джарлаксл запрыгнул на сидение фургона, вынимая пару тонких волшебных палочек, включая и использованную им против Дриззта.

— Огненный шар, — сказал он Бруенору, в недоумении смотрящем на дроу, который почему — то до сих пор был не на земле с оружием в руках.

— Тогда поддай им жару!

Но Джарлаксл не стал спешить: тёмный эльф не был уверен в эффективности использования палочек. Если первая не сработала раньше, максимум, чего дроу мог добиться, так это приклеить себя к фургону...или же, если огненная палочка даст осечку, он подпалит себя вместе с Бруенором и Кэтти-бри.

К удивлению Бруенора, Джарлаксл перекинул обе палочки в левую руку, после чего махнул правой, приводя в действие магию браслета, из которого показался небольшой кинжал. Вторым взмахом он растянул его до размеров короткого клинка, ну а после третьего это был уже настоящий длинный меч. Джарлаксл было решил совсем спрятать огненную палочку, но потом, передумав, засунул её за пояс. Будет нужно — воспользуется.

Атрогейт виртуозно работал своими кистенями: тяжёлые шипастые шары летали перед ним во все стороны.

— Доставай своё оружие! — крикнул он Тибблдорфу Пвенту.

— Я сам оружие, болван! — крикнул берсеркер ему в ответ, как раз, когда одна из тварей приблизилась, и прежде чем Атрогейт размахнулся моргенштерном, Пвент ударом шипованных кулаков и коленей разорвал чудище пополам. Утыканная шипами и лезвиями броня dwarфа быстро превратила другого монстра в груды расчленённой плоти.

— Ба — ха — ха! — засмеялся в восхищении Атрогейт, на бегу раскручивая свой кистень перед тем, как врезать им в тело следующей твари.

Подобное оружие не было смертельным против толстокожих чудовищ — обычный воин с обычными кистенями оказался бы сейчас в очень плачевном состоянии, но только не Атрогейт. Силы dwarфу было не занимать, его боевые навыки были отточены столетиями битв, а моргенштерны были далеко не простыми.

У него не было времени порадоваться своей маленькой победе: он только и успел, что помочь Пвенту встать на ноги, перед тем, как ещё три чудовища добрались до них — а за троицей спешили многие другие...

Он работал оружием умело, маневрируя из стороны в сторону, а потом мощным ударом сверху размазал ползучего гада, как отбивную, по камням.

Чёрные когтистые лапы потянулись к нему, но Атрогейт не переставал крутить кистенями, не подпуская монстров близко. Краем глаза dwarф увидел другую тварь на ветке соседнего дерева, а когда чудище спрыгнуло вниз на него, dwarф не имел возможности защититься.

Он только закрыл глаза.

Бруенор напомнил себе, что Кэтти-бри беспомощная лежит позади него в фургоне. С этой мыслью dwarф двумя ударами раскроил череп первому подползшему к нему монстру. Не обращая внимания на кровь, Бруенор пинком оттолкнул труп от себя и ударом с боку рубанул второго, в то самое время блокируя атаку третьего чудовища своим тяжёлым щитом.

Он почувствовал, как ещё одна тварь подбирается с другой стороны, и инстинктивно рубанул топором, не видя, что это был дроу.

Но гибкому Джарлакслу удалось прыжком уйти от удара.

— Осторожнее, друг мой, — сказал он, приземлившись, хотя не очень внятно, из — за волшебной палочки в зубах. Он шагнул вперёд удивлённого dwarфа и двумя клинками быстро продырявил грудь ближайшего монстра.

— Мог бы и предупредить, — буркнул Бруенор и вернулся к битве. Крики позади и справа подсказали ему, что твари добрались до мулов.

Дризт даже не глянул на Бруенора и Джарлаксла, дерущихся бок о бок, что само по себе было делом немыслимым и неожиданным. Он бросился вперёд и оказал перед ними, с каждым взмахом расчленения скимитами плоть чёрных тварей. Тёмный эльф кувырком подкатился к другому монстру, полоснув того по рукам. Потом он подпрыгнул и, сделав сальто, вогнал мечи в спину ещё одного врага. Дризт мягко приземлился позади чудовища и сразу же закружился в битве: его скимиты со свистом вспарывали воздух и чёрную плоть тварей вокруг него.

Дроу обернулся к фургону, и его сердце успокоилось, когда он увидел, как адский жеребец Джарлаксла копытами бьёт приблизившихся монстров, а из ноздрей и пасти вырываются огненные шары.

Глаза тёмного эльфа расширились, когда он увидел, что одна из тварей подобралась к фургону с другой стороны. На полном ходу он вскочил на сиденья повозки, оказавшись

возле Кэтти-бри, и в тот же момент вогнал оба скимитара в грудь чудовища, как только оно влезло в фургон.

Как он хотел остаться рядом с ней! Но он не мог — мулы фыркали и ржали в ужасе.

Он прыжком оказался справа от животных, едва избежав удара копытом одного из них, и в мгновение ока очистил пространство от врагов. Дроу остановился и подумал, не стоит ли вернуться и помочь остальным. Но увидев, что Джарлаксл с Бруенором сражаются плечом к плечу так, словно прошли уже не одну сотню боёв, он понял, что в этом нет нужды. Круговые удары Джарлаксла сзади и снизу, так отличавшиеся от стиля боя Дриззта, отлично дополняли прямые атаки свирепого Бруенора: один атаковал, а второй заканчивал бой смертельным ударом.

Атрогейт закричал, думая, что ему конец, но рядом возникла вторая фигура в воинственно наклонённом шлеме с шипом. Тибблдорф Пвент прямым ударом встретил тварь и, насадив её, как на шампур, на свой рог, сильным рывком ударил чудовище об камни. Начав прыгать, он тряс тварью, убивая её.

— О, это изумительно! — прокричал Атрогейт. — Просто великолепно!

Берсеркер не слышал его, полностью отдавшись боевой ярости: он врезался в толпу врагов, рубя, кроша, махая руками, локтями, коленями и даже кусая когтистые лапы, если те оказывались возле его лица.

Атрогейт кинулся к нему — кистени крутились и вертелись, врезаясь в плоть тварей с каждым мощным взмахом. Шаг за шагом дварфы продвигались вперёд, враги взлетали в воздух то тут, то там, а один так и умирал на шипе шлема Тибблдорфа Пвента.

Джарлаксл с Бруенором вели, скорее, оборонительный бой, сдерживая врагов благодаря своей неизменной тактике. Как только их поток немного уменьшился и фургону уже не грозила опасность, Дриззт вскочил на сиденье повозки, взял в руки лук и начал посылать стрелу за стрелой в сторону деревьев, откуда ещё лезли монстры, правда, уже в меньших количествах.

Пвент с Атрогейтом, очистив свой участок боя, присоединились к другим, а Дриззт снова бросил лук, достав скимитары.

Когда врагов не осталось, четвёрка — дварфы и Джарлаксл — заняли позиции вокруг фургона, со всех четырёх сторон. Дриззт забрался в повозку: хоть он и был возле постели Кэтти-бри, с Тулмарилом Искателем Сердец в руках дроу был готов поддержать товарищей в любой момент.

Его внимание привлекло нервное всхлипывание: его возлюбленная стояла ровно, хотя и не двигалась. Она снова поднялась в воздух и её глаза закатились.

— Только не это! — пробормотал Дриззт и отступил назад. Наиболее мучительным для него было то, что он должен отойти от своей жены, оставив её одну.

Глава двенадцатая

Когда тень сменяет свет

Даника и Кэддерли мчались по коридорам храма Парящего Духа, чтобы выяснить что за там шум. Им пришлось протиснуться через толпу магов и жрецов только для того, чтобы увидеть, что лужайка перед фасадом не менее переполнена.

— Стой здесь! — крикнул маг Данике, но она вырвалась и спрыгнула на мостовую.

— Кэддерли, не дай ей...

Но мужчина притих, как только увидел руку Кэддерли, жестом призывающего его к

молчанию. Жрец Денеира верил в Данику и всем напомнил об этом. Хотя и он был очень озадачен увиденным. Олени, кролики, белки и множество других животных толпились на лужайке перед храмом.

— Еще был медведь, — сказал помощник старшего жреца.

— Это медведь их так напугал? — спросил Кэддерли с явной иронией в голосе.

— Бурый сам бежал так, как будто его напугали, — ответил первый жрец. Но когда Кэддерли недоверчиво посмотрел на него, другие закивали головами в знак подтверждения слов своего коллеги.

— Медведь?

— Большой медведь. Наверное пожар.

Но Кэддерли посмотрел на юг, откуда бежали все эти животные, и не увидел там никакого дыма, который должен был бы говорить о пожаре. Он пару раз потянул носом, но снова не учуял никакого запаха гари. Жрец посмотрел на Данику, бежавшую к южной кромке леса. Позади неё прозвучал рык еще одного медведя, потом большой пантеры. Кэддерли направился к передней лестнице и осторожно спустился. Лань выскочила из — за деревьев и начала в ужасе метаться по лужайке. Жрец хлопнул руками, приказывая напуганному животному остановиться, но оно, казалось, не слышало и не видело Кэддерли.

— Я же тебе говорил! — прокричал первый маг, — они не реагируют.

Где — то среди деревьев снова зарычал медведь, громче и настойчивее.

— Даника! — позвал Кэддерли.

Медведь рычал от боли и злости, но его рык прервал высокий визг.

— Даника! — снова позвал Кэддерли более настойчиво и пошел к деревьям. Он резко остановился, когда из кустов неожиданно выскочила Даника.

— Внутрь!!! Все внутрь!!!! — закричала она, обращаясь ко всем, кто был возле храма.

Кэддерли вопросительно взглянул на жену, но его глаза тут же расширились от удивления и ужаса, как только он увидел за ее спиной толпу ползучих тварей. Они очень быстро передвигались на мощных руках.

Жрец изучал каталоги множества животных и монстров Фаэруна, но такого он еще не видел.

Темнокожие создания с широкими плечами и огромными руками на большом и мясистом торсе. Их ноги напоминали лапы морских млекопитающих, а движения были чем — то средним между прыжками и ползанием. Если бы они стояли прямо, то ростом были бы со среднего человека. Но лица их даже отдаленно не напоминали человеческие: безлобые, с плоским носом и широкими ноздрями, с широко расставленными и горящими злобой глазами. Смердные рты этих созданий были полны клыков, что больше всего и говорило Кэддерли и всем остальным об их опасности. Скорее это даже был не рот, а пасть — шириной во все их длинное лицо, нижняя челюсть которого выдавалась далеко вперед и злобно и голодно щелкала в предвкушении пира.

Даника была впереди этой массы тварей, и, хотя, она быстро бежала, один из монстров все — таки приблизился к ней, бросившись наперерез.

Кэддерли хотел было предупредить ее, но затих, увидев, как его жена на миг затормозила, перенесла вес на каблуки, подпрыгнула в воздух и, подобрав под себя ноги, пропустила чудовище под собой. Тварь отреагировала быстро: она остановилась, поднимая свои большие руки, но ноги Даники были быстрее и они со всей силой врезались в лицо монстра. Она использовала морду чудовища как трамплин и, отпружинив, отскочила в сторону. Монстр прогнулся от тяжести удара.

Пригнувшись, женщина побежала что есть сил, махая при этом Кэддерли, чтобы тот возвращался в храм и всем своим видом показывая ему, что он тоже в большой опасности.

Обернувшись, он увидел, в какой именно опасности был. Из леса лезло много тварей, очень много. И, доселе невидимый, медведь был облеплен гадами. Животное рычало и выло от боли.

Сердце жреца упало, он кинулся к лестнице, но там остальные жрецы и маги в панике

старались одновременно прорваться в храм, что удавалось только единицам. С обеих сторон от двойной входной двери окна полетели вниз — те, кто уже попал внутрь, помогали остальным залезть и спастись.

«Им не удастся», — подумал Кэддерли, посмотрев на Данику. Как он желал, чтобы его арбалет или хотя бы походный посох были сейчас с ним! Физически он был безоружен.

Но еще был Денеир!

Кэддерли повернулся и закрыл глаза, полностью погружаясь в молитву. Он начал читать заклинание даже прежде, чем сам это осознал. Открыв глаза, он широко развел руки. Даника вбежала на нижнюю ступеньку и одним прыжком оказалась наверху, с тучей ползучих гадов за спиной.

Волна энергии покатила от Кэддерли вниз, огромный взрыв поднял в воздух землю, камни и траву, а вместе с ними и множество этих созданий из тени. Волны катились одна за другой, полукругом, подбрасывая и раскидывая монстров. Голодные твари пытались бороться, но их неизбежно отрывало от земли, и божественная сила уносила их дальше и дальше.

— Что это такое? — спросила волшебница в ужасе, но Кэддерли ничего не мог ей ответить. Вообще ничего, кроме того, что его волшебное вмешательство дало им необходимое время, и они все смогли попасть в храм, где были в безопасности. Надолго ли?

Даника слышала голоса людей, отдающих команды по организации защиты окон и дверей. В своем теперешнем состоянии Кэддерли не мог этого делать и нуждался в ее помощи. Вызванные им волны отняли слишком много сил. Женщина быстро обвела взглядом зал и неожиданно осознала, что кого — то не хватает. Храм Парящего Духа был огромен, с множеством комнат, и поэтому она сначала не заметила пропажи. Но теперь, в момент угрозы и опасности, она знала — семья храма здесь не в полном составе.

Где Айвен Валуноплечий?

Даника снова оглянулась, стараясь вспомнить, где она в последний раз видела неистового дварфа. Но вздох Кэддерли вернул ее назад и напомнил, что муж нуждается в ней.

— Что ты там сделал? — спросила Даника, — я такого никогда раньше не видела...

— Я не знаю, — ответил он, — я обратился к Денеиру в поисках заклятия или какого — то решения.

— И он ответил!

Он посмотрел на нее с пустым выражением в глазах, потом покачал головой:

— Метатекст, Плетение... — прошептал жрец, — он теперь часть этого всего.

Даника посмотрела на него недоуменно.

— Как? Если двое — или даже трое из них, Денеир, Метатекст и Плетение — больше не разделены, — попробовал объяснить Кэддерли.

— Но, убереги Мистра, боги никогда не были частью...

— Значит, больше нет, — сказал Кэддерли, еще сильнее качая головой, — он обратился к Плетению теперь...

Звук разбитого стекла и последующие за ним крики прервали разговор.

— Они пришли, — сказала Даника.

Первая же схватка застала их недалеко от фойе, где группа жрецов сдерживала натиск пары чудовищ. Размахивая булавами, и будучи вообще хорошо вооруженными, жрецы держали ситуацию в своих руках.

Перехватив инициативу, Кэддерли быстро пробежал к лестнице и, перепрыгивая через две ступеньки, начал подниматься на четвертый этаж к своим апартаментам. В комнате он схватил свой широкий кожаный пояс с карманами по бокам, в которых были арбалеты. Жрец

закинул на шею патронташ для специально созданных магических болтов и поспешил присоединиться к Данике, на ходу заряжая арбалеты.

Они рванули к лестнице, но тут их ждал неприятный сюрприз: эти существа превосходно лазили, в чем им очень помогали мощные руки. Нижнее окно в холле затряслось от тяжелых ударов, и один из монстров, подтянувшись, забросил себя во внутрь. Даника бежала впереди Кэддерли, но как только они забежали в комнату, он оттолкнул жену в сторону и поднял заряженный арбалет. Одна тварь была уже в комнате, другая в оконном проеме — обе с открытыми пастьми, полными острых зубов.

Кэддерли выстрелил, и болт, пролетев всю комнату, почти полностью вошел в грудь того монстра, что был в окне. Сам по себе болт ничего не сделал чудовищу, но внутри него находился сосуд с магическим маслом, который от удара взорвался и, разнеся половину спины, выкинул тварь в окно.

Кэддерли нацелил второй арбалет на оставшегося монстра, но опустил его, увидев, что Даника добралась до врага. Она в последний момент остановилась, закинула левую ногу за правую и, с мощным разворотом отбила обе нацеленные на нее когтистые лапы. Ловко крутанув бедрами по ходу движения и уловив момент, когда левая нога коснулась земли, Даника высоко ударила правой ногой, носком нанося сильный удар в лицо чудовища, после которого ползучая тварь лишилась левого глаза. Существо завывало и задергалось, яростно и беспорядочно замахало лапами, чего и ожидала Даника. Она отошла немного назад, а потом быстрым и сильным ударом ноги в грудь просто впечатала чудовище в стену. И снова оно замахало лапами, и снова Даника легко увернулась от атаки.

Она решила, что это и будет ее тактикой в бою с этими тварями — сильно ударить и отойти, повторяя удары раз за разом и не приближаясь близко, избегая когтистых лап.

Кэддерли улыбнулся, созерцая, как его жена взяла ситуацию под контроль. Но тут он услышал в соседней комнате шум и рычание. Жрец повернулся к двери и одним ударом распахнул ее, после чего скользнул в комнату с приготовленным в руке арбалетом. Готовая напасть толпа врагов оказалась справа от него... От неожиданности Кэддерли выстрелил в ближайшего, который находился не более, чем в двух футах, почувствовав на себе волну жара от взорвавшегося болта. Взрыв отшвырнул тварь к стене, а дыра в ее теле была такой, что жрец с легкостью просунул бы туда и два кулака.

Кэддерли отбросил арбалет, что был в левой руке, — но тот упал не на землю, а в специальную кобуру на поясе, — и начал быстро перезаряжать другой. Он чуть не выронил взрывчатый болт, когда Даника вбежала в комнату позади него, при этом сильно хлопнув дверью.

— Их слишком много! — прокричала она. — И они валят отовсюду. Нам нужно подкрепление.

— Давай! Вперед! — крикнул Кэддерли в ответ, нащупывая болт, когда порождения тени наполнили комнату.

Даника, словно не замечая ближайшего врага, метнулась к лестнице. Тварь кинулась к Кэддерли. Тетива выскользнула из его пальцев, и болт чуть не вылетел из желобка арбалета. Его взгляд метнулся от арбалета к чудовищу и обратно, потом снова на врага, как раз вовремя, чтобы увидеть, как грязные когтистые лапы тянутся к его лицу.

Центральная лестница храма Парящего Духа спускалась на один пролет, потом поворачивала, где был еще один пролет в противоположную сторону. В сущности, Даника не бежала по ступенькам. Она преодолела половину первого пролета и, вскочив на перила, съехала вниз, быстро оказавшись внизу. Еще ниже она не спускалась, а решила проверить ситуацию на третьем этаже.

Женщина услышала звон разбитого стекла. Спустившись еще ниже, она увидела толпу

людей, которые быстро бежали вверх по той же лестнице.

— Разбейтесь на группы, чтобы иметь возможность патрулировать каждую дверь! — скомандовала она первым показавшимся магам и жрецам, которые тут же наткнулись на пару врагов, ползущих к ним по коридору.

Из рук магов бесконечным потоком вырывались магические снаряды. Вооруженные клирики окружили магов, чтобы защитить их от возможной опасности. Лишь небольшое количество людей, проживающих в храме Парящего Духа, не принимали участия в битве, и они по четкой команде более опытных продолжили дисциплинированный отход дальше, вверх по лестнице.

Даника тоже помчалась туда, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Она оставила Кэддерли на дольше, чем рассчитывала, хотя верила в него — как могла она не верить? Она видела его перед лицом опасности, в битве с драконом и вампиром, и когда он истощал себя, создавая этот храм. Но она знала, что он один, там наверху, на четвертом этаже. Один на один с более чем двумя дюжинами окон, которые находятся в том крыле здания.

Он вскрикнул в ужасе и попробовал увернуться от удара, но недостаточно быстро, чтобы избежать длинных когтистых лап. Кэддерли не переживал, что случайно нажал на крючок арбалета. Болт не был установлен идеально, но сам арбалет был повернут в правильном направлении. Стрела со всей силой влетела в тело монстра и взорвалась, откидывая чудовище назад. Оно врезалось в стену и, дергаясь, попробовало закрыть жуткую рану лапами.

Кэддерли услышал крик, но не мог понять — была это боль, поражение или победа. Низко нагнувшись, он выбежал из комнаты. Кровь стекала у него по щеке и капала на пол. Удар не зацепил его глаз, но рана уже опухла и он мало что мог видеть — только какое — то мельтешение и яркие вспышки света

Ошеломленный и дезориентированный, он услышал, как другие твари ползут из других комнат. Зарядить! Быстрее зарядить! Его мысли волчком крутились в голове. Он только начал заряжать оружие, как понял, что времени у него больше нет.

Тогда закрыв глаза, он снова обратился к Денеиру.

Все что он увидел, — были образы, изображенные на Плетении.

Его замешательство закончилось, как только первая из тварей вползла в комнату. В сознании жреца увиденные образы тут же сложились в одно целое, и с губ сорвалось заклинание.

Божественная энергия блестящим щитом окутала его буквально за миг перед тем, как чудовище накинлось на него. И хотя Кэддерли инстинктивно подался назад, когтистые лапы ничего не смогли поделать. Они не могли проникнуть сквозь тот барьер, что он так неожиданно создал вокруг себя.

Другое заклинание уже крутилось у него в голове. Бросив арбалет в кобуру на пояс, он произнес его формулу и высоко поднял руки вверх. Жрец ощутил, как божественная, прекрасная и мощная энергия бурлит в его теле, наполняя его словно пустой сосуд. Кэддерли почувствовал покалывание в руках, а потом во всем теле. Ощущение силы опустилось по ногам вниз — и энергия желто — красной яркой паутиной молний разлилась по полу во все стороны от него.

Существо ударило Кэддерли, но тут же заорало от боли. Жрец начал небольшими шагами отступать, перемещая круг энергии вместе с собой. Слишком глупое, чтобы осознать свою ошибку, чудовище последовало за своей жертвой и снова начало визжать и кричать, так как его нижняя часть тела просто сгорела в паутине яркой энергии.

Не сделав никакого вывода из смерти их сородича, другие твари тоже начали атаковать, но точно так же кричали от боли и сгорали. Магический круг последовал за Кэддерли и

тогда, когда он направился к лестнице. Там жрец увидел Данику, которая просто застыла от удивления и таращила на него глаза. Первая тварь сдохла. Потом упала вторая и третья, уничтоженные силой Денеира, силой неизвестного двомера, который вызвал Кэддерли. Он махнул рукой Данике, чтобы та уходила, но она наоборот присоединилась к мужу. Оказавшись возле него, она тоже начала светиться.

— Как ты это сделал? — спросила она жреца.

— Не имею представления, — ответил Кэддерли. Он не собирался стоять здесь и испытывать судьбу.

— Давай очистим дверь, — сказала Даника, и вместе они двинулись вниз по коридору. Она не переставала раздавать удары ногами и руками и очень быстро прикончила еще двух тварей, которые имели неосторожность попасть в круг божественной энергии.

Один монстр пытался пробраться в боковую комнату, и Даника повернула к нему. Но Кэддерли нацелил на него руку и прокричал еще одно заклинание. Ослепительный луч божественного света сорвался с его пальцев и ударил в монстра, который с криками отлетел к дверному косяку, буквально за миг перед тем, как Даника приблизилась к нему. Ползучая тварь выжила после вспышки, но женщина тут же несколькими точными и мощными ударами исправила это.

До того, как пятеро окровавленных и усталых жрецов поднялись на четвертый этаж, чтобы помочь семейной паре, это крыло здания уже было очищено от врагов. Паутина лучистой энергии все еще светилась вокруг Кэддерли, и он увидел, что с помощью этой магии его раны очень быстро затянулись.

Остальные жрецы смотрели на него недоуменно и заинтересовано, но он не знал, что ответить им. Он ведь просто обратился к Денеиру. И его бог не оставил его в беде, ответив такими вот заклинаниями.

Но сидеть и раздумывать ни у кого времени не было. храм Парящего Духа был огромнейшим зданием, с множеством окон, боковых дверей, коридоров, ниш и проходов.

Битва продолжалась всю ночь, до самого рассвета, пока ни одной твари больше не стало видно в окнах. Но усталые и раненные защитники бились еще и все утро, с небольшими потерями старательно очищая территорию храма от остатков врагов.

Даника и Кэддерли знали, что ох как много комнат надо бы обойти и посмотреть, не спрятались ли в них кто из чудищ, но они были слишком измучены, чтобы думать об этом сейчас. Самым первым делом было укрепить окна досками, перевязать раненых и организовать патрульные группы, чтобы быть готовыми к ночи и возможной атаке.

— Где Айвен? — спросила Даника мужа, когда выдалась свободная минутка.

— Я думал, что он пошел в Кэррадун.

— Нет, только не Пайкел с Рори и...., — слова застряли в горле. Трое их детей пошли в Кэррадун, через горный лес, из которого и появились эти безногие твари с мощными руками.

— Кэддерли? — прошептала она дрожащим голосом. Ему самому пришлось глубоко вздохнуть, чтобы не поддаться панике.

— Мы должны идти за ними, — сказал он. Но Даника покачала головой.

— Ты должен остаться здесь. Ты не можешь.... Одна я буду двигаться быстрее.

— Мы даже не знаем, что на нас напало и с какой силой мы имеем дело.

— И кто лучше меня может это выяснить? — спросила его жена и доверчиво улыбнулась.

Едва заметная улыбка веры.

Глава тринадцатая

Я тебе не враг

На её лице была знакомая улыбка — улыбка, которая так хорошо сочеталась с её голубыми глазами, от которых сейчас были видны только белки. Она парила в воздухе.

— Ты имеешь в виду убить его? — спросила она, будто перед ней кто — то стоял. Как стоило ей, глаза снова стали нормальными.

— Интересно, — заметил Джарлаксл, когда плечи Кэтти-бри распрямились, словно она села в кресло.

— Если ты хочешь убить Энтрери, чтобы спасти Реджиса и не позволить ему больше причинить кому — нибудь вред, то моё сердце радуется, — сказала женщина, пристально вглядываясь в собеседника. — Но если ты таким образом хочешь утвердить себя, оно обливается кровью.

— Калимпорт, — прошептал Дризт, ясно вспоминая ту самую сцену.

— Что это... — начал было Бруенор, но Кэтти-бри продолжила, перебив его.

— Конечно, мир несправедлив. Но ты гонишься за этим убийцей из — за своей ярости? Ты думаешь, убийство Энтрери излечит мир? Посмотри в зеркало без маски, Дризт До'Урден. Смерть Артемиса Энтрери не изменит цвет его кожи — так же, как цвет твоей.

— Эльф? — спросил Бруенор, но Дризт не слушал его.

Вся тяжесть того давнего случайного разговора с Кэтти-бри сейчас давила на него. Он снова был там, в тот миг, в той маленькой комнате; мудрость её слов снова окатила его, как холодной водой из ведра. Именно тогда он осознал, что любит Кэтти-бри, но прошли годы прежде, чем он решился открыть свои чувства.

Он бросил взгляд на Бруенора и Джарлаксла: они оба были в замешательстве — и снова повернулся к возлюбленной. Кэтти-бри же продолжила старый разговор — слово в слово.

— ...если бы только научился видеть, — сказала она. Её губы растянулись в обезоруживающей прекрасной улыбке, которую она так часто посылала Дризту, каждый раз разбивая в пух и прах его доводы.

— И если бы только научился любить... тогда бы ты воспринимал вещи по — другому, Дризт До'Урден.

Она повернула голову, будто ещё кто — то появился рядом. Дризт вспомнил, что в этот момент в комнату вошёл Вульфгар. В то время Вульфгар и Кэтти-бри были возлюбленными, хоть только что она и намекнула, что её сердце принадлежит Дризту.

Он потряс головой, как только вспомнил, что было после этого. Джарлаксл скользнул за спину Дризта и дотронулся до его головы. На миг Дризт подумал, что у того в руках удавка. Но это было не так — наёмник держал в руках свою повязку, которая всегда была то на левом, то на правом глазу.

— Иди к ней! — приказал он Дризту.

— Только мысли, мой друг, — тихо сказала Кэтти-бри, и Дризт остановился на миг, давая ей закончить, прежде чем идти дальше к ней. — Ты находишься в плену того, как мир видит тебя или того, как тебе кажется, тебя видят?

Слёзы покатались по щекам из его лавандовых глаз. Дризт крепко обнял её. Он не попал в мир теней благодаря повязке Джарлаксла. Он ещё крепче обнял свою жену и держал её так, пока она не расслабилась и не села. Наконец — то он посмотрел на других, в том числе и на Джарлаксла.

— Я тебе не враг, Дризт До'Урден, — сказал наёмник.

— Что ты сделал? — потребовал ответа Бруенор.

— Повязка защищает своего владельца от вторжения в разум — магического или ментального, — объяснил Джарлаксл, — не полностью, но достаточно, чтобы удержать Дризта от нежелательного путешествия в мир теней, где...

— Где сейчас обитает сознание Реджиса, — закончил Дризт.

— Можете не сомневаться, что я не понимаю и половины того, о чём вы сейчас толкуете, — сказал Бруенор, упирая руки в боки. — Что, во имя Девяти Кругов Ада, тут творится, эльф?

Он озадаченно тряхнул головой.

— Как будто два Плана неожиданно слились в один, — сказал Джарлаксл, и все посмотрели на него так, словно у него выросла вторая голова. Джарлаксл глубоко вдохнул и слегка улыбнулся.

— Я вас встретил на дороге не случайно, — сказал он.

— Будто мы думали иначе, болван! — не преминул съязвить Бруенор.

— И не случайно я отправил Атрогейта в Мифрил Халл, чтобы убедить вас отправиться в путешествие к храму Парящего Духа.

— Да — да, хрустальный Осколок, — пробурчал Бруенор, не скрывая иронии.

— Всё, что я вам рассказал — правда, но, действительно, почтенный дварф, моя история не полная.

— Моё сердце трепещет от желания услышать.

— Есть один дракон...

— Да их полно, — ответил Бруенор.

— Нас с Атрогейтом преследуют, — объяснил Джарлаксл.

— Проклятые ублюдки, — чертыхнулся Атрогейт.

— Преследуют создания, которые легко поднимают нежить, — сказал наёмник. — Создатели хрустального Осколка, которые каким — то образом переступили за границы Планов.

— Опять же, из — за твоих слов я чувствую себя идиотом, — сказал Бруенор.

— Создания, обитающие одновременно в двух мирах, как Кэтти-бри, — вымолвил Дризт.

— Возможно. Я не до конца уверен в этом, но знаю, что они могут быть в двух измерениях. При помощи этой шляпы я могу создавать межпространственные дыры, что я и не преминул применить к одному из преследователей.

— Но он растаял прежде, чем мои кистени добрались до него, — вставил Атрогейт.

— Планы сместились, — сказал Джарлаксл. — Он просто скользнул с одного на другой, но из — за близости моей дыры, получился проход в Астрал.

— После чего создание исчезло, — сказал Бруенор.

— Навеки, я надеюсь, — согласился наёмник.

— И зачем тебе мы с Кэддерли?

— Потому что это был только посланник, а не повелитель. А повелевает...

— Дракон, — сказал Дризт.

— Драконов много, — снова пробурчал Бруенор с ноткой сарказма.

Джарлаксл пожал плечами, не желая что — либо добавлять.

— Что бы это ни было, оно живое, обладает невероятной силой и может охватить мыслью весь мир или же послать в его дальние уголки своих слуг. А эти слуги могут быть не только ожившими мертвецами, но и... — Джарлаксл сделал паузу, окинув взглядом уничтоженных тварей, — но и существами с других планов.

— Ты о чём, чёртов эльф? — потребовал объяснений Бруенор. — Во что ты нас втравил?

— Я думаю, что это путешествие — единственная надежда для твоей дочери, — без тени сомнений сказал Джарлаксл. — И да, кроме нас с Атрогейтом, вы тоже теперь часть это приключения.

— Приключения?! Да ты втянул нас в него! — прорычал Бруенор.

— Я горю желанием набить твою темнокожую морду! — прокричал Пвент.

— Мы уже были втянуты в него, — сказал Дризт — все повернулись, но увидели его, стоящего на коленях и прижимающего к себе Кэтти-бри. Ни у кого не возникло возражений. Дризт посмотрел на Джарлаксла и сказал:

— Как и весь остальной мир.

Глава четырнадцатая

Смятение разведки

— Мы не можем просто ждать здесь, когда они снова нападут на нас в сумерках! — вскричал юный волшебник, и многие другие подхватили этот возглас.

— Мы даже не знаем, случится ли это, — напомнила Джинанс, женщина постарше, жрец ордена Кэддерли, занимавшаяся учётом свитков в храме Парящего Духа с самых ранних дней его существования.

— Мы никогда не сталкивались с такими существами, как эти... эти уродливые куски плоти! Мы не знаем, испытывают ли они отвращение к солнечному свету или же прервали наступление на рассвете из стратегических соображений.

— Они прекратили, когда на востоке показался свет утренней зари, — возразил первый. — Это говорит мне, что у нас есть отличное место, чтобы начать контратаку, и мы тоже должны быть агрессивными!

— Да! — закричали некоторые другие.

Обсуждение в нефе храма Парящего Духа продолжалось вот уже некоторое время, и до сих пор Кэддерли оставался безучастным, оценивая поведение зала. Несколько волшебников и жрецов из числа посетителей библиотеки, были убиты в жестоком нападении прошлой ночью. Кэддерли рад был видеть, что оставшаяся группа — около семидесяти пяти мужчин и женщин, наиболее тщательно обученных и умелых в тайных или божественных искусствах, — не поддались отчаянию после неожиданного сражения. Их боевой настрой был более чем очевиден, и это, знал Кэддерли, будет значительным фактором, если они станут разбираться в их затруднительном положении.

Он вновь сфокусировался на Джинанс, своём друге и одном из мудрейших и наиболее осведомлённых членов его духовенства.

— Нам даже неизвестно, очищен ли Парящий Дух от этих тварей, — сказала она, умиряя возбуждение.

— Ни один из нас не отсутствует, даже те, кого покусали эти порочные создания! — продолжал спорить первый маг.

Джинанс оказалась в недоумении от последовавшей волны криков — все призывали к действию за пределами собора.

— Вы полагаете, что они неразумны или по меньшей мере глупы, — наконец вступил Кэддерли, и хотя он произнёс речь негромко, едва он заговорил, комната погрузилась в тишину, и все взгляды устремились в его направлении.

Жрец сделал глубокий вдох при этом очередном напоминании о его влиятельности и репутации. Он возвёл храм Парящего Духа, — и это была не мелочь. Тем не менее, его продолжало нервировать оказываемое ему почтение, особенно учитывая, что многие из гостей были куда более опытными в искусстве ведения войн, нежели он. Одна группа жрецов из Сандабара потратила годы, преодолевая низшие планы, сражаясь с демонами и дьяволами. И всё же даже они пристально вглядывались в него, внимая каждому его слову.

— Вы охотнее допускаете, что они сбежали, потому что не любят солнечный свет, чем по каким — то тактическим причинам, — объяснял Кэддерли, осторожно выбирая слова. Он отбросил безрассудную нервозность, напоминая себе об отсутствующих детях и пропавших братьях Валуноплечих. — И теперь думаете, что если внутри Парящего Духа ещё остались эти создания, то изголодавшись, они станут атаковать прямо снаружи, вместо того, чтобы спрятаться и ударить в более подходящий момент.

— А что думаете Вы, любезный Кэддерли? — спросил всё тот же молодой волшебник, что был столь вспыльчив и упрям с Джинанс. — Нам сидеть и укреплять оборону, чтобы подготовиться к очередному нападению, или же выйти отсюда и найти наших врагов?

— И то, и другое, — ответил Кэддерли, и многие головы, особенно старших из опытных воинов, склонились в знак согласия. — Многие из вас пришли сюда не одни, а с

надёжными друзьями и союзниками, так что я предоставляю вам право принять решение о численности и размещении боевых групп. Я бы советовал полагаться в равной степени на мускулы и волшебство, на тайную магию и на божественную. Мы не знаем, когда этому... бедствию придёт конец или всё станет хуже, поэтому нам нужно сделать всё возможное, чтобы преодолеть любые непредвиденные обстоятельства.

— Предположу, что групп должно быть не менее семи, — высказался один из старших волшебников.

Они снова приступили к обсуждению между собой, что для Кэддерли было лучше всего. Эти мужчины и женщины не нуждаются в его детальном руководстве. Джинанс подошла к нему, по — прежнему обеспокоенная мыслью, что храм Парящего Духа вскоре могут посетить незванные гости.

— Все наши собраты пришли в себя после прошлой ночи? — спросил её Кэддерли.

— Большинство. У нас приблизительно два десятка братьев, готовых очищать Парящий Дух, пока не появится ещё кто — то, чтобы пойти с остальными.

— Пойдут лишь некоторые, — решил Кэддерли. — Предложи нашим мирским собратям — тем, что проводят больше времени за сбором лечебных трав и лучше знают окружающую библиотеку местность — распределиться по нескольким разведывательным группам из гостей храма. Однако позволь большинству наших людей остаться в стенах храма Парящего Духа, поскольку им лучше известно наше множество катакомб, туннелей и вестибюлей. И это, несомненно, твоя работа.

Джинанс приняла столь значительный комплимент с поклоном.

— Леди Даника будет более полезна, как будет и Айвен... — она остановилась под метнувшимся в её сторону мрачным взглядом Кэддерли.

— Даника недолго пробудет за пределами Парящего Духа, — объяснил Кэддерли. — Главным образом в поисках Айвена, который, по — видимому, пропал, и ...

— Они в безопасности в Кэррадуне, — заверила его Джинанс. — Все трое, вместе с Пайкелом.

— Будем надеяться, — всё, что мог ответить ей Кэддерли.

Спустя какое — то время Кэддерли сидел на балконе своей комнаты, глядя на юго — восток, в направлении Кэррадуна. Так много мыслей теснилось в его голове, когда он беспокоился о своих детях, о Данике, ушедшей искать их и пропавшего Айвена Валуноплечего. Ему было страшно за свой дом, храм Парящего Духа, и за его возможное крушение, последствия которого могли быть ужасными и для его ордена, и конкретно для него самого. Орда неведомых чудовищ, напавших на них столь яростно и решительно, нанесла не слишком значительный урон зданию храма, однако Кэддерли ощутил осколок каждого окна в собственном теле, как если бы кто — то щёлкнул его пальцем по коже. Он был тесно связан с этим местом узами, которых даже сам не до конца понимал.

Так много было причин для беспокойства, и не последней среди них было опасение Кэддерли Бонадьюса за своего бога и состояние всего мира. Он был уверен: следовало отправляться туда, к Плетению, и найти Денеира. Ему были дарованы заклинания, подобных которым он не знал никогда ранее.

Это был Денеир, но уже не тот Денеир, которого всё время знал Кэддерли. Он будто бы изменялся прямо на глазах, как если бы его божество, опора философской мысли, всю жизнь используемая Кэддерли как фундамент, становилось частью чего — то ещё, чего — то особенного, возможно, большего ... и, возможно, чего — то более тёмного.

Для Кэддерли это выглядело так, будто Денеир в своей попытке разгадать тайну распутывания Плетения, сам писал на его ткани или пытался вписать в Плетение и Метатекст и связать с ними себя самого!

Вспышка огня из лесной долины на востоке вернула Кэддерли в настоящее. Он поднялся и двинулся к перилам, пристальнее вглядываясь вдаль. Несколько деревьев были охвачены огнём. Сомнений не оставалось — один из магов — разведчиков привёл в действие огненный шар, или же жрец вызвал столб пламени.

Это означало, что они столкнулись с чудовищами.

Кэддерли перевёл взор к югу, прямо к далёкому Кэррадуну, в сторону нижних горных вершин. В этот ясный день он мог видеть западный берег озера Импреск и попытался обрести некоторое утешение в успокаивающем пейзаже воды.

Он молился, чтобы их граничащая с катастрофой ситуация охватила лишь храм Парящего Духа, чтобы его дети и Пайкел прошли в Кэррадун незамеченными смертоносной ордой, ступившей в горы позади них.

— Найди их, Даника, — шепнул он в запоздалый утренний ветерок.

В этот день она первой покинула храм Парящего Духа. Уход в одиночку позволял Данике непрерывно перемещаться. Обученная скрытности и быстроте, женщина вскоре оставила библиотеку далеко позади, направляясь вниз по плотно укатанной грунтовой дороге на юго — восток, в Кэррадун. Она держалась открытой стороны тропы, где могла беспрепятственно двигаться сквозь густой кустарник, не снижая скорости.

Её надежды воспарили, когда позади возшло солнце, а она так и не увидела и следа монстров и разрушений.

Но в то же время запах горелой плоти заполнил её ноздри.

Осторожно, но всё с той же поспешностью Даника взбежала на вершину насыпи возле дороги, осматривая место недавнего сражения: разрушенную повозку и обугленную землю.

Балдурские волшебники.

Она спустилась с крутого склона, без труда распознав в груды обугленной плоти тех же монстров, что обрушились на храм Парящего Духа прошлой ночью.

Не обнаружив после быстрой проверки человеческих останков, Даника посмотрела на северо — запад, в направлении храма Парящего Духа. Айвен отправился заготовить дровами в ночь, когда пропали те четверо, вспоминала она, и обычно дварф делал это на восточной стороне дороги — той самой дороги, где теперь она и стояла.

Её надежды на то, что друг цел и невредим, начали ослабевать. Он столкнулся с тем же самым тeneвым полчищем? Заметил схватку Балдурских волшебников и спустился к ним на выручку?

Оба сценария не предвещали ничего хорошего. Как всегда знала Даника, Айвен был яростным воином, толковым и умелым, но никто бы не выстоял в одиночку против несметного числа тварей, поднявшихся на храм Парящего Духа и наверняка одолевших четвёрку могучих колдунов.

Женщина сделала глубокий, размеренный вдох, заставляя себя не делать поспешных выводов относительно волшебников, Айвена или последствий для собственных детей.

Они все в высшей степени одарённые, снова напоминала она себе.

И ей не удалось обнаружить ни одного тела дварфа или человека.

Она приступила к более тщательному осмотру в поисках улики. Откуда появились монстры и куда ушли?

Женщина обнаружила след — полосу мёртвых деревьев и пожухшей травы, тянущуюся в северном направлении.

Бросив взгляд на Кэррадун, на восток, и коротко помолившись за детей, Даника вышла на охоту.

Кровь на лице Джинанас убедила Кэддерли, что его опасения насчет тварей, укрывшихся в храме Парящего Духа, оказались обоснованными.

— Подземелья кишат этими существами, — объяснила женщина. — Мы очищаем от них комнату за комнатой, крипту за криптой.

— Методически, — отметил Кэддерли.

Джинанс кивнула.

— Мы не оставляем позади брешей. Нам ничто не угрожает.

Кэддерли рад был услышать подтверждение, напоминание о том, что жрецы, пришедшие на зов Парящего Духа за последний год, старательны и умны. В конце концов, они — последователи Денеира и Гонда, двоих богов, требующих интеллекта и разума в качестве краеугольных камней веры.

Джинанс вытащила свой световой жезл из специального материала, соединяющий мощь магии и механики и использующий заклинание бесконечного света. У каждого жреца в храме Парящего Духа был такой, и с инструментами, подобными этим, им удавалось изгнать тьму с далёких глубин.

— Не позволяйте ничему остаться позади вас, — повторил Кэддерли, и Джинанс, кивнув, оставила его.

В раздражении от собственного бездействия и возложенных на него обязанностей, жрец мерил шагами небольшую комнату. Ему следовало пойти с Даникой, говорил он себе. Но также быстро он отогнал эту мысль, отлично зная, что в одиночку его жена движется быстрее, незаметнее и безопаснее. Тогда он подумал, что должен очищать библиотеку вместе с Джинанс.

«Нет», — решил он.

Его место было не в катакомбах, но и не в личных покоях. Ему нужно было время, чтобы восстановить силы и вернуть себе как решимость, так и ощущение спокойствия, прежде чем возвратиться в мир духов в попытке отыскать Денеира.

Нет, не отыскать его, осознавал жрец, отлично зная, куда отправился его бог. В Метатекст.

Возможно, на все времена.

На Кэддерли возложено выяснить это и в случае успеха попытаться выявить странные перемены в божественных заклинаниях, пришедших к нему так неожиданно. И не только в этот момент.

Кэддерли повязал свой пояс с оружием и заполнил болтами патронташ, прежде чем закинуть его поперёк груди. Он рассматривал вращающиеся диски — пару полукруглых пластин размером с кулак, привязанных к небольшому стержню лучшими эльфийскими верёвками. Кэддерли мог с огромной скоростью выбрасывать такие диски на три фута вперёд, возвращать их обратно и изменять угол удара, атакуя любого врага подобно змее. Он не был уверен, насколько эффективным окажется оружие против вязкой плоти неизвестных захватчиков, но отправил диски в сумку на пояс.

Жрец бросился к двери, но, минуя настенное зеркало, остановился перед ним, рассматривая себя самого и как бы вглядываясь в собственные цели и свою главнейшую обязанность — лидерство.

В белой рубашке и коричневых брюках он смотрелся неплохо, но решил, что этого недостаточно, особенно с тех пор, как он стал выглядеть таким же молодым, как его дети. С улыбкой на лице, однако не столь молодой, жрец подошёл к шкафу, вытащил многослойный светло — голубой походный плащ и накинул его на плечи. Следующим настал черёд широкополой шляпы, такой же светло — голубой, но с красной лентой, удерживающей спереди знак Денеира — свечу над глазом. Гладкий походный посох с резьбой на навершии, напоминавшем баранью голову, довершал облик, и Кэддерли ещё некоторое время стоял, разглядывая своё отражение в зеркале.

Он был так похож на молодого человека, который впервые открыл истину своей веры.

Что это было за путешествие! Что за приключения! Возведение храма Парящего Духа потребовало от Кэддерли огромной жертвы. Магия созидания заставляла его сильно стареть, непрерывно и моментально, до такой степени, что все вокруг, даже его возлюбленная Даника, думали: он непременно погибнет от напряжения. Когда же величественное строение было завершено, Кэддерли предчувствовал скорую смерть и был готов к ней. Но это оказалось не более чем испытанием Денеира, и та же магия, что изнуряла его, впоследствии дала ему силы, удивительным образом сменив старение на момент, когда он снова стал выглядеть и чувствовать себя двадцатилетним, полным сил и энергии молодости, но наделённым мудростью опытного ветерана, более чем вдвое превышающего свой видимый возраст.

И вот его снова призвали к борьбе, но Кэддерли не покидало предчувствие, что последствия отразятся на мире сильнее, чем наступление проклятия хаоса.

Он внимательно смотрел в зеркало на себя, избранного Денеиром, готовый к сражению и использованию любых аргументов в борьбе в хаосом.

В храме Парящего Духа Кэддерли обрёл уверенность. Бог не оставит его, и здесь он окружён верными друзьями и могучими соратниками.

И Даника найдёт их детей.

Храм Парящего Духа восторгается, и они покажут пример остальным, что бы ни случилось, когда время магического неистовства завершится. Он должен был верить в это.

И непременно убедить окружающих в том, что он действительно верит.

Кэддерли спустился в главный зал аудиенций первого этажа и оставил большие двойные двери широко распахнутыми, ожидая возвращения разведчиков.

Ему не пришлось долго ждать. Едва жрец показался из — за лестницы под аркой зала, первая группа вернувшихся разведчиков с трудом миновала главные двери Парящего Духа — половина группы, по меньшей мере. Четверо навсегда остались на поле сражения.

Как только Кэддерли занял своё место, вошли двое жрецов Денеира, с обеих сторон поддерживая крупного молодого клирика из числа пришедших, в то время, как ещё один пытался перевязать ему израненную обожжённую руку.

— Они были повсюду, — пустился в объяснения разведчик. — Нас атаковали менее чем в лиге отсюда. Волшебник метнул огненный шар, но тот взорвался близко и опалил мне руку. На поле меня пытался вылечить жрец, но вместо этого заклинание навредило ему самому. Ему полностью разорвало грудь и... хм, теперь мы не можем полагаться на магию!

В ответ на рассказ Кэддерли мрачно кивнул.

— Полагаю, я видел сражение с балкона. На востоке?..

— На севере, — поправил жрец. — На севере и западе.

Эти слова больно ужалили Кэддерли — ведь огненный шар, который он заметил, взорвался в прямо противоположном направлении. «Они были повсюду», — заявление жреца частым эхом отдалось в мыслях Кэддерли, и он попытался строго сказать себе, что его дети в безопасности в Кэррадуне.

— Без надёжной магии наша борьба станет более сложной, — наконец сказал Кэддерли.

— Хуже, чем ты думаешь, — подтвердил один сопровождающий из храма Парящего Духа и взглянул на разведчика, предлагая ему продолжить.

— Четверых из нашей девятки убили, — сказал мужчина. — Но они не остались мёртвыми!

— Воскрешённые? — спросил Кэддерли.

— Восставшие мертвецы, — уточнил жрец. — Они поднялись и снова начали сражаться — на сей раз против нас.

— Среди чудовищ был жрец или колдун?

Мужчина пожал плечами.

— Они падали, умирали и опять поднимались.

Кэддерли начал было отвечать, но запнулся, широко распахнув глаза. Прошлой ночью в битве за храм Парящего Духа по меньшей мере пятнадцать мужчин и женщин были убиты и помещены в боковую комнату на первом уровне катакомб.

С очевидной тревогой на лице Кэддерли вскочил со стула.

— Что такое? — осведомился жрец — разведчик.

— Идите рядом, все трое, — ответил тот, пробираясь к задней части комнаты. Он свернул в боковую дверь, ведущую в коридоры, что позволило бы ему скорее оказаться в лабиринтах великой библиотеки.

Быстро, но осторожно Даника прокладывала свой путь по следу, держась в стороне от разорённой просеки. По всей длине она простиралась на пять — десять шагов в ширину, со сломанными деревьями и вспаханным дёрном вдоль центра, как если бы здесь прошло громадное существо. Она видела омертвелые участки лишь возле краёв — не полностью сгнившая, что обнаружилась в середине следа, но покрытая пятнами земля, где часть деревьев на вид казалась мёртвыми — и так с обеих сторон.

Женщина — монах с отвращением относилась к мысли пройти по просеке или даже хотя бы вступить в зону сильнейшего гниения, но когда она увидела отпечаток на открытом участке земли, то поняла, что должна узнать больше. Приблизившись, она затаила дыхание, когда действительно распознала в этом след — гигантский отпечаток четырёхпалой ступни с огромными когтями — оттиск драконьей лапы.

Даника опустилась на колени и внимательно осмотрела территорию, проявляя особый интерес к траве. Не вся она оказалась мёртвой возле тропы, но ближе к следу наблюдалось полное разрушение. Женщина поднялась, бросила взгляд на стоящие в стороне деревья и представила идущего дракона, сокрушающего любое дерево или кустарник на своём пути, изредка вытягивающего крылья, которые, возможно, и касались ближайших деревьев.

Она сосредоточилась на мёртвых участках с этими деревьями, в контрасте с живым лесом казавшимися особенно окостенелыми. Их убило одним касанием крыльев зверя?

Даника снова взглянула на отпечаток ноги и на полное отсутствие жизни в растительности, непосредственно окружавшей его.

Пусть дракон, но дракон, лишаящий жизни столь основательно не более чем прикосновением?

Даника с трудом сглотнула, осознавая, что ползучие создания могут быть меньшей из их проблем.

Глава пятнадцатая

Бремя лидерства

— Им все меньше и меньше нравится, что их ведет дварф, они считают его идиотом, — объяснила Ханалейса Тэмберли, который и сам был огорчен услышанным среди выживших в Кэррадуне.

Тэмберли настоял, чтобы их вел Пайкел. Единственный дварф в группе, который мог с помощью магии освещать туннели, по которым беглецам иногда приходилось идти. Хотя некоторые и проявляли недоверие к непонятному зеленобородому дварфу, но никто не выступил открыто. Да и как они могли, после всего, что случилось? Пайкел был героем после прошлой битвы, когда заморозил воду и дал возможность избежать им смерти.

Но это было вчера, а последняя пара часов пути, состоявших из остановок, поворотов назад и разглядывания стен, все больше подсказывала, что они заблудились. Им больше не

встречались ходячие мертвецы, но холод и сырость пещер, по которым иногда даже детям приходилось ползти на четвереньках, совсем не вселяли надежды и оптимизма.

— Они напуганы, — прошептал Тэмберли в ответ, — они все равно бы жаловались, неважно, кто бы их вел.

— Потому что мы потерялись, — сказала Ханалейса и кивнула в сторону дварфа, который одной рукой оперся на светящуюся дубинку, а второй потирал свою зеленую бороду. Пайкел смотрел на три коридора, расходящихся в разные стороны, явно не имея представления, куда идти дальше.

— Как мы могли не заблудиться? Вряд ли здесь кто — то бывал вообще, — сказал Тэмберли.

Ханалейса пожала плечами и подтолкнула брата к дварфу и Рори, который стоял сбоку, опираясь на посох, так как его раненная лодыжка все еще не позволяла ему нормально двигаться.

— Ты знаешь, где мы находимся, дядя Пайкел? — подойдя к ним, спросила Ханалейса. дварф посмотрел на нее и пожал плечами.

— Ты знаешь где Кэррадун? В каком направлении?

Даже не задумываясь, Пайкел махнул дубинкой назад, откуда они пришли, и немного вправо, что Ханалейса восприняла как юго — восток.

— Он хочет, подняться немного выше, а потом искать выход из туннелей, — пояснил Рори.

— Нет, — быстро сказал Тэмберли, и оба, Рори и Пайкел, недоуменно глянули на него.

— Эээ...? — сказал дварф.

— Мы должны выбраться из туннелей, — объяснил Тэмберли. — Сейчас же.

— Ух — ух, — не согласился Пайкел, он взял свою дубинку двумя руками перед собой и изобразил зомби, аргументируя свое несогласие.

— Но мы достаточно далеко от Кэррадуна, чтобы избежать этих самых...

— Ух — ух.

— Мы не так далеко, как ты думаешь, туннели петляют взад и вперед, и если мы сейчас выйдем на поверхность, то Кэррадун будет очень близко, — объяснил Рори.

— Возможно и так, — согласился Тэмберли.

— Но нам надо выбраться как можно скорее, — добавила Ханалейса, — если и дальше так тащить серьезно раненных, они просто умрут.

— А если выйти наверх — умрут все, — отрезал Рори.

Ханалейса и Тэмберли обменялись многозначительными взглядами. Восстание нежити и последующие её атаки, сильно повлияли на брата, и конечно же, старшие близнецы разделяли его чувства.

Ханалейса подошла к Пайкелу и положила руку ему на плечо.

— По крайней мере, выведи нас на воздух, — прошептала она. — Эти бесконечные коридоры действуют всем на нервы.

Пайкел снова симитировал зомби.

— Я знаю, знаю, — сказала Ханалейса. — Я тоже не хочу больше с ними встречаться. Но мы не дварфы, Пайкел. Мы не можем здесь оставаться дольше.

Пайкел оперся на свою дубинку, глубоко вздохнув. Он воткнул ее в землю и запихнул палец в рот. Немного поковырял там и с громким, чавкающим звуком, вытянул. Закрыв глаза, он начал что-то бубнить себе под нос, настраиваясь на потоки воздуха. Спустя мгновение он указал направо.

— Этот коридор выведет нас? — с надеждой спросила Ханалейса.

Пайкел пожал плечами, не желая давать никаких обещаний. Он поднял светящуюся дубинку и повел всех дальше.

— Нам нужны остальные четверо, — решил Яраскрик, все еще находясь в теле Айвена Валуноплечого и говоря его же голосом. — Первый праотец Ву для нас потерян. Сейчас по крайней мере. Но остальные ждут приказа.

— Они заняты, — сказал Гефестус.

— Сейчас нет ничего более важного.

Драколич издал низкий угрожающий рык.

— Я их достану, — сказал он.

— Дроу и человека?

— Ты знаешь о ком я.

— Мы уже отправили праотца Ву к дроу, — напомнил Яраскрик. — Возможно, что Джарлаксл погиб в том же бою.

— Ты не знаешь, что случилось с праотцом Ву.

— Мы знаем, что он потерян для нас, что он...ушел. Нам больше ничего не надо знать. Он нашел Джарлаксла и погиб, и если дроу также убит...

— Мы бы знали, если бы ты удосужился выяснить! — прорычал Гефестус в ярости.

— Не переоценивай свои силы, — резко сказал иллитид голос дварфа. — Мы сильны и могущественны, и наша сила будет прибавляться, в зависимости от количества слуг, которых мы призовем и мертвецов, которых мы поднимем. Возможно даже, что мы научимся поднимать тела разных монстров, тогда наша армия вообще будет неисчислимой. Но наши враги тоже сильны.

— Магия исчезает.

— Но еще не полностью. Она, конечно, непредсказуема, но еще очень сильна.

— Фетчигрол и Солмэ зажали этого могущественного врага в его дыре, — сказал Гефестус с неприкрытым сарказмом. Его голос злорадно задрожал, когда он назвал Кэддерли могущественным.

— Они и сейчас давят на них.

— Зато много наших врагов погибло!

— Несколько, не больше, — сказал Яраскрик. — Наши же прислужники не поступают из неисчерпаемого источника, великий Гефестус.

— Нежить — миллионы и миллионы ответят на наш призыв. После уничтожения их становится еще больше, — гордо сказал драколич.

— Призыв — дело простое для павших, — согласился Яраскрик. — Но не без силы Креншинибона. А кто лучше могущественного Кэддерли может почувствовать эту магию?

— Я их достану! — снова повторил Гефестус. — Дроу и его друга — человека — этого калимшита. Я их достану и проглочу!

Тело Айвена закачалось на каблуках. Иллитид внутри потряс золотоволосой дварфской головой с беспокойством и какой — то отстраненностью.

— Создание столетий, как ты, должно иметь больше терпения, — тихо сказал Яраскрик. — Один враг за раз. Давай сначала уничтожим Кэддерли и храм Парящего Духа, а потом отправимся на охоту. Мы вызовем остальных четырех...

— Нет!

— Нам нужна вся сила, чтобы...

— Нет! Два на юге и два на севере. Два для дроу и два для человека. Если праотец Ву вернется, вернешь его в дело, но остальные будут охотиться, пока не найдут эту парочку — дроу и человека. Я достану этих предателей. И не бойся Кэддерли и его так называемую армию. Мы достанем их, пока они слабы, и тогда весь гнев Гефестуса обрушится на них. Я был сегодня возле Солмэ, и земля умирала подо мной, а деревья загнивали от касания моих крыльев. Я не боюсь смертных, ни Кэддерли, ни кого — то еще. Я Гефестус, я смерть! Посмотри на меня и воззри рок!

Несмотря на их общее сознание и то, что он делит тело с Гефестусом и Креншинибом, Яраскрик знал, что не сможет переубедить упрямого дракона. Иллитид

также с горечью осознавал, что Гефестус начинает брать верх в их союзе с Осколком.

Возможно, иллитид сделал ошибку, объединяя их сознания. Возможно, наступило время обратиться к сущностям внутри Гефестуса, чтобы немного укротить упрямого дракона.

Улыбка появилась на лице Айвена Валуноплечого. Лукавая улыбка.

Хор измученных восклицаний вырвался, как только беженцы из Кэррадуна увидели дневной свет. Никто даже не подозревал, какими глубокими могут быть темные туннели. Никто кроме Пайкела, конечно, выросшего под землей. Даже Рори, который был против того, чтобы выходить на поверхность, не мог не порадоваться дневному свету после бесконечно — темных подземелий. Люди повернулись к солнцу, но тут же издали сильный и разочарованный вздох.

— Ух — ох, — сказал Пайкел, так как они не дошли до конца туннеля, а просто вылезли через узкую и длинную природную расщелину.

— Мы были глубже, чем думали, — заметил Тэмберли, уставившись на расщелину, растянувшуюся больше, чем на сто футов. В большинстве мест она была очень узкой, даже для Рори и Ханалейсы, которые в группе были самыми хрупкими.

— Ты знаешь, где мы? — спросила Ханалейса у Пайкела, и в ответ дварф начал в воздухе рисовать горы, после чего просто пожал плечами.

Его ответ был очевиден, она, да и все другие видели вокруг только горы. Высокие деревья только подтвердили, что они забрались еще глубже в Снежные Хлопья.

— Ты должен вывести нас отсюда, — сказал Тэмберли, обращаясь к Пайкелу.

— К ордам нежити? — напомнил ему Рори, и Тэмберли бросил на брата сердитый взгляд.

— Или, по крайней мере, ты должен показать нам, то есть, им — он посмотрел на людей Кэррадуна — что отсюда есть выход. Даже если мы не уйдем отсюда, мы должны знать, что выход есть. Мы же не дварфы, Пайкел.

С задней части их колонны прозвучал крик. Кричала женщина:

— Мертвецы! Снова ходячие мертвяки!

— Мы знаем, что выход есть, — мрачно сказала Ханалейса, — потому что мы знаем, что есть вход.

— Даже если это путь, которым мы пришли сюда, — добавил Тэмберли, и они с сестрой помчались вдоль всей колонны людей, чтобы вступить в бой с кровожадными монстрами в бесконечном кошмаре.

К тому времени, как Ханалейса с Тэмберли добежали, чтобы присоединиться к битве, небольшая схватка уже закончилась, и трое в свое время утонувших моряков так и остались лежать в расщелине. Но кэррадунцы тоже понесли потери. Погибла одна женщина, застигнутая врасплох. Ее шея была сломана под неестественным углом.

— И что мы будем с ней делать? — спросил какой — то мужчина, не обращая внимания на крики ее мужа, бывшего моряка.

— Сжечь ее, и быстро! — крикнул еще кто — то, но это вызвало множество протестов. Обе стороны вступили в перепалку, которая нарастала с каждым новым криком, грозя перерасти в драку.

— Мы не можем ее сжечь! — перекричала всех Ханалейса, и, или потому что она была дочерью Кэддерли, или ее голос настолько сильно и жестко прозвучал, какофония криков умолкла.

— Мы дадим ей подняться и встать в ряды этих? — продолжал возмущаться старый морской волк. — Лучше сжечь ее, и притом быстро.

— Во — первых, у нас нет огня и нечем его разжечь, — продолжила Ханалейса. — Во

— вторых, даже если бы мы это сделали, ты хочешь идти по туннелям, полным этой отвратительной вони, которая будет напоминать нам о содеянном?

Муж погибшей женщины вырвался из удерживающих его рук и, протиснувшись через толпу, упал на колени возле жены, взял ее голову в руки и прижал к себе. Его плечи содрогались от слез и всхлипываний.

Ханалейса и Тэмберли переглянулись друг с другом, не зная, что делать дальше.

— Отрубим ей голову! — крикнул кто — то из задних рядов, и муж погибшей бросил ненавидящий и злой взгляд в том направлении.

— Нет! — крикнула Ханалейса, снова успокаивая толпу. — Нет. Соберем камни. Мы похороним ее, как это делают дварфы.

Казалось, это немного успокоило скорбящего мужа, но в толпе начались протесты, звучавшие с каждым разом все громче и громче.

— А если она восстанет из мертвых и пойдет против нас? — спросил ближайший мужчина, глядя на Ханалейсу и Тэмберли. — Вы оба убьете ее на глазах мужа? Вы уверены, что вы не жестоки в своем желании быть добрыми?

Ханалейса поняла, что ей нечего ответить на эти слова и бремя ответственности еще тяжелее начало давить на ее молодые плечи. Она снова взглянула на мужа погибшей, который ясно видел дилемму, стоявшую перед ней. Он умоляюще смотрел на девушку.

— Тогда соберем камни потяжелее, — сказала Ханалейса. — Тогда она не сможет выбраться и встать против нас.

— Нет, она будет в ловушке, но через некоторое время все равно выберется и будет бродить, как и все эти, — снова сказал старый морской волк, кивнув головой в сторону рещелины.

— Да, а если мы отрубим ей голову, то этого не случится, — поддержал моряка еще один человек.

— Ненавижу это, — прошептал Тэмберли сестре.

— У нас нет выбора, — напомнила ему Ханалейса. — Если мы не поведем их, тогда кто?

В конце концов, они соорудили пирамиду из тяжелых камней, в которую и положили мертвую женщину. По просьбе Ханалейсы Пайкел провел церемонию освящения земли. По словам девушки, такой ритуал должен был уберечь мертвых от некромантской магии и охранять покой умерших.

Это вроде успокоило мужа усопшей и поубавило пыл протестующих, хотя все, что делал Пайкел, была чистая импровизация, не более, чем просто представление.

В то время и в том месте, думала Ханалейса, представление было просто необходимым. Она осознавала, что это было лучше, чем та альтернатива, которую предлагали другие и о которой, она даже думать не хотела.

Глава шестнадцатая

Темные дыры

Даника увидела вход в пещеру издалека, много раньше, чем она осознала, что следы смерти ведут туда. Она знала, что существо, оставляющее опустошение и гниль, не будет подолгу греться на солнце.

Следы немного петляли, но скоро начали спускаться вниз, к горам, где неожиданно оборвались. Очень похоже на то, что дракон взлетел.

Когда Даника подошла к подножию горы, то увидела зияющий черный вход в пещеру. Тонкая складка высоко в горной стене была достаточно большой, чтобы вместить приличных размеров дракона, но недоступная тому, кто не умеет летать. Или лазить с проворством монаха.

Даника закрыла глаза. Уходя в себя, она соединила тело и дух в абсолютной гармонии. Она представила себя очень легкой, легче воздуха. Медленно Даника открыла глаза, поднимая голову вверх, ища путь между камнями. Кто — нибудь другой наверняка был бы сейчас в затруднительном положении, но для Даники гора была не толще пальца, и на нем могли бы поместиться человек пять.

Она силой воли подняла свое тело, достигла узкого выступа и пальцами ухватила за ближайший камень, высматривая куда двигаться дальше. Женщина ползла как паук, на четвереньках, то растягиваясь, то сжимаясь. Даника двигалась и горизонтально, и вертикально, нащупывая выступы и камни, за которые можно держаться.

Солнце перешло за полдень, а Даника все еще лезла. Ледяной ветер вовсю гулял вокруг нее, но она словно не чувствовала его холода и не позволяла ему сдуть себя вниз. Единственное, что ее волновало: время. Она знала, что существо, которое она видела, было созданием тьмы, и последнее, что бы она хотела, когда эта тварь вылезет из своей норы — так это оказаться прилипшей к стене горы, на высоте сотни футов.

С этой тревожной мыслью она продолжила свой путь, цепляясь пальцами за любой выступ, любую неровность, которая помогла бы ей удержаться на поверхности стены. Ближе к входу пещеры подъем стал легче, так как здесь было больше углублений и больших выступов, на которых она могла передохнуть. Один такой выступ был даже пригоден для того, чтобы идти, а не ползти или карабкаться. Даника пошла по следам к пещере, попутно выискивая природные укрытия среди разбросанных камней и щелей.

Цифры.

Он считал: складывал и умножал, вычитал и снова складывал. Его мыслями управляли, заставляли считать и искать, искать соответствия в цифрах, что вертелись в его сознании.

Айвен Валуноплечий всегда интересовался цифрами. Изобретая новое снаряжение или инструмент, он работал с цифрами и высчитывал соотношения и пропорции, необходимые для каждой детали. Это было самым большим увлечением дварфа в его мастерстве создания чего бы то ни было. Особенно когда Кэддерли пришел к нему с гобеленом, на котором были изображены дроу с их ручными арбалетами. Айвен, используя свое мастерство, навыки и интуицию, почти идеально их воссоздал, даже добавив немного от себя.

Цифры. Все дело в цифрах. Все дело в цифрах, по крайней мере, Кэддерли всегда из — за этого ворчал. Все может быть сведено к цифрам. А потом уже можно будет двигаться дальше, если, конечно, разум способен освоить их запутанные сочетания.

Это была разница между смертными и богами. Так часто говорил Кэддерли. Боги могут свести саму жизнь к цифрам.

Такие мысли не нашли поддержки в более прагматичном и менее склонном к теориям Айвене, но, оказалось, что проповеди Кэддерли по этому поводу, оставили больший отпечаток в голове дварфа, чем он думал.

Он думал над ролью цифр, и тот разговор, состоявшийся много лет тому назад, привел его к пониманию, что эти цифры вспыхивали перед ним только для отвлечения внимания от реальности.

Айвен почувствовал себя прогуливающимся вдоль журчащего ручейка, и эти звуки привели его в чувство и вернули в реальность. Цифры продолжали мерцать перед глазами. Видения появлялись и снова пропадали. Контроль сознания.

Что-то удерживало его в плену мыслей и не давало осознать себя. Он не мог закрыть глаза по своему желанию, его глаза и так были уже закрыты.

Нет, не закрыты, неожиданно понял дварф — закрыты они или нет, это не было физическим последствием, потому что он не пользовался ими, чтобы смотреть. Он заблудился, бесцельно бродя в водовороте собственных мыслей.

И что-то или кто — то его сюда заслал. И этот кто — то его здесь держал — какая — то сила, существо, какой — то чуждый интеллект, что был внутри него.

Дварф разорвал заклятие ментальных пут и вырвался из кокона цифр. Память в одно мгновение вернулась к нему — битва на скалистом склоне Мифрил Халла...

Воспоминания пронеслись быстро и неожиданно оборвались, но Айвен продолжал блуждать в сознании, стараясь вспомнить все, найти себя. Он вспомнил кое — что еще. Полет на драконе. Это было что-то нереальное, только чувство свободы, ветер дул в лицо и развивал его бороду. Вся красота и величие гор тогда предстали перед ним.

Это было как видение. Он был там, но в то же время его там не было. Как будто там был только его разум, а сам он смотрел на все это со стороны, был просто зрителем.

Но, по крайней мере, теперь он знал. Он избавился от ментального контроля и теперь был в себе.

Айвен начал бороться. Он хватался за каждое воспоминание и не отпускал его, пока не убеждался, что оно его и оно настоящее. Он видел Пайкела, Кэддерли, Данику и детей.

Дети!

Он видел, как они родились, росли и стали такими, как сейчас — высокими, сильными и полными энтузиазма. Он гордился ими, как будто они были его собственными детьми.

Ни одно существо во всех вселенных не было таким упрямым, как дварф. И лишь несколько дварфов были упрямее, чем Айвен Валуноплечий. Он сразу узнал существо, которое его подавляло.

Он узнал окрестности места, где находился. Осознал грозящее ему и почувствовал силу драколича.

Если он хотел выжить, то был только один способ сделать это: он должен полностью вернуть себе контроль над своим сознанием и быть готовым к любой неожиданности.

Лицо Айвена Валуноплечевого, полностью контролируемое иллитидом, улыбнулось.

Дварф приходил в себя.

Из — за собственной неуверенности иллитид знал, что без помощи драколича и Креншинибона дварф начал вырываться из ментальной тюрьмы. Яраскрик понял, что существо с такой решительностью и интеллектом — а дварф, возможно, более чем любая другая раса — прорвется сквозь его ментальное управление, как вода сочится сквозь землю. Ее невозможно остановить, даже бы если Яраскрик считал, что нужно. Ее возможно приостановить лишь на время, но не навсегда. Поэтому он держал дварфа в черной дыре.

Иллитид развлекал себя мыслями, что можно было бы освободить дварфа прямо около кровожадного Гефестуса. Он собирался покинуть его сознание, оставив там лишь малую часть себя, чтобы почувствовать весь ужас последних моментов жизни дварфа.

В конце концов, что может быть более захватывающее, чем быть частью кого — то в последние секунды его существования?

В сущности, Яраскрик множество раз так делал, и он давно постиг истину смерти. Хотя, к преобладанию сожаления иллитида, он не мог мысленно путешествовать в королевство мертвых по собственному желанию. Ладно, это не имеет значения, подумал иллитид, и мысленно вздохнул. Он все равно наслаждался моментами скрытого наблюдения, деля чувства страха с другими живыми существами.

Он взглянул на Гефестуса глазами Айвена Валуноплечевого. Драколич свернулся на полу самой большой пещеры. Нет, он не спал, сон — это для живых. Но он пребывал в состоянии глубокой медитации и сосредоточения, грезя о грядущих победах.

Нет, решил иллитид, как только почувствовал нескончаемое чувство превосходства дракона. Яраскрик не даст Гефестусу возможности получить удовольствие от убийства дварфа.

Он решил дать возможность dwarфу вернуть свой рогатый шлем и боевой топор, в то же время составляя план. Он хотел почувствовать страх dwarфа, его ярость и ужас. Яраскрик вышел из пещеры, давая знак четверке мертвых колдунов следовать за ним. Потом остановился, подзывая к себе Фетчигрола.

По команде Яраскрика сущность бывшего архимага переступила невидимый порог между двумя мирами и через королевство смерти перенеслась в Царство Теней, доступное благодаря разваливающемуся Плетению.

Яраскрик остановился еще на миг, чтобы насладиться мыслями Айвена Валуноплечего. Потом он дал dwarфу, окруженному врагами, без возможности победить или хотя бы сбежать, контроль над телом и чувствами.

Айвен знал, где находится и знал, что происходит — он узнал все это из сознания своего узурпатора. Он не чувствовал шока от того, что иллидид его покинул. Dwarф встал на ноги. Его топор закрутился в воздухе. Сначала он разрубил обгоревшего колдуна, поднимая верх клочья почерневшей кожи. Потом ударом слева раскрыл грудь ближайшего зомби. Через арку прошел еще один, и Айвен, низко нагнув голову, оленьими рогами своего шлема, наделал дырок в теле монстра.

Со стоном волшебник — нежить увильнул от рогов на шлеме, только для того, чтобы получить удар топором по голове, которая тут же разлетелась пополам. К тому времени природная ярость dwarфа разыгралась вовсю, а приближались еще враги — темные твари, ползущие на руках.

Айвен быстро побежал вниз по проходу, прочь из пещеры, хотя он помнил, что там тупик, большой провал в конце. Но чужое вторгшееся сознание витало над ним, и он продолжал бежать.

Потом Айвен развернулся и как бык рогами ударил парочку монстров, откидывая их со всей своей дикостью, яростью и силой. Он побежал еще быстрее, прямо ко входу в пещеру.

А там лежал скелет гигантского дракона, пропитанный силой мертвых. Как только Айвен забежал в пещеру, дракон с невиданной ловкостью поднялся на все свои четыре лапы.

Перед тем, как вбежать в пещеру, Айвен знал, что там находится что-то большое и ужасное, но он даже приблизительно не ожидал ужаса таких размеров.

Другой dwarф, другой воин может быть свернул бы вправо, к выходу, и рогатым шлемом раскидал бы тварей, пробиваясь с боем. Но Айвен не повернул. Он поднял свой топор и нацелился на драколича, выкрикивая боевой клич, обращаясь к Морадину. Он знал, что умрет, но он умрет так, как подобает истинному воину.

Первые же звуки битвы насторожили Данику. Она пролезла между камнями, и сердце ее чуть не остановилось, когда она увидела Айвена, храбро сражавшегося с толпой монстров и нежити. За ними или между ними, Даника почувствовала это интуитивно, находился призрак, могущественный и злой. Первым порывом Даники было кинуться к Айвену, или напасть на ведущего всю эту толпу врагов, но только она подумала об этом, как Айвен кинулся бежать к входу в огромную пещеру.

Монстры последовали за ним. Призрак также.

Даника кинулась следом.

Айвен скрылся в пещере. Там же пропали ползучие гады и зомби. Даника дошла до самого входа в пещеру и неожиданно остановилась, когда увидела судьбу Айвена, свою судьбу, да что там свою, — она увидела рок всего мира.

Женщина даже вздохнуть не смогла, увидев огромного драколича, на котором осталось достаточно чешуи, чтобы различить его цвет — красный. Он взглянула на морду чудовища: полусгнившая, с проступившими белыми костями, глазные провалы горели красным огнем, а почти посередине черепа зеленым цветом мерцал своеобразный рог.

Он почувствовала эманации, излучаемые этим рогом.

Ужасная сила.

Боевой клич Айвена вывел ее из ступора, и она увидела, что его топор занесен высоко над головой и нацелен на дракона, будто он хотел прорубить себе путь сквозь это чудовище. Дварф нацелился на переднюю ногу зверя, но монстр в последний момент поднял лапу вверх.

Айвен ударил, тоже сделала троица тварей и один из нежити — один из волшебников Врат Балдура, осознала Даника с болью в сердце.

Чудовище ударом лап всколыхнуло всю гору, и по земле пошла паутина трещин.

Воздух вокруг лап монстра наполнился кровью и осколками тел, этим темно — красным туманом разрушения и полного уничтожения.

Даника не смогла сдержать крика.

Несколько монстров, что не последовали в пещеру, лежали на полу, ошеломленные мощным ударом. Но они слышали ее крик.

После этого женщина побежала от пещеры, преследуемая голодными существами. Она побежала вниз по коридору, не зная, куда он может ее привести.

Глянув через плечо, она обернулась и ударила выступающую с обеих сторон коридора горную породу, обваливая ее, чтобы хоть на время задержать врагов и иметь возможность добежать до выступа на входе в пещеры.

Но врагов было слишком много и еще больше бежало сзади.

На самом выходе Даника обернулась и низко пригнулась, как раз в тот миг, когда одна из тварей прыгнула на нее. Монстр издал крик ужаса падая вниз, в забвение. Подпрыгнув, Даника ударом ноги свалила еще одного монстра. Следующий разделит участь полетевшего вниз. Даника билась со всей яростью и умением. Но когтистая лапа одной из тварей таки достала ее плечо и сильно толкнула назад. Но вся ярость и злость Даники мгновенно пропала, когда она почувствовала вокруг себя только ветер. Она падала.

Женщина обернулась, глядя на кроны деревьев тысячей футов ниже.

Она подумала о Кэддерли и об их детях.

Часть третья

Дневник Дриззта: сумма слагаемых

Мы живем в опасном мире, а сейчас и подавно, так как магия находится на переходном этапе или даже в критическом состоянии. Если Джарлаксл прав, то мы являемся свидетелями столкновения миров, или планов — до точки, где их соединение принесёт новые и большие испытания всем нам. Я считаю, что наступило время для героев.

Настало время действовать. Я счастлив, когда есть препятствия, которые надо стойко встретить и преодолеть. В эти времена бедствий я чувствую себя чем — то большим, нежели просто личностью — всеобщая ответственность, долг поколения — для меня это великая радость.

Сейчас нам будет нужен каждый меч и каждый ум, каждый ученый и каждый воин, каждый волшебник и каждый жрец. События в Серебряных Пределах, озабоченность, на лице леди Аластриэль — они далеко не местного масштаба, боюсь, что отголоски разошлись по всему Абер — Торилу. Могу себе только представить хаос, творящийся в Мензоберранзане, спровоцированный непредвиденностью магии у волшебников и жрецов; единство матриархального строя может быть в опасности, и старшие Дома запросто

могут быть осаждены армиями тех же кобольдов.

Наша ситуация на Поверхности не очень — то отличается, и сейчас время для героев. Что значит быть героем? Что именно возносит одного над толпами воинов и боевых магов? Конечно, обстоятельства играют роль — бесстрашие или деяния нужны во время великих бедствий. И, как правило, в эти сами времена кризиса, результатом является несчастье. Нет никаких героев. Некому вести армию на поле боя или уничтожить дракона, и город окунается в пламя пожаров. В нашем мире, к добру или нет, условия появления героев стали слишком общими.

Поэтому важны не только обстоятельства или фортуна. Конечно, удача также играет какую — то роль, и некоторые люди — к коим я отношу и себя — более удачливы, чем другие. Но с тех пор, как я верю, что нет благословенных или проклятых душ, или что тот или этот бог благоволит нам и вмешивается в каждодневную жизнь, я знаю, что для тех, кто решил стать больше, чем просто середнячком, есть другие необходимые качества.

Соберите где — нибудь сотню стрелков, поставьте цель на расстоянии тридцати шагов — и все попадут в нее. Но добавьте немного золота, и пара из них отступится из — за насмешек других лучников.

А теперь замените цель убийцей, который держит под прицелом человека, наиболее дорогого для лучника. У стрелка один выстрел. Только один. Если он попадет в цель — убийцу — его любимая будет спасена. Если промахнет — наёмник убьет свою жертву. Герой попадет.

Это и есть то самое необходимое качество, умение сохранять равновесие, трезво и рационально мыслить, умение сконцентрироваться, несмотря на эмоциональное и физическое напряжение. Не только и не столько благодаря удаче. Герой сделает точный выстрел.

Герой живет ради этого выстрела. Герой тренируется ради этого выстрела, длительное время прилагая для этого большие усилия.

Много прекрасных воинов, используя меч или молнии, прекрасно служат в своих армиях и переносят все тяготы с доблестной стойкостью. Многие хороши в своих делах и служат отлично.

Но когда всё на грани срыва, когда победа или поражение не зависят только от силы, мужества и героизма, когда всё балансирует на лезвии меча, герой найдет путь. Путь, кажущийся невозможным тому, кто полностью не понимает боя, не чувствует каждого взмаха и росчерка клинка или пути преследования врага, чтобы не дать ему преимущества.

Воин, натренирован в использовании различного оружия, он знает, как парировать удары и пользоваться щитом — он хороший воин, но истинный герой выше этих навыков. Любое движение, проникающее в каждый мускул, инстинктивно, оно позволяет действовать с идеальной координацией. Каждый блок обдуман — настолько обдуман, что он скорее предупреждающий, чем рефлекторный. И каждая слабость противника видна с первого взгляда.

Настоящий воин бьется спокойно, контролируя ярость и страх. Каждая ситуация просматривается очень чётко, каждое решение видно, как блистающий путь. А герой на шаг впереди всего этого, он находит путь, любой путь, чтобы вымостить его победой, даже если нет видимого решения.

Герой ищет этот путь, и когда путь виден, неважно насколько он сложен. Герой делает выпад или блок, или яростный ответный удар, похищая у противника победу. Как Реджис использовал рубиновую подвеску, чтобы парализовать мага в Лускане. Или как Вульфгар кинулся на йоклол, чтобы спасти Кэтти-бри. Или как Кэтти-бри сделала отчаянный выстрел в канализацию Калимпорта, чтобы отвлечь Энтрери, который брал надо мною верх. Или как Бруенор использовал хитрость, силу и непоколебимую волю, чтобы победить Шиммерглума во тьме Мифрил Халла.

Судьба — это термин, которого нет в словаре героя, потому что она, судьба,

настает всегда точно — когда Бруенор неся на спине теневого дракона в ущелье Гарумна — воин, который станет героем, сам поднимает себя над остальными. Это инстинктивно и не зависит от его воли или жизни.

Герой сделает тот выстрел.

Боюсь, нам всем предстоит пройти проверку. В это время опасности и смятения многие станут перед лицом беды, и многие уйдут за эту тёмную планку. Но некоторые выстоят, не упадут, найдут путь и сделают выстрел.

В такие моменты надо помнить, что репутация ничего не стоит, и если прошлые деяния вселяют доверие, то не они приведут к настоящей или будущей победе.

Я надеюсь, что Тулмарил будет крепко лежать в моих руках, когда я предстану перед таким выбором, потому что я знаю, что я войду в тень судьбы, где ждут только темные дыры, и мне достаточно только подумать о Реджисе или моей возлюбленной Кэтти-бри, чтобы понять, как высоки ставки в этом состязании.

Я надеюсь, что мне будет дан этот выстрел в убийцу, кем или чем бы он ни был. Я попаду в цель.

Это последнее о герое. А по поводу вышеупомянутого состязания лучников — герой хочет быть избранным и нанести самый точный выстрел. Когда ставки выше, герой хочет, чтобы победа была в его руках. Это не из — за высокомерия, но из — за необходимости и веры, что будущий герой тренировался и готовился именно к этому единственному выстрелу.

Дризт До'Урден

Глава семнадцатая

Ничего кроме ветра

Всё остановилось. Абсолютно всё. Сражение, страх и погоня. Всё закончилось, вытеснилось одним единственным звуком — звуком ветра и величественным пейзажем, открывавшимся сверху. Монахиню захлестнуло ощущение пустоты и одиночества. И свободы. Ощущение надвигающейся смерти.

Но... Вращение, сдвиг, безупречное самообладание, — и Даника тут же приняла вертикальное положение, а затем развернулась лицом к скале, с которой её только что столкнули. Она вытянулась и устремилась вперёд, мгновенно изучая пространство впереди и ниже себя, замечая и искусно соотнося с собой наиболее крупные выступы и углы скалы. Она ударила ладонью по камню, затем ещё раз; затем начала наносить частые удары снова и снова. С каждым ударом её мускулы резко сокращались, борясь с импульсом падения.

Левой ногой женщина ударила по ближайшему каменному выступу снизу и слева, и после этого лёгкими движениями начала снова и снова отталкиваться от скалы сложенными вместе ладонями. По мере приземления, после десятка таких последовательных быстрых толчков, Даника ловко начала сворачивать влево.

Она задела носком ступни за очередной выступ и тут же перенесла вес тела на него, сгибая ногу для поглощения энергии от столкновения. Этим она не могла прекратить своего падения, но была способна чуть— чуть замедлить его: эти отталкивания от скалы хоть и с небольшим успехом, но всё же снижали его скорость.

То был путь монаха. Даника была способна пробежать вниз по стене высокого здания и приземлиться без последствий. Она уже не единожды проделывала это. Но, конечно же, высокое здание не шло ни в какое сравнение с этой скалой, имевшей более сложный склон: порой отвесный и прямой, порой менее отвесный, а порой вообще принимающий обратный уклон. Но монахиня работала, полностью сконцентрировавшись, и её мышцы отвечали на все её требования.

Следующий выступ дал ей возможность слегка затормозить падение, а узкий край скалы позволил выставить ступни и работать мышцами ног против неослабевающей силы притяжения.

После этого, находясь на полпути к земле, женщина уже была больше похожа на паука, неистово бегущего вниз по стене. Её руки и ноги бешено колотили по скале.

Что-то тёмное пролетело мимо, отчего Даника вздрогнула и чуть не потеряла концентрацию. Она узнала в этом предмете одну из тех мясистых тварей, но не стала раздумывать по поводу того, как та могла упасть.

У монахини не было на это времени, как и не было времени ни на что другое, кроме полной концентрации на поставленной задаче.

Её разум заполнял только ветер. Только ветер и очертание скалы.

Она была уже почти у самой земли, но всё ещё продолжала падать слишком быстро, чтобы выжить. Даника даже не надеялась на кувырок после падения, чтобы приглушить ужасающей силы удар. Поэтому свела ноги вместе и оттолкнулась от камней, начав вращение как раз вовремя, чтобы приземлиться на высокие сосны, которые заметила ещё сверху.

С треском она падала сквозь ветки. Сосновые иглы и щепки полетели в разные стороны. Сломанная ветка, ударив её, сорвала значительный слой кожи с бока Даники и наполовину разорвала рубаху. Но более крупная ветка, выступавшая чуть ниже, прогнувшись, не сломалась, и Даника скатилась по ней вверх ногами, ударяясь о ещё более толстые ветви, отскакивая от них и пролетая сквозь скопления зелёных иголок. Но до земли оставалось ещё около тридцати футов.

Ослеплённая болью, едва находясь в сознании, монахиня всё — таки продолжала свое вращение, выравниваясь таким образом, чтобы ноги всегда оказывались снизу.

Приземлившись, она попыталась сгруппироваться и сделала кувырок в сторону. А потом кувыркалась снова и снова, три, пять, семь раз, пока, с трудом дыша, женщина не остановилась. Вспышки боли прокатились по ногам, по сорванному боку, по плечу, которое, как уже догадалась Даника, было выбито или вывихнуто.

Она слегка повернулась посмотреть на множество кроваво — чёрных ран на теле.

И подумала, что, по крайней мере, всё выглядело не так плохо, как ожидалось. И всё же, хоть и избегнув участи быть разорванной на части монстрами, она боялась, что результат будет одним и тем же, и она не перенесёт последствий этого падения.

Холодная тьма начала окутывать монахиню.

Но Даника боролась, убеждая себя, что драколич может прийти, чтобы найти её, и напоминала самой себе, что всё ещё находится в опасности. И, даже если она каким — либо образом не умрёт от полученных при падении ран, то погибнет, когда зверь найдёт её.

Даника перевернулась на живот и приподнялась на локтях, или попыталась приподняться, потому что плечо не позволило сделать это, и волны ужасной боли захлестнули её. Тяжело дыша, она все же приподнялась на одной руке и её тут же стошнило. Её миндалевидные глаза наполнились слезами, а спазмы в области рёбер вызвали новый приступ тошноты.

Женщина говорила сама себе, что должна двигаться.

Но большего добиться не могла.

Холодная тьма вновь окружила её, и даже сильная Даника не могла сопротивляться этому.

Выглядывая из боковой комнаты тёмного ущелья, Кэтти-бри едва могла различить фигуры своих спутников, которые находились в другой комнате и стояли в колеблющемся свете факелов. Все они попали в ловушку и находились в явном тупике, загнанные

отрезающим путь драконом и его призрачными прихвостнями. Дризт был для них потерян, а Вульфгар, стоящий рядом с Кэтти-бри, принял на себя главный удар дыхания дракона, и страшное облако тьмы и отчаяния привело его в оцепенение, делая воина практически беспомощным.

Отчаявшись, в поисках ответа, она выглянула за дверь, молясь о том, чтобы её отец нашёл решение, которое помогло бы спасти их всех. Она не знала, что ей делать, но тут Бруенор снял свой утыканный драгоценными камнями шлем и вместо него надел старый, со сломанным рогом.

Передавая корону Реджису, он сказал:

— Охраняй мой шлем. Это корона короля Мифрил Халла, — после чего его желание стало очевидным.

Хафлинг запротестовал:

— Но она же твоя, — в голосе Реджиса явно слышался охватывающий его страх, который тут же передался Кэтти-бри.

— Нет, она не принадлежит мне ни по праву, ни по моему выбору. Мифрил Халла больше нет, Пузан Реджис. Я — Бруенор из долины Ледяного Ветра, и был им на протяжении двухсот лет, хотя в моей голове всё слишком мутно, чтобы помнить это.

Кэтти-бри едва могла услышать следующие несколько слов. Она тяжело вздохнула и отчётливо поняла, что Бруенор имел в виду. Реджис что-то спросил у него, но девушка не смогла расслышать, однако понимала, что это был тот самый вопрос, страшный ответ на который, пронзительно кричал в её собственных мыслях.

Теперь Бруенора стало видно отчётливо. Он выбежал из комнаты, направляясь напрямик к ущелью.

— Тут у меня один из твоих трюков, парень! — закричал он, глядя на маленькую боковую комнату, которая скрывала Кэтти-бри и Вульфгара. — И когда мой разум говорит прыгать на спину дракона, я ни за что не промахнусь!

Так всё и случилось. Это было откровенное заявление о самопожертвовании ради всех остальных, попавших в ловушку огромного сумрачного дракона в недрах глубоких пещер, ранее известных, как Мифрил Халл.

— Бруенор! — услышала Кэтти-бри собственный вопль, несмотря на то, что сама была едва в сознании, чтобы даже просто что-то говорить. Она оцепенела, осознавая, что вот — вот может потерять дварфа, своего любимого приёмного отца, великого Бруенора, который был силой Кэтти-бри из клана Боевых Молотов и фундаментом всей её жизни.

В тот страшный момент, когда Бруенор бросился к ущелью, всё движение мира для молодой женщины замедлилось. Он потянулся через плечо, чтобы поджечь свой плащ, под которым находился бочонок с маслом!

Дварф не замедлился и не дрогнул, когда достиг края обрыва. Высоко занеся свой топор, с полыхающей спиной, он прыгнул.

Охваченная страхом и вынужденная действовать, Кэтти-бри двинулась к краю пропасти и вместе с подбежавшим Реджисом уставилась вниз на горящего дварфа, уцепившегося за спину огромного сумрачного дракона.

Бруенор не колебался, но его поступок окончательно лишил Кэтти-бри последних сил! Она едва смогла удержаться на ногах, увидев, как умирает её отец, отдавая свою жизнь, чтобы она, Вульфгар и Реджис могли пересечь ущелье и покинуть мрачный Мифрил Халл. Она боялась, что ей ни за что не хватит сил на побег и смерть Бруенора окажется напрасной.

В этот момент Вульфгар находился возле неё; скривив лицо в отчаянии от наложенной на него магии. Он сражался с решительностью варвара долины Ледяного Ветра. Кэтти-бри не смогла понять его намерения, когда Вульфгар высоко поднял свой боевой молот и швырнул его вниз в дракона.

— Ты сума сошёл? — закричала она, ухватившись за варвара.

— Бери свой лук, — сказал он ей, это снова был Вульфгар, освободившийся от коварного заклятия дракона. — Если хочешь быть настоящим другом Бруенору, не дай ему

погибнуть напрасно!

Настоящим другом? Слова больно ранили Кэтти-бри, колко напоминая, что она была дварфу намного больше, чем друг, — он был её отцом, якорем в её жизни.

Но она знала, что Вульфгар был прав. Дрожащими руками женщина подобрала лук и сквозь выступающие слёзы прицелилась.

Она не могла помочь Бруенору. Она не могла спасти его от выбора, который он сделал — от выбора, который, возможно, спас их троих. Это был самый сильный выстрел, какой ей только доводилось делать, выстрел ради Бруенора.

Сияющая серебряная стрела, посланная Тулмарилом, вспышкой молнии осветила влажные глаза Кэтти-бри.

Кто — то схватил её и свёл руки по бокам. Девушка услышала, как в отдалении кто — то шептался, но не могла разобрать слов, как не и могла увидеть того, чьи руки почувствовала на себе.

По их нежности, силе и изящности она узнала Дриззта. Но Дриззт был для неё потерян, как и для всех них. В этом не было смысла. А теперь и Бруенор....

Но вот ущелье исчезло, исчез дракон, её отец, исчез весь мир, вытесненный землёй и бурым туманом с ползающими в нём призрачными тварями, которые приближались к ней, скребя когтями.

Они не могли ни дотянуться до неё, ни причинить вреда, но Кэтти-бри не видела в этой пустоте ничего обнадеживающего. Она не чувствовала ничего, и ничего не замечала, кроме уродливых, мерзких существ, ползающих по неизвестной ей земле.

В месте, где она была абсолютно одинока.

И что хуже всего, узкая и расплывчатая линия разделения миров на две реальности вызывала чувство полнейшей иллюзорности, которое отбирало у Кэтти-бри нечто, даже более личное и близкое, чем её друзья с привычным окружением. Она пыталась сопротивляться, старалась сосредоточиться на ощущении охватывающих её сильных рук — а это должен быть Дриззт! — но уже осознавала, что больше не может ощущать их прикосновение, даже если они всё ещё её держали.

Образы стали расплываться. Два мира состязались друг с другом, отдаваясь в её голове какофонией несвязных звуков, столкновением двух реальностей, из которых не было пути для побега.

Она падала в своём сознании, пытаясь держаться за воспоминания, за свою реальность, за свою индивидуальность.

Но вокруг не было ничего, за что можно было бы ухватиться, никакой существенной опоры, которая напоминала бы Кэтти-бри о чём — либо, в особенности о ней самой.

У девушки не осталось ни одной здоровой мысли, ни одного ясного воспоминания. Она перестала осознавать себя. Она была настолько потерянной, что даже не осознавала этого.

Пятно оранжевого света коснулось закрытого века Даники, прорезая охватившую её чувства тьму. Устало она приоткрыла один глаз и встретила рассвет: сверкающая сфера показалась на востоке, являя свой дугообразный изгиб между двумя горами. Даника было подумала, что те две далёкие горы специально направляли лучи света прямоком на неё, чтобы разбудить.

События предыдущего дня прокручивались в голове, и она не могла понять, где заканчивались сны, и начиналась ужасная реальность.

Или всё это был только сон?

Тогда почему она лежала в каньоне возле огромной скалы?

Женщина снова медленно восстановила в памяти всё произошедшее, и тьма, наконец, отступила.

Она опять попыталась приподняться на локтях, и снова волна ужасной боли в плече бросила её на землю. Морщась от боли, она крепко зажмурилась, вспоминая полёт, падение сквозь деревья, затем мысленно вернулась к тому месту на вершине скалы, в логово драколича.

Айвен был мёртв.

Груз воспоминаний тяжело лёг на плечи Даники. Она вновь слышала топот драколича и ещё раз увидела разлетающиеся по пещере куски плоти. Она вспоминала те моменты, когда видела с детьми Айвена, их обожаемого дядю, который, в отличие от своего мягкосердечного брата Пайкела, делился с ними своей мудростью, проявляющейся в строгих и отточенных уроках.

«Пайкел», — прошептала Даника в траву, сокрушаясь при мысли о том, как скажет ему об Айвене.

Упоминание о Пайкеле заставило её мысли броситься обратно к детям, которые были где — то там далеко, с дварфом.

Она открыла глаза — уже был виден нижний край солнца, утро вступало в свои права.

Дети были в беде. Эта мысль была неотвратима. Они тоже были в опасности, угроза уже могла настигнуть их, и Даника не могла принять этого.

С вызывающим рычанием монахиня оттолкнулась одной рукой и подогнула ноги под себя, подбрасывая тело вверх и вставая на колени. Её левая рука безвольно висела, вывернутая под неестественным углом. Из — за боли она не могла повернуть голову и посмотреть на своё плечо, но осознавала, что и оно было смещено.

Так не пойдёт.

Даника изучила местность вокруг и заметила выступающий из скалы камень. Решительно кивнув, она вскочила на ноги, и, не дожидаясь, пока боль остановит её, рванулась в сторону стены, подпрыгнула в воздух и, приземляясь, развернулась, задней стороной раненного плеча швыряя себя на камень.

Она слышала громкий хруст, понимая, что это было предвестником тошноты. И в самом деле, волны боли удвоились, вызывая рвоту.

Но теперь она могла видеть своё выравненное плечо, а боль быстро затихала. Она даже могла снова шевелить рукой, хотя и самое незначительное движение отдавалось сильной болью.

Облокотившись о скалу, она ещё немного постояла, пытаясь уйти в себя и найти там спокойствие, вопреки неистовому бушующему шторму, разносящемуся по израненному телу.

Когда она, наконец, открыла глаза, то сначала сфокусировалась на упавшем неподалёку, расплюсненном и разможжённом о землю монстре. Женщина обернулась и посмотрела вверх на скалу, думая о драколиче и о том, что теперь нужно было предпринять, чтобы предупредить тех, кто поможет ей уничтожить тварь.

Влекомая материнским инстинктом, она посмотрела на юг, в направлении Кэррадуна, где находились её дети и куда она отчаянно хотела направиться. Но сосредоточилась на не столь отдалённой области на юге, пытаясь представить себе долину в такой пропорции, чтобы понять, где находилась дорога, ведущая на север и юг, к храму Парящего Духа.

Даника кивнула, осознавая, что ей не придется преодолевать горную грядку, чтобы найти дорогу. Чётко уверенная в своём местонахождении, она двинулась в путь на неустойчивых ногах. И лодыжка, казалось, могла подвернуться в любой момент.

Вскоре монахиня уже облакачивалась на трость, преодолевая боль и прокладывая путь домой. Дорога оказалась намного круче, чем та, что вела из Кэррадуна, и у Даники появилась вздорная идея продолжить свой путь, огибая весь портовый город, чтобы использовать более

проходимую дорогу.

Она не могла не усмехнуться такому хилому оправданию. В этом случае она потеряет день и даже больше, для того, чтобы использовать тот маршрут. День, которого не было в запасе у Кэддерли и остальных.

Немногим позднее, когда солнце было уже в зените, она вышла на дорогу, ведущую с севера на юг. Мокрая от пота одежда прилипала к телу. Она снова посмотрела на юго — восток, в сторону невидимого Кэррадуна и подумала о своих детях. Закрыв глаза, Даника повернулась на юг, затем посмотрела на дорогу, ведущую домой. Дорогу, которую нужно было преодолеть ради всех них.

Она вспомнила, что путь был довольно ровным на протяжении четверти мили, но потом сменялся тягостным подъёмом, ведущим к Снежным Хлопьям. Даника была просто обязана преодолеть этот подъём. Это был её долг, а не выбор. Кэддерли должен обо всём узнать.

Это означало, что дорога займёт всю ночь. Она пустилась в путь, шагая медленно, практически волоча одну из ступней, тяжело опираясь правой рукой на трость. Да ещё и вторая рука плетью висела с другого бока. Каждый шаг болью отдавался в раненном плече, поэтому Даника остановилась, оторвала кусок от её и так уже оборванной рубахи, приспособившая импровизированную повязку.

С решительным вздохом женщина снова двинулась в путь уже чуть быстрее, но силы её быстро убывали.

Она потеряла счёт времени, но заметила, что тени вокруг начали удлиняться. Затем женщина что-то услышала. Кто — то или что-то — наездник или повозка — приближались сзади. Даника свернула с тропы и нырнула в кусты за скалой, ползком передвигаясь к месту, откуда она могла бы видеть дорогу. Она сильно прикусила нижнюю губу, чтобы не застонать от боли, но вскоре совсем забыла о ней, как только вызвавший её любопытство объект показался в поле зрения.

Первое, что она увидела, оказалось лошадью, скелетообразным чёрным зверем, вокруг копыт которого пылал огонь. Жеребец фыркал, выпуская дым из своих расширяющихся ноздрей. Это был адский конь, Кошмар, и когда Даника увидела наездника — или, точнее, его огромную шляпу с широкими полями, увенчанную перьями, и эбенового цвета кожу — она вспомнила его.

— Джарлаксл? — прошептала она. Но её удивление выросло ещё больше, когда она увидела сидящего рядом с наёмником другого тёмного эльфа, которого Даника тоже несомненно узнала.

Мысль об этом мошеннике Джарлаксле, скачущем рука об руку с Дриззтом До'Урденем застигла Данику врасплох ещё больше. Как такое возможно?

И что это могло означать для неё и Кэддерли?

По мере приближения повозки она разглядела поверх её спинки ещё пару голов. Очевидно дварфы. Визг в стороне отвлёк её внимание на третьего дварфа, скачущего на кабане, выглядевшем так, будто он тоже относился к нижним уровням, как и тянувший рядом повозку Кошмар.

Даника убеждала себя, что это не может быть Дриззт До'Урден, и подумала о том, что было бы совсем неудивительно, если бы именно Джарлаксл стоял за всеми бедами, обрушившимися на Алказар. Мысленно она снова и снова говорила себе, что не может рисковать, выходя к ним, в то время как повозка, подсакивая, приближалась к месту её укрытия.

Фургон находился уже почти в десяти футах — Кошмар, выдыхая пламя, мчался по дороге, выбивая дробь своими огненными копытами — когда, не смотря на все существенные доводы, отчаявшаяся женщина инстинктивно осознала, что выбора не было. Она привстала на коленях и крикнула, прося о помощи.

— Леди Даника! — воскликнул Джарлаксл, одновременно с Дриззтом произнося её имя.

Дроу вместе прыгнули на землю и подбежали к ней с двух сторон. Вдвоём они нежно и бережно поддерживали её, глядя друг на друга, озадаченные тем, что же могло так покалечить могущественного воина — монахиню.

— Что там у тебя, эльф? — спросил один из dwarфов, поднимаясь на спинку повозки. — Девчонка Кэддерли?

— Леди Даника, — объяснил Дризт.

— Вы должны... — выдохнула женщина. — Вы должны отвезти меня к Кэддерли. Я обязана предупредить его...

Её голос умолк, и сознание покинуло Данику.

— Отвезём, — пообещал Дризт. — Теперь отдыхай.

Дризт.

С глубокой озабоченностью на лице Дризт посмотрел на Джарлаксла. Он не был уверен, перенесёт ли Даника дорогу.

— У меня есть снадобья, — обнадежил Джарлаксл без особой уверенности в голосе, на которую рассчитывал Дризт. Да и кто мог быть уверенным в том, какие последствия могли принести снадобья в этот период неконтролируемой магии?

Они уложили Данику как можно удобнее в задней части повозки рядом с Кэтти-бри, которая сидела, опершись спиной о стенку и по-прежнему не осознавала ничего вокруг. Джарлаксл остался рядом с монахиней и ложкой вливал в её рот целебное зелье, в то время как Бруенор управлял Кошмаром, подгоняя его, насколько это только было возможно. Дризт с Пвентом бежали в стороне, опасаясь того, что существо, которое покалечило Данику, могло быть где — нибудь рядом. По просьбе Джарлаксла Атрогейт со своим адским хрюком тоже мчались неподалёку, чуть впереди Кошмара.

— Склон становится круче, — предупредил Бруенор немного позднее. — Твоей лошадке это не нравится.

— Мулы уже отдохнули, — ответил Джарлаксл. — Едем еще сколько сможем, потом вновь запряжём их.

— К тому времени опустится ночь.

— Вероятно, но нам всё равно нужно будет продолжить путь.

Бруенор не хотел соглашаться с ним, но, не смотря на это, заметил, что кивает с одобрением.

— Эльф? — спросил dwarf, глядя на приближающегося Дризта, выбежавшего из густого кустарника на край дороги.

— Ничего, — ответил Дризт. — Я не заметил признаков присутствия монстров, как и следов, оставленных Даникой.

— Что ж, это неплохо, — сказал Бруенор. Он потянулся к Дризту и, схватив его за пояс, помог тому забраться в повозку.

— Дыхание у неё ровное, — сказал Дризт, и Джарлаксл кивнул.

— Снадобья помогли, — сказал Джарлаксл. — В некоторой мере магия ещё предсказуема.

— Ба! Но она ещё ни слова не промолвила, — сказал Бруенор.

— Я погрузил её в транс, — объяснил Джарлаксл. — Это для её же блага. Простенькое заклинание, — доверительно прибавил он, когда увидел подозрение в глазах Дризта и Бруенора. Он вытащил из своего облачения подвеску со свисающим рубином, необыкновенно схожим с тем, что носил Реджис.

— Эй, это что ещё! — воскликнул Бруенор, резко натягивая вожжи и останавливая повозку.

— Это не рубин Реджиса, — заверил его Джарлаксл.

— Он был у тебя в Лускане, — вспомнил Дризт.

— Временно, — сказал Джарлаксл. — Достаточно для того, чтобы мои мастера сделали точную копию. Глядя на уставившихся с неодобрением на него Дризта с Бруенором, он просто пожал плечами и добавил:

— Это то, чем я занимаюсь.

Бруенор с Дризтом посмотрели друг на друга и только вздохнули.

— Я ничего не крал у него, хотя мог бы проделать это с лёгкостью, — запротестовал Джарлаксл. — Я не убил ни его, ни тебя, хотя мог бы...

— Проделать это с лёгкостью, — Дризт вынужден был согласиться.

— Когда ты сможешь освободить её от транса? — спросил Дризт.

Джарлаксл опустил взгляд на Данику, казавшуюся в тот момент более чем спокойной, и хотел было сказать «Скоро», но слова не успели сорваться с его языка. Рука Даники выстрелила вверх, хватая цепь, на которой висела красная подвеска. Изогнувшись в резком развороте, что со стороны выглядело так утончённо и просто, она вскочила с кровати, обернув цепь вокруг шеи вздрогнувшего Джарлаксла, и натянула её у него за спиной, удерживая дроу в поразительном удушающем захвате.

— Тебе говорили, чтобы ты больше никогда не возвращался, Джарлаксл Бэнр, — сказала Даника ему в ухо, находясь позади тёмного эльфа.

— Твоя благодарность поражает меня, леди, — с трудом проговорил дроу ей в ответ.

Он весь напрягся, когда Даника потянула за цепь.

— Протяни — ка свои руки ещё поближе к оружию, дроу, — вкрадчиво сказала она. — Я могу сломать твою шею также легко, как сухую ветку.

— Немного не поможешь? — прошептал Джарлаксл Дризту.

— Даника, отпусти его, — сказал Дризт. — Он нам не враг. Не сейчас.

Даника слегка ослабила хватку и скептически посмотрела сначала на следопыта, затем на Бруенора.

Дризт толкнул локтем безмолвного дварфа.

— Рад наконец увидеть тебя, леди Даника, — сказал Бруенор. — Король Бруенор к твоим усл.. — Дризт снова пихнул его.

— Ах, да, отпусти этого крысёныша, — попросил он её. — Это Джарлаксл дал тебе зелья, которые спасли твою шкуру, к тому же он помогает мне с моей дочкой.

Даника перевела взгляд с одного на другого, затем посмотрела на Кэтти-бри.

— Что с ней случилось? — спросила она, отпуская Джарлаксла, который тут же отодвинулся от неё подальше.

— Никогда не думал, что увижу, что Джарлаксла возможно так просто поймать, — заметил Дризт.

— Разделяю твоё изумление, — согласился наёмник.

Дризт улыбнулся, наслаждаясь моментом. Затем перемахнул через край повозки, и, миновав Джарлаксла, подошёл к Данике, которая стояла, прислонившись к заднему борту.

— Больше не стану недооценивать её, — тихо пообещал себе Джарлаксл.

— Вы должны доставить меня к храму Парящего Духа, — сказала Даника, и Дризт кивнул.

— Туда мы и держим путь, — объяснил он. — Кэтти-бри была ранена разрушающимся Плетением — чем — то вроде голубого пламени. Похоже, она заточена в своём собственном сознании, в тёмном месте со множеством ползающих тварей.

Даника оживилась после этого описания.

— Ты видела их? — подметил Джарлаксл.

— С длинными руками, короткими ногами — практически безногие — твари с серой кожей атаковали храм Парящего духа прошлой ночью, — объяснила она. — Я была в разведке..

Она умолкла и сделала глубокий вздох.

— Айвен Валуноплечий мёртв, — добавила женщина. Бруенор что-то воскликнул, а

Дризтт вздрогнул. За стеной повозки скорбно простонал Тибблдорф Пвент.

— Это был дракон — драколич, дракон — нежить... и нечто более...

— Драколич? — перебил Джарлаксл.

Мёртвый дракон ходит,

Болтает и бродит,

Мёртвый дракон на нас злится,

Любопытно, что же дальше случится?! — срифмовал Атрогейт, а Тибблдорф Пвент с уважением кивнул, вызывая у Бруенора злобный оскал.

Потрясённая Даника уставилась на ненормального Атрогейта.

— Ты должна признать, что не каждый день кому — либо доводится узреть драколича, — невозмутимо заметил Джарлаксл.

Даника выглядела ещё более потерянной.

— Нечто ещё более странное, ты хотела сказать? — напомнил Джарлаксл.

— Его прикосновение — смерть, — объяснила монахиня. — Я поняла это, следуя по его следам — они вызвали полное опустошение. То, чего коснулся зверь, погибло. Деревья, трава, всё.

— Никогда не слышал о такой штуке, — сказал Бруенор.

— Когда я увидела эту гигантскую ужасную тварь, то поняла, что была права. Всего лишь прикосновение несёт смерть. Он — воплощение смерти, и даже больше — его рог на голове светится силой, — продолжила Даника. Она закрыла глаза, будто заставляя себя вспоминать вещи, которые вспоминать не хотелось. — Думаю, это был...

— Креншинибон, хрустальный Осколок, — сказал Джарлаксл, кивая с каждым словом.

— Да.

— Опять эта проклятая штука, — проворчал Бруенор. — Туда ты и направляешься. Ты так и не сломал его.

— Зато это сделал я, — поправил Джарлаксл. — В этом, я боюсь, и кроется наша проблема.

Бруенор просто потряс своей волосатой головой.

Даника показала на расположенный не так далеко на севере пик.

— Он управляет ими. — Она посмотрела прямо на Джарлаксла. — Я так полагаю, что тот дракон — Гефестус, огромный красный зверь, чьё дыхание, как мы думали до сих пор, уничтожило артефакт.

— Это определённо Гефестус, — заверил её Джарлаксл.

— Я надеюсь, вы, наконец, объясните нам, о чём тут речь? — заворчал Бруенор.

— Я уже говорил тебе о своих опасениях, — сказал Джарлаксл. — Дракон и личи, которые каким-то образом освободились из своего заточения в артефакте, который сами же и создали.

— Хрустальный осколок, — сказала Даника, слегка постукивая себя по лбу. — У драколича здесь.

— С силой, умноженной магией от разрушающегося Плетения, — сказал Джарлаксл. — Всё из — за столкновения миров.

Потрясённая Даника посмотрела на него.

— Я тоже мало что знаю, леди Даника, — объяснил Джарлаксл. — Я всего лишь предполагаю. Но всё, что касается происходящего, указывает на то, что я прав. — Он посмотрел на Кэтти-бри, в её открытые, но всё ещё невидящие глаза. — Её несчастье — это те твари, восставший из мёртвых дракон... всё это — часть одной катастрофы, размах которой мы всё ещё не знаем.

— Затем мы и пришли сюда, чтобы выяснить, — сказал Дризт. — И для того, чтобы привезти Кэтти-бри к Кэддерли в надежде на то, что он может помочь ей.

— Мне кажется, что и вам наша помощь понадобится тоже, — сказал Бруенор Данике.

Женщина могла лишь вздохнуть и беспомощно кивнуть, соглашаясь. Она посмотрела

на отдалённую скалу — логово драколича и хрустального Осколка, на могилу Айвена Валуноплечевого. Она старалась не смотреть дальше, но не могла справиться с собой. Она боялась за своих детей.

Глава восемнадцатая

Разделение

Это была не просто независимая мысль, понимал Яраскрик. Это было независимое желание.

Такие вещи допускать нельзя. Семь личей, создавших Хрустальный осколок, были подавлены единой силой Креншинибона. Они не могли ничего сказать по существу, не имели значимых мнений или желаний.

Но проницательный иллитид увидел за просьбой Фетчигрола желание. Желая, чтобы три мастера объединились в Короля Призраков, существо действовало не из некой целесообразности или принуждения. Фетчигрол чего — то хотел.

И присоединение Креншинибона к внутреннему конфликту, назревающему в Короле Призраков, не имело бы значения, если бы не поддержка лича, ставшего призраком.

Яраскрик мысленно попросил Гефестуса отказать личу и попытался внушить ему чувство глубокой тревоги, но ему пришлось быть очень осторожным, чтобы хрустальный осколок не узнал об этом.

Иллитид не знал, уловил ли дракон скрытый подтекст его мысли или Гефестусу, по — прежнему недолголюбивающему Яраскрика, просто наплевать. Ответ дракона пришел в виде рёва, как и хотел Фетчигрол.

— Сколько ещё мы можем выпускать существ из изменившегося Царства Теней, пока не потеряем над ними контроль? — вслух произнес Яраскрик.

Гефестус завладел контролем надо пастью драколича, чтобы ответить. — Ты боишься этой кучки кусков плоти?

— В Царстве Теней не одни только черви, — ответил Яраскрик после непродолжительной борьбы за возвращение контроля над голосом. — Будет лучше, если для нашей армии мы используем нежить с нашего плана — её количество практически безгранично.

— Но они бесполезны! — прорычал драколич, сотрясая камни в комнате. — Безмозглые...

— Но контролируемые, — перебил иллитид. Слова смешались, когда два существа боролись за физический контроль над телом.

— Мы Король Призраков! — проревел Гефестус. — Мы главные.

Яраскрик начал сопротивляться, но остановился, сообразив, что Фетчигрол стоит перед ним, кивая. Он чувствовал удовлетворение, исходящее от призрака, и знал, что Креншинибон встал на сторону Гефестуса, что Фетчигролу было позволено вернуться в Кэррадун и поднять огромную армию нежити, чтобы найти и убить тех людей, что бежали в туннели.

Его удовлетворение! Почему Гефестус не может осознать опасности независимых эмоций, исходящих от семи личей? У них не было иного удовольствия, кроме служения ему, но Фетчигрол действовал, исходя из собственных желаний, а не потому, что был вынужден служить большинству. Его обнаружил Солме, который перешел в Царство Теней, чтобы собрать армию, пока Фетчигрол воскрешал мертвецов, чтобы реализовать свои планы. Из — за того, что столь многим удалось сбежать из Кэррадуна, у призрака возникло ощущение провала, и он решил исправить ситуацию.

Но это не должно было его беспокоить. Почему Гефестус не понимает этого?

«Мы сильнее с опытными командующими», — появилась вдруг мысль, и Яраскрик

знал, что это Креншинибон, который не станет говорить вслух при помощи голоса дракона.

— Они не осмелятся нам перечить, — согласился Гефестус. — Давайте, используем их ярость.

«Но чего мы добьемся?» — подумал Яраскрик, осторожно отгородившись от других. — «Какая нам выгода от преследования сбежавших? Почему каждый из них должен тратить время, заботясь о смерти беженцев?»

— Твоя осторожность начинает утомлять, — сказал драколич, когда Фетчигрол вышел из пещеры, направляясь в Кэррадун.

Когда Яраскрик начал понимать, что это говорит Гефестус, возникла пауза, так как выбор слов и тембр голоса свидетельствовали о более обоснованном замечании, чем обычный рев Гефестуса. — Разве мы не можем уничтожать просто ради удовольствия?

У иллитида не было физического тела, соответственно, у него не было пяток, но Яраскрик определенно переступил на них в этот разоблачающий момент. Он не смог спрятать свои мысли от этих двоих. Пожирателю разума негде скрыться от ...

От кого?

Ответил разум дракона, читая каждую его мысль как будто свою собственную.

В этот момент Яраскрик понял, что связь между Гефестусом и Креншинибонем была глубокой, они действительно стали одним существом, одним разумом.

Иллитид не мог даже попытаться скрыть свой страх, так как его ожидала все та же участь. Будучи пожирателем разума, Яраскрик имел прекрасное представление о том, что такое объединенный разум — на его подземной родине сотни таких, как он, соединялись вместе в общем вместилище интеллекта, идеологии и ментальной мощи. Но это были другие иллитиды, равные существа с равным интеллектом.

— Король Призраков сильнее твоей родни, — ответил голос драколича. — Этого ты боишься?

Каждая мысль была открыта ему!

— Для тебя есть место, Яраскрик, — пообещал король теней. — Гефестус — это инстинкт, ярость и физическая мощь. Креншинибон — это совокупность практически вечной мудрости и бесстрастности — иначе говоря, рассудительности — истинного бога. Яраскрик — это независимость далеко простирающихся планов и понимание парадоксальности объединенных миров.

Одно слово, спрятанное в самом центре этого заявления о могуществе, открыло Яраскрику правду: рассудительность. Из всех частей предложенного целого рассудительность стоит наверху иерархии, и отождествляется она с Креншинибонем. Дракон будет реактивом, иллитид будет предоставлять информацию, а Креншинибон — все контролировать.

Это Креншинибон, понял Яраскрик в этот страшный момент, даровал личам большую независимость, и лишь потому, что хрустальный осколок знал, что они так и останутся рабами своего последнего творения.

Последним шансом Яраскрика было справиться с Гефестусом, убедить дракона, что он потеряет свою личность в этой совершенно рабской роли.

В ответ на эту не скрытую мысль драколич рассмеялся внушающим ужас, скрежещущим смехом.

Солме перехитрил Фетчигрола. Столетия назад он и еще пятеро личей объединились в общем стремлении — полном слиянии в уникальный артефакт огромной мощи, способный существовать вечно. Фетчигрола не заботило, что Солме превзошел его. Объяснение Креншинибона было указанием, а не принуждением.

Призрака, представлявшего собой нечто большее, чем Фетчигрол, инструмент,

служащий Креншинибону, это не беспокоило.

Но это беспокоило Фетчигрола. Когда позже этой же ночью он стоял в доках разрушенного Кэррадуна, проникнув сквозь астральные планы в Царство Теней, он чувствовал эйфорию. Свою собственную, а не Креншинибона.

Когда его разум вернулся в Абер — Торил, обладая властью над межпространственным разломом, и прорвал границы, он получил огромное удовольствие — собственное, а не Креншинибона — от сознания того, что следующее поучительное наставление будет направлено Солме, а не ему.

Скопившиеся черви хлынули сквозь разлом. Фетчигрол не контролировал их, но вел, показывая небольшую бухту как раз на севере пристани, где успокаивались воды озера Импреск и начинался комплекс туннелей. Черви не боялись туннелей. Они любили тёмные расселины, и ни одно существо во вселенной не могло больше наслаждаться охотой, чем ненасытные, толстые твари из Царства Теней.

Множество червей проползло сквозь разлом, покуда тот не стал сворачиваться, и пространство не стало восстанавливаться, возвращаясь к естественному виду. Благословление Креншинибона ясно прозвучало в сознании разгоряченного Фетчигрола, и он снова широко открыл его.

И снова он разорвал пространство, когда разлом спустя некоторое время стал уменьшаться. Он делал это, зная, что каждый такой разрыв ослабляет ткань, разделяющую миры. Ткань, которая была реальностью того, что существовало всегда, являлась единственным средством контроля. Постепенно третья дыра стала затягиваться.

Но Фетчигрол раскрыл ее снова!

С каждым разом все меньше червей приходило через дыру, и сумрачная темная область, населенная призраками, практически опустела.

Фетчигрол, не собиравшийся уступать Солме, проник еще глубже в Царство Теней. Он опрометчиво бросил зов до самых границ сумрачной равнины, до краев, которые не мог даже увидеть.

Он ничего и не увидел и не услышал. Тварь, как порождение тени, двигалась совершенно бесшумно. Черное облако опустилось на призрака, полностью поглотив его.

В этот ужасающий момент он понял, что потерпел неудачу. Но проблема была не в этом, а в том, что не было никакой надежды избежать этой катастрофы.

Просто поражение. Полное, абсолютное и бесповоротное. Фетчигрол глубоко это ощутил. Это поглощало все мысли, которые могли бы быть у него в этот момент.

Призрачный дракон не мог пройти сквозь разлом, но ухитрился просунуть голову достаточно далеко, чтобы сомкнуть свои огромные челюсти на потерявшем надежду призраке.

Фетчигролу некуда было бежать. Перейдя на другой план, он лишь предстал бы перед ужасным драконом по ту сторону разлома. Он и не хотел бежать, отчаяние, проникшее в него с чёрным облаком, выпущенным драконом, заставило его предпочесть смерть.

Итак, он был уничтожен.

В Царстве Теней дракон покинул место разрыва в пространстве, но запомнил его, надеясь, что вскоре оно расширится достаточно, чтобы его пропустить. Когда он ушел, другие твари нашли путь к проходу.

Темнокрылы, огромные чёрные летучие мыши, широко раскрыв свои кожистые крылья, взмыли над руинами Кэррадуна, страстно желая полакомиться легкой добычей материального мира.

Зловещие, наводящие ужас духи, человекообразные, истощённые и одетые в тёмные рваные лохмотья, способные высасывать жизненные силы жертвы одним касанием,

медленно прибывали через разлом охотничьими группами.

И ночной странник, гигантское лысое существо, похожее на человека двадцати футов ростом, мускулистый, обладающий силой горного великана, протискивался сквозь щель на берег озера Импрек.

В пещере на отвесной скале Король Призраков уже всё знал. Фетчигрола больше нет, его энергия упущена, потеряна для них.

Яраскрик был иллитидом. А илликиды были созданиями бесчувственной логики и не стали бы тайно злорадствовать, но драконы были эмоциональными существами, и поэтому, когда иллитид заметил, что был прав в своем суждении по поводу плана Фетчигрола, в ответ его окатила волна ярости.

Ярости их обоих — Креншинибона и Гефестуса.

Некоторое время Яраскрик не понимал согласия хрустального Осколка с переменчивым зверем. Креншинибон также был артефактом с практическим и логическим складом мышления. Бесчувственным, как и иллитид.

Но в отличие от иллитида Креншинибон был амбициозен.

В этот момент Яраскрик понял, что их связь не будет прочной, что триумvirат в сознании драколича не будет и не сможет оставаться надежным. Он подумал о том, чтобы найти для себя другого носителя, но сразу же отбросил эту мысль, понимая, что, в конце концов, не было никого могущественнее драколича, и, что Гефестус просто не оставит иллитида в живых.

Ему придется бороться.

Гефестус был полон гнева и злобы, находясь на волне ярости, и иллитид стал методично наступать, нанося удары по его слабым местам логикой и умозаключениями, напоминая своему оппоненту о бесспорных истинах, так как лишь эти истины — опрометчивость широкого открытия врат на неизвестный план и необходимая осторожность в противостоянии такому могущественному противнику, как объединенная мощь храма Парящего Духа — могли служить основанием, на котором он строил свои доводы.

С каждой минутой спора Яраскрик превосходил своего оппонента. Простая истина и логика были на его стороне. Иллитид бил по его слабым местам, неоднократно взывая к разуму встать над яростью, надеясь добиться расположения Креншинибона, кто, как он боялся, в конечном счете, и определит исход их борьбы.

Битва внутри превратилась в неконтролируемые разрушения снаружи, когда тело драколича стало бить и царапать, выдыхать пламя, плавившее камни и всё, находящееся рядом, и бросаться на стены, сотрясая всю скалу.

Постепенно ярость Гефестуса начала затихать, и внутренняя борьба сошла на нет, превратившись в обычный диалог и рассуждения. Под руководством Яраскрика Король Призраков стал размышлять, как компенсировать потерю Фетчигрола. Зверь начал мириться с прошлым и просчитывать следующий шаг в более значительной и важной битве.

Яраскрик позволил себе испытать легкое удовлетворение от победы, прекрасно понимая её временный характер и вполне ожидая новых битв с Гефестусом перед тем, как всё, наконец, закончится.

Иллитид обратил свои мысли и доводы к вполне реальной возможности того, что гибель Фетчигрола говорит о слишком глубоком проникновении призрака в то, что когда — то было тeneвым Планом. Но по причинам, всё еще неизвестным Королю Призраков, тeneвой План стал чем — то большим и более опасным. Также, казалось, он стал ближе к первичному материальному Плану, и, в таком случае, к чему все это приведет?

Креншинибону было все равно, при помощи этого хаоса Король Призраков станет только сильнее.

А если через разлом придет опасная и слишком мощная организованная сила, Король Призраков может просто улететь. Хрустальный Осколок, понял Яраскрик, был куда более обеспокоен потерей двух из семи личей.

Гефестусу же оставалась только неослабевающая, кипящая злоба, и больше всего его сознание раздражала невозможность отомстить тем, кто разрушил жизнь дракона.

Пока Яраскрик думал о сроках наступления и о том, как создать более широкий путь, а Креншинибон сосредоточился на оставшихся пяти личах и на том, не требуются ли какие — нибудь восстановления, дракон лишь постоянно требовал немедленного нападения на храм Парящего Духа.

Сейчас они были не одним целым, но тремя разными его частями, и для Яраскрика грани, разделявшие триумвират, бывший Королем Призраков, были устрашающими и непроницаемо плотными, как никогда ранее. Так иллитид пришёл к неизбежному выводу, что ему нужно стать главным и подчинить союз своей господствующей воле и интеллекту.

И он надеялся, что ему удастся скрыть эти амбициозные замыслы от его слишком близких товарищей.

Глава девятнадцатая

Жрецы пустоты

— Мы — пустота! Ничего нет! — кричал бушевавший перед аудиторией в храме Парящего Духа жрец, сопровождая каждое слово топаньем ног. Засохшая кровь на его лице, волосах, и рана на плече, казавшаяся более серьезной, чем была на самом деле, подтверждали его рассуждения. Безусловно, он оказался самым удачливым из пятерых человек, отправившихся в Снежные Хлопья, потому что одна из выживших потеряла ногу, а другая была обречена на ампутацию, да и то, если бедная женщина выживет.

— Сядь на место, Менлидус, старый ты дурень! — завопил один из жрецов. — Ты думаешь, эта тирада поможет?

Кэддерли с сомнением надеялся, что их собрат Менлидус, жрец Денеира, последует его совету, что ему не придётся вмешиваться затем, чтобы заставить замолчать этого рассерженного человека, так как тот был старше него на десяток лет, а уж выглядел, по крайней мере, на три десятка старше. Кроме того, Кэддерли понимал причину этой вспышки жреца и не был так уж не согласен с этими отчаянными заключениями. Кэддерли также не мог связаться с Денеиром и боялся, что его бог навсегда оказался потерянным, словно Денеир каким — то образом записал себя в числовой лабиринт, которым являлся Метатекст.

— Я — дурак? — произнёс Менлидус, прекратив кричать и остановившись. На его лице появилась кривая улыбка. — Я обрушивал столбы пламени на противников нашего бога. Или ты позабыл, Донрей?

— Конечно, нет, — ответил Донрей. — Также я не забыл время неприятностей и множество других безнадёжных ситуаций, из которых мы вместе выбирались.

Кэддерли одобрительно промолчал на эти слова, а когда окинул взглядом собравшихся людей, понял, что и каждый их одобряет.

Тем не менее Менлидус рассмеялся.

— Не из таких, как эта, — сказал он.

— Мы не можем утверждать этого, пока не узнаем в чём причина.

— В безрассудстве наших жизней, друг мой, — спокойно сказал побеждённый Менлидус. — Всех нас. Взгляни на нас! Художники! Живописцы! Поэты! Мужчины и женщины, дварфы и эльфы, которые ищут глубокий смысл в искусстве и вере. Художники, те, кто вызывает у нас эмоции глубиной своих картин и набросков, кто умно помещает на них пару слов для драматизма. Его хихиканье прекратилось. — Или мы — иллюзионисты?

— Ты сам не веришь в это, — сказал Донрей.

— Мы все верим нашим собственным иллюзиям — парировал Менлидус. — Потому что мы должны. Поскольку альтернатива, идея, что больше ничего нет, что всё это — плод воображения, дабы поддержать здравомыслие, слишком ужасна, не так ли? Ибо правда, заключенная в том, что эти боги, которым мы поклоняемся, не бессмертные существа, а обманщики, обещающие нам вечность, дабы мы служили им, в конечном счёте, потрясает и отвергает в отчаяние, не так ли?

— Я считаю, мы услышали достаточно, брат, — произнесла женщина, известная волшебница, которая также владела и жреческой магией.

— Правда?

— Да, — ответила она, и нельзя было ошибиться в тоне голоса, не совсем угрожающем, но точно ожидающем повиновения.

— Все мы — жрецы, все до одного, — сказал Менлидус.

— Не совсем, — возразило несколько волшебников, рассмешив окровавленного жреца.

— Да, все, — ответил Менлидус. — То, что мы называем божественным, вы называете тайным — наши алтари не так уж сильно различаются!

Кэддерли не мог не вздрогнуть, услышав утверждение, что всё волшебство происходило из одного источника. Это вернуло его в дни молодости, в его любимую библиотеку. Тогда он был молодым жрецом и также задавался вопросом, были ли «божественное» и «тайное» не более чем разными видами одной и той же энергии.

— Запомни, что мы можем многое менять, мы не приверженцы догм! — крикнул один волшебник, и в зале поднялся шум, волшебники и жрецы стали спорить друг с другом.

— Тогда, быть может, я разговариваю не с вами, — сказал Менлидус после того, как Кэддерли угрюмо посмотрел на него. — Но для нас, жрецов, не мы ли те, кто утверждают, что говорят правду? Божественную правду?

— Достаточно, брат, умоляю, — сказал тогда Кэддерли, понимая, куда клонит временно успокоившийся Менлидус, и ему всё это не нравилось.

Сохраняя спокойное выражение, он медленно направился к Менлидусу. На самом деле, он был далеко не так безмятежен, поскольку давно ничего не слышал о Данике и пропавших детях. Мысли о них так и кружились в его голове.

— Мы — нет? — заорал на него Менлидус. — Кэддерли, служитель Денеира, свыше других создателей Парящего Духа при хорошем слове и могуществе Денеира не должен сомневаться в моих утверждениях!

— Всё более запутанно, чем кажется, — сказал Кэддерли.

— Разве твой опыт не подсказывает, что наши заповеди не глупая догма, а скорее божественная правда? — спорил Менлидус. — Если ты был всего лишь посредником Денеира в строительстве этого внушающего вдохновение собора, этой библиотеки для всего мира, разве ты не смеёшься перед лицом сомнений, высказанных нашими мирскими друзьями?

— Порой, все мы можем сомневаться, — ответил Кэддерли.

— Мы не можем! — воскликнул Менлидус, топнув ногой. Казалось, это телодвижение сбilo его, внезапно налетевшая слабость вынудила резко опустить широкие плечи.

— И всё же, мы должны, ибо нам показывают правду. Он посмотрел на бедную Дахланию, у которой ампутировали ногу и которая сейчас лежала при смерти. — Я молил о благословенном исцелении, — пробормотал он. — Даже о любых простых чарах, чтобы облегчить её боль. Денеир не ответил на эту просьбу.

— Есть кое — что большее, чем этот печальный рассказ, — пояснил спокойно Кэддерли. — Ты не можешь винить...

— Вся моя жизнь была посвящена служению ему. И в этот момент, когда я призываю его для исполнения отчаянной просьбы, он игнорирует меня.

Кэддерли глубоко вздохнул и положил руку на плечо Менлидуса в знак утешения, однако тот возбужденно отдернул плечо в сторону.

— Потому что мы — жрецы пустоты! — закричал на всю комнату Менлидус. — Мы

изображаем мудрость и понимание и обманываем самих себя в видении окончательной правды в линиях живописи, или слепках скульптуры. Мы помещаем смысл туда, где его нет, и если истинные и какие —нибудь другие боги ушли, они, несомненно, изрядно повеселились над нашими жалкими иллюзиями.

Кэддерли не нужно было смотреть на собравшихся и на их утомлённые лица, чтобы понять, что среди них распространялась испытывающая волю и веру опухоль, которая грозила сломить всех. Он собирался было приказать вывести Менлидуса из помещения и сильно и громко отчитать, но затем передумал. Менлидус не создавал болезнь, а просто кричал о ней.

Кэддерли не мог найти Денеира — его мольбы также оставались без ответа. Он боялся, что Денеир навсегда покинул его, что очень любознательный бог записал себя в Плетение, или потерялся в его бесконечной путанице. Тем не менее, Кэддерли нашёл силу в сражении с тварями из Тени, призвав столь сильные чары, словно сам Денеир послал их.

Он одновременно верил и боялся, что эти чары были посланы не тем, кого он называл Денеиром. Он не знал, что случилось, что за существо даровало ему мощь, чтобы освящать землю под ногами таким волшебством.

И это беспокоило больше всего.

Утверждение Менлидуса справедливо: если боги не были бессмертными, то было ли ещё место для их оставшихся последователей?

Если боги более не были столь мощными и мудрыми, чтобы победить прибывшее в Фаэрун зло, на что оставалось надеяться?

И, хуже того: что было причиной всего этого? Кэддерли отогнал ошеломляющую мысль сразу после того, как она возникла, но это действительно волновало умы собравшихся там людей.

В последний раз Менлидус выплюнул эту угнетающую литанию: “Мы жрецы пустоты”.

— Мы уходим, — сказал Менлидус Кэддерли на следующее утро после устрашающе тихой ночи. Эта передышка не помогла Кэддерли, Даника ещё не вернулась. Никаких известий ни о жене, ни о пропавших детях, и, на худой конец, Денеир всё ещё не ответил на отчаянные мольбы Кэддерли.

— Мы? — ответил он.

Менлидус вышел и прошёл через зал, в сторону, где стояло около дюжины снаряженных в дорогу мужчин и женщин.

— Вы все уходите? — недоверчиво спросил Кэддерли. — Над храмом Парящего Духа нависла угроза нападения, а вы собираетесь бросить...

— Денеир покинул меня. Я не бросал его, — ответил Менлидус резко, но совершенно спокойно. — Поскольку их боги покинули их, поскольку Плетение оставило троих из них, волшебников, которые сочли, что их жизни, как и мою, преследует злая шутка.

— Не потребовалось много, дабы поколдовать твою веру, Менлидус, — бранил его Кэддерли. Хотя он сразу захотел забрать свои слова обратно, когда услышал, что они покидают его. В этот наихудший момент бедный жрец сам страдал от провалов в магии и видел, как его друг умер из — за такого провала. Кэддерли знал, что не имел права осуждать такое отчаяние, даже если не был согласен с выводами этого человека.

— Возможно, нет, Кэддерли, избранный Ничем, — ответил Менлидус. — Я лишь знаю о том, что я чувствую, во что верю, или больше не верю.

— Куда вы собираетесь?

— Сначала в Кэррадун, затем я планирую идти в Кормир.

Кэддерли приободрился, услышав это.

— Конечно, твои дети, — сказал Менлидус. — Не бойся, мой давний друг, хотя я более и не разделяю твой энтузиазм к нашей вере, я не забыл о дружбе с Кэддерли Бонадьюсом и его семьёй. Не сомневайся, мы будем искать твоих детей и убедимся, что они в безопасности.

Кэддерли кивнул в ответ, он и не хотел ничего более.

Однако он чувствовал себя обязанным указать.

— Вам предстоит опасная дорога. Возможно, вам следует остаться, и я не буду лгать — вы нужны нам здесь. Мы недавно отразили последнее нападение и не имеем понятия о том, что может прийти к нам в следующий раз. Наши тёмные враги собрали силы, в чём уже убедилось много наших измученных патрулей.

— Мы достаточны сильны для того чтобы пробиться через них, — ответил Менлидус. — Я бы порекомендовал тебе убедить всех идти с нами. Покинуть храм Парящего Духа, ведь это библиотека и собор, а не крепость.

— Это служение Денеиру. Я не могу оставить его, так, как я не могу оставить того, кем я являюсь.

— Жрец пустоты?

Кэддерли пришлось вздохнуть, Менлидус потрепал его по плечу.

— Все они должны пойти с нами, Кэддерли, мой давний друг. Для всеобщего блага нам нужно спуститься в Кэррадун одной мощной группой. Я советую покинуть это место, собрать армию, вернуться и...

— Нет.

Менлидус посмотрел на него, но не стал возражать, поскольку не сомневался в окончательности решения Кэддерли.

— Моё место здесь, в храме Парящего Духа, — сказал Кэддерли.

— До самого конца? — Кэддерли даже не моргнул.

— Ты приговариваешь остальных к той же судьбе? — спросил Менлидус.

— Они сами сделали свой выбор. Я действительно полагаю, что здесь мы будем в большей безопасности, чем там, на открытом пространстве. Сколько бедствий повстречали патрули, включая и твой? Здесь у нас есть шанс защититься. Там же мы сражаемся на территории врага.

Менлидус недолго обдумывал слова Кэддерли, а затем фыркнул и махнул рукой людям, чтобы те выдвигались. Они подняли сумки, щиты, оружие и последовали за мужчиной в коридор.

— Нам оставляют меньше пятидесяти человек для защиты Парящего Духа, — заметила подошедшая к Кэддерли Джинанс, когда ушёл рассерженный отрёкшийся жрец. — Если ползуны нападут с такой же силой, как в первый раз, они сильно прижмут нас.

— Сейчас мы более подготовлены к нападению, — ответил Кэддерли. — Кажется, орудия более надёжны, чем чары.

— Так и есть, — сказала Джинанс. В боевых условиях зелья и волшебные палочки исправно выполняли свою задачу, в то время как чары либо не попадали, либо попадали, но не оказывали никакого воздействия.

— У нас есть много микстур. У нас есть палочки, жезлы и посохи, зачарованное оружие и щиты, — перечислял Кэддерли. — Убедись, что они должным образом распределены, когда расставишь оборону защищать каждую стену.

Кивнув, Джинанс собралась было идти, но Кэддерли остановил её и добавил: — Догони Менлидуса и предложи ему для его путешествия всё, чем мы можем поделиться. Боюсь, его отряд будет нуждаться во всём, что мы можем дать, а также хотя бы в маленькой толике удачи, чтобы спуститься со склона горы.

Стоявшая в дверях Джинанс улыбнулась и кивнула: — Просто если он отказывается от Денеира, это не значит, что Денеир отказывается от него, — сказала она.

Кэддерли выдавил из себя слабую улыбку, всё время боясь, что Денеир, возможно, по неосторожности из — за сложившихся обстоятельств, не зависящих от него самого, уже

давно сделал это со всеми ними.

Но у Кэддерли не было времени размышлять над этим, напомнил он себе, не было времени думать об отлучившейся жене и о пропавших детях. Он получил какую — то магию, когда нуждался в ней. Для всеобщей пользы он должен был изучить источник того волшебства.

Но как только он только начал свои размышления, крики прервали его.

Их враги не ждали заката.

Кэддерли помчался вниз по лестнице, стягивая оружие и промчавшись прямо перед Джинанс.

— Менлидус, — кричала она, указывая на открытые главные двери.

Кэддерли побежал туда, но отступил, задохнувшись. Менлидус возвращался со своим отрядом: они шли на негибаемых ногах, с висевшими по бокам руками и пустым пристальным взглядом мертвых глаз — у тех, кто ещё имел их.

Вокруг зомби появились ползающие твари, извиваясь и прыгая на полной скорости.

— Удачной битвы! — крикнул Кэддерли своим защитникам. На каждой стене, в каждом окне и дверном проёме первого и второго этажей храма Парящего Духа были люди — жрецы и волшебники, приготовившие щиты и оружие, волшебные палочки и свитки.

В нескольких сотнях метров впереди, над ними, сверкнула вспышка и показалось пламя, распространившееся выше ветвей стоящих поодаль на высоком горном хребте возле дороги деревьев. Дриззт, Джарлаксл и Бруенор, сидевшие на месте возницы вздрогнули, когда позади них оживилась Даника.

— Это храм Парящего Духа, — заметил Дриззт.

— Что это? — спросила Даника, стремглав подбежав к скамье и посмотрев между Дриззтом и Бруенором.

Столб чёрного дыма начал подниматься в небо над деревьями.

— Это... — затаив дыхание произнесла Даника. — Едем быстрее!

Дриззт внимательно посмотрел на Данику, изумляясь тем, как быстро исцелилась женщина. Её тренировка и дисциплина вкупе с зельями Джарлаксла и способностями монаха великолепно восстановили её.

Дриззт напомнил себе поговорить с Даникой о её тренировках, потом резко прервал эту мысль и подтолкнул Бруенора. Поняв его намерение, дварф кивнул и выпрыгнул из повозки, быстро следуя за Дриззтом. Бруенор окликнул Пвента, когда они оказались позади фургона, напротив заднего борта.

— Подстегни их сильнее! — скомандовал Джарлакслу Дриззт, когда трио было готово. Дроу схватил вожжи и подхлестнул мулов, в то время как тройца, находящаяся позади, подставила плечи к повозке и толкала изо всей силы, неистово передвигая ногами и помогая фургону подняться на крутой склон.

Даника выбралась к ним, и, хотя она вздрагивала, когда подставляла к фургону травмированное плечо, тоже продолжала толкать.

Когда они одолели перевал, Джарлаксл закричал: “Запрыгивайте!”, и четвёрка зацепилась, подтянув ноги, когда фургон начал набирать скорость. Это продолжалось недолго, поскольку перед ними лежал другой крутой подъём. Мулы напряглись, как и четвёрка, а фургон медленно продолжил движение. Прямо на их пути возникли силуэты ползучих тварей, но, прежде чем Джарлаксл успел предупредить об этом остальных, другая фигура, дварф на пламенном адском борове, выскочила из кустов с противоположной стороны дороги. Струйки дыма поднимались от ветвей позади него. Атрогейт буквально взбороздил ряды монстров — демонический кабан, подпрыгивая и топая копытами, посылал кольца пламенных взрывов. Один ползун был забодан и отброшен далеко в сторону, другой

оказался затоптан дымящимися копытами, но у третьего, возле другой стороны дороги, было время отреагировать и использовать свои мощные конечности, чтобы увернуться и высоко подскочить над фыркающим бором, прямо на пути Атрогейта.

— Бахаха! — провыл Атрогейт, его кистени уже были раскручены.

Оба оружия, одновременно летевшие в монстра — справа снизу и слева сверху, соединились вместе и закрутили тварь в воздухе. Атрогейт мастерски без остановки завернул правую руку под левую, затем изменил импульс и дёрнул это оружие в обратную сторону. Оно сильно ударило существо прямо в уродливое лицо. Затем дварф добавил последний штрих — после первого удара призвал магию своего кистеня, и на шипах оружия выделилось взрывчатое масло.

Последовавшие за этим хлопок и вспышка продемонстрировали наблюдателям силу волшебства. Но даже без взрыва они быстро поняли, что у удара появилась дополнительная мощь, поскольку существо несколько раз кувырнулось в воздухе, прежде чем ударилось о землю.

Резко затормозив, Атрогейт рванул своего «скакуна» прямо в кусты на дальней стороне, кистени вращались, бор фыркал огнём.

После того, как фургон проехал, появился дварф, преследуя и на ходу избивая монстра, и когда существо упало мёртвым, Атрогейт быстро направился к своим компаньонам.

Дварф догнал их после того, как повозка одолела последний подъём, дорога заворачивала через узкую лесополосу прямо на открытое пространство великолепного храма Парящего Духа.

Существа, ползающие по лужайке, были такими же реальными, каковыми были и стены храма. Верхний угол здания находился в огне, чёрный дым валил из нескольких окон.

Атрогейт остановил своего бора между Бруенором и Пвентом.

— Ну же, дварфы, пошевеливайтесь! Мы отлупим их так, что заставим визжать!

Бруенор достал свой зазубренный топор и мельком взглянул на кивнувшего Дриззта, прежде чем выпрыгнул из — за фургона. Пвент уже нёс своё оружие и поэтому первым пошёл в сторону Атрогейта.

— Защищай моего короля! — потребовал у него Пвент, а в ответ Атрогейт произнёс сердечное “Бахаха”. Этого было достаточно Тибблдорфу Пвенту, чьё понятие “защищать” заключалось в том, чтобы устремиться вперёд так быстро и безумно, что множество стоящих по флангам врагов никогда не смогли бы создать там окружение.

— Ты оставляешь свинью? — спросил подошедший Бруенор.

— Да, с ней им можно хорошо представиться!

Атрогейт возглавлял состоящий из трёх дварфов клин, быстро несясь на борове в том темпе, который легко могли поддерживать остальные два бегуна.

Позади них Джарлаксл сохранял контроль над мулами и фургоном, глядя на Данику с Дриззтом.

— К боковой двери справа! — крикнула дварфам Даника.

Держа оголённые скимитары, Дриззт бежал около Джарлаксла.

— Пошли, пошли, пошли, — умоляла их Даника, когда перелезла через перила фургона в спальное место. — Я оставлю повозку в чистоте, а Кэтти-бри в безопасности.

Дриззт кинул на неё вопросительный взгляд, не желая везти беспомощную Кэтти-бри прямо в центр такого буйного сражения.

— Нам некуда бежать, — сказал Джарлаксл, ответив на его беспокойный взгляд. — Будем ли мы продвигаться вперёд или возвращаться назад, но если Кэддерли проиграет здесь, то с нами случится то же самое.

Дриззт кивнул и обернулся к своему компаньону.

— Очисти от врагов небольшую дорожку, и фургон продвинется, — объяснял Джарлаксл. — Очисти чуть больше и пройди чуть дальше.

— Когда мы выйдем на открытую местность, их там будет полно, — отозвался Дриззт, в очередной раз нервно взглянув на кровать фургона, где находилась его беззащитная

возлюбленная.

— Тогда их можно убить больше и быстрее, — сказал Джарлаксл, дёрнув кончик шляпы, который оставил в его руках гигантское перо. Он призвал кинжал из зачарованного браслета на этой же руке, затем несколько раз щёлкнул пальцами, чтобы удлинить волшебное оружие в длинный меч.

Дриззт схватил уздечку ближайшего мула и потянул его за собой, прорываясь через лесополосу на открытое пространство, заполненное чудовищными ордами.

Прямо впереди он видел, как отчаянно продвигались Бруенор и другие дварфы.

Атрогейт выл и пришпоривал своего борова. Подняв вверх руки и скатываясь назад, он выскочил из седла и оказался позади фыркающего адского зверя.

Перед ними находились толпы монстров. Когда адский боров со злостью влетел в передние ряды осаждающих чудищ, выбивая своими копытами вспышки пламени, Атрогейт пошёл направо, раскручивая кистени. Они сталкивались с нападающими, разнося тех в клочья — твари взрывались под их тяжестью.

Тибблдорф Пвент пробивал ряды монстров шипами на доспехах, будто вызывая их найти слабость в его разрушительной броне. Весёлый мясник сражался свирепо. Используя всё своё многочисленное вооружение, он наносил удары ногами, бил кулаками, коленями, локтями, бодался головой — и просто в клочья рвал врагов. Тибблдорф Пвент совершенно справедливо был признан самым свирепым воином Мифрил Халла, точно так же, как и Атрогейт много лет назад в более крупном клане дварфов. Один за другим ползуны падали перед ними.

Но любой наблюдатель, который мог подумать, что эта пара воинов защищает короля, вскоре отказался бы от утверждения, что этот король нуждался в какой — либо защите.

Демонический боров споткнулся о путаницу рук и ударных клыков. Последний взрыв жалающего огня опалил чёрную плоть, когда боров вернулся на свой родной план обитания. Прежде чем эти ползуны смогли восстановиться после его внезапного испарения, среди них оказался новый противник.

Бруенор поразил группу ползучих тварей стремительным натиском. Его твёрдый щит ударил одну из тварей с такой силой, что оставил на груди существа отпечаток геральдики — пенящуюся кружку. Этим ударом ползун был отброшен назад. Бруенор открылся, выбрасывая руку со щитом налево, чтобы хлопнуть второе существо, и налетел с могучим рубящим ударом топора, который сломал ключицу третьему врагу, повалив его наземь. Завершив этот удар, Бруенор мгновенно высвободил топор и рубанул слева направо. Он подскочил, когда заканчивал замах, и усилил его импульс внезапным пируэтом.

Ещё один ползун пал со смертельным ранением.

Но король приземлился неловко, и лапа монстра, минуя щит сверху, оцарапала его лицо.

Дварф только зарычал и резко поднял руку со щитом вверх, оттолкнув тварь. А когда она попыталась хлестнуть Бруенора свободной лапой, сделал то же самое, выставив поперёк свой топор. Тяжёлое оружие и сильный дварф легко парировали удар и, что ещё хуже для ползуна, замах Бруенора едва был замедлен столкновением с ним. Прекрасное оружие развалило монстра надвое.

Бруенор снова дёрнул топор и, толкнув щитом, отбросил мёртвое существо, а затем рубанул назад, расколов череп другого нападавшего. Внезапный поворот и повторный рывок окончательно сломали череп и освободили топор.

Король пробирался вперёд, находясь с фланга под прикрытием своего разрушительного отряда.

Идя на двадцать шагов позади свирепых dwarфов, Дризт с Джарлаксом не имели возможности наблюдать их во всем блеске воинского мастерства, так как сами вскоре оказались под сильным натиском.

Дризт взял на себя защиту центра и правой стороны, а Джарлаксл центра и левой. Каждого противника они встречали с присущей дроу скоростью и игрой мечей. Со своими прямыми клинками Джарлаксл быстро передвигался вперёд — назад, размахивая руками только для того, чтобы наносить все более смертельные удары. Каждый шаг в танце Джарлаксла заканчивался уколом меча. Те ползуны, которые рискнули подойти близко к наемнику, отступали с множеством маленьких и точных ран.

В танце Дризта его кривые клинки кроме уколов исполняли и другие движения: каждое лезвие скользило с такой силой и точностью по конечностям монстров, что все оказавшиеся перед ним либо отступали, либо падали на землю. В то время, как Джарлаксл редко поворачивался в своём сражении, Дризт редко стоял в одной позе дольше одного или двух ударов сердца. Быстро сообразив, что его проворство было наилучшим способом противостоять монстрам, следопыт крутился и прыгал, вращался и пригибался в смертельном для тварей танце.

Однажды, находясь в воздухе, он даже быстро прошагал по головам двух ползунов, которые неудачно попытались двигаться в его темпе.

Дризт приземлился позади них. Ещё больше монстров приближалось к нему, но это была уловка, поскольку он ещё раз оказался в воздухе, подпрыгнув обратно и поджав ноги. Пролетев над двумя тварями, по которым только что шагал, он ещё раз оказался позади них, потому что они повернулись в попытке не отстать от него.

Дризт обрушил на них свои скимитары и оставил валяться с раскроенными черепами.

Но ещё больше бесстрашных и голодных тварей заняло их места. Хотя оба дроу блестяще сражались, они ненадолго приблизились к храму Парящего Духа.

И, несмотря на их усилия, монстры подкрадывались сзади, устремившись к фургону.

Бруенор заметил их первым. “Моя девочка!” — закричал он, оглядываясь на направляющуюся в сторону фургона тварь.

— Мы слишком далеко! — ругал он своих спутников, dwarфа и дроу. — Возвращайтесь назад!

Покрытые кровью существ Пвент с Атрогейтом немедленно обернулись. Бруенор развернул построение и пошёл обратно с ещё большей свирепостью.

— Дризт! Эльф! — с каждым шагом вопил Бруенор, отчаянно нуждаясь в помощи друга, чтобы добраться до Кэтти-бри.

Дризт понял, что звери оказались достаточно хитрыми, дабы обойти их сзади. Он попытался вернуться назад, как сделали это Бруенор со своими товарищами.

Но он, как и Джарлаксл, оказался в плотном кольце нападавших монстров. И каждый из них пробивался поодиночке сквозь окруживших фургон ползунов. Дризт мог лишь сражаться и надеяться отыскать брешь в рядах противника, да кричать предостережения Данике.

Одна из тварей перебралась через борт повозки, и Дризт затаил дыхание.

— Джарлаксл! — умолял он.

Находящийся в двадцати шагах от него Джарлаксл кивнул и бросил на землю перо. Возле наёмника стояла гигантская бескрылая птица.

— Пошли! — крикнул Джарлаксл, маневрируя в сторону Дриззта, пока птица контролировала территорию. Но Дриззт знал, что они не могли добраться до фургона вовремя.

И вопящий позади него Бруенор знал это тоже.

Но все пятеро, дроу и дварфы, выдохнули с облегчением, когда перед монстром в повозке возникла фигура. Это была Даника. Её праща висела пустая, но её кулаки находились перед грудью. Одна её нога поднялась вверх, прямо над головой, и оказалось, что удивительная ловкость Даники соответствовала силе, когда она опустила ногу на голову твари.

С вызывающим отвращением треском эта голова стала ещё более плоской, и тварь выпала из фургона так стремительно, будто на неё обрушилась гора.

Пятеро товарищей, пробивающихся к повозке, окрикнули Данику, когда с другой стороны фургона, позади неё, запрыгнул ещё один монстр. Но её не нужно было предупреждать. Выполнив мощный удар, она сделала разворот и ударила второе существо ногой в уродливое лицо. Оно так же отлетело в сторону.

Третья тварь карабкалась через перила повозки и внезапно получила пинок с разворота прямо в ухмыляющуюся пасть. Даника осталась на правой ноге, развернувшись на ней, чтобы выполнить полное вращение и прихлопнуть четвёртого ползуна.

Ещё один забирающийся вверх монстр был встречен целым шквалом из десяти коротких ударов, которые превратили его лицо в месиво. Прежде чем он успел упасть, Даника зажала его под мышкой и, резко повернувшись, перекинула через фургон, чтобы телом сбить и отогнать другого его товарища.

Женщина быстро обернулась и встала в защитную стойку, заметив еще пару забравшихся в переднюю часть фургона тварей. Одна из них странно дёрнулась, а затем и другая, поскольку изящные мечи дроу торчали из их грудей. Оба ползуна выпали из повозки в разные стороны, и мечи освободились. Джарлаксл один стоял на сиденье возницы.

С улыбкой на лице дроу щёлкнул правым запястьем, и его волшебный клинок трансформировался из меча в кинжал. Подмигнув, Джарлаксл запустил кинжал в сторону за Даникой, пронзив еще одного монстра и сбив его с задней части фургона.

Он взмахнул шляпой, вызвал другой кинжал и повернулся, чтобы присоединиться к Дриззту, который одолел квартет тварей, попытавшихся атаковать мулов.

— Вы, трое, остаётесь у фургона, — сказал подошедшим дварфам Дриззт.

Когда Джарлаксл спрыгнул вниз возле него и кивнул своему товарищу дроу, Дриззт направился прямо к шумной клюющей и топающей диатриме.

— Ты ведёшь, я прикрываю, — сообщил Джарлаксл, и Дриззт До'Урден услышал это четкое распоряжение.

Во время того короткого стремительного отступления, в тот момент отчаяния они нашли общий уровень доверия и дополнения друг друга, который Дриззт всегда считал невозможным. Его возлюбленная была в этом фургоне, беспомощная, и всё же он остановился для того чтобы отвлечь на себя первую линию тварей возле мулов, находясь в уверенности что Джарлаксл зачистит место возницы и поможет отчаянно обороняющей Кэтти-бри Данике.

Так они и продвигались, сражаясь, как единое целое. Дриззт шёл впереди, прыгая и нанося режущие удары, в то время как из — за него вылетали серии кинжалов. Каждый раз, когда он заносил скимитар, под его рукой просвистывал кинжал. Каждый раз, когда он нырял и совершал кувырок вправо, мимо него влево летел кинжал, или поток кинжалов — браслеты Джарлаксла предоставляли их неистошимый запас.

Недалеко от них монстры, наконец, одолели диатриму, но это не имело значения, поскольку позади дроу Бруенор уже тянул мулов и фургон вперёд, в то время как Пвент и Атрогейт прикрывали его с флангов, набрасываясь на рискнувших приблизиться тварей.

Даника контролировала спальное место, нанося сокрушительные удары любым пытавшимся забраться существам.

Наконец, они покатались вперёд, и враги дрогнули перед ними. Рискуя, Дризт бросался во все стороны. Его кувырки и прыжки в воздухе снова выглядели безумным танцем смерти. Но при этом эльф был полностью уверен, что летящий кинжал прикроет его, если какой — нибудь монстр отыщет брешь в его обороне.

Внутри храма Парящего Духа среди волшебников и жрецов начал распространяться слух о прорыве союзников. Они всячески старались оказать им поддержку и радостно приветствовали неожиданное подкрепление. От многих были слышны облегченные восклицания по поводу возвращения леди Даники.

Возгласы распространились далеко из библиотеки, и защитники набрались храбрости, но более всех это воодушевило Кэддерли. Со своими ручными арбалетами и разрушительными дротиками он методично зачистил от захватчиков большинство балконов второго этажа и, на всякий случай, оставил дюжину трупов у передней двери, стреляя с высоты.

Его жена находилась в поле зрения и под защитой известных героев. Жрец был столь увлечён зрелищем их продвижения, что забыл как дышать. Он усавился на фургон, проезжающий через внутренний двор к Парящему Духу, где Дризт До'Урден и Джарлаксл — Джарлаксл! — двигались взад — вперёд, сражаясь как единое целое, словно четырёхрукий воин. Словно танцуя, Дризт прыгал и кружился, кося ползунов, чьи лапы тянулись в попытке схватить его, но всегда опаздывали на время одного удара сердца.

А Джарлаксл шёл сзади словно бог — громовержец, проворно танцуя между павшими и смертельно ранеными, и его разящие кинжалы летали подобно молниям, нанося тварям короткие и смертоносные удары.

Также там были дварфы, Кэддерли узнал короля Бруенора по его легендарному однороговому шлему и щиту с эмблемой пенящейся кружки. Король очень эффективно работал своим топором и тянул вперёд мулов, в то время как пара других дварфов прикрывала отряд с флангов. Любая тварь, рискнувшая приблизиться, оказывалась сокрушённой вращающимися кистенями на одной стороне, или разорванной на части множеством шипов и остриёв, украшающих неукротимого дварфа, на другой.

Там была Даника. Кэддерли никогда не видел её более красивой, чем в ту минуту. Он смог заметить, что она тоже пострадала, и это жалило его сердце, но её боевой дух игнорировал раны, она великолепно исполняла танец в спальном месте фургона. Ни одно существо не могло перебраться через борт.

Ниже того балкона, где он стоял, Кэддерли слышал, как кричали его товарищи — жрецы. “Построиться!” И он знал, что они собирались выйти и встретить приближающийся отряд. Прошло немного времени, прежде чем жрец прекратил заворожено наблюдать за движениями шестерых воинов, он осознал, что помощь будет им очень необходима.

Много монстров обратило внимание на приближающееся в фургоне свежее мясо. Нападение на здание почти прекратилось. Каждый голодный глаз повернулся к лёгкой добыче.

Кэддерли понял эту ужасную правду. Несмотря на всю мощь шестёрки, она никогда бы не смогла справиться со всеми врагами. Орда монстров, подобно разрушающим волнам на невысоком берегу, была готова смыть её.

Его возлюбленная жена никогда бы не вернулась домой.

Стоя на балконе, он развернулся в сторону собора и думал было помчаться на лестницу. Но внезапно резко затормозил, ощущая отдалённый зов, который слышал и в предыдущий момент отчаяния, когда был один заперт на верхних этажах с атакующими

ползунами.

Он обернулся и посмотрел на облако в небе, мысленно связываясь с ним и зовя его. Часть облака отделилась. Облачная колесница, запряжённая крылатой лошастью, мчалась сверху вниз. Кэддерли поднялся на перила балкона, и колесница опустилась перед ним. Едва осознавая что делает, он прыгнул на облако и оказался на её борту. Крылатая лошадь подчинялась каждой его мысленной команде, несясь вниз с балкона прямо под удивлёнными взглядами волшебников и жрецов, собравшихся распахнуть парадную дверь. Все, как один, они затаили дыхание и отступили в собор. Колесница Кэддерли парила над испуганными монстрами.

Несколько живых мертвецов, среди которых был и Менлидус, обернулись, чтобы перехватить нового противника, но Кэддерли посмотрел на них и направил туда текущую через него силу благословения, вызвав мощную сияющую вспышку, которая оттолкнула нежить и сожгла её в пепел.

Он расстроился, когда убил своего бывшего дорогого друга, но отогнал от себя эту мысль, понимая, что уничтожил уже не друга, а то, чем он стал, и продолжил начатое, быстро приближаясь к фургону, шестерым воинам и сражающимися с ними тварями. Снова он призвал чары, хотя и не знал, что это будет, просто доверяя ощущаемой мощи. Он посмотрел на самую большую толпу монстров и прокричал одно единственное слово — грозное, взорвавшееся мощью, нацеленной только на врагов, поскольку она не затронула дварфа в покрытой шипами броне, который разъярённо сражался в центре толпы.

Однако буйный дварф был ошеломлён и смущён, когда все хватающие и бьющие его монстры внезапно взметнулись вверх. Крутясь и будучи совершенно беспомощными против мощи жреца, они полетели по воздуху. Сильно ударившись о землю, подпрыгивая и кувыркаясь, твари упали в тридцати шагах от того места, где чары настигли их. И они больше не желали ни кусочка богоподобного жреца, ни его губительных слов.

Но Кэддерли больше и не обращал на них внимания. Подогнав колесницу к фургону, он предложил своим друзьям забраться к нему. Жрец выкрикнул другое слово, и вокруг него и фургона вспыхнул яркий свет. Все монстры, находящиеся в его пределах, начали биться в агонии и гореть, но дроу, дварфы и две женщины, бывшие внутри, не чувствовали никакой боли. Вместо этого они были словно омыты исцеляющей теплотой, множество их недавно полученных ран заживало под искрящимися желтыми лучами волшебного света.

Бруенор выругал посовествовавшего ему забраться в колесницу Дриззта. Когда король дварфов заколебался, к нему подбежали Атрогейт с Пвентом, взяли его под руки и затащили внутрь.

Дриззт запрыгнул внутрь фургона и попался на глаза Данике.

— Следи за этими тварями вместо меня, — сказал он, полностью доверяя ей. Он вложил в ножны клинки, подошёл к своей возлюбленной и взял её на руки. Вместе с Даникой они легко перебрались в колесницу.

Джарлаксл не последовал за ними, отмахнувшись от Кэддерли. Он на всякий случай метнул кинжалы в ближайшего дёргающегося монстра, затем вызвал своего адского жеребца, который появился перед испуганными мулами. Дроу подбежал к ним, с помощью волшебного браслета призвав ещё один кинжал, в то время как его Кошмар бил землю пламенными копытами. Несколько точных надрезов освободили мулов, и Джарлаксл, похлопав их рукой, побежал позади них и вскочил на жеребца.

Он пришпорил коня, скача по очищенной облачной колесницей Кэддерли дорожке. Дроу тянул мулов за собой и завёл их в открытые передние двери, прежде чем любой из ползунов успел перехватить его.

Жрецы тут же захлопнули двери позади дроу и его четвероногих сопровождающих. Джарлаксл немедленно отпустил Кошмара и передал мулов удивлённым наблюдателям.

— Не хочется терять хорошую команду, — объяснил он. — А эти двое преодолели с нами долгий путь. Он завершил реплику со смехом, который длился ровно столько, сколько потребовалось чтобы обернуться и столкнуться лицом к лицу с Кэддерли.

— Я говорил тебе никогда не возвращаться в это место, — произнёс жрец, не обращая внимания на многих любопытных зрителей, столпившихся вокруг него и требовавших рассказать, какой вид волшебства нашёл он, чтобы наколдовать облачную колесницу, говорить громовые слова, вызвать вспышку исцеляющего света и сжечь дотла нежить единственным словом.

Они, кто больше не мог наколдовать с уверенностью и самый простой из двоомеров, стали свидетелями мощи, которую самые великие жрецы и волшебники Фазруна едва ли могли себе вообразить.

В ответ Джарлаксл низко поклонился, сделав жест шляпой. Он не произнёс ничего, только кивнул на Дриззта, быстро подошедшего к нему, когда Даника тоже оказалась возле Кэддерли.

— Он не враг нам, — уверила своего мужа Даника. — Не теперь.

— Я продолжаю пытаться сказать тебе это, — согласился Джарлаксл.

Кэддерли посмотрел на кивком одобrivшего это утверждение Дриззта.

— Хватит об этом, кому какая разница? — завопил один из волшебников, обращаясь к Кэддерли. — Где ты взял такую мощь? Что это были за молитвы? Разбрасывать в стороны множество врагов одним словом! Облачная колесница! Расскажи о молитвах, уважаемый Кэддерли. Это Денеир ответил на твой зов?

Кэддерли тяжело посмотрел на человека, на всех них, и его лицо стало маской усердной сосредоточенности.

— Я не знаю, — ответил он. — Я не слышу голос Денеира, и всё же верю, что он тоже как — то участвовал в произошедшем. Жрец посмотрел прямо на Дриззта, когда закончил говорить.

— Это — как будто Денеир даёт мне ответ, один прощальный подарок...

— Прощальный? — с тревогой воскликнула Джинанс, остальные забормотали и заворчали.

Кэддерли обвёл взглядом всех их и смог только пожать плечами, так как он действительно не знал ответа на загадку его новой мощи. Он перевел пристальный взгляд на Джарлаксла:

— Я доверяю своей жене, и я доверяю Дриззту. Итак, добро пожаловать сюда, в это время взаимной необходимости.

— С информацией, которую ты считаешь ценной, — уверил его Джарлаксл. Но дроу был перебит пронзительным криком, раздавшимся из задней части сбора. Все взгляды устремились на Кэтти-бри. Дриззт посадил её на диван в углу холла, но сейчас она плыла по воздуху, её руки свисали, будто она была под водой, а глаза закатились и были видны лишь белки, а её волосы плавали вокруг, будто были невесомыми.

Она повернула голову и плыла, развернувшись таким образом, словно кто — то хлопнул её по лицу. Вдруг её глаза обрели свой нормальный синий цвет, хотя она и явно видела что-то другое, не то, что было перед ней.

— Демон овладел ей! — закричал один из жрецов.

Дриззт надел наглазную повязку, которую дал ему Джарлаксл, и кинулся к своей жене, заключив её в объятия и мягко опустив на пол.

— Будь осторожен, ибо она находится в тёмном месте, которое приветствует новых жертв, — сказал Джарлаксл Кэддерли, когда тот направился к Дриззту. Кэддерли с любопытством посмотрел на него, но всё — таки подошёл, беря Кэтти-бри за руку.

Тело Кэддерли затряслось, как будто его поразила молния. Его глаза заматались, и вся его фигура изменилась, являя теперь собой призрачное ангельское тело с перистыми крыльями на обычной человеческой фигуре.

Кэтти-бри вскрикнула, как и Кэддерли. Джарлаксл схватил жреца и оттащил его назад. Призрачные линии фигуры Кэддерли исчезли, оставив его наблюдать за женщиной.

— Она поймана между мирами, — сказал Джарлаксл.

Кэддерли посмотрел на него, облизал внезапно пересохшие губы и не стал ничего

отрицать.

Глава двадцатая

Дварфское упрямство

Он почувствовал проникающую в его сознание волю другого существа, пытающегося завладеть им. Но Айвен Валуноплечий уже был готов к этому. Он не был дураком или новичком в любом виде боевых действий, в том числе и таких. Дварф почувствовал мощную вампирическую волю прямо перед тем, как избавиться от неё, а до этого им были изучены все штучки магов, иллюзионистов и даже иллитидов — воин — дварф был готов ко всему.

Но, по правде говоря, своей атакой существо застало дварфа врасплох. Храм Парящего духа и Снежные Хлопья были тихим местечком, за исключением того времени, когда там появлялись Артемис Энтрери, Джарлаксл или Креншинибон. Но поскольку библиотеку строил Кэддерли, Айвен и все остальные были уверены, что это их настолько же тихий, насколько и безопасный дом.

И не смотря на беспокойство остального большого мира по поводу неразберихи с магией — эти проблемы никогда по — настоящему не беспокоили таких, как Айвен Валуноплечий, который доверял своим мышцам больше, чем любому магическому жесту — Айвен не был готов к натиску самого Короля Призраков. И конечно он не был готов к тому, чтобы его одним ментальным ударом ошеломили и лишили чувства его собственного тела. Но пока его телом обладал кто — то другой, Айвен хорошо изучил его нового владельца. Даже в то время, когда существо атакowało, Айвен изучал его, собирая о нем всю информацию, которую мог добыть.

Поэтому, когда Яраскрик покинул его на том высоком плато, Айвен был готов к битве, а точнее к полету. И когда иллитид ненамеренно показал ему путь, который казался трещиной в полу под драколичем, а в действительности, скорее всего, был шахтой, спускающейся внутрь горы, Айвен надеялся, что этот туннель не завален камнем.

Так как идти было больше некуда, а судьба не ждала, Айвен продолжал карабкаться тем путем, рассчитывая пройти мимо сокрушительных когтей великого зверя.

На его счастье, когда передвинулась драконья лапа, огромная туша животного оказалась позади, замечательно скрыв от её владельца прыжок дварфа.

И к огромному счастью, туннель недолго вёл вертикально вниз, а постепенно уходил в сторону, всё больше заполняясь грязью и щебнем. Расширяясь, он позволил Айвену смягчить падение. Что тот и сделал, вытянув вперёд ноги в тяжёлых ботинках и взрывая ими землю. После этого спуска дварф почувствовал, что ранен, а двадцать футов тоннеля привели лишь к крошечной тьме вокруг. Но даже если бы он провалился в другой туннель, то нашел бы в себе необходимые силы, которые другие герои назвали бы удачей.

Он упал в воду. Она не была слишком глубокой и чистой, но этого было достаточно, чтобы смягчить падение. При падении Айвен потерял свой рогатый шлем, но нашёл секиру. Но главное — он был жив и находился там, где ужасный драколич не мог его достать.

Удача дала ему шанс.

Хотя позже Айвен Валуноплечий говорил, что удача изменила ему.

Целый день он блуждал в темноте, разбрызгивая воду и не находя ни сухого клочка земли, ни выхода из пещеры. Он чувствовал, как что-то двигалось вокруг его ног в полной темноте, и иногда думал, что это, возможно, рыба и он мог бы половить её и хоть на некоторое время обеспечить свое выживание. А иногда — что это какие — то другие ужасные существа из подземных водоемов.

В обоих случаях он полагал, что умрет жалким в одиночестве во мраке.

Быть посему.

Потом снова приходил иллитид, нашептывая в его подсознании и пытаясь найти путь к

управлению им.

Но Айвен возвел стену из гнева и со всем dwarфским упрямством удерживал существо в безвыходном положении, зная, что может делать это бесконечно долго, если не хочет, чтобы его разум захватили опять.

— Проваливай, глупое существо, — сказал он. Дварф сконцентрировался, стараясь сосредоточиваться на каждом слове, которое говорил. — Чего ты хочешь от меня здесь, где у тебя нет пути к выходу?

Ему это показалось достаточно логичным вопросом. И действительно, что опять понадобилось этому иллитиду?

Но существо по — прежнему пребывало в его мыслях, пытаясь полностью овладеть им.

— Думаешь, что можешь превратить меня в муху, глупец? — кричал Айвен в темноте. — Переправь меня и этих маленьких тварей обратно к мертвому дракону.

Дварф испытывал гнев и отвращение и понимал, что если его разум будет захвачен этим живодёром, ему ничто не поможет, несмотря на это мгновение.

Айвен позволил своей защите немного опуститься, но только чуть — чуть.

В своем разуме он чувствовал что-то ещё кроме стремления к превосходству. Волна отвращения почти подкосила ноги dwarфа. Но он быстро сориентировался и понизил свою защиту ещё на чуть — чуть.

Он быстро зашагал к северному концу обширного туннеля. Айвен едва мог перекладывать булыжники вдоль стены. Ведомый Яраскриком, он полагал, что тот лучше него видит окружающую обстановку, и стал карабкаться по камням. Он оттащил один из них в сторону и почувствовал очень слабый ветерок. Когда же его глаза адаптировались к более интенсивному освещению, он заметил длинный широкий проход, идущий перед ним.

— У него получилось! — кричали его мысли, и Айвен Валуноплечий стал бороться за свою жизнь. С чисто dwarфским упрямством и гневом он отталкивал обратно подавляющий интеллект и волю живодёрского разума. Он думал о своем брате, о своем клане, о короле Бруеноре, о Кэддерли с Даникой и их детях, обо всём, что делало его тем, кто он есть, и это давало ему радость жизни и силу в руках и ногах.

Он отверг Яраскрика. Он кричал на иллитида вслух и в каждой своей мысли. Он победил физически, выстояв как камень, и стал расширять проход, не обращая внимания на осыпающуюся породу, которая рядом с ним, грозя привалить и поранить. Также он победил его и психически, крича на жалкое существо, чтобы оно убиралось прочь из его мыслей и из его разума.

Его охватила такая ярость, что Айвен не чувствуя страха, окровавленными пальцами проломил породу, прокладывая себе путь к свободе. И такая сила сопровождала эту ярость, что он бросал камни далеко за себя, разбрызгивая темные воды. А ведь некоторые из них были вполовину его веса! По — прежнему игнорируя синяки и порезы, он продолжал нагружать мышцы. И позволил гневу полностью овладеть и управлять собой, и стена ярости подавляла иллитида, гоня его прочь.

Дыра теперь стала достаточно широкой и достаточной даже для того, чтобы по ней могли пролезть и два Айвена, ползущих бок о бок, а dwarф по — прежнему продолжал раскидывать камни, используя эту почти сверхъестественную силу, которую давала ему ярость.

Он понятия не имел, как долго он продолжал этим заниматься, несколько сердцебиений или несколько тысяч, но под конец истощенный, Айвен Валуноплечий провалился в отверстие и покатился по туннелю. Он упал плашмя и долгое время так и лежал, пытаясь отдышаться.

И несмотря на страх и оскалившиеся зубы, Айвен знал, что он по — настоящему один.

Иллитид был повержен.

Он тут же уснул, в грязи, среди камней, по — прежнему готовый отразить еще одну ментальную атаку и надеющийся, что никакое другое существо из Подземья не найдет и не съест его во тьме.

Рори упал на пол неподалеку от когтистых лап черной летучей мыши.

— Дядя Пайкел! — кричал он, умоляя друида сделать что —нибудь.

Пайкел поднял вверх свой кулак, но только развел руками и топнул ногой от разочарования, так как не имел ничего, совсем ничего, чем бы мог помочь другим. Магия пропала, и даже его природная любовь к животным исчезла. Он вспоминал, как несколькими днями ранее уговаривал корни деревьев возвести дополнительные баррикады за стенами как временную меру, а ведь именно оттуда, скорее всего, и пришли захватчики. Дварф понимал, что он, возможно, никогда не сможет достичь высокого уровня в магии, но чувство разочарования не тронуло его в этой темной пещере глубоко под Снежными Хлопьями.

— Оооох, — хныкал дварф, все чаще стуча ногой в сандалии по земле. Но его хныканье превратилось в рычание, когда он увидел, как та же летучая мышь, которая повалила Рори на землю, опять приблизилась к нему.

Пайкел обвинил во всем эту летучую мышь. Это было, конечно, бессмысленно, но именно тогда Пайкел направился к ней. Он обвинял эту мышь. Именно эту мышь. Только эту летучую мышь. Так, как будто это из —за неё пропало волшебство и ушел его бог.

Он сел на корточки и поднял свою дубинку. Она больше не была зачарованной, но оставалась по —прежнему крепкой, что и выяснила на себе летучая тварь.

Чёрное кожистое существо напало на Пайкела, и дварф, вращаясь вокруг своей оси, стал прыгать, раздавая самые мощные удары, на которые была способна его рука даже с того дня, когда в его распоряжении были обе руки. Твердая древесина попала по черепу летучей мыши, дробя кость.

Ночное существо с Пайкелом наверху упало с таким грохотом, будто огромный валун с большой высоты, и, кувыркаясь, вдвоем они покатались вперед.

Пайкел бодался и брыкался. Он колотил и тыкал обрубком руки, тяжело размахивал своей дубинкой и упорно молотя существо.

Неподалеку начал кричать человек, когда еще одно ночное существо напало на него и схватило за плечи огромными когтями, но этого Пайкел уже не слышал. Рядом в ужасе закричала женщина, когда рядом со стеной пролетела еще одна летучая мышь, бросив свою жертву — бедного мужчину — прямо на скалу, от чего с противным звуком затрещали его кости.

Пайкел не слышал и этого. Яростно брыкаясь, он всё ещё размахивал своей дубинкой даже после того, как летучая мышь, развернув огромное крыло, была уже мертва.

— Поднимайся, дядя Пайкел! — закричала ему Ханалейса, проскакивая мимо.

— Хм? — ответил дварф, вылезая из —под одного крыла лицом вперед. После чего проследил взглядом за звуком, чтобы увидеть, как Ханалейса бежит к Рори, который по —прежнему лежал на земле. Стоя над ним, Тэмберли стремительными ударами рубил налево и направо над его головой, упорно пытаясь ранить ночную тварь, которая летала вверх —вниз, словно ему в насмешку. Но он никак не мог ударить слишком проворную летучую мышь.

Но Ханалейса, подпрыгнув высоко в воздух и проскочив мимо Тэмберли, начала выполнять кувырок, чтобы увеличить силу своего удара. Она мощно ударила мышь сбоку, отбрасывая её на несколько футов, и, приземлившись, всё ещё на бегу, закончила кувырок.

Ночное существо, заметив её движение, выровняло в воздухе свой полет и бросилось за девушкой, начав преследование.

Заметив, что тварь отвлеклась, Тэмберли наконец попал по ней мечом, рассекая сзади кожистое крыло. Неудачно перевернувшись в воздухе, она полетела вниз, а Ханалейса с Тэмберли были тут как тут, ещё до того как существо успело вытащить раненое крыло из —под себя.

Девушка отпрыгнула первой, нарушив все правила и пытаясь создать некоторый

порядок и организовать оборону. Однако вся пещера погрузилась в безумие из — за летучих мышей, кружащих вокруг раненых мужчин и женщин с огромными порезами на спинах, которые были нанесены огромными изогнутыми когтями тварей, в то время, как люди кричали и падали на землю, пытаясь убежать.

Группа более чем из десятка человек подняла вверх драгоценные факелы, взятые со склада в дальнем конце зала у входа в туннель. Эта группа планировала свой побег и после отдыха ринулась прочь.

Другие в этом хаосе последовали за ней.

Тэмберли сбил еще одну мышь, а Ханалейса помогала ему. Другие летучие твари в погоне за людьми вырвались из пещеры в нижние туннели.

Когда всё закончилось, некоторые беженцы остались с тяжелоранеными людьми.

— Это не удержит их, — сказала Ханалейса своим братьям и дяде, когда они собрались вместе и рядом со скудными припасами и несколькими факелами. — Мы должны найти выход отсюда.

— Ах — ах! — категорически не соглашался Пайкел.

— Тогда посвети посохом! — крикнула ему Ханалейса.

— Оооох, — сказал дварф.

— Хана! — ругался Рори.

Глубоко дыша, старец держал ее за руки, стараясь привести в чувство:

— Извини. Но нам нужно срочно идти дальше.

— Мы не можем здесь больше оставаться, — согласился Тэмберли. — Нам нужно добраться как можно ближе к храму Парящего Духа и покинуть эти туннели.

Он посмотрел на Пайкела, но дварф с неуверенным видом лишь пожал плечами.

— У нас нет выхода, — заверил его Тэмберли.

Нервный возглас заставил всех повернуться, и Рори сказал:

— Разведчик вернулся!

Они все ринулись к рыбаку Алагисту и даже при свете факелов могли видеть, что тот буквально потрясён.

— Мы боялись, что ты мёртв, — сказала Ханалейса. — Когда летучие мыши вернутся в...

— Забудь проклятых мышей, — ответил человек, как раз в тот момент, когда из отдаленного коридора послышался удар, напоминавший звук грома.

— Что это ...? — сказали Тэмберли и Рори вместе.

— Шаги, — сказал Алагист.

— Ах — ох, — сказал Пайкел.

— Что с магией? — спросила Ханалейса дварфа.

— Ах — ох, — повторил он.

— Возьмите раненых! — крикнул Тэмберли всем, кто ещё находился в пещере. — Берите всё, что можете унести! Мы должны уйти из этого места!

— Он не может передвигаться, — сказала женщина, показав на человека в бессознательном состоянии.

— У нас нет выбора, — сказал ей Тэмберли, подбежав, чтоб помочь.

Пещера задрожала от эха ещё одного тяжелого шага.

Женщина не спорила с Тэмберли, и они подняли раненого за плечи.

Пайкел с факелом в руке повел их к выходу из пещеры.

— Тогда иди сюда! — кричал Айвен в темноте. — Безголовый, проклятый осьминог, ну всё! Иди сюда и поиграем! — У него не было его секиры, но он поднял два камня и с энтузиазмом, граничащим со смертоносным весельем, ударил их друг о друга.

Физическое проявление гнева полностью отражало абсолютную ярость дварфа, и на

этот раз вторжение Яраскрика превратилось в ничто. Если сейчас иллидид опять придёт с какой — либо надеждой обладать им, Айвен с уверенностью мог сказать, что это бредовая идея снова закончится провалом.

Но дварф был по — прежнему один, раненый и потерянный во тьме, совершенно искренне не ожидавший, что в этих бесконечно извивающихся туннелях будет путь к выходу. Он посмотрел через плечо на пещеру с водой и с минуту подумывал о возвращении назад, пытаясь понять: выживет ли он с помощью той рыбы или каких — то других плавающих там тварей. Сможет ли он процедить или нагреть ту темную воду, так, что она станет пригодна для питья?

— Ба! — фыркнул он в темноте и решил, что лучше умереть, чем пытаться без специальных приспособлений просуществовать в той тёмной и полой скважине!

И Айвен потащился дальше, просто ища выход, с камнями в руках, с мрачным лицом и со стеной из гнева в голове.

Несмотря на то, что его глаза быстро привыкли к темноте и он всё еще ощущал свой путь впереди, еще в течение многих часов он шел, зачастую запинаясь и спотыкаясь. Он нашёл множество боковых ответвлений, некоторые из которых были тупиковыми, а другие он проверял, потому что они «чувствовались» более перспективными. Даже будучи под землей как дома, при его дварфском чутье, Айвен почти не понимал, где находится относительно мира на Поверхности, и даже относительно того тёмного водоёма, куда он упал в первый раз. С каждым поворотом Айвен задерживал дыхание, надеясь, что он не ходит кругами.

А также на каждом повороте Айвен засовывал один из своих камней под мышку, смачивал палец и держал в воздухе в поисках воздушных потоков.

Наконец, в очередной раз подняв палец, он почувствовал очень слабый ветерок. Айвен задержал дыхание и уставился в непроницаемый мрак. Он знал, что это могло быть и из — за трещин или дразнящих вытяжных проходов — он никак не мог понять откуда.

Дварф ударил камнями друг о друга и топнул ногой, ухватившись за свой оптимизм и защитив себя гневом. Часом позже он всё ещё был в темноте, но воздух теперь чувствовался более лёгким, и смоченный палец, когда бы он его ни поднимал, чувствовал этот поток всё лучше.

Потом он увидел свет. Крошечная вспышка далеко впереди рассыпалась о множественные ответвления и изгибы. Но тем не менее, это был свет. Для замечательного подземного дварфского зрения камень вдоль стен приобретал все более чёткие очертания. Темнота была теперь не такой абсолютной.

Айвен прогрохотал вперед, размышляя о том, как ему удалось противостоять вторжениям драколича и иллидида, а также их собранного кое — как любимца. Но его не покинул страх за его друзей наверху: за Кэддерли, Данику, их детей и о своего брата. Его шаг ускорился. Айвен не был единственным, кто всегда боролся, как барсук в своей норе, но был одним из тех немногих, кто может бороться, как полчища порожденных адом барсуков, пока его друзья были в беде.

Впрочем, скоро он замедлил шаг, так как это был не дневной свет, и исходил он не от светящихся грибов, которые росли в Подземье. Это был свет от огня, а скорее всего от факела.

Так что, скорее всего, свет означал приближение врага.

Готовый к битве, Айвен начал красться вперед. Так, что побелели костяшки пальцев, сжимавших камни, Айвен заскрежетал зубами и вообразил себе звук дробления нескольких черепов.

Но услышав одинокий голос, Айвен замигал от удивления, а его воинственная поза пропала.

— Уу ой!

Глава двадцать первая

Столкнувшийся с истиной

Кэддерли появился из комнаты, проведя больше половины утра с Кэтти-бри. Его мертвенно — бледное лицо и глаза выдавали глубокую усталость. Дризт, ожидавший в прихожей, смотрел на него с надеждой, а Джарлаксл, стоящий неподалёку от Дризта, вместо этого смотрел на своего компаньона — тёмного эльфа. Наёмник знал правду, искажавшую лицо Кэддерли, даже если Дризт ещё этого не понял — или не мог понять.

— Вы нашли её? — спросил Дризт.

Кэддерли едва заметно вздохнул и передал ему повязку.

— Всё так, как мы предполагали, — сообщил он, обращаясь больше к Джарлакслу, чем к Дризту.

Наёмник кивнул, и Кэддерли повернулся лицом к Дризту.

— Кэтти-бри заточена в мрачном месте между двумя мирами, нашим собственным и пространством тени, — объяснял жрец. — Прикосновение к разрушающемуся Плетению имело множество губительных последствий для волшебников и жрецов со всего Фазруна. И двух недугов, оказавшихся одинаковыми, среди тех немногих, что мне довелось увидеть, ещё не было. Для Аргуста из Мемнона прикосновение оказалось смертоносным, обратив его в лёд — один пустой лёд, без сущности, без плоти под ним. Пустынное солнце сразу же превратило его в лужу. Другой жрец переносит ещё более ужасную болезнь, с открытыми ранами по всему телу, и, несомненно, слабеет с каждым мгновением. Много рассказов...

— Они не заботят меня, — прервал Дризт, и Джарлаксл, расслышав в голосе рейнджера нарастающую резкость, успокаивающе положил руку ему на плечо. — Вы отыскиали Кэтти-бри, заточенную между мирами, как ты сказал, хотя по правде я опасаясь, что всё это — огромная иллюзия, скрывающая зловещий замысел, возможно, Красных Волшебников или...

— Это не иллюзия. Плетение развязалось само, некоторые боги бежали, погибли... мы ещё не уверены. В этом ли причина разрушения Плетения или его результат, другой мир надвигается на всё вокруг нас, и, кажется, что это слияние усиливает расширение Плана Тени, или возможно даже открывает порталы в другое королевство теней и мрака, — сказал Кэддерли.

— И ты нашёл её — я имею в виду Кэтти-бри — запертой между этим местом и нашим миром. Как мы полностью восстановим её прежнее состояние и вернём её назад... — его голос затих, когда он взглянул в преисполненное сочувствия лицо Кэддерли.

— Должен быть способ! — вскричал Дризт и схватил жреца за переднюю часть туники. — Не говори мне, что это безнадежно!

— Я и не стал бы, — ответил Кэддерли. — Самые разные внезапные и непредсказуемые события случаются вокруг нас ежедневно. Я обнаружил заклинания, хотя не знал, что владею ими, как и не знал, что Денеир мог даровать их; и со всей покорностью и честностью, я говорю, что не уверен в том, будто это Денеир наделяет меня ими! Ты просишь у меня ответов, друг мой, но у меня их нет.

Дризт отпустил его, плечи дроу поникли вместе с его страдающим сердцем. Он слабо кивнул Кэддерли в знак согласия.

— Я пойду и расскажу Бруенору.

— Позволь мне, — попросил Джарлаксл, за что получил удивлённый взгляд от Дризта. — А ты иди к своей жене.

— Моя жена не может ощутить моего прикосновения.

— Ты не можешь знать этого, — проворчал Джарлаксл. — Иди и обними её, ради вас обоих.

Дризт перевёл взгляд с Джарлаксла на Кэддерли, который кивнул в знак согласия. Смятенный дроу вошел в соседнюю комнату, надев волшебную повязку.

— Она потеряна для нас, — тихо сказал Джарлаксл Кэддерли, когда они остались наедине. — Мы понятия не имеем о случившемся.

Джарлаксл продолжал пристально смотреть на него, и мрачный Кэддерли не мог с ним не согласиться.

— Я не вижу способа, которым мы могли бы вернуть её, — признал жрец. — И даже если бы нам удалось, я боюсь, что вред, причинённый её разуму, вышел за пределы излечения. При всех возможностях, что я только могу вообразить, Кэтти-бри навсегда потеряна для нас.

Джарлаксл тяжело сглотнул, хотя и не был слишком удивлён прогнозом. Он не станет рассказывать королю Бруенору всего в целом, решил он.

«Ещё одно поражение», — указали Яраскрику. «Мы ослабили их!»

«Мы всего лишь оцарапали их стены», — передал иллитид. — «И теперь они обзавелись новыми могущественными союзниками».

«Ещё больше моих врагов собралось в одном месте, чтобы умереть!»

«Кэддерли, Джарлаксл и Дризт До 'Урден. Я знаю этого Дризта До'Урдена, и он не из тех, кого легко покорить».

«Я знаю его не хуже», — Креншинибон, как следовало ожидать, присоединился к внутреннему диалогу, и иллитид обнаружил за простым телепатическим утверждением кипящую ненависть.

«Нам нужно улетать из этого места», — осмелился предложить Яраскрик. — «Разлом принёс с собой неуправляемых тварей из теневого Плана, и Кэддерли обрёл неожиданных союзников»...

От дракона пришёл не обоснованный ответ, а лишь продолжительный, недовольный рык, раздавшийся в мыслях всей троицы, составлявшей короля призраков, — стена ярости и возмущения, и, возможно, самое оглушительное «нет», которое только доводилось слышать Яраскрику.

Сквозь тянущийся на далёкое расстояние мысленный взор иллитида, его сознание поднималось всё выше и выше, чтобы рассмотреть весь край, и, наконец, они увидели разлом в Кэррадуне. Они заметили гигантских ночных странников и темнокрылов, и поняли, что на материальный План ступила новая сила. И сквозь взор иллитида они стали свидетелями самого последнего сражения в храме Парящего Духа, появления dwarфов и дроу, силы, продемонстрированной Кэддерли — этой неизведанной жреческой магии, раздражавшей Яраскрика больше всего. После того, как он почувствовал удар волшебного грома в защите Кэддерли и отступил под натиском сияющего луча света жреца, Яраскрик, старинный и давний член крупного объединённого улья пожирателей разума, имел представление о каждом магическом двумере на Торице, но он ещё никогда не видел ничего подобного силе непредсказуемого жреца в тот день.

Расплавленная плоть ползучих тварей и горстки пепла от оживших мертвецов служили пожирателю разума жестоким напоминанием о том, что Кэддерли не стоит недооценивать.

Всё ещё продолжающийся рык отрицания драколича безрадостным эхом отразился во всеобъемлющем разуме Яраскрика. Иллитид ждал, когда звук ослабнет, но тот не прекращался. Он вслушивался в третий голос беседы, один из трёх составляющих, но ничего не слышал.

Затем он осознал. Внезапно иллитида осенила одна догадка, это было открытие необыкновенно малого, но крайне важного изменения. К пожирателю разума пришло понимание того, что Король Призраков больше не является союзом трёх сущностей. Резонанс звука усилился, всё больше напоминая хор двоих, нежели рычание одного. Двоих, что стали единым.

Никакие слова не могли пробиться сквозь этот грохочущий барьер ярости, но Яраскрик знал, что его предупреждения так и остались бы не принятыми во внимание. Они не стали бы спасаться бегством. Они — пожиратель разума и этот союз двоих, с которыми он разделял власть в мёртвом драконьем теле — и которых Яраскрик больше не мог считать отдельными сущностями Гефестуса и Креншинибона! — не собирались выказывать никакой сдержанности. Ни разлом, ни необъяснимая новая сила Кэддерли, ни даже прибытие могущественного подкрепления в храм Парящего Духа не смогли бы отсрочить решительную месть Короля Призраков.

Рычание нарастало, выстраивая сводящий с ума непрерывный барьер и являясь всеобъемлющим ответом на вопросы иллитида, не допускающим мысленных обсуждений и, как понимало существо, возможностей по перемене планов, которые могли бы быть вызваны новыми врагами или обстоятельствами.

Король Призраков намеревался атаковать храм Парящего Духа.

Яраскрик попытался направить мысли за пределы рычания, чтобы отыскать Креншинибон, или то, что осталось от независимой сущности хрустального Осколка. Он попытался выстроить какие-то логические цепочки, чтобы остановить раздражённые вибрации драколича.

Но не нашёл ничего, и каждая попытка вела к одному единственному пути: изгнанию.

Это больше не было выражением несогласия, не было спором о направлении их действий. Это было возмущение, полное и не подлежащее обсуждению. Гефестус — Креншинибон пытались изгнать Яраскрика, как, несомненно, пытался и тот дварф в нижних туннелях.

В отличие от того случая, однако, пожирателю разума было больше некуда идти.

Рычание нарастало.

Яраскрик метал волны металлической энергии в разум дракона — Осколка одну за другой. Он собрал все свои псионические силы, направив их хитро и умело.

Рычание нарастало.

Иллитид нападал на короля призраков с барьером противоречивых понятий и ощущений, какофонией смешанных нот, способной довести благоразумного человека до безумия.

Рычание нарастало.

Он атаковал каждый страх, скрытый внутри Гефестуса. Он вызвал в воображении взрыв хрустального Осколка из тех предыдущих лет, когда свет выжег Гефестусу глаза.

Рычание нарастало. Пожиратель разума не мог обнаружить границу между драконом и артефактом. Они были единым целым, до такой степени полностью соединившись, что даже Яраскрик не мог определить, где кончается один и начинается другой, который из них контролировал, или даже который, к великому удивлению и несчастью иллитида, положил начало рычанию.

И оно продолжалось, неослабевающее, решительное, беспрестанное и вечное — если будет необходимо — догадывался иллитид.

Умная тварь!

Пожирателю разума больше ничего не оставалось. Ему не удалось бы сдвинуть с места огромные конечности драколича. Ему не удалось бы затеять разговор или обсуждение. Ему не удалось бы найти ничего, кроме рычания, сердцебиения за дни, годы и столетия. Одно лишь рычание, одна лишь стена, состоящая из единственной ноты, что навечно притупила бы его собственную восприимчивость и постепенно отбила бы его любопытство, что могла бы силой вынудить его остаться внутри, удерживая взаперти в бесконечном сражении.

Против одного Гефестуса — Яраскрик знал это — он мог одержать победу. Против одного Креншинибона — Яраскрик был уверен — что нашёл бы способ выиграть.

Против них обоих оставалось у него не было шансов. Затем всё стало ясно для иллитида. Хрустальный Осколок, столь же самонадеянный, как Яраскрик, и столь же упрямый, как дракон, столь же терпеливый, как время, сделал свой выбор. На первый взгляд

это казалось иллидиду нелогичным: почему Креншинибон оказался на одной стороне с менее разумным драконом? Да потому, что хрустальный Осколок был куда больше властен над самолюбием, чем осознавал иллидид. Нечто большее, чем простая логика двигала Креншинибоном. Соединившись с Гефестусом, хрустальный Осколок занял бы господствующее положение.

Рычание нарастало.

В этом шуме само время потеряло смысл. Не было ни вчера и ни завтра, ни надежды, ни удовольствия и ни боли, ни даже страха.

Только стена — сгущающаяся, не рассеивающаяся, непреодолимая и непроницаемая.

Ярскрик не мог победить. Он не мог больше этого выдержать. Король Призраков стал созданием двух, а не трёх сущностей, и эти двое станут одним, как только Ярскрик исчезнет.

Освобождённый от телесной оболочки разум великого пожирателя начал рассеиваться, почти сразу же расплываясь в зыбких очертаниях забвения.

Все почтенные и опытные умы, остававшиеся в храме Парящего Духа, собирались на лекции и разные беседы, делясь своими наблюдениями и интуитивными предположениями о крушении миров и наступлении тёмного пространства, изменённого Плана Тени, который они стали называть царством Теней. Все разногласия в этом были отброшены в сторону: жрец и волшебник, человек, дварф и дроу — все сейчас были едины перед лицом грядущих событий.

Они были все вместе, организуя, планируя и ища ответ. Они быстро сошлись во взглядах, что монстры, ползающие вокруг храма Парящего Духа, вероятнее всего были существами иного плана, и ни один не поспорил с основным предположением о столкновении их собственного мира с другим или — по меньшей мере — опасном их взаимодействии. Но оставалось ещё слишком много вопросов.

— А ходячие мертвецы? — спросила Даника.

— Добавление Креншинибона к беспорядку, — пояснил Джарлаксл с поразительной уверенностью. — Хрустальный Осколок — само воплощение некромантии, как ни один другой артефакт.

— Ты утверждал, что он уничтожен — прорицание Кэддерли показало нам способ его разрушения, и мы выполнили эти условия. Как тогда...?

— Столкновение миров? — Джарлаксл больше спрашивал, чем утверждал. — Разрушение Плетения? Обыкновенный хаос времён? Я не верю, будто он вернулся к нам таким же, каким был раньше — прежнее воплощение Креншинибона, в самом деле было уничтожено. Но, возможно, в момент разрушения личи, сотворившие его, смогли освободиться. Полагаю, с одним сражался я, равно как и вы сталкивались с ещё одним.

— Ты делаешь много предположений, — отметила Даника.

— Всего лишь линия рассуждения, чтобы начать наше расследование. Ничего более.

— И ты думаешь, эти сущности, эти личи и есть главные? — спроси Кэддерли.

Ещё до того, как Джарлаксл смог ответить, Даника перебила его:

— Главный — это драколич.

— Присоединившийся к останкам Креншинибона, и, соответственно, к личам, — добавил Джарлаксл.

— Хорошо, чем бы оно ни было, грядёт нечто плохое, нечто куда более ужасное, чем мне доводилось видеть когда — либо за всю мою долгую жизнь, — подытожил Бруенор, и, пока он говорил, смотрел прямо на вход в комнату Кэтти-бри. Воцарилась неловкая тишина, а Бруенор издал продолжительный вздох, полный глубокого разочарования, и оставил их, чтобы побыть со своей раненой дочерью.

К удивлению всех, и особенно Кэддерли, жрец пришёл в себя рядом с Джарлаксом, как только беседа возобновилась. Дроу обладал поразительными сведениями по части гипотезы двойного мира. Он по опыту знал о теневой форме, которой, как они оба понимали, стал один из личей, создавших Креншинибон в ту давно минувшую эпоху. Эти общие представления казались Кэддерли наиболее содержательными из всего.

Ни Дризт, ни также Бруенор, ни даже Даника не могли столь очевидно, как Джарлаксл, понять ловушку, в которую угодила Кэтти-бри, или ужасающие, скорее всего непоправимые последствия отпечатка нового мира на старом, или разрушения барьера между светом и тенью. Ни другие маги, ни жрецы тоже совершенно не могли постичь неизбежности изменений, творящихся вокруг них, утраты магии и некоторых, если не всех, богов. Но Джарлаксл понимал.

Денеир мёртв, вынужден был признать Кэддерли, и бог не вернётся обратно, по крайней мере не в той форме, которую знал жрец. Плетение, источник магии Торила, не могло быть соткано заново. Это произошло, как если бы сама Мистра — все её владения — была на этом самом месте в один момент, пропав в следующий.

— Некоторая магия продолжит действовать, — сказал Джарлаксл, когда разговор уже приближался к концу. Это становилось несколько большим, нежели переформулировкой избитых точек зрения. — Твои деяния доказывают это.

— Или они — последние вздохи погибающего волшебства, — ответил Кэддерли. Джарлаксл пожал плечами и неохотно кивнул, подтверждая вероятность этой теории.

— В этом мире, который соединяется с нашим, есть магия и боги? — осведомилась Даника. — Твари, которых мы видели...

— Не имеют ничего общего с новым миром, который, я думаю, может быть пропитан волшебной и неразумной силой, как наш собственный, — без оговорок прервал Джарлаксл. — Ползуны пришли с Теневого Плана.

Кэддерли кивнул, соглашаясь с дроу.

— В таком случае, их магия тоже умирает? — спросил Дризт. — Уничтожило ли это столкновение, о котором ты говоришь, их Плетение, как наше?

— Или два переплетутся новыми способами, возможно с этим Планом Тени, этим царством Теней, между собой? — предположил Джарлаксл.

— Мы не можем знать, — повторил Кэддерли. — Пока ещё нет.

— И что дальше? — спросил Дризт, и в его голосе прозвучал странный тембр, особое отчаяние — отчаяние, вызванное его страхами за Кэтти-бри. И это знали остальные.

— Мы знаем средства, которыми обладаем, — сообщил Кэддерли и поднялся, скрестив руки на груди. — Мы ответим силой на силу, и, надеюсь, что, по меньшей мере, какое — то волшебство найдёт свой путь к нашим многочисленным заклинателям.

— Ты уже доказал, что его немало, — высказался Джарлаксл.

— В подобном случае я не могу предугадать, его всё меньше можно контролировать или призвать.

— Я верю в тебя, — ответил Джарлаксл, и это заявление заставило всех четырёх на время замолчать — настолько невозможным было то, что Джарлаксл мог сказать подобное Кэддерли — да кому угодно!

— Следует ли Кэддерли проявить подобную уверенность? — обратилась Даника к дроу.

Джарлаксл взорвался от смеха, беспомощного и абсурдного смеха, и Даника с Кэддерли присоединились к нему.

Но Дризт не смог, пристальный взгляд скользнул в сторону комнаты, на дверь, за которой в бесконечной темноте находилась Кэтти-бри.

Потерянная для него.

Отчаяние охватывало обычно невозмутимого Яраскрика, в то время как действительность его положения смыкалась вокруг него. Воспоминания улетали прочь, а равенства становились бессмыслицей. Он уже испытывал физическое забвение раньше, когда Гефестус высвободил свой долгий пламенный вдох на Креншинибон, взорвав артефакт. Только благодаря удивительному везению — соприкосновению разрушающегося Плетения с остаточной энергией артефакта и останками находившегося рядом Яраскрика — иллитид смог вновь прийти в сознание.

Но забвение вновь маячило перед ним, и без какой— либо надежды на отсрочку. Лишённый тела разум метался без сосредоточения всего несколько бесценных мгновений, до того как доведённый до отчаяния пожиратель разума обратился к ближайшему сосуду.

Но Айвен Валуноплечий был готов и воздвиг такую стену отрицания и ярости, что Яраскрик не смог начать продвижение в его сознание. Ментальный блок был настолько сильным, что Яраскрик понятия не имел, где находится, или что его окружали меньшие сущности, которые могли бы, в самом деле, выказать подверженность к овладению ими.

Яраскрик даже не боролся против этого отказа, ибо он знал, что овладение не смогло бы решить эту проблему. Он не мог вселиться в нерасположенного хозяина навечно, и должен был вложить всё своё сознание в физическую форму меньшего существа, должен был полностью овладеть дварфом, человеком или даже эльфом, но даже тогда он был бы ограничен физиологией этого существа.

Настоящего спасения не было. Но даже когда его отбросило прочь от Айвена Валуноплечевого, другая мысль посетила пожирателя разума, и, раскинувшись широкой сетью, его сознание распростёрлось на лиги по Фаэруну. Он нуждался в другом пробуждённом разуме, другом псионике, мыслителе из того же разряда.

Он знал одного. До этого одного он и пытался дотянуться, в то время как его бездомный разум начинал испытывать серьёзные трудности.

В роскошной палате под портовым районом Лускана, на много миль к северо — западу, Киммуриэль Облодра, лейтенант Бреган Д'эрт, второе важное лицо после Джарлаксла Бэнра, испытал странное ощущение — зов.

Отчаянную просьбу.

Глава двадцать вторая

Шепот во тьме

Ночь была тихой, лес за фасадом храма Парящего Духа — темным и спокойным. «Слишком спокойным», — подумал Джарлаксл, наблюдая за ним с балкона второго этажа, где он нес свое дежурство. Он слышал, как остальные высказывали свои предположения, что все успокоилось, но для Джарлаксла эта тишина была предзнаменованием грядущей бури. Эта пауза подсказывала наёмнику, что их враги отнюдь не были глупцами. Последняя атака армии монстров стала просто побоищем — их сожженные и разорванные туши до сих пор покрывали лужайку перед храмом.

Но еще ничего не закончилось наверняка. Исходя из доклада Даники, из ненависти врага к нему, к Кэддерли и Данике, Джарлаксл не баловал себя надеждой, что храм Парящего Духа так легко отделается. Ночь была тихой — парадоксально тихой. И в этой безветренной тишине Джарлаксл услышал зов.

Несмотря на почти идеальное умение контролировать эмоции, его глаза расширились, и он инстинктивно оглянулся. Он знал, что их с Атрогейтом приход сюда не приветствовался, но этот союз никто бы в храме не принял. Он попытался проигнорировать этот тихий, но настойчивый зов, но тот только усилился. Джарлаксл посмотрел на лес, фокусируя взгляд на одном большом дереве, сразу за линией листвы. Еще раз оглянувшись, дроу ловко спрыгнул

с балкона и, оказавшись на лужайке, осторожно пошел в сторону леса.

— Ба, как я тебе и говорил, эльф, — насмешливо сказал Бруенор Боевой Молот Дриззту. Они только что видели, как Джарлаксл спрыгнул со своего места. — У него нет друзей, кроме него самого.

Сильный вздох отобразил глубокое разочарование Дриззта.

— Пойду возьму Пвента и задержу чертового раздражающего дварфа, которого привела с собою эта «большая шляпа». Бруенор хотел было уйти, но Дриззт поймал его за плечо.

— Мы не знаем в чем дело, — напомнил он дварфу. — Может разведка? Может он что-то там увидел?

— Ба, — снова фыркнул Бруенор, высвобождаясь. — Хочешь, иди и посмотри сам, но я и так уже все знаю.

— Дождись моего возвращения, — сказал Дриззт.

Бруенор уставился на него.

— Пожалуйста, верь мне, — попросил Дриззт. — Слишком много поставлено на кон. Если кто и может помочь нам, помочь Кэтти-бри, так это Джарлаксл.

— Я думал, этим кем — то является Кэддерли. Разве не поэтому мы здесь?

— Он тоже, — сказал Дриззт и, выпрыгнув из окна, скрылся в том же направлении, что и немногим раньше Джарлаксл. Ни одно животное не было потревожено его движениями.

— Я встречаю тебя в странных местах, — используя язык жестов, сказал Киммуриэль Облодра Джарлакслу. — Рядом с Кэддерли Бонадьусом и его жрецами? Это шутка?

— В это время, мы делим общие проблемы и выгоду из...совокупности обстоятельств, — ответили пальцы наемника. — Ситуация отчаянная, я бы даже сказал плачевная.

— Я знаю больше, чем ты, — заверил его Киммуриэль, и на лице Джарлаксла отобразилось удивление.

— Ты имеешь в виду разрушение Плетения? — тихо спросил Джарлаксл.

— Я имею в виду твое затруднительное положение. Гефестуса и Креншинибон.

— И еще иллитид. — добавил Джарлаксл.

— Из — за иллитида, — поправил главу Брэган Д'эрт псионик. — Яраскрик нашел меня в Лускане. Он больше не часть того, что называется Королем Призраков. Его изгнали.

— И он жаждет мести?

— Месть — это не путь иллитидов, — объяснил Киммуриэль. — Хотя без сомнений, Яраскрик с радостью принял сделку, которую я ему предложил.

— Рассказывай, — сказал Джарлаксл жестами.

— Единственная надежда — путешествие на астральный план, — начал Киммуриэль. — С разрушением обычной и божественной магии, единственная возможность для бестелесного иллитида путешествовать туда — псионик — то есть я. Без тела — якоря пожиратель разума не может отправиться туда самостоятельно.

— И ты ему помог? — спросил Джарлаксл, поднимая голос и доставая перо диатримы, которое к тому времени уже успело отрасти. Он был не так зол, как заинтригован.

— Чтобы выжить, как в былые времена, Яраскрик должен отыскать главный мозг иллитидов. Мы, псионики, неподвластны этому вмешательству, поэтому, такие союзы меня

не пугают.

— Они жалкие создания.

Киммуриэль пожал плечами.

— Они самые невероятные из смертных созданий. Я не знаю, что случится с моими силами и с магией, как божественной, так и обычной. Единственное, что я знаю, — это то, что мир меняется, уже изменился. Даже приход сюда — это риск, но я должен был сделать это.

— Чтобы предупредить меня?

— Предупредить и проинструктировать. Яраскрик открыл мне все, что он знает про Короля Призраков и остатки артефакта, именуемого Креншинибоном.

— Я тронут твоей заботой обо мне.

— Ты мне необходим, — сказал с иронией Киммуриэль.

— Рассказывай, — скомандовал Джарлаксл, — как я... как мы можем победить Короля Призраков.

Киммуриэль кивнул и в деталях изложил все, что ему поведал Яраскрик про Гефестуса и про Креншинибон, об их возможностях и об их недостатках. Он рассказал и об их прислужниках и вратах, что привели их в Фаэрун. Псионик обмолвился об одном портале, который он почувствовал в городе на юго — западе и об беглецах, скрывающихся в туннелях.

— Ты веришь этому пожирателю разума? — спросил Джарлаксл в конце.

— Илликиды заслуживают доверия, — ответил Киммуриэль. — Иногда мерзкие, иногда пленительные, но пока их цели понятны, понятна и их логика. В этом случае, цель Яраскрика — выжить. Зная это, я верю ему.

Киммуриэль Облодра долгое, очень долгое время был компаньоном Джарлаксла, и наемник знал, что если кто и мог соперничать в силе с иллитидом, так это псионик. И он явно оставил «что-то» в разуме иллитида.

Неподалеку в кустах, Дризт До'Урден внимательно слушал весь их разговор, хотя о большей части рассказа он и так уже знал или догадывался. Он с широко открытыми глазами выслушал ответ и инструктаж Джарлаксла, теперь безоговорочно доверяя наёмнику.

— Ты не можешь требовать от меня рисковать Брэган Д'эрт, — возмутился Облодра.

— Оно того стоит, — ответил Джарлаксл. — И подумай о возможности для тебя узнать больше о том, что творится по всему миру!

Последняя фраза очевидно повлияла на Киммуриэля, так как дроу поклонился Джарлакслу, повернулся в сторону и, сделав вертикальный жест пальцем, прочертил в воздухе голубую линию, в которой и скрылся мгновением позже.

Джарлаксл постоял еще минуту, уперев руки в бока и обдумывая весь разговор. Потом, помахав головой, как бы в знак недоверия, наёмник повернул обратно к храму Парящего Духа.

К тому времени, как сразу после Джарлаксла вернулся Дризт, прибыло и приглашение от Кэддерли для него и для Бруенора.

И для Джарлаксла, конечно.

Глава двадцать третья

Вызов брошен

С оглушающим рыком и топотом когтистых лап, расшвыривающих мясистых монстров

в далеко в стороны, Король Призраков вышел из пещеры. Величественное существо шагало, не обращая внимания на суетливых тварей. Огромный хвост, который частью представлял собой разлагающуюся плоть дракона, а частью — скелет, — сметал всех, оказавшихся рядом. Его рваные крылья порывом ветра обдали стоящих по обе стороны существ.

Больше никаких планов для атаки, никаких прислужников. Во всём предстоящем им больше не отводилось никакой роли. Гнев управлял Королём Призраков. Освободившийся от предостережений Яраскрика, огромный зверь следовал только своим эмоциям. Король Призраков не может быть уничтожен простыми смертными, чья магия выходила из — под контроля. Королю Призраков не нужен план, как и не нужно топтание на месте с постоянными трусливыми предостережениями.

Зверь широко расправил крылья, прыгнул с обрыва и в восходящем потоке начал подниматься над Снежными Хлопьями. При помощи магического зрения он мог видеть на многие мили вперёд, чтобы разглядеть символ своих врагов — место, на котором драколич сосредоточил всю свою ярость.

Он поднимался всё выше над тонкими облаками, затемняющими часть звёздного ночного неба. И там он начал кружить, набирая скорость и накапливая свою ненависть. И, подобно летящей сверху арбалетной стреле, сложив крылья и вытянув свою огромную голову, Король Призраков стремительно спикировал к храму Парящего Духа.

И хотя губы Гефестуса практически полностью сгнили, посторонний наблюдатель мог бы увидеть злобную улыбку на морде драколича.

В составе почти половины жителей и гостей храма Парящего Духа, а был это двадцать один человек, жрецы и маги, облизывая иссохшие губы, держали в руках камни, покрытые взрывчатым маслом. Другая половина пыталась заснуть в эту, чересчур тихую ночь. Они проверяли свои приборы, оружие и доспехи, магические кольца и палочки, свитки и бутылки с зельями, нервно ожидая атаки, которая, они знали, не заставит себя ждать.

После встречи с новоприбывшими дроу и дварфами, Кэддерли объявил всем, что это будет зверь куда больших размеров. Дракон, немертвый драколич, хозяин тех многих своих подчинённых, которых уничтожили защитники храма, будет возглавлять следующую атаку, — так сказал уверенный в своих словах Кэддерли. Большая часть защитников уже видела драконов до этого, а совсем горстка даже являлась свидетелями ужасающего величия дракона — нежити. Но в конце концов, они были закалёнными ветеранами, в большинстве своём странниками, пришедшими в храм Парящего Духа в поисках смысла того, от чего мир сходит с ума.

Рты их пересохли. Но какой из предыдущих опытов для тех женщин и мужчин — для всех них — мог бы служить утешением в этот час безысходности?

В состоянии боевой готовности они заняли все выгодные позиции в храме Парящего Духа, а их коллеги маленькими группами спали неподалёку с приготовленным рядом оружием. Кэддерли сказал, что скоро будет атака. Возможно, этой самой ночью.

В центральном помещении второго этажа открывался лёгкий доступ к коридорам, которые могли вывести защитников к любой из стен в самое короткое время. Кэддерли, Даника, оба дроу и три дварфа так же ждали нападения, но никому из них не хотелось спать. С каждым возвращением Джинанс и её патрульной группы все они ожидали услышать, что зверь был уже над ними.

Храм Парящего Духа был бдителен. Он был готов.

Но ничто не могло по — настоящему подготовить пятьдесят четыре души к приходу Короля Призраков. Несколько часовых, стоящих у северо — восточного угла огромного здания, заметили сверху движение и уже показывали на гигантский снаряд, несущийся к храму. Некоторые успели выкрикнуть предостережения, а один из них даже поднял щит,

приняв нелепую защитную позу.

Король Призраков резко вышел из своего пике и с невообразимой мощью, вытягивая свои задние лапы вперёд, обрушился на здание, с грохотом врезаясь в него.

Ни король Бруенор, столь устойчиво стоящий на своих ногах, ни даже Атрогейт — дварф, обладающий низким центром тяжести, прекрасным чувством равновесия и силой горного великана, не смогли удержаться на ногах после этого столкновения.

Храм Парящего Духа содрогнулся до самого основания, от удара ужасной силы, сотрясшего всё магически укреплённое строение, часть стёкол в здании разбилась вдребезги. Хлопая, открывались двери, и изгибались коридоры. Из каждого дымохода сыпались обломки кирпичей.

Громоподобный драконий рык заглушал крики, грохот обвалов и разрушения.

Защитники вскочили на ноги, но даже не подумали бежать с поля боя. Ко времени, когда Кэддерли со своей элитной группой появился на месте вырванной стены, где в этот момент стоял Король Призраков, десятки камней полетели в сторону врага; магическое масло в снарядах взрывалось, повреждая плоть и кости зверя. Драколич повернул огромную голову на своей змееподобной шее, заостря внимание на группе назойливых магов, швыряющих камни. Но перед тем, как он успел испытать на них свой гнев, его морду объяло яростное пламя огненного шара, выпущенного при помощи магического рубинового ожерелья одного из волшебников.

За ним последовали взрывы молний. Столб божественного огня сорвался с небес, чтобы прожечь шею драколича.

Существо взревело и заметалось так, что здание сотряслось, и находящихся внутри мужчин и женщин, а также дроу и дварфов снова швырнуло на пол. Хлесткий удар могучего хвоста обрушился на храм, по всей длине, разбивая ещё больше стёкол, круша каменную облицовку и пуская трещины по деревянным опорам. Зверь прекрасно видел приближение группы Кэддерли, идущей через разрушенную комнату. Три дварфа клином шли впереди; нисколько не колеблясь перед лицом беды и не сбавляя свой шаг. По плану Кэддерли они должны были находиться в очаге сражения. Сразу же после первого удара, нанёсшего такую рану магически построенному им зданию, Кэддерли прочувствовал эту атаку и на своём теле. Как только драколич показался в поле зрения, жрец ощутил внутри себя магию здания. Скованный отчаянием и злостью, он заставил себя откинуть страхи в сторону и привёл в движение мощь неизвестных ему заклинаний.

То ли чувствуя изменения, то ли просто узнав Кэддерли, Король Призраков вцепился глазами в приближающуюся группу и широко раскрыл пасть.

— Всем пригнуться! — закричал Бруенор.

Тибблдорф Пвент прыгнул вперёд, сбивая Бруенора в сторону, и они упали вдвоём на перекатывающегося в этот момент Атрогейта.

Прикрывающие дварфов с фланга, Дризт, Джарлаксл и Даника, с лёгкостью ушли в сторону с дороги зверя.

Однако Кэддерли не двинулся ни влево, ни вправо. Резко вытянув руки вперёд, — в одной он держал арбалет, а в другой трость — он монотонно проговаривал слова, неизвестные ему самому.

Огонь вырвался из пасти дракона, заполняя комнату перед защитниками. Поскольку магическая структура храма Парящего Духа ослабила эффект возгорания на стенах и на полу, — пламя вспышками перекинулось на мебель, книги и старинные предметы. Затем, врываясь в дверной проём, огненный поток рванулся в сторону живых мишеней. Но здесь он был остановлен защитным заклинанием Кэддерли. Как только огонь пошёл на убыль, жрец разрядил свой арбалет, что конечно было больше актом вызова, нежели намерением причинить серьёзный вред могучему зверю. Кэддерли улыбнулся, когда арбалетный болт взорвался, достигая морды драколича.

Семёрка вбежала в горящую комнату, лицом к лицу встречаясь с врагом. Слева и справа полетели камни, шлепками ударяясь о морду драколича, взрываясь вспышками

магического огня. Подобно улью жалящих шершней, урагану молний, гневу божественного огня, рёв высвобождаемой магии всё нарастал.

В ответ на это крылья врага ударили по храму Парящего Духа. Огромный хвост бил влево и вправо, круша камень и дерево, расшвыривая магов и жрецов по сторонам. Но зверь не отвлекал своё внимание от комнаты, где находились семь маленьких героев.

— И вот мы встретились, — проревел Король Призраков, сотрясая своим голосом тлеющую древесину.

Кэддерли послал ещё один дротик в мерзкую морду существа.

Бруенор, Атрогейт и Пвент, не останавливаясь, вломились в дверной проём и устремились через всю комнату. Однако огонь дракона вынудил их отступить.

— Всем собраться вместе! — крикнул Кэддерли. Семерка сплотила свои ряды вокруг жреца, накладывающего защитное заклинание против огня и губительного прикосновения драколича.

Заклинание за заклинанием из неизвестных никому слов — и защитники начали ощущать на себе какую — то оболочку, защищающую их от смертельного касания зверя. Затем они вернулись в бой, шагая прямо в ослепляющее пламя дыхания дракона. Огонь расступался перед идущими и вновь смыкался за их спинами. Всё это время, пока драколич совершал свой продолжительный выдох, группа из семи воинов была окружена непроницаемыми стенами пламенного потока.

Но они продвигались вперёд. И, как только Гефестус выдохнул до конца, Кэддерли скомандовал атаку.

И они атаковали. Бруенор высоко занёс топор, следом за ним шёл Атрогейт, яростно вращая своими кистями, а Тибблдорф Пвент рванулся как раз между ними, решительно прыгая на зверя. Берсерк набросился на одну из задних лап драколича, для равновесия втыкаясь в неё ножными шипами, и обеими руками начал наносить удары, срывая кожу и ломая кости своими острыми доспехами.

Дризт с Даникой двигались позади дварфов. Дризт рванулся в бой, но Кэддерли тут же остановил его, хватая за руку. Он обхватил своими руками кулак Дризта, держащего скимитар.

— Ты представитель всего, что считается добром! — напутствовал Кэддерли удивлённого дроу. Жрец проговорил ещё несколько слов, которых они оба не поняли, и Ледяная Смерть засветилась ещё ярче, наполняясь белым божественным светом, подавившим её обычный голубоватый оттенок.

— Сокруши зверя! — потребовал Кэддерли. Вернее, это был уже не он, а тот, кто говорил через жреца. Дризт осознал это к своему испугу и к своей надежде. Было похоже на то, будто кто — то или что-то, один из богов или ангелов, овладел Кэддерли и возложил свою мощь и ответственность на плечи дроу.

Дризт моргнул, но не позволил себе ни в чём усомниться и вызвал Гвенвивар. Он развернулся с таким неистовством, что его ноги заплелись. Дроу приблизился к Данике, которая прыгала, вращалась и била врага размашистыми, но быстрыми и тяжёлыми ударами. Король Призраков попытался перекусить её, но женщина бросилась в сторону в последний момент — она была слишком быстрой, чтобы попасться ему так просто.

Челюсти щёлкнули, хватая воздух. Со сверкающим оружием в руке Дризт ринулся вперёд. Он ударил Мерцающим — и изящное лезвие прорезало гниющую плоть и заскрежетало о кость. Затем рубанул Ледяной Смертью, которую Кэддерли каким — то образом наделил божественной мощью.

И вдруг гроыхнул взрыв такой силы, будто упала гигантская глыба. Внезапный и острый хлопок, усиленный взрывом огненного шара — это пропитанное маслом оружие Атрогейта порхало подобно птице. Голову короля призраков резко отбросило в сторону: большой кусок его скулы и верхней челюсти оторвало и отшвырнуло во внутренний двор.

Внезапно появилась Гвенвивар и, совершив огромный прыжок, когтями вцепилась в уродливую морду зверя.

Все, и даже Пвент, на миг остановились, изумлённо глядя на пантеру.

— Впечатляюще, — поздравил Джарлаксл, вставая рядом с вытаращившим глаза Кэддерли.

Дроу кинул на землю своё перо, которое преобразовалось в гигантскую птицу диатриму. Затем он поднял руки, держа по палочке в каждой. Из одной из них с громом вырвалась молния, из другой — тягучие капли чего-то зелёного и липкого. Жидкость брызнула прямо в морду зверя, ослепляя его и связывая постоянно щёлкающие челюсти.

Какую же мощную силу они представляли собой!

Но и какого же врага они себе нашли!

Король Призраков не поднялся в воздух, не стал убегать и не кинулся в сторону даже от страшного оружия Дриззта. Драколич топнул лапой, обрушивая опорные балки, проходящие прямо сквозь потолок первого этажа здания.

Бедного Пвента осыпало разрушающейся стеной и отшвырнуло в сторону, на главный уровень.

Драколич сильно затряс головой, стряхивая с себя Гвенвивар. Затем махнул ею как тараном и направил на Дриззта. Это был удар, который, несомненно, убил бы эльфа, если бы прямо попал по нему. Но ещё никто и никогда не попадал по Дриззту прямым ударом. Как только голова драколича качнулась, Дриззт бросился в сторону, оказываясь как раз перед пролетающей мордой. И всё же сильнейший порыв ветра заставил дроу кувыркаться снова и снова, всё же поглощая силу толчка. Голова зверя вырвалась из комнаты, врезаясь в полуразвалившуюся боковую стену; тлеющие угли вспышками сыпались позади него.

Раненный, слегка ошеломлённый и едва уцелевший, Дриззт снова ринулся на зверя. Он видел перед собой взмывающего в воздух и затем пойманного передней лапой драколича Атрогейта. Покрытые магическим маслом моргенштерны дварфа взорвались, сталкиваясь с костью врага, раскалывая её, но всё же Король Призраков успел отшвырнуть дварфа на большое расстояние.

— Мои кости трещат, голова летит в ад! — выкрикнул неудержимый Атрогейт, пролетая через всю комнату и падая на пол. — Он швырнул меня как плоский камень вдоль гладкой поверхности озера! — закончил он за то время, пока проскакал по полу и врезался в угол стены возле наружного разлома — и только слово «озера» получилось вроде «оз — ее — ее — ее — ра», а затем дварф вывалился на землю снаружи помещения.

Данике с Бруенором пришлось выдерживать тяжелейший напор врага без поддержки двух дварфов и Гвенвивар. Удары отесняли закрывающегося щитом Бруенора, его ноги клонились, но не сгибались, а топор был всегда готов к ответному сильному удару. Даника прыгала и вертелась, крутилась и делала сальто, всегда находясь на шаг впереди вражьих укусов или когтей.

— Мы не можем с ним справиться! — сказал сквозь стиснутые зубы Джарлаксл. И даже когда Дриззт вернулся в бой со своим наделённым божественной силой скимитаром и неистово атаковал зверя, мрачное выражение на лице наёмника несколько не смягчилось.

Джарлаксл говорил горькую правду. Всей своей мощью и отважными попытками, они причинили лишь незначительные раны зверю, и усталость уже работала против них. Затем раздались крики, означающие, что из леса снова полезли монстры, и многим сражающимся по периметру пришлось отвлечь своё внимание за пределы поля боя.

В этот ужасный момент казалось, что для храма Парящего Духа и его защитников скоро всё закончится.

Вытянув руки, Кэддерли приподнялся в воздух, затем с помощью магии воспарил ещё выше, и всем, кто явился свидетелем этой сцены, показалось, будто могущественный жрец сорвал с неба звезду или само солнце и стянул его вниз, пропуская через своё тело.

Кэддерли излучал такое сияние, что лучи вырывающегося света проскальзывали через каждую трещину обшитого досками храма Парящего Духа. Сияние проникло сквозь сломанную стену во внутренний двор и лес, освещая всё вокруг как в ясный полдень.

Ночь ушла, то же самое случилось и с ранами всех тех, кто находился неподалёку от

жреца. Боль и усталость сменило чувство тепла и воодушевления, то было чувство, которое из них никто ещё не испытывал.

Король Призраков же ощутил противоположный эффект. Зверь отпрянул, испытывая шок и мучительную боль.

За стенами приближающиеся твари пятились на своих плоских ступнях, вращая длинными руками в тщетной попытке закрыться от небесного света. Клубы дыма поднимались над их почерневшей кожей. Те, кто успел развернуться, укрылись в тени деревьев.

Рёв короля призраков вновь сотряс здание до самого основания. Зверь не улетал прочь, он всё яростнее молотил лапами, то и дело, попадая по Бруенору, который с рыком принимал каждый удар и тут же наносил ответный.

Передняя лапа существа разрубила только воздух, когда пыталась попасть по Данике, чьи акробатические трюки, вращения, развороты и прыжки бросали вызов самой гравитации. Огромными челюстями драколич схватил диатриму, поднял бьющуюся в воздухе и машущую своей массивной головой влево и вправо птицу, и перекусил её пополам.

Существо пыталось схватить челюстями и ловкую женщину, но тут появился Дризт с порхающими над головой и по сторонам скимитарами. Каждым ударом зачарованной Ледяной Смерти он вгрызался чуть глубже в тело зверя, слоями срезая чешую, размалывая плоть и врезаясь в драконью кость.

Король Призраков скользнул с уступа, вытягивая задние лапы в поисках земли. Едва он приземлился, как Тибблдорф Пвент ударом головы врезался в драколича, погружаясь своим шипом на шлеме в икру врага и удерживаясь там мертвой хваткой. С другой стороны подбежал Атрогейт с одним моргенштерном в руке. Второй он потерял при падении. Он раскрутил над головой тяжёлый шар, затем заклинанием усилил его маслом и ударил Короля Призраков по другой лапе с такой силой, что красная чешуя при взрыве расщеплялась, а иссохшая плоть зверя рвалась и тут же растворялась до тех пор, пока шар не достиг кости, ломая её с громким треском.

Но сверх всей той боли, причиняемой яростными воинами, сверх не прекращающихся жалящих молний Джарлаксла и помех, причиняемых его вязкими каплями, была ни с чем не сравнимая боль от света, посылаемого Кэддерли. Это было ужасное сияние, божественные шипы которого пронзали каждый дюйм самого естества Короля Призраков.

Зверь снова пламенем дохнул в комнату, но защита Кэддерли по — прежнему отражала его атаки, а свет излечивал друзей жреца, когда пламя жалило кого — либо из них.

Следующая попытка дорого стоила Гефестусу. Когда он повернул свою голову, чтобы вновь заполнить комнату огнём, Дризт вскарабкался по его лапе вверх и оказался на шее, где ему представилась отличная возможность врезаться скимитарами в череп драколича. Снова и снова Ледяная Смерть яростно опускалась вниз, каждым громоподобным ударом ломая кость, разрывая плоть и чешую.

С последним ударом Дризта поток драконьего пламени внезапно прекратился. Зверя потрянуло с такой силой, что и Дризт и Атрогейт отлетели в сторону. Существо отпрыгнуло далеко во внутренний двор.

— Покончите с ним! — обращаясь ко всем, крикнул Джарлаксл, и, несомненно, казалось, что в тот момент драколич был на пределе своих сил и согласованная атака вполне могла бы добить зверя.

И они попытались, но их оружие, заклинания и метательные снаряды прошли сквозь Короля Призраков без последствий. Зверь стал неосязаемым, виднелись только его светящиеся голубым контуры. Во время атаки Тибблдорф Пвент выбежал из храма Парящего Духа с рёвом, на какой только был способен берсерк, а затем неудержимо прыгнул прямо сквозь неосязаемого зверя и упал на дёрн.

Но что было самым странным для Дризта, выбежавшего вслед за Пвентом — так это появление Гвенвивар во внутреннем дворе. Пантера не нападала на Короля Призраков. С несвойственной ей тревогой она прижала уши. Гвенвивар, которая никогда ничего не

боялась, развернулась и побежала прочь.

Дризт уставился на неё в изумлении. Он посмотрел на стоящего на поле зверя, затем на Пвента, который, продолжая бегать вокруг, и даже забегая внутрь светящейся фигуры, наносил ей удары без видимого эффекта.

Внезапно от Короля Призраков не осталось ничего, что можно было бы разглядеть. Он просто растворился. Исчез.

Защитники выглядели потрясёнными. Кэддерли посмотрел в изумлении на светло — голубой образ и ахнул, вспоминая пророчество Аландо и сопоставляя его с этим, 1385—м годом, Годом Синего Пламени. Совпадение или подходящий образ ещё более масштабной катастрофы? И, прежде чем он смог всё тщательно изучить, погружаясь глубже в свои размышления, из глубины храма Парящего Духа раздался полный ужаса крик Кэтти-бри.

Часть четвертая

Дневник Дризта: жертва

Осознание собственной беспомощности — это не просто унижение, это опустошение внутреннего «я». Когда кому — то разъясят, что силы воли, мускулов или умения не хватит, чтобы побороть трудности, поставленные перед ним, что он или она беспомощны перед этими трудностями, вот тогда и наступает внутренняя боль, боль разума.

Когда Вульфгар попал к Эррту в Абисс, его били и мучили, но именно эти обстоятельства позволили мне в свое время разговорить его и дать ему излить душу, а эти разговоры помогли ему не упасть духом из— за своей беспомощности. Демон, например, мог заставить Вульфгара поверить, что тот свободен и живет нормальной жизнью с женщиной, которую он любит, а потом демон просто убил бы иллюзорную семью моего друга прямо у него на глазах. Эти пытки оставили самые глубокие шрамы на душе Вульфгара.

Когда я был ребенком и жил в Мензоберранзане, мне преподали один урок, через который проходят все мужчины— дроу. Моя сестра Бриза отвела меня в пещеру, где ждал земляной элементаль. На монстре были оковы и сестра привязала меня к другому их концу.

— Тяни его, — приказала она.

Я не до конца ее понял, и когда элементаль сделал шаг назад, веревка потянула меня.

Конечно же, Бриза сразу ударила меня плетью и, без сомнения, получила от этого удовольствие.

— Тяни его, — еще раз сказала она.

Я взял веревку и намотал на руку. Элементаль снова сделал шаг, и я просто взлетел в воздух. Чудовище даже не представляло, что я существую или то, что я использую всю свою силу, чтобы потянуть его.

Бриза сердито нахмурилась, и снова приказал мне тянуть.

Я решил, что это тест не на силу, а на сообразительность, и вместо того, чтобы обматывать веревку вокруг рук, я, под одобряющие кивки Бризы, обмотал ее вокруг ближайшего сталагмита и уперся каблуками в землю.

Элементаль по команде сделал шаг назад и я, как будто лист пергамента, вместе с веревкой обернулся вокруг сталагмита и снова взлетел в воздух. Монстр же не остановился, он даже не заметил меня.

Тогда мне показали мою слабость, мою ограниченность и мою беспомощность.

После этого Бриза в один момент рассеяла колдовство и элементаль пропал. Она хотела доказать мне, что божественная сила Ллос превосходит любые мускулы и умение. Это был еще один пункт тактики правящих матерей — дать понять мужчинам Мензоберранзана их место, их низкое положение, в сравнении с ними, любимцами Ллос.

Для меня, да я думаю, что и для многих моего положения, этот урок был более личным, нежели социальным, потому что это был первый мой опыт встречи с силой, превосходящей мои мускулы, умения и силу воли, с силой, неподвластной моему контролю. И результат не зависел от того, насколько я умен или от того, насколько сильно бы я старался. Элементаль все равно сделал бы шаг назад, непоколебимый, несмотря на всю мою решимость.

Сказать, что я был унижен, значит не сказать ничего. Там, в темной пещере, я постиг свой первый урок об уязвимости смертной плоти.

И сейчас я снова чувствую то бессилие. Когда я смотрю на Кэтти-бри, то понимаю, что она за той чертой, где я не могу ей помочь. Мы все мечтаем быть героями, о том, чтобы найти решение в безвыходной ситуации, о победе и спасении нынешнего дня. Мы все надеемся, до определенного момента, что наша сила воли превзойдет все, что решимость и сила мысли всегда приведут к хорошему концу — и в конце концов так и будет.

Смерть — это последний барьер, и когда встречаешься с нависшей угрозой смерти лично, или кто — то, кого ты любишь, смертная сущность неожиданно натывается на готовность смириться с этим.

Мы все верим, что можем победить чуму или другую болезнь, что она пройдет мимо нас, благодаря силе воли. Это общепринятая защита от неизбежности, которая касается всех нас. Поэтому мне интересно, является ли осознание медленной смерти тем самым чувством, которое тело не может контролировать.

В моем случае боль от осознания того, как Кэтти-бри разрывается между двумя мирами, и есть эта самая беспомощность.

Я не признаю взгляды, которыми обменялись Кэддерли с Джарлаксом, выражения их лиц, полностью открывающие их мысли и сердца. Они не могут быть правы в том, что Кэтти-бри уже нельзя помочь и что она обречена.

Я требую, чтобы они были неправы.

И я знаю, что они неправы. Возможно я «знаю» потому, что боюсь, что если они правы — то я никогда уже не буду знать покоя. Я не могу попросить прощения у Кэтти-бри, потому что, боюсь, что я это уже сделал.

И в такие моменты слабости я теряю веру и понимаю, что они оба правы. Моя любовь, мой ближайший друг потерян для меня навсегда — и снова мое упрямство, потому что сначала мне хотелось написать «почти навсегда». Я не могу согласиться с правдой, даже если я и согласен с ней.

Я так много раз видел, как мои друзья возвращаются из объятий смерти: Бруенор на спине дракона, Вульфгар из Абисса, Кэтти-бри из темного плана Тартар. Ведь множество раз мы побеждали обстоятельства!

Но это неправда. И наверное самая жесткая шутка — это вера, уверенность в нашу добрую удачу, воспоминания о великих деяниях, что впитались в моих друзей, в братство Мифрил Холла.

Но жестокая реальность становится еще сильнее, когда понимаешь, что неизбежная трагедия коснулась всех нас.

Я смотрю на Кэтти-бри и осознаю свою беспомощность. Мои фантазии по её спасению разбиваются об острые и недвижимые камни. Я хочу спасти её, и я не могу этого сделать. Я смотрю на Кэтти-бри, витающую где — то там, и в моменты, когда я уже почти смиряюсь, что такой она будет всегда, мои надежды на победу тают на глазах. Я с трудом думаю об этом.

И дальше бой идет вокруг нас. Я уверен — мир сошел с ума. И дальше мои скимитары будут участвовать в битве, которая, я боюсь, только началась. И дальше я буду связующим звеном между Бруенором и Джарлаксом, между Кэддерли и Джарлаксом. Я не могу отойти в сторону и горевать. Я не могу отказаться от ответственности перед теми, кто мне верит.

Но все это так неожиданно потеряло для меня значение. Без Кэтти-бри, какой смысл

продолжать эту битву? Зачем побеждать драколича, если итог не изменится, если в конце концов мы все обречены? Разве не правда, что то, что мы считаем важным, в большом масштабе времени и множественности миров просто неуместно и не имеет никакого веса?

Это демон отчаяния, созданный бессилием. Более глубокий, чем тёмное дыхание Шиммерглума, более глубокий, чем уроки матерей — матрон Мензоберранзана. Потому что вопрос «А смысл?» является наиболее хитрым и разрушительным.

Я должен это отринуть. Я не могу опустить руки, ради тех, кто окружает меня, ради меня самого и, да, ради Кэтти-бри, которая не позволила бы мне сдаться, будь она рядом.

Честно говоря, этот внутренний хаос во мне испытывает меня лучше любого демона, любого дракона или толпы яростных орков.

Это тёмное время показывает мне всю тщетность попыток, но и требует веры — веры в то, что существует что-то выше этой мирской суеты, что есть место высшего понимания, где сможет существовать любое общество.

Иначе это просто злая шутка.

Дризт До'Урден

Глава двадцать четвертая

Блуждания во тьме

— Как я могу сказать то, чего не знаю? — пробурчал Айвен, поднимая Тэмберли.

— Ну, я подумал, что...ты можешь знать, — заикаясь сказал парень.

— Ты же дварф, — поддержала брата Ханалейса.

— Он, кстати, тоже! — раздраженно сказал Айвен, указывая на Пайкела. Но расплылся в улыбку, как только посмотрел на детей Бонадьюса, у которых на лицах было явно скептическое выражение.

— Да, я знаю, — согласился Айвен с преувеличено — гневным вздохом.

— Ду — да, — сказал Пайкел и, с повелительным «харрумф», отошел в сторону.

— Ему лучше в верхних туннелях, — сказал Айвен в защиту своего брата. — Там есть разные корни. Он говорит с ними, а они ему отвечают!

— Каково наше теперешнее положение? — напомнил Рори, вступая в разговор. — Людей тошнит от туннелей, и волнения растут.

— Они бы лучше остались в Кэррадуне, не так ли? — возразил Айвен. Это был сарказм, но ко всеобщему удивлению, Рори даже не моргнул.

— Они раз за разом это повторяют, — добавил он.

— Они забыли, что нас преследует? — сказал Тэмберли, но Рори замахал головой при этих словах.

— Они ничего не забыли, но мы все равно боремся с этими монстрами здесь, в туннелях.

— В тех местах, что мы выбираем, при хорошей защите, — добавила Ханалейса, на что Рори только пожал плечами.

— Как думаете, вы сможете найти путь назад в туннели возле Кэррадуна? — спросил Айвен Тэмберли и Ханалейсу.

— Ты не можешь... — начал было Тэмберли, но сестра его оборвала.

— Мы сможем, — сказала она, — я оставляла отметки на всех разветвлениях нашего пути. Мы сможем вернуться в начало, я уверена.

— Наверное, это лучший выход, — сказал Айвен.

— Нет, — возразил Тэмберли.

— Мы не знаем, что там впереди, мальчик мой, — напомнил Айвен. — И мы знаем, что

ждет нас в горах, и я знаю, что ты не видел никого похожего на того ящера в Кэррадуне, иначе был бы уже мертв. Я бы хотел предложить вам лучший вариант — я и сам бы хотел его иметь — но я не знаю другого выхода из этих туннелей, а тот, по которому прошел я, — по нему не поднимешься, да я и вряд ли стал бы это делать!

Тэмберли и Ханалейса обменялись взглядами, и оба обернулись к изнемогшим беглецам из Кэррадуна. Тяжесть ответственности давила на них, они знали, что их решение повлияет на каждого в этой пещере, а результат возможно будет фатальным.

— Выбор не за вами, — разбушевался Айвен. Он не мог прочесть их мысли, но точно прочитал выражения лиц. — Вы сделали многое, выведя их из Кэррадуна, и я обязательно скажу об этом вашим родителям, когда мы доберемся до храма Парящего Духа. Но сейчас я здесь, и если мне не изменяет память, у меня больше опыта, чем у вас обоих вместе взятых.

— Мы не можем больше оставаться здесь. Твой брат прав в этом. Если бы мы были дварфами, мы бы разрыли парочку туннелей, обвалили парочку стен и были бы уже дома. Но мы не дварфы, и нам надо выбираться отсюда, и единственный путь — тот, которым пришли вы.

— Но нам придется там драться, — предупредила Ханалейса.

— Еще одна причина идти туда, — заявил Айвен, хищно оскалив зубы.

И они пошли, тем же путем, что пришли. И если не знали, налево или направо им поворачивать, так как не все метки Ханалейсы были хорошо видны, они просто наугад выбирали туннель. А если и ошибались с выбором пути, то просто поворачивали назад, помечали поворот и шли дальше, под ворчания Айвена Валуноплечевого.

Он ворчал, но в то же время от него исходил такой необходимый всем энтузиазм. Его оптимизм оказался заразным, и группа за первый день прошла большое расстояние. Второй день также был легким, за исключением длинного окольного пути, на котором настоял Айвен.

Но вот на третий день скорость их хода стала меньше, и даже ворчания Айвена стихли. Но какой у них был выбор? Когда они услышали отголоски рычания монстров далеко в туннелях, их пробрал тот же страх, но в то же время и появилась надежда на то, что мучения в Подземье близки к концу. Голодные, так как не ели ничего, кроме подземных грибов и иногда пещерной рыбы, замученные жаждой, так как вода там была слишком грязной и вонючей, чтобы пить, — они шли дальше.

За изгибом туннеля, где он переходил в большую пещеру, они увидели врагов. Не ходячих мертвецов, а тех самых ползучих монстров, которых Айвен так хорошо знал. В тот же миг и враги увидели их. Мысль о том, что это он привел этих замученных и несчастных людей, включая детей Кэддерли, к опасности, заставила Айвена действовать стремительно. Ярость гнала его, она же прибавила сил его рукам. Дварф смел ближайшего врага, как морская волна. Твари окружили Айвена, но тут же пожалели — если они знали что такое сожаление — об этом. Они все почувствовали тяжесть дварфского топора.

Слева к дварфу подошли Тэмберли и Ханалейса — росчерки меча и шкал кулачных ударов — а справа подобрался Пайкел с Рори. Рори прочитал было одно заклинание, но когда оно не подействовало, достал из — за пояса кинжал, радуясь, что, как и его брат с сестрой, он научился драться оружием.

Что до Пайкела, то его дубинка не была никак зачарована, чтобы придавать силу ударам, но злость добавляла силы, много сил, ведь он бился не за себя, а за тех, кто вряд ли мог выстоять против этих монстров.

— Оо — уи! — кричал он, и за каждым кличем следовал удар дубинкой по одной из тварей. Он мог махать только одной рукой, но эти взмахи заставляли чудовище за чудовищем падать с раскроенными черепами, вопя в предсмертной агонии.

Клином из пяти опытных бойцов, построенных для боя, беглецы разом кинулись на врагов и откинули их. Не было и речи о том, чтобы остановиться и разомкнуть ряды или, тем более, повернуть назад. Айвен попросту откинул эту мысль, просто потому, что знал, что он не остановится и не повернет назад.

Для Айвена дело было не в тактике, а в злости, в самой ее сути: мысль о драконе, страх за детей Кэддерли, крушение надежд брата, который пал духом, не чувствуя больше своего бога, небезопасность места, которое они звали домом. Его топор летал справа налево, не думая ни о какой защите — только нападение. Он рубил и кромсал плоть чудовищ, отсекая ту часть тела, которая попадалась под топор. Айвен шел вперед, орудуя тем двуручным монстром, что был у него в руках, заливая свой путь кровью и устилая его плотью и мозгами тварей.

Он вырвался далеко вперед от остальных, и враги окружили его со всех сторон, даже сзади. И ползучие твари умирали вокруг взбешенного дварфа.

Они тянулись к нему, пытаясь ранить. Каждая незащищенная часть тела Айвена кровоточила, а монстры все умирали и умирали вокруг него. Но дварф не останавливался, казалось даже, что его удары наоборот становились все сильнее и яростней. И скоро даже самая тупая из тварей поняла, что надо держаться от этого врага подальше, а у Айвена появилась возможность оглянуться.

Бой все продолжался, каждый взмах оружия пополнял количество мертвых и раненых монстров. В конце концов, остатки чудовищ отступили вниз по туннелю. Пещера была полна трупов и останков врагов, а численность беженцев уменьшилась не так уж и сильно. Но если это и был конец боя, то никто этого не заметил.

— В Кэрадун, — заявила Ханалейса, обращаясь к дварфам. Она специально повысила голос, чтобы все ее слышали, надеясь, что ее показной оптимизм передастся другим.

Недостаток еды, постоянные стычки, отсутствие дневного света, запах смерти и вонь разложения истощили людей.

— Но мы же будем биться на каждом шаге! — пожаловался один из сидящих на камнях рыбаков. Лицо его было мокрым от слез и крови, как своей, так и вражеской. — Мой желудок просит есть, а руки просто стонут от боли.

— А там, откуда мы пришли, вообще нету ничего, кроме темноты и смерти, — прикрикнул на него другой мужчина.

— Выведи нас отсюда, — прошептала Ханалейса Айвену на ухо. — Сейчас же.

— Если снова придется драться, вы двое или приведете нас к победе или к поражению, — сказал Айвен Тэмберли и Ханалейсе. — Мы не можем двигаться быстрее, это так, но и драться меньше мы тоже не можем, иначе умрем. Они будут искать вас двоих. Вам придется найти местечко поглубже, и собрать силы.

Близнецы переглянулись, но это был взгляд решительности.

В тихой пещере, недалеко от Валуноплечих, детей Бонадьюса и остальных беженцев, абсолютную тьму рассеяло голубое сияние, парящее на высоте шести футов. Как будто нарисованная чьей-то невидимой рукой, светящаяся точка двигалась в темноте, оставляя за собой голубую линию. Она зависла, наполненная магической энергией, потом как будто растянулась, обретая объем и открывая межуровневый переход. Молодой дроу вышел из него, будто появившись прямо из воздуха. Держа небольшой арбалет в одной руке, а меч в другой, воин тихо опустился на землю, пристально оглядываясь по сторонам. Быстро проверив территорию, дроу подошел к portalу и вложил меч в ножны. По этому сигналу из перехода вышел другой дроу. Используя язык их расы, он жестами приказал воину зайти за портал и занять пост.

Из него начали выходить темные эльфы — тихо, четко и дисциплинировано.

Вход портала еще больше растянулся, и из него все выходили и выходили дроу, в том числе и Киммуриэль Облодра, который, собственно, и открыл этот самый портал. Дроу позади него начал было жестикулировать, но Киммуриэль, выказывая большое доверие, взял его за руку и приказал говорить.

— Ты уверен в этом? — спросил дроу по имени Мэриу.

— Он действует по просьбе и приказу Джарлаксла, — ответил вместо псионика другой

дроу, Вейлас Хьюн, известный разведчик. — Поэтому нет, Марив, он не уверен, потому что и сам Джарлаксл не уверен. Он всегда ведет себя так, как будто знает, что делает, но вся жизнь Джарлаксла игра, разве не так?

— Боюсь, именно в этом его обаяние, — сказал Киммуриэль.

— И почему мы следуем за ним? — спросил Мэриу, пожимая плечами.

— Ты следуешь за ним, потому что согласился и пообещал следовать за ним, — напомнил Киммуриэль. Облодра, наверное, был единственным дроу, близким к Джарлакслу настолько, чтобы знать всю правду о нем: жажда риска и есть источник ни с чем не сравнимого обаяния Джарлаксла. Но так же Киммуриэль знал, что этот шарм просто фарс. Джарлаксл всегда играл, но его истинные замыслы были редко когда понятны. Именно поэтому прагматичный и практичный Облодра всегда доверял своему главарю. Для него дело было не в обаянии, а именно в обещании Джарлаксла.

— Ты, конечно, можешь изменить свое решение, — добавил он, обращаясь к Мэриу, — но я бы тебе этого не советовал.

— Если ты хочешь и дальше жить, — добавил Вейлас Хьюн, хищно оскалив зубы.

— Я знаю, что ты не в восторге от этой миссии, — сказал Киммуриэль Мэриу с таким сочувствием, какого вряд ли можно было ожидать от жесткого и расчетливого псионика.

Мэриу был протеже Киммуриэля, он стремительно поднимался по иерархической лестнице Бреган Д'Эрт в отсутствие Джарлаксла, когда банду возглавлял псионик. Молодой маг был в фаворе у Киммуриэля, третьим в банде, после самого Киммуриэля и Джарлаксла, который оставался безоговорочным лидером. Даже сейчас, когда магия была непредсказуема, Мэриу не утратил важности для Киммуриэля, так как у него было множество сильных и действенных магических вещей и артефактов, да и во владении клинком Мэриу не был новичком. Закончив Мили — Магтир, школу воинов в Мензоберранзане, а потом и Магик, школу магов, Мэриу был очень сильным звеном в Бреган Д'Эрт. Особенно сейчас, во времена разрушения Плетения Мистры.

Мановением руки Киммуриэль пресек дальнейший разговор, ожидая пока все воины его отряда пройдут через ворота и все приготовления будут закончены. Как только всё было готово, все обернулись к нему.

— Вы все знаете, почему мы здесь, — сказал псионик дроу, собравшимся вокруг него. — Ваши приказы не обсуждаются. Бить наверняка и бить согласно указаниям — и только согласно им. Псионик знал, что многие из Бреган Д'Эрт были ошарашены этой миссией, а некоторые даже пробовали отказаться. Ему было все равно. Он верил своим подчиненным и знал, что они сделают все как надо, и даже не столько из — за гнева Джарлаксла, сколько из — за его собственного, потому что никто не мог придумать более изощренной пытки, чем Киммуриэль.

Два отряда Бреган Д'Эрт вошли в туннели под Снежными Хлопьями недалеко от разрушенного Кэррадуна. Они двигались тихо, быстро и смертоносно.

Глава двадцать пятая

Ужасная истина

Надо всем преобладала нерешительность: единственное радостное победное восклицание среди океана сомневающих и скептических выражений. Снаружи храма Парящего Духа дварфы на земле и маги и жрецы, сражающиеся на балконах и крышах, — все видели лишь эту картину: величественного драколича, исчезающего перед множеством изумленных глаз, ослепленных лучистым светом вызванного Кэддерли солнца.

Постепенно видение пропадало, а с исчезновением величественного змея захлебнулась и атака его приспешников. Маги даже не стали тратить волшебные снаряды на отступающие полчища, так много их было на пустой местности, где до этого находился драколич.

Вскоре единственный радостный крик вырос в хор абсолютной уверенности. Аплодируя, свистя и радостно крича, все двинулись к месту, откуда тварь покинула поле, будто бы сама земля поглотила ее.

Одобрительные восклицания становились громче, в них слышались радость и надежда. Маги провозгласили, что ткань самого Плетения будет восстановлена. Жрецы с восхищением объявляли во всеуслышание, что снова готовы говорить с богами. Крики одобрения Кэддерли волнами омывали стены. Некоторые провозглашали его богом, божеством, которое в силах обрушить на врагов само солнце. «Все бойтесь Кэддерли!»

Но это было снаружи храма, и эйфория охватывала лишь тех, кто не слышал воплей Кэтти-бри.

В магических поножах, позвякивающих при каждом шаге, Дризт опередил Кэддерли, Данику и даже Бруенора — доведенный до отчаянья король dwarфов был полон намерения увидеть дочь. Дроу пробирался через коридоры, перепрыгивая через поручни сразу на пятую ступеньку поднимающейся лестницы, и одновременно взбегая на третью ступеньку следующего этажа. Он наткался на стены, так что ему даже не надо было замедляться, огибая боковые коридоры. Приблизившись к ее двери с глазной повязкой Джарлаксла в руке и одним из своих волшебных тяжелых скимитаров, он с силой толкнул ее плечом.

Джарлаксл ждал его, в то время как наемники оттесняли его в комнату. Дризт не мог понять, что к чему, и времени, чтобы рассмотреть все хорошенько, не было.

Кэтти-бри, свернувшаяся клубком напротив задней стены, больше уже не кричала, но все еще дрожала от унижительного страха. Она прикрывала лицо поднятыми руками, и сквозь ее пальцы Дризт мог видеть белки широко распахнутых глаз.

Он ринулся к ней, но Джарлаксл схватил его и с силой дернул назад.

— Повязка! — предупредил он.

У Дризта было достаточно чувства самосохранения, чтобы, остановившись на мгновение, надеть зачарованную глазную повязку, одновременно опуская Ледяную Смерть на пол. Подойдя к возлюбленной, он заключил ее в продолжительные объятия и постарался успокоить. И когда остальные трое прибыли несколькими мгновениями позже, Кэтти-бри уже больше не казалась такой испуганной.

— Что это? — спросил Бруенор у Кэддерли и Джарлаксла.

У наёмника были подозрения на этот счет и он начал было отвечать, как вдруг, прервавшись, потряс головой. По правде говоря, у него не было действительно веских оснований надеяться на её выздоровление, как и у Кэддерли, и оба они посмотрели на Дризта, чьи глаза — один из которых не скрывала повязка — как и у жены, ширились от ужаса.

Они не сокрушили Короля Призраков — Дризту это было вполне очевидно, когда он крепче обнял Кэтти-бри, скользившую в яму отчаянья, которая стала её тюрьмой.

Её глаза осторожно исследовали этот чуждый мир. Сейчас он от самого горного массива Снежных Хлопьев принадлежал седому полумраку другого мира — Царству Теней

И Король Призраков был здесь.

На равнине, прямо перед Кэтти-бри, драколич метался и ревел от боли и бешенства. Его кости горели белизной, опавшая чешуя открыла багровую плоть, испещрённую волдырями. Выжженный священным светом, зверь, казалось, выжил из ума от боли и ярости, и, хотя он только что участвовал в битве, Дризт не мог представить, каково это — предстать перед ним в этот кошмарный момент.

Кэддерли причинил глубокую острую боль твари, но Дризт хорошо понимал, что раны ещё не являются доказательством смерти.

Зверь, казалось, исцелялся, и именно это восстановление ужасало более всего.

Тварь поднялась в воздух во всем своем дьявольском триумфе, начиная вращаться,

быстрее и быстрее, и из стремительного вращения словно демонические руки тьмы формировались выходящие тени. Они пересекли равнину, цепко хватая карабкающихся червей, которые после краткого визга падали замертво.

Дриззт никогда не видел ничего подобного, а потому сконцентрировался лишь на небольшой части этого зрелища. Чтобы не сойти с ума, ему пришлось сохранять эмоциональную и ментальную дистанцию от канала Кэтти-бри.

Король Призраков высасывал жизненную энергию из всего, чего мог достичь, забирая жизненную силу ползающих тварей и используя эту энергию, чтобы исцелить множество ран.

Дриззт знал, что вскоре монстр полностью восстановится. Затем Король Призраков вернется в храм Парящего Духа.

С огромным усилием и еще большим сожалением дроу отдалился от любимой жены. Он был не в силах успокоить её. Она ничего не чувствовала в его объятиях, и сердце её никак не отзывалось на его нежные оклики.

Ему пришлось вернуться к своим спутникам. Дроу должен был переговорить с ними. Наконец, ему следовало сначала отпустить, а затем и полностью разорвать ментальную связь с Кэтти-бри. Напряжение настолько обессилило его, что он рухнул на пол комнаты.

Он почувствовал, как сильные руки подхватили его и подняли в вертикальное положение, затем помогли сесть на край небольшой кровати.

Дриззт открыл глаза, отодвигая повязку.

— Ба, очередная ее вспышка? — Сказал Атрогейт, только что подошедший к двери, Тибблдорфу Пвенту, стоящему рядом.

— Нет, — ответил Кэддерли, пристально наблюдавший за Дриззтом. Все взоры обратились к жрецу, и многие, и в особенности Даника, открывали рты от изумления при виде этого мужчины.

Он больше не был молодым.

Многие годы, с того дня, когда он впервые принимал посетителей в храме Парящего Духа, требовалось много сил, чтобы сгладить внешность Кэддерли Бонадьюса, одаренного и почтенного жреца, чьи замечательные подвиги растянулись на два десятилетия. Он выглядел также молодо, как и его собственные дети. Молодость разрушилась прежде, чем три дварфа, оба дроу и его жена устали на него.

Кэддерли выглядел, самое меньшее, лет на пятьдесят, а то и больше. Его кожа обвисла, плечи несколько опустились, и его мышцы уменьшились и одряхлели. Он выглядел старше Даники, старше своего возраста, ближе к шестидесяти, нежели пятидесяти.

— Кэддерли, — ахнула Даника. Он заставил себя улыбнуться в ответ и махнул рукой, чтобы остановить ее и остальных на расстоянии.

Казалось, он пришел в себя, и снова внешне стал мужчиной пятидесяти лет, чуть старше своего истинного возраста.

— Ничего себе, — фыркнул Атрогейт.

— Магия храма, — произнес Джарлаксл. — Оскорбленного храма.

— Тебе что-то известно? — Заинтересованно спросила Даника у дроу.

— Правда состоит в том, — сказал Кэддерли, и Даника повернулась к нему, приблизилась, и он принял ее объятия. — Моя молодость, мое здоровье разрушаются за пределами стен храма Парящего Духа, — воскликнул он. — Тварь нанесла по ним удар — нанесла удар по нам! — у него вырвался безнадежный смешок. — И, естественно, нанесла удар по мне.

— Мы всё поправим, — затаив дыхание, пообещала Даника.

Однако Кэддерли покачал головой:

— Это ведь сделано не из дерева или камня, — пояснил он.

— Тогда Денеир поможет тебе, — сказал Джарлаксл, пристально глядя на него со странной, неожиданной жалостью.

Кэддерли снова начал было качать головой, но, посмотрев на дроу, кивнул, ведь

времени на пессимизм не было.

— Но сначала мы должны быть готовы к возвращению Короля Призраков, — заметил Джарлаксл, переводя взгляд на Дриззта До'Урдена, сидящего на кровати с полным безнадёжности взглядом, направленным на Кэтти-бри.

— Что она видит, эльф? — Потребовал ответа Атрогейт. — О чем вспоминает на этот раз?

— Ничего, — прошептал Дризт. Было сложно даже разобрать его голос. — Она согнулась перед яростью Короля Призраков.

— В царстве Теней, — сделал вывод Кэддерли, и Дризт кивнул.

— Это в ней причина, в этой самой ярости, это она залечивает его раны, — сказал дроу с жалким и безнадёжным видом глядя на потерянную и испуганную жену. Он не мог постичь её. Он ничем не мог помочь ей. Всё, что ему оставалось — только смотреть на неё и молиться, что каким — то образом Кэтти-бри найдет свой путь из мрака.

На мгновение в голову Дриззта До'Урдена пришла мысль, что действительно будет лучше, если его жена умрёт, в противном случае её мучения могут быть бесконечны. Он вспомнил то самое утро на дороге из Серебристой Луны, когда, несмотря на проблемы, связанные с проявлениями волшебства, все казались ему такими правыми, все, кроме женщины, которую он любил. Прошли считанные десять дней с того времени, как магические цепи опутали Кэтти-бри и отдалили её от Дриззта, но ему, сидящему на постели, так близко и в то же время так далеко от жены, всё произошедшее казалось эпизодом из другой жизни.

Все эти чувства: боль и замешательство — отразились на его лице, когда он, поняв это, посмотрел на своих товарищей. Бруенор стоял в дверях, дрожа от ярости, слёзы оставляли мокрые полосы на его бороде, его могучие кулаки были так крепко сжаты, что такая хватка могла сокрушить камень. Он одновременно с симпатией и страхом рассматривал Данику, сильно встревоженную собственной супружеской дилеммой, не торопясь перевести взгляд с неё на Кэддерли и стоящего рядом Дриззта,

Джарлаксл положил руку на плечо Дриззта.

Если есть шанс вернуть ее, мы сделаем это, — пообещал он, и Дризт знал, что он имел ввиду. Когда дроу посмотрел на Бруенора, стоящего позади, то осознал, что дварф понял искренность Джарлаксла. Но оба они знали и то, что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Её вылечат, и она вернётся, — сказал Кэддерли. — Мы же должны подготовиться, и быстро.

— Но чем все это кончится? — Спросил голос из вестибюля, и, повернувшись, все увидели Джинанс. Говоря, маг, держала руку на весу так, что рукав её мантии, превратившийся в лохмотья, обнажал руку, ссохшуюся в сухую кожу и кости — след одного из мощных ударов хвоста драколича.

— Если мы разобьём его снова, не отступит ли он просто в другой мир, о котором ты говоришь? — Спросила Джинанс. Кэддерли вздрогнул, услышав этот угнетающий вопрос из уст его обычно оптимистичной помощницы.

Все поняли гримасу Кэддерли, особенно Дризт, потому, что простая правда замечания Джинанс не могла быть неочевидной. Как могли они нанести поражение твари, которая может так быстро отступить, и так легко исцелиться, чему Дризт сам был свидетелем, пока обнимал Кэтти-бри?

— Мы найдем путь, — поклялся Кэддерли. — Перед храмом Парящего Духа, в старом строении, которое раньше было библиотекой Назиданий, мы боролись с вампиром. Это существо точно так же могло убежать с поля боя, если битва принимала плохой для него оборот. Но мы нашли путь.

— Точно, эти дварфы уделали его мехами, пока он был в газообразном состоянии! — выкрикнул Тибблдорф Пвент. В своё время он вынудил Айвена Валуноплечевого рассказывать ему эту историю снова и снова в течение всего времени, пока Айвен и Пайкел находились в Мифрил Халле. — И выпустили в потоке прямо под солнце!

— Что ты там бормочешь? — Требовательно спросил Атрогейт, чьи широко раскрытые глаза выражали замешательство и внушали страх. — Ты серьезно?

— Он говорит правду, — подтвердил Кэддерли, подмигнув остальной команде, все члены которой были довольны весёлой передышке.

— Ба — ха — ха! — захохотал Атрогейт. — Мне думается, для такого момента необходима песня!

Лица вокруг него, в особенности тех, кто находился в коридоре, не сильно изменились, однако, как только он придал ситуации определенное направление, короткая передышка быстро сошла на нет.

— Необходимо готовиться, — снова произнёс Кэддерли, когда все погрузились в неуютную тишину.

— В противном случае придётся покинуть это место, и быстро, — добавила маг с высохшей рукой. — Быстро бежать к Вратам Балдура, или в другой большой город, куда эта тварь не рискнёт приближаться.

— И где армия лучников встретит его слишком неожиданно для его блестящего отступления! — другой голос донесся из — за двери комнаты.

Дризт посмотрел через головы на Кэддерли, в то время как хор тех, кто ратовал за отступление, становился всё более громким и настойчивым, и Дризт понял смятение самого жреца. Кэддерли не мог не согласиться с логикой быстрого отступления, с побегом как можно дальше из этого, казалось бы обреченного, храма.

Но жрец не мог и пойти на это. Опасность, грозящая храму Парящего Духа, отражалась на его собственном существовании. И Кэддерли, и Даника не могли далеко уйти, в то время как их детей не было рядом с ними, и они могли быть и не в Кэррадуне, а находиться неизвестно где.

Дризт посмотрел на Бруенора в ожидании решения.

— Никуда я не пойду, — без колебаний заявил король дварфов, командуя собранием — Дадим зверю вернуться и сотрем его в пыль.

— Это глупо... — маг с высохшей рукой начала было спорить, но выражение лица Бруенора прекратило все дебаты в самом зародыше, заставив ее побледнеть, точно она увидела драколича.

— Никуда я не пойду, — повторил Бруенор. — Если только не пойдём искать детей Кэддерли, или пропавшего друга, Пайкела, бывшего рядом со мной и ставшего мне родным во времена испытаний. Он потерял брата, как сказала мне леди Даника, но он не потеряет друзей из Мифрил Халла.

— В таком случае ты умрёшь, — рискнул кто — то сказать из коридора.

— Все мы умрём, — резко возразил Бруенор. — Некоторые из нас уже мертвы, хотя мы и не подозреваем этого. Если ты готов бежать и бросить своих друзей, ты уже мёртв.

Кто — то начал приводить доводы против, но Кэддерли вскричал:

— Не сейчас! — Жрец так редко повышал голос, что все разговоры мгновенно стихли. — Идите и оцените опасность, — наставлял всех Кэддерли. — Посчитайте наши раны...

— И наши смерти, — добавила Джинанс со свистом.

— И наши смерти, — согласился Кэддерли. — Пойдите и узнайте, пойдите и подумайте, и сделайте это быстро. — Он посмотрел на Дризта и спросил: — Сколько времени у нас в запасе?

Но дроу мог только пожать плечами.

— Быстро, — повторил Кэддерли. — И для тех, кто уйдёт, подготовьте оружие так быстро, как сможете. Будет лучше, если вас не захватят врасплох на дороге, когда вернется Король Призраков.

С подобострастным взглядом Джарлаксл вошел в покои Кэддерли и Даники, которые расположились вокруг стола жреца, прослеживая взглядом каждый его шаг.

— Ты меня удивляешь, — поприветствовал его Кэддерли.

— Это ты удивляешь всех вокруг новой магией, которую ты нашел, — ответил Джарлаксл, и уселся на стул перед Даникой и напротив Кэддерли.

— Нет, — возразил Кэддерли. — Не я нашел новую магию. Она нашла меня. Я даже не могу объяснить это, поэтому как могу я претендовать на право владеть ею? Я не знаю её природы, и даже проявится ли она, когда будет нужно во время следующего кризиса.

— Будем надеяться, — произнес Джарлаксл.

За стенами комнаты начал подниматься южный ветер, негромко ржали лошади, и мужчины выкрикивали приказы.

— Все они уходят, — заметил Джарлаксл. — Даже друзья Джинанс.

— Я и ей сказал идти, — сказал Кэддерли. — Это не ее бой.

— Вы тоже спасётесь бегством. Если сможете, — заключил Джарлаксл по его тону.

С тяжелым вздохом Кэддерли встал и подошёл к окну посмотреть, что происходит во внутреннем дворе.

— Эта битва укрепит старый страх, — объяснил он. — Когда я строил храм Парящего Духа, сплетая магию Денеира, позволяющую проходить через этот простой, но смертельный виток, это состарило меня. Если храм приближается к концу, я становлюсь старше.

— Мы уже попрощались, — добавила Даника.

— Полагаю, моя жизнь подошла к концу, и принимаю это, потому как я выполнил свои обязанности перед богом. — Помедлив, он странно посмотрел на Джарлаксла. — Ты верующий? — спросил он.

— Есть лишь одно божество, которое я всё больше узнаю, но было бы лучше, если бы я его не знал, — ответил дроу.

— Ты более приземленный, — сказал Кэддерли.

— Нет, — возразил Джарлаксл. — Я не придерживаюсь какого — то особенного божества. Хотел бы я сначала с ними побеседовать, чтобы посмотреть, какой рай они смогут предложить мне после смерти.

Даника поморщилась при этих словах, но Кэддерли едва сдерживал смех:

— Обычная шпилька Джарлаксла.

— Потому что я не воспринимаю всерьёз этот вопрос.

— Неужели? — воскликнул Кэддерли в притворном удивлении. — Что же может быть серьезнее, чем познать, что у тебя в сердце?

— Я знаю, что у меня в сердце. Быть может, я просто не считаю нужным дать этому название.

Кэддерли снова рассмеялся:

— Быть мне лжецом, если скажу, что не понимаю тебя.

— Быть мне лжецом, если я начну отвечать на твою невежественность. Ну, или дураком.

— Джарлаксл не дурак, — вклинулась Даника, — но по причине возникновения спора я откладываю вынесение судебного решения.

— Вы ранили меня прямо в сердце, леди Даника, — сказал дроу, широко улыбаясь, и Даника была не в силах сопротивляться этой улыбке.

— Почему ты не ушел? — Резко спросил Кэддерли. Джарлаксл знал, это был один из тех вопросов, который предполагал еще парочку. — Путь чист, а наше положение близко к безнадежному, и ты до сих пор здесь.

— Молодой человек...

— Не такой уж и молодой, — поправил Кэддерли.

— По мне, ты будешь молодым, пока не встретишь сотый день рождения, будешь молодым, пока следующий век не сгниет в земле, — сказал Джарлаксл. — Но к делу: нет

места, где Король Призраков не нашел бы меня. Он отыщет меня и на севере, и в Мирабаре. И когда он найдет меня, он найдет и тебя.

— И Артемиса Энтрери? — спросила Даника, на что Джарлаксл пожал плечами.

— Столько лет прошло с тех пор, как я разговаривал с ним.

— Итак, ты пришел сюда в надежде найти решение своей проблемы, — произнес Кэддерли.

Дроу снова пожал плечами.

— Или что мы сможем вместе найти решение нашей общей проблемы, — ответил он. — И я пришел в наше общее дело не без могущественных союзников.

— И ты не чувствуешь вины за то, что втянул Дриззта, Бруенора, Кэтти-бри и беднягу Пвента в эту ужасную борьбу? — Спросила Даника. — Ты обречешь их на эту судьбу?

— Вероятно, у меня больше веры в нас, чем у вас, леди, — усмехнулся Джарлаксл, поворачиваясь к Кэддерли. — Я не лицемерил, когда говорил Дриззту и Бруенору, что будет лучше, если они приведут Кэтти-бри сюда. Я знал, что многие величайшие умы нашего времени не сомневались, приходя в храм Парящего Духа, чтобы найти ответы — и что может гарантировать лучший ключ к разгадке реальности, окружающей нас, чем несчастье Кэтти-бри? Даже что касается Короля Призраков, я верю, что все связано — более, чем сейчас, когда Дриззт сказал нам, что она видит этого зверя в другом мире, в котором её разум был пойман в ловушку.

— Они связаны, — согласился Кэддерли прежде, чем Даника сумеет ответить. — Оба предвестники одной катастрофы.

— С одной стороны, мы можем найти ключи к разгадке остальных проблем, — сказал Джарлаксл. — Уже нашли! Слава Богу, что Кэтти-бри была здесь, что мы смогли узнать правду о поражении Короля Призраков, и знаем, что эта тварь может вернуться.

— Если я смогу найти своего бога, я скажу ему спасибо, — иронично произнес Кэддерли. — Но ты прав, конечно. Итак, теперь мы знаем, Джарлаксл. Тварь может вернуться, невредимая, злая, и еще более дерзкая, чем в первой битве. Ты намерен сражаться с ней снова?

— При необходимости, — закончила Даника, обрывая Кэддерли, и, когда она посмотрела на него, на его губах мелькнула признательная улыбка. — Но у тебя есть идеи на этот счет? Говорят, ты умный.

— Ты недостаточно хорошо знакома со мной, чтобы самой прийти к этому заключению? — сказал ей Джарлаксл, положив руку на сердце, как если бы она его глубоко ранила.

— Не может быть, нет, — ответила она.

Джарлаксл разразился смехом, но довольно коротким:

— Мы должны убить его быстро — это более чем очевидно, — сказал он. — Я не вижу другого пути, как можно помешать его способности перемещаться сквозь миры, поэтому мы должны поразить его внезапно и навсегда.

— И мы нанесём ему удар, используя всю магию, которой я владею, — добавил Кэддерли. — Только и надеюсь быть готовым ответить некоторыми из этих заклинаний — у меня нет иллюзий, что мы можем достигнуть большего.

— Есть и другие пути, — произнес Джарлаксл, кивая подбородком по направлению арбалета и патронташа в руке Кэддерли.

— Я неоднократно стрелял из него, — напомнил ему Кэддерли.

— Сотни пчёл могут жалить человека лишь с небольшим эффектом, — ответил дроу. — Но я был в пустыне, где пчёлы были ростом с человека. Верьте мне, когда я скажу вам, что вы не пожелаете почувствовать жало одной из тех тварей.

— Что ты имеешь в виду? — Спросила Даника.

— Мой товарищ, Атрогейт, — довольно умный дварф, а король Бруенор еще более, чем он, — ответил Джарлаксл.

— Если бы Айвен Валуноплечий всё ещё был с нами! — Сказал Кэддерли, и его голос

был полон скорее надежды, чем жалобы.

— Вооружение для осады? Баллиста? — Поинтересовалась Даника, и Джарлаксл снова пожал плечами.

— Дризт, Бруенор и его берсеркер тоже останутся, — проинформировал Джарлаксл Кэддерли, и дроу поднялся со стула. — Джинанс и некоторые из оставшихся предложили увести Кэтти-бри, но Дризт отказался. — Он посмотрел Кэддерли прямо в глаза, добавив — Они не хотят погибнуть.

— Он должен разрешить Кэтти-бри уйти, — сказала Даника.

— Нет, — возразил Кэддерли и, когда все взоры обратились к нему, все увидели, что он смотрит за окно. Даника могла заметить, как он внезапно погрузился в раздумья. — Она нужна нам. — Произнес он голосом, который показал, что он уверен в своем требовании, хотя и не был уверен в причинах этой уверенности.

— Монетку за твои мысли, эльф, — произнес Бруенор. Он встал за Дризтом, который расположился на балконе, оглядывая внутренний двор храма Парящего Духа, то и дело опуская взгляд на разорённый лес, где появился драколич.

Дризт оглянулся на его голос, кивком показывая, что слышал его слова, но больше никак не отвечая — только пристально глядя на него на расстоянии.

— Ах, девочка моя, — прошептал Бруенор, придвигаясь к нему, понимая, что Дризт ни о чём другом думать не может. — Ты думаешь, она потеряна для нас.

Однако Дризт не ответил.

— Мне следует расцеловать тебя, эльф, за то, что ты потерял надежду, — съязвил Бруенор.

Дризт снова посмотрел на него, и король скис под этим честным взглядом.

— Тогда зачем мы остаёмся? — Бруенор спросил, последним взглядом продемонстрировав пренебрежение неопровержимым причинам дроу.

Дризт озадаченно взглянул на него.

— Если это не вернет её назад, то зачем мы остаёмся? — снова попросил прояснить Бруенор.

— Ты покинешь друзей в нужде?

— Хорошо, но зачем держать её здесь? — Продолжил Бруенор. — Почему бы не посадить её на одну из уезжающих повозок, направляющихся в более безопасное место?

— Я не верю, что и половина из них выедет за пределы леса живыми.

— Чушь, это не то, что ты думаешь! — закричал Бруенор. — Ты думаешь, мы найдем выход. Что убьем этого дракона, что также найдем, как вернуть её. Вот что ты думаешь, эльф, и не лги мне.

— Это то, на что я надеюсь, — подтвердил Дризт, — надеюсь, но не думаю. Это разные вещи. Надежда противоречит разуму.

— Не так уж и сильно, если ты собрался держать её здесь, где мы, скорее всего, погибнем.

— Есть ли сейчас во всем мире безопасное место? — спросил Дризт. — Или что-то подобное?. Когда драколич начал перемещаться на другой план, Гвенвивар сбежала.

— Умная кошка не побежала бы раньше так далеко, — сказал Бруенор.

— Гвенвивар пугает не битва, но она поняла опасность пересечения планов. Вспомните, когда рухнула хрустальная башня в долине Ледяного Ветра.

— Ага, — сказал Бруенор, чье лицо несколько прояснилось. — И Пузан отвез проклятую кошку домой.

— А помните дворец паши Пуука в Калимпорте?

— Ага, море ничтожных кошек, следующих за Гвенвивар до ее дома. Что ты думаешь,

эльф? Что твоя пантера может доставить девочку на другой план, и вернуть вас обоих назад?

— Я не знаю, — признал Дризт.

— Но ты думаешь, есть выход? — спросил Бруенор голосом, в котором такая звучала отчаянная надежда, какой никто никогда не слышал от дварфа.

Дроу остановил пристальный взгляд на Бруеноре и ухмыльнулся:

— Всегда есть выход, не так ли?

Бруенор кивнул на это, и Дризт перевел взгляд за пределы балкона, глядя на деревья.

— Что они делают? — Осведомился он мгновением позже, когда Тибблдорф Пвент и Атрогейт выходили из леса, переноса на плечах тяжелые бревна.

— Если мы собираемся оставаться и биться, значит, должны быть настроены на победу, — сказал Бруенор.

— Но что они делают? — Спросил Дризт.

— Боюсь спросить их, — признался Бруенор, и он, и Дризт разразились столь необходимым сдавленным смехом.

— Ты собираешься снова использовать в битве свою дурацкую кошку? — Спросил Бруенор.

— Боюсь, что да. Граница где — то между этими понятиями, между жизнью и смертью, и все это слишком непредсказуемо. Я не собираюсь потерять Гвен, как я потерял...

Его голос сошел на нет, но ему не нужно было заканчивать, чтобы Бруенор все понял.

— Мир становится безумным, — произнёс дварф.

— Быть может, он всегда был таким.

— Почему это ты начал говорить также? — Стал ругаться Бруенор. — Мы положили на это слишком много лучших лет и работы, и ты это прекрасно знаешь.

— Мы добились мира с орками, — сказал Дризт, а лицо Бруенора стало непроницаемым, и из уст его вылетело приглушенное рычание.

— Ты как тёплый огонь среди холодной зимы, эльф, — пробормотал он.

Дризт улыбнулся шире и, распрямившись, потянулся спиной и руками:

— Мы остаемся и сражаемся, друг мой. А также...

— Побеждаем, — закончил Бруенор. — Сможем ли мы вернуть девочку или нет, эльф, но я начинаю немного поддаваться безумию. — Он ударил Дризта по плечу. — Ты готов прикончить дракона, эльф?

Дризт не ответил, но взгляд бледно — лиловых глаз, которым он наградил Бруенора, был полон того огня, который король дварфов видел много раз. И даже внушил Бруенору некоторую жалость к драколичу.

Внизу на внутреннем дворе, Пвент, ведущий пары, споткнулся, и оба дварфа с грохотом упали в груды своего тяжелого груза.

— Надеюсь, они оба не убьют нас со своим планом, по которому змей не вернется в свое убежище, — заявил Бруенор, — или, если это случится, я сделаю все, чтобы найти его там и прикончить!

Дризт кивнул, более чем готовый к битве, но, вместе с тем, выражение решительности несколько мешалось с интригой этого последнего заявления. Его голова склонилась к мешочку на ремне, в котором была фигурка Гвенвивар, и он изумился.

В конце концов, он и раньше путешествовал по мирам с пантерой.

— О чем думаешь, эльф? — Спросил Бруенор.

Дризт снова бросил на него быстрый взгляд, полный решимости и кипящей ярости.

Кивнув, Бруенор улыбнулся не менее решительно и яростно.

— Неужели мы не сможем научиться? — Спросила Даника Кэддерли.

Кэддерли покачал головой:

— Я уже пытался. Уже спрашивал Денеира или любого другого бога, который смог найти.

— Я больше не могу этого вынести, — признала Даника. Она тяжело опустилась на стул и закрыла лицо руками. В одно мгновение Кэддерли был возле неё, сжимая в объятиях, но кроме этого он мог мало что предложить. Он сам был не менее истерзан, чем она.

Их дети были где — то далеко, быть может, еще живы, а быть может и мертвы, что более вероятно.

— Я должна вернуться, — сказала Даника, распрямляясь и делая глубокий, успокаивающий вдох. — Я должна ехать в Кэррадун.

— Ты уже пробовала, и едва не погибла, — напомнил Кэддерли. — Лес не менее...

— Я знаю! — Сорвалась Даника. — Я знаю, и меня это не волнует. Я не могу находиться здесь, просто ждать и надеяться.

— А я не могу уйти! — Огрызнулся в ответ Кэддерли.

— Я знаю, — мягко и нежно сказала Даника. Протянув руку, она провела пальцами по его щеке. — Ты нужен здесь, связан с этим местом, я знаю. Ты не можешь оставить его, потому что оно погибнет, если погибнешь ты, и наши враги победят. Но я уже оправилась от ран, а мы должны изгнать дракона сейчас.

Кэддерли хотел было перебить её, но Даника заставила его замолчать, положив палец на его губы.

— Я знаю, любимый, — сказала она. — Король Призраков вернется и снова атакует храм Парящего Духа. Я знаю. И я только приветствую эту битву, если чудовище будет уничтожено. Но...

— Но дети не здесь, — закончил за нее Кэддерли. — Они живы — я это знаю! Если хотя бы один из них погибнет, храм почувствует эту потерю.

Даника озадаченно посмотрела на него.

— Они часть меня, как и это место, — попытался объяснить Кэддерли. — Я уверен, они живы.

Даника отступила на шаг, уставившись на мужа. Она понимала его уверенность, но также знала, что она основывалась больше на необходимости веры в то, что дети живы и здоровы, чем на чем — то более существенном.

— Тебе нельзя остаться, — сказал Кэддерли, все больше удивляя её. Она села прямо, глядя на него широко раскрытыми глазами.

— Ты говоришь о предстоящей самой отчаянной битве и в то же время хочешь отослать меня?

— Если Король Призраков вернётся, и мы его уничтожим... — Кэддерли помедлил в замешательстве.

— Это случится благодаря мощи Кэддерли, а не кулакам Даники. — Сделала вывод она.

Кэддерли дернулся:

— Мы могущественная команда, нас семеро, каждый из нас вооружен по — своему, чтобы вести битву с таким зверем, как Король Призраков.

— Но я в меньшей степени, — сказала женщина. Она выставила пустые ладони. — Мое оружие менее эффективно, чем топор Бруенора, и я не знаю фокусов Джарлаксла.

— Никто не заменит мне в битве тебя, — произнес Кэддерли. — Но также никто, кроме тебя, не сможет лучше избежать монстров в лесу и найти наших детей. Если у нас их не будет, тогда...

— Тогда зачем все это? — Закончила Даника. Нагнувшись, она страстно поцеловала его.

— Они живы, — повторил Кэддерли.

— И я найду их, — прошептала в ответ Даника.

Через час она уже была за пределами храма, продвигаясь сквозь лес вблизи дороги на Кэррадун, невидимая и тихая, словно тень под покровом ночи.

Глава двадцать шестая

Рассвет

— Почему мы не сражаемся? — прошептал Тэмберли Айвену. Но даже его приглушенный голос эхом пронесся по безмолвным туннелям.

— Не специально, — ответил Айвен Тэмберли и всем оставшимся беженцам в группе, коих насчитывалось около двадцати. — Надеюсь, это ваша работа.

— Бум, — произнес Пайкел с надеждой и громко, чем вызвал у остальных судорожные вздохи.

— Уупс, — извинился зеленобородый дварф и шлепнул себя рукой по губам.

— Или они готовят нам ловушку, — заметила Ханалейса. Айвен, собиравшийся сказать то же самое, кивнул на ее слова. — Возможно, они научились этому у погибших в бою.

— Так что мы будем делать? — спросил Рори. Ханалейса, посмотрев на своего младшего брата, увидела в нем неподдельный страх, и, положив руку ему на плечо, постаралась его успокоить.

— Мы продолжим путь, разве у нас есть выбор? — сказал Айвен и умышленно повысил голос. — И если они будут сидеть в засаде, поджидая нас, мы просто убьем их и пойдем по их гниющим трупам.

— Ууой! — согласился Пайкел, поправил свой кухонный котелок — шлем и поднялся, чтобы продолжить путь.

Недалеко от этого места осажденный отряд вошел в зал, который преподнес им еще одну загадку, на первый взгляд приятную. Его пол был усеян мертвыми червями, огромными летучими мышами, среди которых попался даже один ночной гигант.

Отряд внимательно осмотрелся в поисках ключей к разгадке, главным образом выглядящих как тела тех, кто сражался с монстрами. Была ли это еще одна группа беженцев?

— Они что, поубивали друг друга? — спросил Тэмберли, озвучивая вопрос, который все они сами себе задавали.

— Только если они не использовали крошечные луки, — ответил один из беженцев. Тэмберли и остальные пошли к нему, неся небольшой факел, чтобы двигаться вперед. Они нашли его, держащим маленький дротик, подобно тем, которые использовал Кэддерли для своих самострелов.

— Отец! — с надеждой произнес Рори.

— Если это был он, то он был занят, — сказала Ханалейса, двигаясь вокруг и находя такие же дротики в большом количестве на полу и в телах. Она с сомнением покачала головой. В храме Парящего Духа было лишь два таких самострела, но в этой битве выпустили десятки, а то и сотни дротиков. Она выдернула один из трупа червя и показала его, еще сильнее качая головой. Ни у одного дротика не было добавленной ее отцом детали: разборного центра, где находились маленькие сосудики с взрывчатым маслом.

— Эти не Кэддерли, — подтвердил Айвен чуть позже. Поскольку это он сделал чертеж и смастерил ручные самострелы Кэддерли и стрелы к ним, в его словах была неоспоримая истина.

— Тогда кто? — спросил Рори.

— Мы были недалеко, — добавил Тэмберли. — А битва была не так давно. Все произошло быстро и бесшумно. — Он с возрастающей тревогой взглянул на свою сестру и своего дядю Айвена.

— Отравленные, — сказала Ханалейса.

У большинства глаза расширились от ужаса, так как они знали, что означают ручные самострелы с отравленными дротиками.

— Весь мир что, вверх дном перевернулся? — спросил Айвен, его тон был серьезнее,

даже мрачнее, чем когда либо. — Я думаю, чем раньше мы выберемся на поверхность, тем лучше.

— Ух — хух, — согласился Пайкел.

Дальше они пошли без промедления и с постоянным чувством, что враг их врага наверняка не окажется их другом.

Лысый, чернокожий гигант, пошатываясь, сделал еще один шаг вперед.

Щелк. Щелк. Щелк.

Монстр застонал, когда еще три дротика проткнули его кожу, добавляя усыпляющий яд дроу к уже текущему по его венам. Его следующий шаг стал тяжелее, нога начала волочиться.

Щелк. Щелк. Щелк.

Гигант упал на одно колено, едва осознавая движение. Маленькие ускользающие фигуры подскочили к нему слева, справа, сзади, тонкие клинки излучали магию. Ночной странник взмахнул руками, пытаясь отогнать приближающихся врагов, защититься и ударить по темным эльфам, как будто бы они были мошкаррой. Но каждый взмах под тяжестью столь сильной усталости был слишком медленным, чтобы схватить таких ловких воинов. Ему не удавалось блокировать ни одного удара, выпада или укола, и гигантский ночной странник не мог попасть во что — либо, кроме застоявшегося воздуха пещеры.

Они не нанесли ему много ран. Каждый удар расчетливо и точно попадал именно в ту область, которая давала самый сильный и быстрый выход крови. Чудище не получило и сотни ударов, даже не более двадцати, как упало лицом на пол, истощенное ядом и потерей крови, раны ночного странника без сомнения были смертельными.

«Последняя группа», — подал знак Киммуриэлю Вэйлас Хьюн. — «Путь чист».

Киммуриэль кивнул и последовал за своей передовой группой через комнату. Еще одна огромная летучая мышь грохнулась вниз напротив дальней стены, уснув посреди полета. Большинство червей еще дергались на полу, их движения были беспорядочными, но резкими, пока один из воинов — дроу не нашел времени закончить дело безошибочным ударом в шею.

Миновав комнату, силы Бреган Д'эрт двинулись вниз по коридору к району туннелей и комнат, запруженных водой из озера. И после нескольких изгибов и поворотов каждый темный эльф стал щуриться из — за света с поверхности. Ночь наступила уже давно, но луна была высоко, и чувствительные глаза дроу жгло под ярким светом Селуны.

«А мы не можем просто уйти отсюда?» — множество пальцев осмелилось подать знак Киммуриэлю, но все и каждый были встречены суровым взглядом, не принимавшим возражений.

Он определил, что им нужно идти к разрушенному городу на берегу озера, прежде чем покинуть дикую местность между Старым Шанатаром и Великим Баэринденом, и так дальше к месту, известному как Кэррадун. Они вышли из туннелей в пещере в северной стороне города и легко взобрались по крутому склону на отвесную скалу, возвышавшуюся над разрушенным городом. Больше половины строений сгорело дотла, и меньше горстки уцелевших избежало пламени. Воздух был наполнен густым дымом и зловонием смерти, а скелеты корабельных мачт усеяли гавань, как кресты на многочисленных могилах. Темные эльфы спустились в тесные строения. Здесь, на поверхности, сейчас они были даже осторожнее, чем в более привычном окружении туннелей. Огромный темнокрыл время от времени пролетал над их головами, но, пока он не осмеливался подлететь достаточно близко, дисциплинированные дроу придерживали свои выстрелы.

Возглавляемые Вэйласом Хьюном, разведчики расходились влево и вправо, прикрывая друг друга со всех сторон, направляя движение и проверяя, нет ли преследования.

«Что ты ищешь в этих руинах?» — спросил Вэйлас у Киммуриэля при помощи жестов вскоре после того, как они вошли непосредственно в город.

Киммуриэль показал, что не знает точно, но уверил разведчика, что там есть нечто, заслуживающее исследования. Он чувствовал это, остро это ощущал.

Шум сбоку резко прервал их разговор, когда оба дроу увидели начинающуюся битву на дороге, параллельной их пути. Еще один огромный ночной странник обнаружил отряд и безрассудно двинулся к нему. Шум резко усилился, как только ближайший дроу заманил чудище в узкий проулок между двумя зданиями, место, где ручные самострелы дроу не могли промазать по гигантской цели.

Киммуриэль и основная часть его сил продолжили идти вперед еще до того как существо было мертво, уверенные в подготовке и тактике обученной и испытанной в боях команды.

Разведчик, вернувшийся с пристани, доставил отчет, которого ждал Киммуриэль, и он быстро повел их к этому месту.

— Это не сулит ничего хорошего, — сказал Вэйлас Хьюн — это были первые слова, произнесенные после того, как они вышли из туннелей — когда в их поле зрения появилась щель. Каждый темный эльф, наблюдавший это зрелище, сразу же понимал, что это такое: дыра в ткани двух отдельных миров, магические врата.

Они остановились на почтительном расстоянии, защита заскользила как щупальца, чтобы обезопасить зону, как может только Бреган Д'эрт.

— Преднамеренная? Или последствия неудачной магии? — спросил Вэйлас Хьюн.

— Не имеет значения, — ответил Киммуриэль. — Хотя я ожидал, что мы столкнемся с множеством таких щелей.

— Хорошо, что дроу никогда не устают убивать.

Вэйлас Хьюн замолчал, когда понял, что Киммуриэль, закрыв глаза, больше не слушает. Он смотрел, как псионик успокоился, затем поднял руки в направлении пространственной щели и широко раскрыл глаза, посылая вперед ментальную энергию.

Ничего не произошло.

— Преднамеренная, — ответил Киммуриэль. — И глупая.

— Ты не можешь ее закрыть?

— Толпа иллитидов не смогла бы ее закрыть. Маги в свой лучший день не смогли бы ее закрыть, — сказал он, имея ввиду великую школу магических искусств в Мензоберранзане.

— Тогда что?

Киммуриэль посмотрел на Мэрива, который изготовил толстый деревянно — металлический жезл длиной с предплечье. Изящные золотые и медные руны украшали изделие. Мэрива передал его Киммуриэлю.

— Жезл может нейтрализовывать магию? — спросил Вэйлас Хьюн.

Киммуриэль посмотрел на молодого воина, того самого, который провел их через ворота в туннелях, приказывая ему подойти. Он показал слова, управляющие жезлом, пальцами свободной руки, когда передавал молодому дроу этот могущественный предмет.

Облизав пересохшие губы, дроу пошел в сторону щели. Его длинные белые волосы начали плясать, когда он приблизился к разлому, как будто дрожа от энергии или ударяясь о ветра, дующие по ту сторону пространственных врат.

Он оглянулся на Киммуриэля, который кивнул, чтобы тот продолжал.

Молодой дроу поднял жезл, направляя его в сторону щели, и, еще раз облизнув губы, произнес управляющие слова. Магический инструмент коротко вспыхнул энергией, которая протекла по всей его длине и перенеслась прямо в щель.

Назад вернулся абсолютный мрак, серая мгла, прошедшая сквозь канал и хлынувшая в руку воина — дроу, который был недостаточно сообразителен или недостаточно быстр, чтобы вовремя выкинуть жезл.

Он выронил его, когда рука безвольно повисла. Он посмотрел на Киммуриэля и остальных, его лицо застыло с выражением сильнейшего ужаса, который они когда — либо

видели, когда теневая материя вытянула его жизненные силы и его пустая оболочка замертво упала на землю.

Никто не подошел помочь ему или хотя бы посмотреть.

— Мы не можем закрыть ее, — объявил Киммуриэль. — Здесь мы закончили.

Быстрым шагом он повел их оттуда, а Вэйлас по пути отзывал обратно своих разведчиков.

Как только он решил, что они достаточно далеко, чтобы простирающиеся поля щелей не пересекались, Киммуриэль открыл собственный пространственный портал.

— Обратно в Лускан? — спросил Мэриг, когда следующий слабейший дроу был выдвинут вперед, чтобы убедиться в работоспособности врат.

— Пока что да, — ответил Киммуриэль, который подумал, что возможно их путь уведет их дальше Лускана, что все они вернутся в Подземье и Мензоберранзан, где станут частью защиты, включающей в себя двадцать тысяч воинов, жриц и магов.

Молодой дроу шагнул в портал и подал знак с той стороны, из подземного жилища, построенного отрядом Киммуриэля под далеким портовым городом на Побережье Мечей.

Силы Бреган Д'эрт покинули баронство Импреск так же быстро и тихо, как и пришли.

Глаза беженцев тоже стало жечь, когда они вышли на поверхность после нескольких долгих и голодных дней блуждания и сражений в темных туннелях. Щурясь от восходящего солнца, отражающегося в озере Импреск, Айвен вел группу к краю пещеры в конце небольшой бухты.

Остальные толпились позади него, страстно желая ощутить солнечный свет на своих лицах и выйти, наконец, из — под тонн скал и земли. Все они получали огромное наслаждение в безмолвии утра, где нет никаких звуков, кроме пения птиц и плеска волн о скалы.

Айвен быстро вывел их на открытый воздух. Снова они наткнулись на убитых темнокрылов, ночных странников и червей. Уверенные, что туннели кишели темными эльфами, Айвен и остальные были очень рады находиться подальше от них.

Выход из бухты занял больше времени, чем все ожидали. Они не осмелились рискнуть и выйти рядом с глубокой водой, увидев достаточно рыбы — нежити. Подъем по крутому склону, хоть и уменьшенному для них при помощи магии Пайкела, был непростой задачей и для изнуренных людей, и для коротконогих дварфов. Сделав несколько неудачных попыток, они, в итоге пересекли бухту и взобрались на более низкий северный холм. Солнце было высоко на востоке, когда они, наконец, обошли вокруг и вышли к виду на Кэррадун.

Долгое время они стояли на высоком утесе, глядя на руины, не произнося ни слова, не издавая ни звука, кроме редкого всхлипывания.

— У нас нет причин идти туда, — сказал Айвен после продолжительного молчания.

— Но у нас есть друзья ... — протестовал мужчина.

— Ничто не выжило там, — оборвал Айвен. — Ничего, что ты хотел бы увидеть, во всяком случае.

— Наши дома! — запричитала женщина.

— Разрушены, — ответил Айвен.

— Тогда что нам делать? — закричал на него первый мужчина.

— Идите на дорогу и уходите отсюда, — сказал Айвен. — А мы с братом пойдем в храм Парящего Духа ...

— Мой братун! — одобрительно воскликнул Пайкел и взмахнул своей дубинкой.

— Вместе с детьми Кэддерли, — договорил Айвен.

— Но Шалэйн находится недалеко вниз по безопасной дороге, — попытался убедить его мужчина.

— Вот и идите туда, — ответил ему Айвен. — И удачи вам.

Все было достаточно просто для дварфа, и он пошел на запад по дороге, огибающей разрушенный Кэррадун, возвращаясь на тропу, ведущую в горы, назад в храм Парящего Духа.

— Что произошло с миром, дядя Айвен? — Прошептала Ханалейса.

— Если бы я знал, девочка. Если бы я знал.

Глава двадцать седьмая

Ясность за гранью

Кэддерли постукивал пальцем по своим губам, изучая разыгрывающуюся перед ним сцену. Он верил, что женщина сейчас разговаривала с Гвенвивар, и чувствовал себя неловко, словно он наблюдал за воспроизведением одного из личных жизненных моментов.

«Она такая милая и симпатичная, не правда ли?» — сказала Кэтти-бри, глядя рукой по воздуху, будто ласкала большую пантеру, крутящуюся у неё под ногами. — «Вся в кружевах и таком пышном убранстве, высокая и стройная, и ни одного глупого слова не сорвётся с её накрашенных губ, нет, нет».

Кэддерли чувствовал, что она была там, но, в то же время, и нет. Движения женщины были слишком детальными и сложными, чтобы быть просто отголосками памяти. Нет, она переживала те моменты в точности так, как они уже происходили раньше. Разум Кэтти-бри был в прошлом, тогда как тело было в ловушке времени и пространства.

Со всем своим уникальным опытом, связанным с физическим старением и возвращением в прежнее состояние, Кэддерли всё же был в тупике от внезапного приступа безумия женщины. Было ли это настоящим безумием, думал он, или, возможно, она и вправду оказалась в ловушке неизвестных скоплений разрозненных пузырей в безбрежном океане времени? Кэддерли часто размышлял о прошлом, как и часто задумывался о том, что каждый проходящий миг мог быть кратким отображением бесконечной игры, либо же прошлое навсегда оставалось позади сразу после наступления следующего мгновения.

Когда он наблюдал за Кэтти-бри, ему казалось, что прошлое уже не было столь уж невозвратным, как того требовала логика.

Существовала ли возможность путешествий во времени? Существовала ли возможность предвидеть непредвиденные предпосылки бедствия?

«Как по — твоему, Гвен, она симпатичная?» спросила Кэтти-бри, вырывая жреца из размышлений.

Дверь позади Кэддерли открылась, и он увидел входящего в комнату Дриззта. Дроу вздрогнул, когда понял, что Кэтти-бри вошла в одно из своих состояний. Прикладывая палец к губам, Кэддерли попросил его соблюдать тишину, и Дриззт, с обеденным подносом в руках, предназначенным для женщины, встал, не издавая ни звука и вглядываясь в свою любимую жену.

«Дриззт находит её вполне симпатичной», — продолжила, Кэтти-бри, по — прежнему не обращая на них внимания. «Он ходит в Серебристую Луну, как только выпадает случай, и по большей части потому, что он считает её симпатичной». Женщина сделала паузу и подняла взгляд — но, конечно, не на Кэддерли с Дриззтом — и улыбнулась со сладостной горечью. «Надеюсь, он найдёт свою любовь, очень надеюсь», — обратилась она к пантере, которую, стоящие рядом, не могли видеть. «Но только не с ней и не с кем — либо из её окружения, потому что тогда он покинет нас. Я желаю ему счастья, но с подобным я бы не смогла смириться».

Кэддерли вопросительно посмотрел на Дриззта.

— Тогда мы в первый раз отбили Мифрил Халл, — сказал он.

— Что-то насчёт тебя и Леди Аластриэль? — спросил Кэддерли.

— Мы просто друзья, — ответил Дризт, не отрывая глаз от своей жены. — Она позволила мне ходить в Серебристую Луну, и я знал, что там смогу добиться больших успехов, чтобы быть принятым на Поверхности. Он подошёл к Кэтти-бри.

— Как долго?

— Она совсем недавно находится в том другом месте.

— Там, где она настоящая — моя Кэтти, — горестно проговорил Дризт. — Где — то там, в глубине своего разума, она осознаёт себя.

Женщина вдруг затряслась: её руки конвульсивно задёргались, голова запрокинулась назад, а глаза закатились, показывая белки. Фиолетовое сияние волшебного огня появлялось вокруг неё снова и снова, Кэтти-бри приподнялась в воздух с вытянутыми в стороны руками, её темно — рыжие волосы развевались по несуществующему ветру.

Дризт отложил поднос и надел глазную повязку. Он колебался лишь мгновение по настоящему Кэддерли, который приблизился к Кэтти-бри и даже рискнул прикоснуться к ней во время опасного перехода её состояний.

Кэддерли закрыл глаза и открыл свой разум для всех вероятностей в водовороте резких спазмов, мучающих женщину.

Его откинуло назад, а место жреца тут же занял Дризт. Крепко обнимая Кэтти-бри и осторожно опуская её на пол, он ослабил хватку. Умоляя хоть что —нибудь объяснить, дроу посмотрел на Кэддерли, но увидел, что жрец был ещё больше озадачен: широко раскрыв глаза, он всматривался в свою руку.

Дризт тоже посмотрел на ту кисть Кэддерли, которой жрец коснулся Кэтти-бри. Она просвечивала и мерцала голубым, но постепенно затвердевала и вновь приобретала цвет кожи.

— Что это было? — спросил дроу после того, как Кэтти-бри окончательно успокоилась.

— Я не знаю, — признался Кэддерли.

— Слова, которые я так часто слышу в последнее время.

— Согласен.

— Но выглядишь ты так, будто уверен, что мою жену уже не спасти, — сказал Дризт более резким тоном.

— Я не хочу создавать такого впечатления.

— Я вижу, как вы с Джарлаксом качаете головами, как только речь заходит о ней. Вы не верите, что мы можем вернуть её обратно, по крайней мере, не полностью. Ты потерял надежду, но потерял бы ты её, если в подобном состоянии сейчас здесь находилась бы леди Даника, а не Кэтти-бри?

— Друг мой, конечно же, ты не должен...

— Должен ли я тоже сдать? Ты этого ждёшь от меня?

— Ты здесь не один такой, кто всё ещё цепляется за отчаянную надежду, мой друг, — пробурчал Кэддерли.

При этом упоминании Дризт слегка успокоился.

— Даника найдёт их, — слова Дризта прозвучали очень неискренне. Он продолжил мягким голосом: — Я чувствую, будто земля уходит у меня из — под ног.

Кэддерли сочувственно кивнул.

— Следует ли мне сражаться с драколичем в надежде на то, что, в случае его смерти, я снова встречу со своей женой? — проговорил Дризт и вновь повысил голос. — Или же выплёскивать ярость на зверя, только потому, что больше никогда не встречу с ней?

— Ты спрашиваешь меня... все эти вопросы... — Кэддерли сделал тяжёлый вздох и беспомощно вскинул руки. — Я не знаю, Дризт До'Урден. В случае с Кэтти-бри ни в чём нельзя быть уверенным.

— Мы знаем, что она безумна.

Кэддерли было начал отвечать:

— Разве? — но сдержался, не желая вовлекать Дризта в свои недавние размышления.

Была ли Кэтти-бри и вправду безумной? Быть может, в той, другой реальности она

реагировала на всё вполне рационально? Проживала ли она свою жизнь заново в той непоследовательной очерёдности, или же действительно возвращалась к временно — пространственным пузырям, принимая все те моменты за реальность?

Жрец покачал головой, поскольку у него не было времени строить предположения по подобному принципу, потому что все учёные и мудрецы, великие волшебники и жрецы, когда — либо собиравшиеся в храме Парящего Духа, полностью опровергли возможность свободных путешествий во времени.

— Но, ведь безумие, может оказаться временным явлением, — заметил Дризт. — Но всё же вы с Джарлаксом считаете, что она потеряна навсегда. Почему?

— Когда безумие мучает человека слишком долго, разум может быть повреждён навсегда, — ответил Кэддерли суровым голосом, давая понять, что это будет практически неизбежным исходом, а не отдалённой возможностью.

— А безумие твоей жены, несомненно, промучило её довольно основательно. Боюсь, что — и Джарлаксл думает также — если чары, наложенные на неё, каким — либо образом исчезнут, то останется ужасный шрам.

— Ты боишься, но не знаешь точно.

Признавая это, Кэддерли кивнул.

— Я уже был свидетелем чудес до этого, друг мой. В этом самом месте. Не сдавайся и не теряй надежду.

Это было всё, чем он мог поделиться, и, в конце концов — всё, что ожидал услышать от него Дризт.

— Как думаешь, остались ли у богов чудеса? — тихим голосом спросил тёмный эльф.

Кэддерли усмехнулся и пожал плечами.

— Я схватил солнце и притянул его к себе, — напомнил он дроу. — Не знаю, как я это сделал, и не задумывался над этим. Я схватил облако и сделал из него колесницу. Не знаю, как, и не задумывался. Мой голос был подобен грому... это правда, друг мой; и интересно, зачем кому — либо нужно спрашивать у меня обо всём этом. И ещё более интересно, почему они должны верить любому из моих ответов.

Дризт не мог не улыбнуться на это и одобрительно кивнул. Он посмотрел на Кэтти-бри и потянулся, чтобы нежно погладить её густые волосы.

— Я не могу потерять её.

— Так давай же уничтожим нашего врага, — предложил Кэддерли. — Потом мы обратим всё своё внимание, все свои мысли и магию на Кэтти-бри, чтобы найти её в той ...ясности за гранью... и вернём её чувства в это время и в это пространство.

— Гвенвивар, — сказал Дризт, и Кэддерли удивлённо моргнул.

— Она ласкала кошку, да.

— Нет, я думаю о нашей следующей битве, — объяснил Дризт. — Когда Король Призраков начал исчезать с поля сражения, Гвенвивар сбежала ещё быстрее. Она никогда не бежит от сражения. Ни от опасного элемента, ни от чудовищного демона, и не от дракона, либо драколича. Но, прижав уши, она на полной скорости убежала в лес за деревья.

— Возможно, она преследовала одного из монстров.

— Она убегала. Вспомни рассказ Джарлаксла о его встрече с призраком, который, как он верил, был личем из хрустального Осколка.

— Гвенвивар не из этого уровня, и она боялась создать разрыв, когда Король Призраков открыл пространственный портал, — аргументировал Кэддерли.

— Место, в котором Гвенвивар, возможно, сможет ориентироваться, — ответил Дризт. — Возможно, там смогу ориентироваться и я вместе с ней, чтобы попасть в то другое место.

Кэддерли не мог сдержаться, чтобы не улыбнуться на это умозаключение, и Дризт вопросительно посмотрел на него.

— Существует старинная поговорка, что великие умы следуют разными путями для достижения одной и той же цели, — сказал жрец.

— Гвен? — с надеждой спросил Дризт, похлопывая по своей поясной сумке. Но Кэддерли покачал головой.

— Пантера из астрального Плана, — объяснил жрец. — По своему собственному желанию она не сможет попасть туда, где обитает Король Призраков, пока кто — нибудь на том плане не приобретёт похожую статуэтку и не вызовет пантеру.

— Она бежала с поля боя.

— Потому что она боялась разлома, огромной дыры, которая могла бы поглотить всё, находящееся между ней и Королём Призраков, если бы их опасные способности столкнулись вместе. Возможно, этот разлом послал бы нашего врага на астральный или любой другой План, но существо, вероятно, довольно надёжно закреплено и здесь и на плане царства Теней, и поэтому могло бы вернуться. — Он всё ещё качал головой. — На этот вариант я не слишком надеюсь, и, боюсь, грядёт ещё худшее бедствие.

— Худшее? — сказал Дризт и приглушённо засмеялся. — Худшее?

— Разве мы находимся в таком положении, когда вслепую приходится предпринимать самые отчаянные меры, на которые только мы способны? — спросил Кэддерли.

— А разве нет?

Жрец снова пожал плечами.

— Я не знаю, — признал он, снова останавливая свой взгляд на Кэтти-бри. — Возможно, мы найдём другой путь.

— Возможно, Денеир явит нам своё чудо?

— Будем на это надеяться.

— Ты имеешь в виду молиться.

— И это тоже.

Он поднёс ложку к её губам, и она не сопротивлялась, методично принимая еду. Дризт опустил салфетку в чашу с тёплой водой, затем стёр с губ женщины частицу картофеля.

Но она не заметила этого, как и не ощутила вкуса еды, которую он приготовил. Каждый раз, когда он подносил ложку ко рту Кэтти-бри, она не выказывала никакого выражения, и всё это причиняло Дризту боль и напоминало о тщетности всего предприятия. Он приправил картофель так, как любила его жена, но он понимал, что мог бы не добавлять корицу с мёдом, а использовать вместо этого горькие специи. Для Кэтти-бри это не имело бы никакого значения.

— Я всё ещё помню тот миг на пирамиде Кельвина, — сказал он ей. — Когда ты вновь прожила его перед моими глазами, всё вернулось ко мне с такой ясностью, и я вспомнил твои слова прежде, чем ты их проговорила. Я помню, как ты укладывала свои волосы, ту чёлку с неравной длинной поперёк. Никогда не доверяй дварфу с ножницами, верно?

Он слегка усмехнулся, но Кэтти-бри, казалось, не услышала этого.

— Конечно, я ещё не любил тебя тогда. Не так, как сейчас. Но тот миг остался для меня особенным и таким важным. Твой взгляд, любовь моя — то, как ты смотрела мне в душу, а не на кожу. Я знал, что я был дома, когда нашёл тебя на пирамиде Кельвина. Наконец — то, я был дома.

— И хотя, в течение многих лет, я даже и не думал, что что-то может быть между нами — и до того момента в Калимпорте — ты всегда была для меня особенной. Особенной до сих пор и являешься, и мне нужно, чтобы ты вернулась ко мне, Кэтти. И ничто больше не имеет значения. Мир — ещё более тёмное место. Вкупе с Королём Призраков, с разрушающимся Плетением и другими бедами, вызванными этой катастрофой, я знаю, что предо мной и народами мира будет ещё много тяжёлых испытаний. Но я верю, что смогу выстоять, и вместе мы найдём путь. Мы всегда его находим!

— Но только, если ты вернёшься ко мне. Чтобы сокрушить могущественного врага,

воин должен хотеть сокрушить его. Но в чём же смысл, любовь моя, если я снова буду один?

Он выдохнул и присел, глядя на неё, но женщина не моргала и нисколько не реагировала. Она не услышала его. Он мог по — разному обманывать себя ради своего здравомыслия, но в сердце Дризт знал, что Кэтти-бри, воспринимающая всё сказанное, отсутствовала под своей оболочкой.

Дризт вытер слезу со своих глаз цвета лаванды, и, как только влага исчезла, появилось то самое выражение лица, которое однажды потрясло и воодушевило Бруенора — обещание Охотника, решительность и вскипающая ярость.

Дризт наклонился вперёд и поцеловал Кэтти-бри в лоб, твердя себе, что всё это было виной Короля Призраков, что драколич являлся источником всех бед, которые теперь обрушились на мир — но не было результатом какой — то большей катастрофы.

Больше никаких слёз. Дризт До'Урден был готов уничтожить зверя.

Глава двадцать восьмая

Во власти ненависти

Они знали, что их враг вернётся, как и знали, где дадут ему бой, но, когда всё произошло, Тибблдорф Пвент и крепкий Атрогейт скорее широко раскрыли рты, нежели что — либо выкрикнули.

Король Призраков вернулся в материальный мир Абер — Торила точно в том же месте, где исчез в прошлый раз, появляясь краткими прозрачными сине — белыми вспышками света. Вскоре он полностью материализовался во внутреннем дворе храма, и, когда Пвент с Атрогейтом стали выкрикивать предостережения, которые эхом разнеслись по пустынным коридорам, огромный зверь, взмахнув крыльями, воспарил в воздух, поднимаясь высоко в ночное небо.

— Он сверху! Он сверху, мой король! — подпрыгивая на месте и тыча пальцем в небо, закричал Пвент. Бруенор, Дризт и остальные прибежали в комнату, из которой можно было попасть на балкон, на котором двое дварфов стояли в дозоре.

— Драколич появился на том же самом месте? — спросил Кэддерли, ясно расценивая всю важность этого факта.

— Точно так, как ты и предполагал, — ответил Атрогейт. — Сначала сверкал, потом прыгнул и унёсся прочь.

— Сверху, мой король! — вновь закричал Пвент.

Дризт, Кэддерли, Бруенор и Джарлаксл обменялись решительными кивками.

— В этот раз он от нас не удерёт, — сказал Бруенор.

После этой фразы глаза присутствующих устремились на Кэддерли, и жрец уверенно кивнул.

— Всем внутрь, — скомандовал Кэддерли. — Со всем своим неистовством, изрыгая пламя, зверь вернётся. храм Парящего Духа защитит нас.

Даника сделала глубокий вздох и опёрлась о ствол ближайшего дерева, чтобы придать себе устойчивости, когда услышала ужасный потусторонний крик летящего драколича. Она не могла не оглянуться в сторону храма Парящего Духа, находящегося в милях от неё, и была вынуждена напомнить себе, что Кэддерли окружали могущественные союзники, и что Денеир, или какая — то другая божественная сущность чудесным образом слышала призывы жреца.

— Они победят, — тихо, очень тихо сказала Даника, так как знала, что лес вокруг

кишел монстрами. Она уже видела группы этих тварей, скребущими по дороге, и ощущала громоподобные шаги какого — то гигантского чёрного, неизвестного ей до этого, чудовища.

Она была на полпути до Кэррадуна и страстно желала уже быть там, но передвигаться приходилось медленно и осторожно. Даника желала битвы, но это могло сулить ей большие неприятности. Она сконцентрировалась на Кэррадуне и только на Кэррадуне, чтобы найти своих детей, пока Кэддерли и другие имели дело с королём призраков в храме Парящего Духа.

Таков был план — они знали, что не мёртвый дракон вернётся — и Даннике приходилось бороться против любого, даже секундного сомнения. Она должна была довериться Кэддерли и уже не могла повернуть назад.

— Мои дети, — прошептала она. — Тэмберли, Рори и Хана, моя Хана... Я найду тебя.

За её спиной высоко в небе, подобно вспышке молнии и рёву грома, крик короля призраков расколол ночь на части.

Даника проигнорировала его и сконцентрировалась на стоящих впереди деревьях, выискивая безопасный и быстрый путь через кишаший монстрами лес.

— Убей его, Кэддерли, — на одном дыхании снова и снова повторяла она.

Без предостерегающих вмешательств Яраскрика Король Призраков получал удовольствие от мысли, что его уязвимая мишень находится прямо под ним, и что достаточно скоро он уничтожит храм Парящего Духа и всех глупцов, что ещё оставались внутри.

Сладостный вкус приближающейся мести наполнил мёртвую глотку Гефестуса; дракон ничего так не хотел, как нырнуть вниз по направлению к зданию и сжечь его дотла. Но, к удивлению обеих сущностей, составлявших естество Короля Призраков, всё безрассудство резко умерилось воспоминанием о боли недавнего поражения. Драколич всё ещё ощущал на себе ослепляющие уколы огня Кэддерли и тяжесть ударов скимитаров Дриззта. И, хотя он был уверен, что его вторая атака будет проходить по — другому, Король Призраков не хотел предпринимать необдуманных поступков.

И оттуда, сверху, из — за облаков, зверь ещё раз воззвал к своим подчинённым, взрыхляющим когтями землю, вызывая их из леса, окружающего храм Парящего Духа.

— Они не убьют Кэддерли, — сказал зверь в потоках ветра. — Но они обнаружат его!

Король Призраков сложил свои крылья и сделал нырок, затем, широко расправив их, поймал импульс и поток ветра, и по спирали начал кружить над зданием, сверля магическим зрением местность под собой.

Лес уже находился в движении: он кишел ползучими тварями, ночными летающими существами и группами духов; был среди них и гигантский ночной скиталец. И всё это скопление направлялось к храму Парящего Духа.

Смех короля призраков пророкотал подобно отдалённому грому.

Они услышали звон разбивающегося стекла — одного из немногих стёкол, которые ещё оставались невредимыми после прошлой атаки — но в этот раз здание не задрожало.

— О, боги, — проговорил Кэддерли.

— Проклятые твари! — согласился Бруенор.

Они стояли в широчайшем аудиторном зале на первом этаже здания — в помещении без окон, из которого вели несколько коридоров. Пвент и Атрогейт стояли у перил на северном балконе у перевязанных брёвен, некоторые из которых выдавались на двадцать

пять футов над остальными. Бруенор, Кэддерли и другие стояли на возвышении, где жрец обычно выступал перед аудиторией; напротив же находились двойные двери и главный коридор за ними, ведущий в фойе храма. Дризт стоял в проходе маленького укромного вестибюля, где лежала Кэтти-бри.

Он согнулся, чтобы тщательнее подоткнуть одеяло вокруг своей жены, а затем прошептал:

— Он не доберётся до тебя. Клянусь жизнью, любимая, я убью этого зверя. Я найду путь к тебе или верну тебя обратно к нам.

Кэтти-бри не отозвалась, она просто лежала и смотрела куда — то вдаль.

Дризт наклонился и поцеловал её в щёку. «Обещаю», — прошептал он. — «Я люблю тебя».

Неподалёку он услышал звук раскалывающейся древесины. Дроу выпрямился и вышел из маленького вестибюля, охраняя дверь, ведущую в него.

Кэддерли вздрогнул, когда почувствовал, как грязные твари вползают в храм Парящего Духа через разбитые окна.

— Очистить пространство? — крикнул Атрогейт.

— Нет, держите свои позиции! — распорядился Кэддерли, и даже пока он говорил, в ближайшую к балкону с дварфами дверь уже ломились. Кэддерли упал духом; он попытался слиться с магией, что укрепляла храм Парящего Духа, умоляя храм и взывая к Денеиру, чтобы выстоять.

— Ну, давай же, — прошептал Кэддерли, обращаясь к королю призраков. — Покажись.

— Он учится на своих ошибках, — заметил Джарлаксл присоединившемуся к ним Дризту. — Он посылает пушечное мясо и больше не попадётся в ловушку, как попался раньше.

Кэддерли окинул Дризта и Бруенора полным тревоги взглядом.

— Я приведу его сюда, — пообещал Дризт и устремился через комнату к двойным дверям, оставляя троих защитников позади.

Но Кэддерли успел схватить его за руку, прежде чем тот покинул комнату. Когда Дризт обернулся, жрец уже крепко держал его правую кисть, в которой находилась Ледяная Смерть, затем взялся за рукоять Мерцающего другой рукой. Кэддерли закрыл глаза и затянул напев. Дризт снова ощутил, как мощь начала вливаться в оба клинка.

— Бруенор, дверь, — сказал Джарлаксл, извлекая пару чёрных металлических палочек. — И уклоняйся почаще.

Джарлаксл кивнул Дризту, а затем и Бруенору, ринувшемуся к двойным дверям.

За ними коридор, ведущий в фойе, кишел ползучими тварями и крылатыми созданиями, которые кружились поверх голов.

Молния вырвалась из палочки Джарлаксла и осветила тьму. Почти сразу ударила вторая палочка, затем наступила очередь первой и снова второй. Плоть превращалась в пепел, летучие мыши падали вниз, ужасный запах наполнил святое помещение.

Последовала пятая вспышка, за ней сразу шестая. В свалке монстры спешили убраться из коридора, либо плавившись на месте. Стены храма Парящего Духа сотряс седьмой выстрел.

— Пошёл! — скомандовал Джарлаксл Дризту и снова высвободил поток испепеляющей энергии.

Сразу же за вспышками следовал Дризт До'Урден. Он бежал и подпрыгивал, кружась, наносил резкие удары, предаваясь радости боя. И каждый удар был спланирован и идеально рассчитан, расчищая Дризту путь и продвигая его вперёд. Летучая тварь нырнула сверху, или же просто упала на него — существо было сильно ранено от многочисленных ударов молнии.

Дризт ударил её слева, и, наделённый божественной энергией скимитар, отбросил гигантскую летучую мышь в сторону, разрезая своим лезвием плоть врага с поразительной лёгкостью.

Дроу запрыгнул на головы двух трясущихся и умирающих существ, перепрыгнул на

голову третьего, сбивая его в сторону; затем повернулся и разрезал следующую тварь пополам. Вскоре эльф достиг дверей, ведущих в фойе, которые свободно свисали на петлях после восьми ударов молний.

— Джарлаксл! — крикнул Дризт, затем скользящим движением приблизился к дверям, открывая их ударом и открывая взгляду, набитое врагами фойе.

Одна, затем вторая молния промелькнула над головой пригнувшегося дроу, взрывая, сжигая, ослепляя и раскидывая тварей. И вот Дризт был уже позади них, громя врагов своими могучими скимитарами.

Эльф вышел за дверь и оказался во внутреннем дворе.

— Эй, дракон, дерись со мной! — закричал он. Глупое летучее существо напало на него сверху и было встречено сверкнувшим скимитаром, пронзившим плоть и кость, высвобождая паутину обжигающего божественного света в тело создания тьмы. Тварь, похожая на летучую мышь, дёргаясь, полетела назад и вверх; оно уже была мертва задолго до того, когда упала на землю.

На секунду всё вокруг стен здания и у разбитых окон храма Парящего Духа будто остановилось. Несомненно, Дризт привлёк к себе внимание: монстры собирались в кучи перед ним; они прыгали со стен самого храма и с деревьев, окружающих здание.

Злобная ухмылка искривила лицо тёмного эльфа.

— Подходите же, — прошептал он и мысленно кивнул Кэтти-бри.

— Мы должны пойти к нему! — вскрикнул Бруенор. Вместе с Кэддерли и Джарлаксом он вышел из большого зала и подкрался ближе к фойе, чтобы увидеть территорию внутреннего двора.

— Держись, дварф, — ответил Джарлаксл. Говоря это, он смотрел на Кэддерли, убеждаясь, что тот был столь же уверен в Дризте, как и сам наёмник.

Бруенор начал было отвечать, но тут же осёкся, глядя, как первая волна монстров окружила Дризта.

Странник — дроу взорвался движением, прыгая и крутясь, шагая по головам и спинам монстров, рубя с разрушительной скоростью и точностью. Один за другим враги превращались в груды дрожащей плоти, или же отлетали назад от ударов, наделённых божественной силой клинков. Дризт запрыгнул на спину одного и молниеносно побежал по спинам других монстров, совершая колющие удары, затем отпрыгнул в сторону и смертельным ударом слева, настиг следующую тварь. Дроу продолжил вращение, потом бросился мимо первого умирающего врага и вонзился в четвёртого, резко ударил пятого и в прыжке через голову Мерцающим нанёс смертельную рану шестому; затем вскинул лезвие ещё выше, чтобы тем же самым движением распороть напавшую на него летучую мышь.

— Ты знал его долгие годы... — сказал Джарлаксл Бруенору.

— Но никогда не видел подобного, — признался ошеломлённый дварф.

Кружась подобно вихрю, Дризт исчез из их вида, заходя за угол возле открытых двойных дверей. Но вырывающиеся звуки и крики давали друзьям знать, что неистовая атака нисколько не замедлилась. Дроу вновь появился в поле зрения, устремляясь в противоположное направление, с каждым шагом, каждым колющим и вертящимся движением оставляя за собой широкую просеку. Ползучие твари отлетали и гибли, летучие мыши падали на землю уже мёртвыми, но божественный свет скимитаров Дризта не убывал, и казалось, даже вспыхивал ещё ярче, наполняясь гневом.

Грохот, доносящийся из комнаты позади, заставил всех троих развернуться, и они увидели чудище, трясущееся в смертельной агонии на полу. Тут же сверху упало второе, сопровождаемое ликующим гоготом Тибблдорфа Пвента.

— Верьте в Дризта! — скомандовал Кэддерли и направился обратно в аудиторный зал,

в место, которое они выбрали полем для битвы.

Абсолютно обезумев, Тибблдорф Пвент защищал брешь в сломанном дверном проёме. Молотя и размахивая кулаками, с каждой пролитой каплей крови, окропляющей его остроконечные доспехи, с каждым прокалыванием врага шипастым коленом или рукавицами, дварф смеялся всё сильнее.

— А ну прочь с дороги! — закричал на него Атрогейт — в равной степени сильный дварф, алчущий ударить кого —нибудь.

— Буа — ха — ха! — ответил Тибблдорф Пвент, идеально имитируя характерный клич Атрогейта.

— Ха! — вырвалось у Атрогейта, остановившегося на мгновение. Но только на краткое мгновение, поскольку сразу после этого раздалось его собственное «Буа — ха — ха!»

Тибблдорф Пвент нырнул в сторону, и тут же два существа побежали на балкон, чтобы преградить путь Атрогейту, который сразу же похоронил их под шквалом ударов своих кистеней, издавая очередной искренний взрыв смеха.

Пвент, тем временем, направился прямо к выходу из коридора, избивая стоящих на пути существ. Боковым левым ударом он врезался в одного из них, затем ловко и быстро провернул шипастой перчаткой и сбросил бьющуюся тварь с балкона. Потом дварф отступил, впуская всё больше существ в комнату, где плечом к плечу с Атрогейтом они уничтожили их всех.

Он не сбавлял шаг и не уставал. Картина его раненой жены слишком отчётливо стояла перед глазами и гнала вперёд; и, поскольку он не чувствовал изнурения, то начал думать, не придавала ли та энергия, которой Кэддерли наделил его оружие, ещё и силу и выносливость.

Это была мимолётная мысль, поскольку существующее затруднительное положение вытесняло всё, кроме самых глубоких инстинктов воина. Дризт не давал себе времени на размышления, потому что с каждым разворотом он встречался лицом к лицу с противником, а каждый прыжок превращался в серию поворотов и уклонений, чтобы избежать скопления тянущихся к нему лап и загребущих когтей.

Но для Дризта До'Урдена не имело значения, как много их было. Он держался от них на расстоянии, а каждый из его неистовых и могучих клинков расчищал путь, какое бы направление их хозяин не выбрал. Вокруг него развернулась настоящая резня, а воздух наполнил туман, состоящий из крови монстров. При каждом шаге Дризт наступал на тело мёртвого врага.

— Дерись со мной, дракон! — воскликнул он с нотой насмешливого ликования. — Спускайся вниз, трус!

Между этими двумя предложениями ещё два противника успели пасть замертво, и даже бестолковые твари уже начинали отскакивать назад от сумасшедшего воина — дроу. Но битва продолжалась, и, вместо того, чтобы избегать тварей, Дризт осознал, что начал преследовать их. И всё это время он продолжал выкрикивать, вызывая короля призраков на бой.

И на вызов ответили, но это был не дракон, а другое существо — гигантский ночной скиталец, который вышел из леса и прогрохотал по направлению к танцующему эльфу.

Дризт уже сражался однажды с подобными громадинами и знал, насколько они опасны: их обманчиво тонкие конечности, туго переплетённые слоями мускулов, могли выпустить из него дух со скоростью мысли.

Дризт улыбнулся и атаковал.

Пока одни монстры шарахались от Дризта, другие спешили через открытые двойные двери храма Парящего Духа, и дальше вниз по коридору, направляясь к аудиторному залу. Несущаяся впереди тварь практически миновала дверь, но за проходом спиной к стене стоял Бруенор. Он идеально рассчитал время для удара своим могучим двуручным топором, погружая его в грудь существа и останавливая бег твари.

Дварф сделал рывок, посылая перекатывающегося врага в сторону, потом освободил свою левую руку и встряхнул ею, поправляя щит; затем бросился навстречу следующему существу, пробирающемуся в проход. Дварф откатился с нападающим в сторону, оставляя открытое пространство для Джарлаксла и его молний, которые одна за другой вспыхивали, направляясь в забитый монстрами коридор.

Позади, прямо напротив дверного проёма появился Кэддерли; он вскинул руки вверх и притянул магическую силу, высвобождая её через свои ступни, распространяя мощь и преобразуя её в светящийся круг, растянувшийся прямо под аркой. Жрец отступил, а упорные твари продолжили наступление, и как только они вступали в освящённую окружность Кэддерли, их поглощало разрушительное сияние. Существа кричали, корчились в смертной агонии и медленно сгорали, когда пытались продвинуться дальше.

Джарлаксл выпустил ещё несколько молний в коридор.

Сверху с балкона свалился очередной монстр, но, в общем, наверху, как и в зале для приёмов, бой быстро затихал.

— Идите сюда, маленькие зверятки! — крикнул Атрогейт в опустевший коридор.

— Ну, давай же, дракон, — в ответ проговорил Кэддерли. — Давай же, Дризт, — вынужден был добавить Бруенор.

Неимоверно быстрый и свирепый, чернокожий гигант сжал руку в кулак — менее искусный воин, чем Дризт был бы непременно сокрушен этим ударом. Но, используя всю свою скорость, увеличенную ножными браслетами, и острые рефлексy, дроу отступил влево, когда великан сделал замах. Чудовище предвидело этот манёвр, но Дризт быстро отпрыгнул назад и оказался вне досягаемости пролетающего сквозь воздух кулака.

Пробегая мимо гиганта, Дризт не замедлил шаг, а подпрыгнул и развернулся, и, следуя импульсу, ударил Ледяной Смертью. Он метил в коленную чашечку врага, чтобы использовать столкновение для разворота, чтобы потом забраться на чудовище сбоку, но, к своему удивлению, Дризт не ощутил удара.

Он приземлился с ощущением, что не задел абсолютно ничего твёрдого, и, не смотря на предыдущий опыт сражений с наделённым божественной силой оружием, Дризт почувствовал себя сбитым с толку, потому что был убеждён, что клинок прошёл прямо через ногу великана.

Импровизируя, он кувыркнулся по диагонали налево, затем подпрыгнул, провернулся и оказался как раз за спиной у гиганта. При следующем развороте Ледяная Смерть вошла в заднюю часть бедра чудовища. Существо взвыло и вынужденно приподнялось на кончиках пальцев, чтобы схватить свою вторую, уже отрубленную ногу.

Дризт убрал Ледяную Смерть, но только для того, чтобы извлечь Мерцающего, который одним взмахом тут же отсёк оставшуюся ногу гиганта.

Массивная тварь упала на землю, и крик её достиг ушей Короля Призраков быстрее, чем все вызовы Дризта.

Дризт не стал утруждаться и добивать гиганта — через некоторое время он и так истечет кровью и умрёт — и вместо этого приготовился бежать в сторону храма. Враги спасались бегством: летучие мыши упархивали во тьму, а ползучие твари взбирались друг на друга, лишь бы убраться прочь. Дроу настиг нескольких и убил каждую единственным разрушительным ударом, затем побежал кружным маршрутом к своему запланированному положению, чтобы продолжить расшвыривать полчища врагов.

Вопль, донёсшийся сверху, прорезал ночь — крик, настолько мощный и всеобъемлющий, что больно ударил по ушам. Дризт сделал сальто и приземлился на ноги, прочно закрепляясь в своей стойке, поворачиваясь к крику лицом. Сначала он увидел полные огня глаза драколича; подобно падающим звёздам они приближались к эльфу; потом заметил зелёное свечение Креншинибона — обновленный рог зверя.

— Давай же! — закричал Дризт и ударил скимитарами друг о друга, высекая искры.

Одним движением он вложил их в ножны и достал из — за плеча Тулмарил. Со злобной усмешкой дроу послал в полёт серебряную стрелу, затем следующую, затем линию из стрел, достигающую и жалящую планирующего зверя.

Глава двадцать девятая

Погоня до границы реальности

— Вон там! — вскрикнул Рори, указывая в небо поверх горных пиков. Они услышали пронзительный, предвещающий смерть рёв, затем устремили взоры в ту же сторону, куда смотрел Рори, и увидели скользящего по небесному своду короля призраков.

— Он летит к нашему дому, — сказала Ханалейса, и вся пятёрка перешла на бег. Но на каждом десятом шаге Айвен начал просить, чтобы его подождали. Наконец, все остальные, тяжело дыша, сбавили бег, чтобы отдышаться.

— Или мы все держимся вместе, или, без сомнения, умрём, — заворчал желтобородый дварф. — Я не поспеваю за тобой, девочка!

— А я не могу издали наблюдать, как нападают на мой дом, — возразила Ханалейса.

— Но ты не можешь попасть туда, — сказал Айвен. — На это понадобится половина дня или больше, даже если мы будем всё это время бежать. Ты хочешь бежать часами напролёт?

— Если я... — начала было Ханалейса, но замолчала, когда Пайкел внезапно зашипел. Все посмотрели на подпрыгивающего на месте зеленобородого дварфа, который указывал в сторону тёмного леса.

Мгновением позже компания услышала звуки перемещения большого количества существ, быстро передвигающихся через подлесок. Как один, группа приготовилась к атаке, но тут же осознала, что те существа, которые, по всей вероятности, были слугами короля призраков, направлялись не по души странников. Со всей своей скоростью, на которую только были способны, создания бежали на запад, в сторону горного склона, по направлению к храму Парящего Духа. Враги спешили на битву, разворачивающуюся в отдалении.

— Давайте — ка поторопимся, но никаких пробежек, — указал Айвен. — И держитесь все вместе!

Ханалейса возглавила шествие, переходя на быстрый шаг. Из — за интенсивных тренировок в скрытности, выдержке и изящной манере двигаться, она была абсолютно уверена, что могла бы преодолеть весь путь до дома бегом, как бы далеко он не находился, и даже в случае, если большую часть пути придётся преодолевать вверх по склону. Но девушка не могла оставить друзей, окружённых врагами, а особенно Рори с его раненой лодыжкой, причиняющей боль и неудобство при каждом шаге.

— Мать с отцом окружены сотней искусных магов и жрецов, — попробовал подбодрить её Тэмберли, и, как поняла из его тона Ханалейса, подбодрить и себя самого. —

Они справятся с этой опасностью.

Вскоре после этого, как они преодолели почти милю, группе пришлось немного замедлить шаг, как от изнеможения, так и от того, что лес вокруг буквально кишел тёмными созданиями. Не раз Ханалейса вскидывала руку, давая всем сигнал остановиться и припасть к земле, спрятавшись за стволом дерева или за кустом, и ожидать возможной битвы. Но каждый раз шумные твари пробегали мимо, порой даже очень близко, и, казалось, у них была только одна цель — цель, не имеющая ничего общего с маленькой группой беглецов из Кэррадуна.

Постепенно Ханалейса перестала останавливаться, даже если звуки передвигающихся врагов раздавались совсем неподалёку, а часть её, как пришлось признаться девушке самой себе, надеялась на то, что некоторые из тварей всё же выступят против них. Убей они хоть кого —нибудь в лесу — у ворот храма было бы уже одним нападающим меньше.

Но тут Ханалейса почувствовала нечто иного рода, какое — то движение, направленное в их сторону. Плавно девушка скрылась за широким деревом и подала сигнал остановиться. Затем задержала дыхание — что-то приблизилось очень близко и встало по другую сторону дерева. Ханалейса выпрыгнула из убежища одновременно со своим противником и обрушила на него серию ударов, достойную опытного воина.

Но каждый из ударов был отбит в сторону открытой ладонью. Ханалейсе понадобилась всего секунда, чтобы признать своё поражение, и мгновение, чтобы узнать своего противника — женщину, которая тренировала девушку всю жизнь.

— Мама! крикнула она, когда Даника подалась вперёд и схватила дочь, заключая в самые крепкие за всё время объятия.

Рори и Тэмберли эхом вторили Ханалейсе и вместе с Айвеном и Пайкелом подбежали, чтобы обнять Данику.

Слёзы глубокого облегчения и радости наполняли глаза Даники, когда она кидалась в объятия своих детей, а затем и Пайкела. Слёзы бежали ручьём, когда она в полном замешательстве посмотрела на Айвена.

— Я же видела, как ты погиб, — сказала она. — Я стояла на утёсе за пределами пещеры, когда драколич раздавил тебя.

— Ты имеешь в виду, раздавил тех, что гнались за мной, — поправил Айвен. — Глупое создание даже не знало, что стояло на тоннеле, слишком маленьком для дракона, но в самый раз для меня!

— Но... — начала Даника, а затем просто покачала головой и поцеловала Айвена в его волосатую щёку.

— Ты отыскал путь, — сказала она. — И мы отыщем.

— Где отец? — спросила Ханалейса.

— Он остался в храме Парящего Духа, — ответила Даника и нервно посмотрела в сторону гор, — Бьётся с Королём Призраков.

— Его окружает армия жрецов и боевых магов, — стоял на своём Рори, но Даника покачала головой.

— Только он и маленькая группа могущественных союзников, — поправила она и посмотрела на Айвена с Пайкелом. — Король Бруенор с одним из своих берсерков и Дризт До'Урден.

— Бруенор, — удивлённо проговорил Айвен. — Мой король пришёл к нам в час нужды.

— Дзиррит Дуддэн, — с характерным хихиканьем добавил Пайкел.

— Веди нас, миледи, — воззвал к Данике Айвен. — Вполне может быть, что к нашему приходу ещё останется кто —нибудь, кому можно треснуть!

Король Призраков не стал широко раскрывать крылья, когда приготовился к стремительному падению. Со сложенными крыльями, горящими глазами и широко раскрытой пастью, ракетой он полетел вниз. В самый последний момент, как раз перед столкновением, Король Призраков резко вскинул голову и раскрыл свои крылья, изменяя только угол приземления. Он врезался лапами в землю, оставляя в дёрне глубокую борозду, выкапывая при скольжении траншею и направляясь в сторону своей жертвы. И в случае, если бы этого не хватило, чтобы быстро покончить с глупцами, бросившими вызов богу, Король Призраков изрыгнул струю пламени. Огонь всё вырывался и вырывался, уничтожая всё на своём пути, достигая самого проёма, ведущего в храм Парящего Духа. Плоть мёртвых чудовищ пузырилась, лопалась и распадалась на части под натиском огня; трава обугливалась и сгорала на корню.

— Дризт! — закричали в один голос Бруенор, Кэддерли и Джарлаксл из глубины собора, полагая, что их друга, несомненно, поглотил огонь.

Огненный поток мог изливаться ещё долго, представляя собой непрерывное бедствие, но взмах скимитара, принадлежащего дроу, которого непременно должно было похоронить под собой пламя, тяжело обрушился на одну из сторон головы короля призраков.

Потрясённый и ошеломлённый тем, что Дризт оказался достаточно быстр, чтобы убраться с дороги, драколич попытался обратить весь свой гнев на эльфа.

Но последовал второй, усиленный магией, удар, такой силы, что голову зверя вновь отбросило в сторону.

Король Призраков вскочил на задние лапы, возвышаясь над дроу, даже когда стоял в борозде, глубиной больше, чем два человеческих роста; в борозде, сделанной при кометоподобном ударе.

Когда зверь набросился на дроу, обнажая свои, похожие на копыта зубы, и щёлкнул челюстью — Бруенор, стоящий в дверном проходе храма Парящего Духа, затаил дыхание, думая, что его друга только что полностью проглотили.

Но Дризт вновь напал на врага, и вновь дроу рисовал в своём воображении раненную жену, отчётливо фокусируясь на битве. Используя все свои отточенные рефлексy, он сделал кувырок вперёд под точно рассчитанным углом, чтобы оказаться в пределах досягаемости Короля Призраков. Вскочив на ноги, эльф сделал три молниеносных шага к задней правой ноге твари, куда глубоко и вонзил свои скимитары.

Но всё ещё ни магической мощи Кэддерли, ни ярости Дризта До'Урдена не хватало для того, чтобы расчленить это богоподобное существо, как это проделал эльф с ночным скитальцем. И, несмотря на весь свой гнев, ярость и концентрацию, от Дризта не ускользала одна простая истина: ему не победить Короля Призраков в одиночку.

Но, даже не смотря на то, что его сильно теснили, он продолжал бой, используя всю свою скорость. Дракон вновь попытался схватить его своими смертоносными когтями, но дроу снова сделал обманное движение и что есть духу побежал к храму Парящего Духа. Инстинктивно он резко свернул в сторону и сделал кувырок, чувствуя спиной убийственное пламя выдыхающего драколича.

Когда огненный поток закончился, Дризт двинулся в другую сторону, перебегая почерневшую полосу перед клацающей мордой преследующего монстра.

Тёмный эльф влетел в проход с двойными дверями как раз перед уже настигнувшим его Королём Призраков, а затем крикнул Кэддерли, так как поворачивать было больше некуда.

Как и следовало ожидать, огонь, выпущенный зверем, ворвался внутрь помещения, быстро настигая Дризта со спины, охватывая спереди, и заполняя собой весь проход.

Кэддерли застонал от боли, когда бушующее пламя начало терзать храм Парящего Духа, так как магия этого места поддерживала как жреца, так и его творение. Он держал свои светящиеся руки перед собой, направляя их в сторону коридора, к Дризту, молясь, что отреагировал достаточно быстро. И только когда, выходя из драконьего огня, Дризт пробрался в комнату, Кэддерли позволил себе облегченно вздохнуть. Но их облегчение

длилось всего пару секунд, так как вскоре всё огромное строение сильно содрогнулось.

Кэддерли упал и скорчился от боли. А вскоре всё повторилось, и ещё один удар сотряс храм. Даже магически укреплённые стены не могли выстоять перед яростью Короля Призраков, который насакивал на здание, круша его зубами и когтями, ломая стены на части. Драколич ворвался внутрь храма, расширяя себе проход, проходя сквозь потолок и стремясь попасть в зал.

Внутри четверо спутников подались назад, отступая шаг за шагом, стараясь сохранять спокойствие и уверенность. Все взглянули на Кэддерли, но пока не увидели знака к действию. С каждым ударом и разрушением какой — либо части храма Парящего Духа жрец вздрагивал и старел. Перед изумлёнными взглядами защитников каштановые волосы Кэддерли превращались в белоснежные, лицо покрывалось морщинами, а сам он сутулился. Передняя стена комнаты треснула, а затем разлетелась, когда монстр ворвался внутрь. Король Призраков поднял голову и издал оглушительный, полный абсолютной ненависти, вопль. Здание сотряслось, когда дракон тяжело шагнул в комнату, раз, а затем ещё раз, приближаясь на удобное расстояние для удара по своим жертвам.

— За моего короля! — заорал Тибблдорф Пвент, который сидел на вершине одного из связанных на балконе брёвен. Прямо перед ним на перилах стоял Атрогейт. Он разрезал верёвки, удерживающие первое бревно, и тут же оно полетело вниз.

Огромное копьё вонзилось в бок Короля Призраков, попав чуть ниже плеча, под крыло. Хоть ненамного, но существо отшатнулось в сторону от удара. Но для богоподобного драколича вес «копья» конечно же был несущественным.

Но затем Тибблдорф Пвент освободил второе бревно — то, на котором сидел сам.

— Уахуу! — вскрикнул он, пролетая мимо Атрогейта, который чётко рассчитал цель, поэтому траектория полёта получилась точно такой же, как и в первый раз.

Удар был усилен весом дварфа, и конец бревна, на котором он сидел, попал точно в конец первого, в полости которого находилось взрывчатое масло. Подобно гигантской версии арбалетных болтов Кэддерли, брёвна дварфов столкнулись друг с другом и взорвались подобно молнии. Первое бревно подбросило Короля Призраков в воздух и резко откинуло далеко в сторону, впечатывая его в противоположную стену. Заднее бревно разлетелось на щепки, а дварфа, сидящего сверху, швырнуло вперёд, и, молотя в воздухе руками и ногами, он полетел к стене следом за драколичем, затем схватился за него подобно живым клещам, когда на ошеломлённого Короля Призраков обрушился потолок. Подобно кусачей мошке на боку у лошади, Тибблдорф Пвент карабкался и бил врага. Зверь проигнорировал его, так как следующим атакующим был Дриззт, а следом Бруенор. Джарлаксл всё ещё стоя позади трясущегося Кэддерли, поднял свои палочки и выпустил залп.

В своей атаке Дриззт использовал жалящие стрелы Тулмарила, ослепляя зверя вспышками, чтобы у существа не было времени для действий. Когда дракон приблизился, Дриззт откинул лук в сторону и потянулся за клинками.

Он обнажил лишь Ледяную Смерть, и глаза его засверкали внезапным воодушевлением.

Жрец чувствовал, как трещат его кости, также, как трещали балки храма Парящего Духа. Спина болезненно изогнулась, а руки тряслись от попытки держаться впереди в воздухе.

Но Кэддерли знал, что момент истины был недалеко, момент Кэддерли, храма Парящего Духа и Денеира — каким — то образом он почувствовал, что это был последний штрих Огмы, последняя воля его бога.

Он нуждался в силе, и он получил её. И, как и в прошлой битве против Короля

Призраков, жрец приподнялся вверх и притянул к себе само солнце. Все его союзники обрели силу и получили исцеляющую энергию в таком количестве, что, спрыгнувший с балкона Атрогейт, едва ли успел застонать от вывернутых при падении лодыжек, которые тут же встали на место, прежде чем даже появилась боль.

А Король Призраков почувствовал ужасную жалищую боль от света Кэддерли, и жрец продолжал. Драколич наполнил комнату огнём, но защитное заклинание Кэддерли крепко его удерживало. И всё же, не смотря на боль, атака дракона не прекратилась.

Монстр сфокусировал внимание на Дриззте, намереваясь, наконец, покончить с этим жалким воином, но драколич был не столь быстр, чтобы схватить танцующего эльфа; поэтому, когда дракон попытался зажать Дриззта в угол у разрушенной стены, то сам же в результате там и оказался.

Эльф прыгнул вперёд и свободной рукой схватился за ребро твари, которое торчало из отверстия, проделанного дварфскими брёвнами. И, прежде чем кто — либо, включая и самого Короля Призраков, успел осознать неожиданный манёвр дроу — Дриззт протолкнул себя прямо внутрь твари, в его разорванное лёгкое.

Монстр начал импульсивно содрогаться и метаться вне себя от причиняемой боли, когда дроу с обнажёнными клинками начал разрывать зверя изнутри. Движения драколича были настолько неистовыми, крики настолько страшными, а дыхание яростным, что все сражающиеся резко остановили бой и зажали уши руками; и даже Пвент свалился вниз.

Но внутри Дриззт продолжал выпускать всю свою ярость, а Кэддерли все ещё поддерживал вырывающийся ослепительный свет, поддерживая своих союзников и уничтожая врага.

Запинаясь и содрогаясь, Король Призраков отстранился от стены и топнул лапой об пол, ломая его и проваливаясь в катакомбы, располагающиеся снизу. Он кричал и выдыхал огонь, а ослабевшая магия храма Парящего Духа больше не могла удерживать этого пламени. Дым сгушался, делая ослепляющий свет Кэддерли тусклее, но, несколько не ослабляя эффект.

— Убей его, поторопись! — крикнул Джарлаксл в то время, когда зверь содрогался в агонии. Бруенор поднял свой топор и атаковал; Атрогейт раскрутил моргенштерны, а Тибблдорф Пвент запрыгнул на лапу существа и начал её молотить так, как это мог делать только берсерк.

Но тут появившееся синее свечение затмило собой желтоватый оттенок света Кэддерли, и три дварфа почувствовали, как их оружие проваливается в пустоту.

Дриззт выпал из ставшим иллюзорным туловища, мягко приземляясь на пол, но тут же поскользнулся на крови, которая покрывала его всего.

— Уфф! — выдохнул Пвент, падая вниз лицом.

— Он сбегает! — воскликнул Джарлаксл, и сразу же из маленькой комнаты позади него раздался крик Кэтти-бри. Король Призраков исчез в главном зале.

Не смотря на боль, причиняемую ему при каждом шаге, Кэддерли первым оказался у вестибюля. Он выдвинул засов и открыл дверь, доставая из — под белой рубахи красную подвеску, которую ему одолжил Джарлаксл.

Девушка перед жрецом тряслась всем телом и кричала. А позади него Дриззт вынул ониковую фигурку. Кэддерли посмотрел на него и покачал головой.

— Гвенвивар не сможет доставить тебя туда, — сказал жрец.

— Мы не можем себе позволить, чтобы он снова сбежал от нас, — ответил Дриззт. Он непреклонно приближался к Кэтти-бри, желая утешить её боль.

— Он и не сбежит, — пообещал Кэддерли, а затем глубоко вздохнул. — Скажи Данике, что я люблю её и пообещай, что отыщешь моих детей и защитишь их.

— Мы обещаем, — ответил Джарлаксл. Дриззт, Бруенор и Кэддерли в изумлении посмотрели на него. И если бы не чрезвычайная тяжесть ситуации, в которой сейчас все находились, то все трое прыснули бы от смеха.

И всё же, это был момент недолговременного облегчения. Кэддерли признательно

кивнул Джарлакслу и повернулся к Кэтти-бри, вытягивая над ней рубиновую подвеску. Свободной рукой он нежно дотронулся до её лица, затем приблизился к женщине очень близко, проникая в её мысли, глядя её глазами.

Двое дроу и три дварфа издали вздох удивления, когда Кэддерли начал мерцать тем же сине — белым светом, каким мерцал до этого Король Призраков. Вздох перерос в возглас изумления, когда жрец полностью растворился.

Кэтти-бри вновь закричала, но теперь это больше звучало как удивление, нежели страх.

Уверенно что-то бормоча, Дризт снова потянулся за Гвенвивар, но Джарлаксл схватил его запястье.

— Не делай этого, — сказал наёмник.

Звук чего — то рухнувшего отвлёл внимание, и, когда все повернулись, то увидели охваченную пламенем огромную опорную балку, которая диагонально стояла на балконе, упираясь в перекрытие между этажами.

— Всем на улицу, — крикнул Джарлаксл.

Дризт подошёл к Кэтти-бри и поднял её на руки.

Это был теневой образ мира, который он покинул: несуществующие и ненастоящие строения, земля притупленных красок, а часто и абсолютной тьмы, земля с множеством уродливых созданий и ужасающих монстров. Но в той завесе материи плана тени сиял одинокий источник, — это был свет Кэддерли, а перед ним виднелось скопление наиболее густой тьмы — тьмы Короля Призраков.

И там сражались двое, свет против тьмы, свечение последнего дара Денеира своему избранному против объединённых сил всего неестественного.

В течение очень долгого времени, свет жёг тень, но она отбрасывала от себя излучение. Ещё долго никто не мог взять верх друг над другом, и существа тёмного плана с трепетом наблюдали за происходящим.

Затем они отступили, потому что из — за неумолимо испускающегося света и тепла, исходящих от Кэддерли Бонадьюса, тень не могла расти. Обладая немалым умом и мудростью веков, Король Призраков осознавал правду.

Старый король был смещён, и теперь посреди тьмы стоял новый Король Призраков, но в этой финальной схватке Кэддерли не мог быть повержен.

С протестующим воплем драколич поднялся в воздух, снова пытаясь спастись бегством. Но Кэддерли тоже не остался на месте. Это было не его мир, и ему было всё равно, будет ли жить или умрёт злобное существо.

Но Кэддерли не мог позволить твари вернуться на родину жреца.

Он знал, на какую жертву ему предстояло пойти. Он знал, что не сможет пересечь мембрану между мирами, и что останется здесь, заключённым по чувству долга перед Денеиrom, перед тем, что было правильным, перед семьёй и друзьями.

С удовлетворённой улыбкой, полной уверенности в том, что отлично прожил жизнь, Кэддерли покинул мир тьмы и попал в место, которое было ему почти домом.

Глава тридцатая

О чем помнят боги

Она больше не лежала безвольно на руках у Дризта — казалось, будто теперь она наблюдала за повергающим в трепет зрелищем, и, судя по её вздрагиваниям и вздохам, тёмный эльф мог только догадываться о том, какую битву вёл Кэддерли с королём

призраков.

«Убей его», — Дризт поймал себя на том, что нашёптывает эту фразу, выбираясь из руин собора через двойные двери и попадая на широкое крыльцо.

Это была своего рода мольба Кэддерли о том, чтобы тот нашёл обратный путь для Кэтти-бри. «Убей его», — фраза содержала в себе всё: от реального и осязаемого драколича до того безумия, которое охватило мир и поймало в ловушку Кэтти-бри. Он верил, что это был его последний шанс. Если Кэддерли не сможет понять, как разрушить заклятие, наложенное на возлюбленную дроу, то она навсегда останется для него потерянной.

К всеобщему облегчению, не осталось ни одного монстра, который мог бы встать у них на пути во время ухода из здания. Внутренний двор был выстлан мёртвыми телами существ, убитых Дризтом, а потом и свирепой атакой Короля Призраков. Лужайку, когда — то такую безмятежную и красивую, теперь покрывали чёрные шрамы от драконьего огня, огромные, словно выгоревшие куски травы, омертвевшей от прикосновения драколича, и массивная борозда, оставшаяся после приземления зверя.

Джарлаксл и Бруенор возглавляли отход, и когда они обернулись и посмотрели на великий собор, на дело жизни Кэддерли Бонадьуса, то лучше поняли, почему атака так сильно сказалась на жреце. Из нескольких мест вырывалось пламя, и наиболее сильно полыхало в том крыле, которое они только что покинули. Это было место, где произошло первое огненное нападение, подавленное магией собора. Но теперь защита ослабла. Огонь не смог бы полностью поглотить это место, но урон был неизмеримым.

— Опустись, друг, — сказал Джарлаксл, беря Дризта за руку.

Дризт покачал головой и отстранился. В этот момент глаза Кэтти-бри открылись, всего на мгновение, и Дризт показалось, что он увидел в них некую ясность; он даже подумал, что она узнала его!

— Моя девочка! — вскрикнул Бруенор, очевидно тоже заметив это.

Но это было словно мимолётное виденье, если оно вообще что-то означало. Затем Кэтти-бри практически в тот же миг вновь погрузилась в летаргическое состояние, которое властвовало над ней с тех самых дней, когда разрушающееся Плетение ранило её.

Дризт несколько раз позвал её и нежно встряхнул в своих руках.

— Кэтти! Кэтти-бри! Очнись!

Но не получил ответа.

Когда же все снова поняли, в каком тяжелом она состоянии, вдруг вскрикнул Атрогейт, и все глаза устремились на него, а потом в сторону открытых врат собора.

Оттуда вышел Кэддерли. Но не из плоти и крови. Он был прозрачным, всего лишь призраком старого жреца, сгорбленного, но шагающего твёрдо и целеустремлённо. Он приблизился к ним и прошёл через них насквозь, и каждый из них вздрогнул, когда почувствовал на себе холод приближающегося и проходящего мимо призрака.

Они позвали его, но жрец не мог слышать ничего, будто бы никого не было рядом. И все его спутники также знали, что они не существовали в реальности Кэддерли.

Оставляя позади пляшущее оранжевое пламя, старый жрец неторопливо прошёл к линии деревьев, и все последовали за ним. Кэддерли начал шептать, низко пригибаясь и протягивая руку к земле. За его спиной вдоль травы мягко мерцала сине — белая полоса, и спутники поняли, что полосу эту оставлял Кэддерли — она была его следом.

«Защитное заклинание», — понял Джарлаксл.

Он осторожно переступил через линию и заметно расслабился, когда она не причинила ему никакого вреда.

— Подобно барьеру в Лускане, — согласился Дризт. — Магия, наложенная для того, чтобы укрыть весь старый город, где расхаживали немёртвые.

Кэддерли продолжал свой круг, несомненно, обходя по периметру храм Парящего Духа.

— Если Король Призраков вернётся, это должно произойти именно здесь, — сказал Джарлаксл, менее чем уверенным голосом, и его умозаключение звучало больше как

оправдание. — Немёртвые не смогут покинуть это место.

— И как долго ему нужно будет плести заклинание? — спросил Бруенор.

— Он знал, — вздохнул Дризт. — Его слова насчёт Даники...

— Это навсегда, — прошептал Джарлаксл.

Жрецу понадобилось немало времени, чтобы закончить свой первый круг, а затем начать новый, так как магия, с которой он начал, уже стала слабеть. Немногим позже, когда Кэддерли начинал второй заход, из тьмы леса раздался голос.

— Отец! — крикнул Рори Бонадьос. — Он постарел! Мама, почему он выглядит таким старым?

Из — за деревьев выбежала Даника с детьми, затем последовали Айвен с Пайкелом. С радостными приветствиями воссоединения пришлось подождать: все трое молодых, но уже взрослых людей были подавлены увиденным, как и та, что так сильно любила Кэддерли.

Стоя с Кэтти-бри на руках, Дризт ясно ощутил боль Даники.

— Что случилось? — спросила Даника, спеша присоединиться к остальным.

— Мы изгнали его и сильно ранили, — сказал Джарлаксл.

— А Кэддерли погнался за ним, когда тот исчез, — продолжил Бруенор.

Даника взглянула на горящий храм Парящего Духа позади них. Она, конечно же, поняла, почему её муж выглядел таким старым. храм разрушен, его магия ослабла и почти вовсе исчезла. Магия, которая поддерживала Кэддерли, так же крепко держала и древесную конструкцию, камень и стекло в соборе Денеира.

Магия, которая однажды сделала Кэддерли молодым, которая поддерживала его в таком состоянии.

Заклинание было разрушено.

Её муж был повергнут тоже...или же нет? Она смотрела на него и не знала, что думать.

— Его последние мысли были о вас, — сказал ей Дризт. — И он всё ещё вас любит, так же, как и продолжает служить Денеиру и всем нам.

— Он ещё вернётся, — решительно заявила Ханалейса. — Он закончит своё дело и вернётся к нам!

Никто не стал разубеждать её, да и зачем это было нужно? Но взгляд Даники сказал Дризту, что она тоже чувствовала всю правду. Кэддерли стал королём призраков. Кэддерли и его служба храму Парящего Духа и миру стала бесконечной.

Призрачный жрец уже наполовину прошёл третий круг, когда на горизонте, на востоке выглянуло солнце, но остальные, уже обессиленные, всё продолжали следовать за ним.

Солнечный свет делал мерцающего Кэддерли все более и более призрачным, пока он не исчез совсем. Его дети только испуганно открыли рты.

— Он исчез! — крикнул Тэмберли.

— Он вернётся к нам, — провозгласил Рори.

— Он не исчез, — мгновением позже сказал Джарлаксл и подозвал всех поближе к себе. Светящаяся линия продолжала свой путь, и возле её самой яркой точки воздух был наиболее холодным. Кэддерли всё ещё был там, невидимый из — за дневного света.

В храме Парящего Духа огонь уже почти потух, но группа не собиралась туда возвращаться, вместо этого она устроила лагерь на улице напротив парадных дверей. Многих одолела усталость, и они заснули, предусмотрительно выставив посты и постоянно меняя друг друга. Когда опустился вечер, Король Призраков — Кэддерли — вновь стал видимым, продолжая свой бесконечный круг.

Немного позже вернулось несколько ползучих тварей — небольшая группа, видимо, желающая снова атаковать храм Парящего Духа. Они выбежали из леса, но тут же закричали, как только приблизились к мерцающей линии, оставляемой жрецом. Тогда они вновь скрылись в темноте.

— Заклинание Кэддерли, — сказал Бруенор. — Очень хорошее.

После этого группа ещё немного отдохнула.

— Мы должны уходить отсюда, — заметил Джарлаксл немногим позже, той же ночью,

тем самым привлекая к себе взгляды, некоторые из которых были благодарными. — Нам стоит уйти, — настаивал на своём дроу. — Мы должны рассказать этому миру о том, что здесь случилось.

— Тогда иди и расскажи, — зарычала на него Ханалейса, но Даника положила свою руку на предплечье дочери, чтобы успокоить её.

— Монстры отступили, но они всё ещё где — то здесь, — предупредил Джарлаксл.

— Но тогда нам лучше остаться здесь, где они не смогут нас достать, — начал спорить Рори.

— Драколич может вернуться по эту сторону заклинания, — предостерёг Джарлаксл. — Мы должны ухо...

Дриззт остановил его, подняв руку, а затем повернулся к Данике.

— Утром, с первым лучом солнца, — предложил он ей.

— Это наш дом. Куда мы пойдём?

— В Мифрил Халл, а оттуда в Серебристую Луну, — ответил Дриззт. — Если нужны ответы на вопросы, найдите леди Аластриэль.

Даника повернулась к своим детям, которые, как один нахмурились, но у них не было ничего, что можно было бы противопоставить очевидной истине. Да и еды, которую они успели вынести из здания, им не хватило бы надолго.

Они пришли к компромиссу и подождали ещё две ночи, но потом, даже Ханалейсе и Рори пришлось признать, что их отец не собирался возвращаться к ним.

Мрачным караваном в одно светлое утро они двинулись прочь от храма Парящего Духа. Повозка, стоящая во внутреннем дворе, была почти не повреждена, и пять dwarфов — умельцев со знанием дела окончательно её починили. Их ждали хорошие новости: они нашли бедных мулов, испуганных и голодных, но вполне живых. Животные бродили по дальнему коридору собора на первом этаже, и даже их магические подковы были целы.

Путники двинулись медленным шагом к пустому и разрушенному Кэрадуну, а затем на север к Мифрил Халлу. Они знали, что могут нарваться на врагов в Снежных Хлопьях — а именно так и произошло — но для объединённых сил пяти dwarфов, семьи Бонадьос и двух дроу, небольшие скопления ползучих тварей, гигантских летучих мышей или даже ночных скитальцев не представляли большой угрозы.

Они сбавили шаг и через двадцать дней пересекли Сарбрин и вошли в Мифрил Халл.

Сгорбленный и безропотный Король Призраков Кэддерли ходил вокруг руин храма Парящего Духа той ночью. Той ночью и веки вечные.

Всё вокруг было размыто, всё кружилось в водовороте. Преобладающие серые краски делали всё неясным. Словно вспыхивающие, картины, многие из которых вселяли ужас, били по её чувствам и бросали из воспоминания в воспоминание, давая шанс еще раз пережить моменты, которые происходили в прошлом.

Всё вокруг было одним невообразимым пятном.

Но вскоре Кэтти-бри посреди всего этого движущегося моря увидела нечто, неподвижную точку, напоминающую конец верёвки, протянутый ей сквозь туман. Мысленно она протянула руку к этой ясной точке и, к своему удивлению, ясно почувствовала, что прикоснулась к ней. Она оказалась твёрдой, гладкой, словно сделанной из чистой кости.

Облака разошлись, освобождая пространство вокруг предмета, и впервые за десять

дней её глаза смогли видеть ясно. Она посмотрела на свой спасательный трос — это был чей — то единственный рог — затем последовала в его сторону.

Единорог.

«Миликки», — выдохнула она.

Её сердце подпрыгнуло. Она попыталась справиться с замешательством, чтобы понять, что же произошло.

Нить Плетения! Кэтти-бри вспомнила, как одна из нитей Плетения затронула и ранила её.

Она всё ещё была там, внутри него. Вокруг точки, на которой она сконцентрировалась, клубились серые облака.

«Миликки» — повторила она, ничуть не сомневаясь в том, что это сейчас богиня стояла напротив.

Единорог склонил голову и приглашающе опустился на колени.

Сердце Кэтти-бри бешено заколотилось, и женщина подумала, что оно вот — вот выпрыгнет из груди. Слёзы заполнили её глаза, когда она попыталась отогнать мысль о том, что последует дальше, и тихо умоляла об отсрочке.

Единорог посмотрел на неё с глубоким сожалением в своих больших тёмных глазах. Затем встал и отступил на шаг.

«Дай мне эту единственную ночь», — прошептала Кэтти-бри.

Она выбежала из комнаты, босиком шлёпая по полу, добежала до следующей двери Мифрил Халла, той, которую знала очень хорошо — в комнату, что делила с Дриззтом.

Он лежал на постели и спал беспокойным сном, когда она вошла к нему. Затем освободив пояс на магическом одеянии, сбросила всю одежду на пол и скользнула в кровать, укладываясь позади дроу. Он повернулся, и Кэтти-бри встретила его страстным поцелуем. Переполненные чувствами, они занимались любовью, а затем, наконец, просто взялись за руки.

Теперь сон Дриззта был куда крепче, а когда Кэтти-бри услышала мягкое постукивание рога о закрытую дверь, то поняла, что это Миликки погрузила его в сонное состояние.

И теперь звала женщину исполнить свою судьбу.

Кэтти выскользнула из — под руки Дриззта, приподнялась на одном локте и поцеловала его рядом с ухом.

— Я всегда буду любить тебя, Дризт До'Урден, — сказала она. — Моя жизнь была насыщенной и я ни о чём не сожалею, потому что знала тебя, и потому что ты дополнял меня. Спи спокойно, любовь моя.

Она встала с кровати и потянулась за своей магической рубашкой. Но затем остановилась, покачала головой и вместо этого подошла к своему комоду. Там она нашла одежду, которую ей дала леди Аластриэль из Серебристой Луны: белое одеяние, с подкладкой и без рукавов, имеющее большой вырез и множество складок и оборок. Платье было покроено так, чтобы повторяло каждое движение, подчёркивая, а не скрывая красоту тела.

Она взяла плащ с капюшоном, накинула себе на плечи и закружилась, чтобы посмотреть, как он развевается.

Босиком Кэтти вышла из комнаты. Ей больше не нужна была обувь.

Единорог ждал и не стал противиться, когда она тихо повела его по тёмному коридору к недалеко располагающейся от них двери. В той комнате лежал измученный и истощённый Реджис, он был едва живым, и то, потому что королевские жрецы всё ещё пытались вылечить его. Один из них сидел на кресле возле кровати хафлинга в глубокой дреме.

Кэтти-бри не стала развязывать путы хафлинга, удерживающие его руки и ноги. Реджис сам освободился от верёвок, и тогда его подруга и соратница бережно подняла его на руки. Он застонал, но она прошептала ему какие — то нежные слова, усиленные магией Миликки, и хафлинг успокоился. В коридоре единорог снова опустился на колени, и Кэтти-бри села на него, свесив обе ноги на одну сторону. И они направились вниз по коридору.

Дриззта разбудил знакомый голос, который что-то кричал, и крик этот был абсолютно несовместим с тем великолепным и продолжительным ощущением тепла, оставшимся после прошлой ночи.

Если бешеные возгласы Бруенора и не разрушили заклинание сна до конца, то в ту же секунду Дриззт уже осознал всё, что произошло.

Кэтти-бри была здесь, была с ним, в его постели; её глаза были закрыты, а лицо безмятежно, как будто она спала.

Но это было не так.

Дриззт вскочил на кровати и уселся на ней прямо, задыхаясь в потрясении, широко раскрыв глаза; его руки тряслись.

— Кэтти! — выкрикнул он. — Кэтти, нет! — он склонился над ней. Женщина была такой холодной и спокойной. Он поднял её нереагирующее тело. — Нет, нет, вернись ко мне!.

— Эльф! — взвизгнул Бруенор — взвизгнул, а не крикнул. Никогда ещё Дриззт не слышал, исполненного с таким чувством голоса от всегда стойкого и уравновешенного дварфа. — О, боги! Эльф!

Дриззт опустил Кэтти-бри на кровать. Он не знал, что ему делать: коснуться её, поцеловать или попытаться вдохнуть в неё жизнь. Он не знал, что предпринять, и только третий выкрик Бруенора заставил его ринуться в сторону от кровати, а затем спотыкаясь через порог двери.

Он вылетел в коридор, голый и вспотевший, и практически врезался в Бруенора, который трясся и спотыкался, шагая вниз по коридору с безжизненным телом Реджиса на руках.

— О, эльф.

— Бруенор, Кэтти-бри... — Дриззт запнулся, но Бруенор перебил его.

— Она на этой чёртовой лошади с Пузаном!

Дриззт ошеломлённо уставился на него, а Бруенор указал подбородком вниз по коридору и зашагал по направлению к ближайшему проходу. Дриззт помог ему, подталкивая вперёд, и вместе они повернули за угол. Там перед ними предстала картина, которая, по большей части, и вызвала неистовый крик Бруенора.

На единороге ехала Кэтти-бри, свесив обе ноги на одну сторону, и держа в своих руках Реджиса. Ни конь, ни женщина не оглядывались назад, не смотря на весь беспорядок и дроу и дварфа, которые следовали за ними по пятам и кричали им вслед.

Коридор вновь резко свернул в сторону, но единорог несколько не отклонился.

Он вошёл прямо в стену и исчез.

Дриззт с Бруенором остановились и стали выжидать, тяжело хватая воздух ртом, не в силах вымолвить и слова.

Позади раздались звуки суеты — другие дварфы отреагировали на крики их короля. К испуганной паре подбежал и Джарлаксл. Раздалось несколько возгласов при виде мёртвого Реджиса в руках Бруенора — хафлинга, который отлично служил в качестве дворецкого Мифрил Халла и ближайшего советника их величайшего короля.

Джарлаксл протянул свой плащ Дриззту, но был вынужден просто накинуть его на плечи следопыта, который испытывал в этот момент страх и боль. Наконец, Дриззт обратил внимание на Джарлаксла, затем схватил его за грудки и резко прижал к стене.

— Найди её! — взмолился Дриззт вопреки всякой логике, так как знал, где сейчас находилась женщина, всё ещё спокойная и холодная. — Ты должен найти её! Я сделаю всё, что ты попросишь... всё богатство мира!

— Мифрил Халл и всё, что в нём! — закричал Бруенор.

Джарлаксл попытался успокоить Бруенора и дроу. Он кивал и постукивал по плечу Дриззта, хотя и понятия не имел, с чего ему начать или что именно искать — душу Кэтти-бри?

Их обещания верности и сокровищ для Джарлаксла в этот момент звучали несколько вздорно. Он найдёт её, или, по крайней мере, попытается. На счёт этого он не сомневался.

Но, к удивлению самого Джарлаксла, он не собирался брать ни гроша за свои старания, как и не желал никаких обещаний верности от Дриззта До'Урдена. Вероятно, нечто иное двигало им в этот момент.

Эпилог

Она чувствовала биение сердца под босыми ногами. Земля была живой, билась непосредственно в ритме самой жизни, и это заставило ее танцевать. И хотя она никогда не была танцовщицей, ее движения были переменчивыми и грациозными — совершенным выражением весеннего леса, в котором она находилась. Несмотря на то, что ее бедро было ранено — ранено навсегда, все считали, что она не чувствовала боли, когда высоко поднимала ногу или, вскочив, кружилась во вдохновенном пируэте.

Она натолкнулась на Реджиса, сидящего посреди маленькой полянки, заросшей цветами, и глядящего на рябь на небольшом пруде. Она одарила его улыбкой и смехом, и сплясала вокруг него.

— Мы мертвы? — спросил он.

Кэтти-бри не ответила. Там был мир, где — то за деревьями, за весенним лесом, и не было... здесь. Здесь было существование. Этот был кусочек рая, подросток богини Миликки, сделанный ей и Реджису, да и всему Абер — Торилу.

— Почему мы здесь? — спросил хафлинг, которого больше не мучили тени толпившихся монстров.

Поскольку они прожили хорошую жизнь, Кэтти-бри знала. Потому что это был подарок Миликки столько же Дриззту, сколько и им, выражение удивительной памяти богини, которая знала, что мир изменился навсегда.

Кэтти-бри танцевала, пела, и, хотя она никогда не была певицей, ее голос звучал так, как если бы она обладала абсолютным слухом и удивительными тонами, что было еще одним последствием пребывания в этом зачарованном лесу.

Они оставались в Абер — Ториле, хотя и не знали этого, в небольшом кусочке вечной весны, среди леса, между мирами заполненными темнотой и холодом. Они сами были этим местом, и в еще большей степени, чем Кэддерли был Парящим Духом.

Ибо узкая горная долина была выражением воли Миликки, местом возможностей, того, что могло быть и того, что было. Здесь не было никаких монстров, хотя разные животные водились в изобилии. И подарок был личным, доступным далеко не всем. Секретное место, неизгладимый след богини Миликки, словно памятник миру, который двинулся в новом направлении.

Две груды камней.

Два пирамиды из камней. Одна над могилой Реджиса и другая — над захоронением Кэтти-бри. Всего лишь чуть больше месяца назад Дриззт и Кэтти-бри были на пути к Серебристой Луне и, не смотря на проблемы с Плетением Мистры, это было радостное путешествие. Уже более восьми лет Дриззту казалось, что все радости были удвоены, и вся боль делилась пополам. Он словно станцевал свою жизнь рука об руку с этой удивительной

женщиной, которая никогда не выказывала ему ничего кроме честности, сострадания и любви.

Затем она исчезла, похищенная от него способом, который он просто не мог постигнуть. Он пытался найти утешение, говоря себе, что ее боль закончилась, что она в другом мире вместе с Миликки. Ведь последние десять дней она очень страдала.

Но все это было напрасно, и он мог только качать головой и бороться с собой, сдерживая слезы и желание броситься через эту холодную и твердую пирамиду из камней, сложенную в траурно украшенной нижней палате Мифрил Халла.

Он посмотрел на более меньшую каменную груды и вспомнил свою поездку с Реджисом в Лускан, затем воспоминания унесли его намного дальше, назад, к их первым дням в Долине Ледяного ветра. Дроу опустил руку на Гвенвивар, которую он призвал на церемонию. Это было уместным, что пантера была здесь, и если бы он знал какой — либо способ выполнить это, он бы хотел чтобы здесь был и Вульфгар. Дриззт решил позже обязательно пойти в Долину Ледяного ветра, чтобы самому сообщить своему другу — варвару об этом горе.

Затем все сломалось. Мысли об этом сообщении Вульфгару окончательно сломили стойкость Дриззта До'Урдена. Его плечи содрогались от рыданий, и он словно чувствовал притяжение к полу, будто камни поднимаются похоронить его — и как он бы хотел этого!

Бруенор обнял его и заплакал вместе с ним.

Однако Дриззт быстро встряхнулся и встал, оглядывая комнату холодным взглядом.

— Они ушли, все будет в порядке, эльф, — шепнул Бруенор.

Но Дриззт только холодно смотрел прямо перед собой, с трудом сдерживая нарастающий гнев. Он знал, что никогда не будет тем же; что ненависть его не будет уменьшаться с течением дней, недель, месяцев или лет или может быть даже десятилетий. Не было никакого света и надежды в конце этого темного туннеля.

Не в этот раз.

Когда Реджис захотел найти что-то, что он мог бы использовать в качестве лески, то быстро нашел. Когда он искал крючок и удилище, те тоже нашлись очень легко. И когда он вытащил из маленького водоема свою первую форель, хафлинг задохнулся от удивления и спросил себя, не находится ли он в Долине Ледяного ветра!

Но он знал, что нет. Потому что даже если этот странный лес и находится на этой земле, то самой этой земли не было. Инструментов для резьбы не было, и Реджис уже не был удивлен, найдя их. Он захотел их — и они были там. И он постепенно начал понимать, что это место было мечтой, грандиозной иллюзией.

Рай или ад?

Проснется ли он?

Неужели он хочет?

Он проводил свои дни за рыбалкой и резьбой, дни были теплыми и счастливыми. Он ел еду, более восхитительную, чем что — либо, что он когда —нибудь пробовал, и шел спать с полным животом, пребывая в красивых грезах. И песня Кэтти-бри заполняла лесной воздух, хотя он видел ее только в мимолетно, далеко — далеко, прыгающую по лучам солнечного и лунного света, как будто они были лестницами к небесам.

Танцы, танцы всегда. Лес был жив через ее движения и ее песню, и веселые песни птиц сопровождали ее и под солнцем, и с наступлением мягкой темноты ночи.

Он не был несчастен и не расстраивался, но много раз Реджис ради своего собственного любопытства пробовал ходить по прямой линии, не делая ни одного шага ни влево, ни вправо в попытке найти конец леса.

Но необъяснимо каждый раз так или иначе он оказывался там, откуда начинал, на

берегу маленького водоема.

Он мог только брать свою удочку и смеяться, уставив руки в боки.

И так все продолжалось и продолжалось, понятие времени стало бессмысленным, дни и времена года не имели никакого значения.

В лесу шел снег, но холодно не было, и цветы продолжали цвести, и Кэтти-бри, олицетворение волшебного духа Миликки, не замедлила ни свой танец, ни свою тихую песню.

Это было ее место, ее лес, и здесь она познала счастье, безмятежность и душевное спокойствие, а если бы в лес пришли беды, то она встретила бы их. Реджис знал все это, также знал он и то, что был гостем, приглашенным навечно, но не так тесно связанным с этой землей, как его товарищ.

И так хафлинг взял на себя смелость стать смотрителем сада. Он вырастил его и заботился о его совершенстве и процветании. Он построил себе дом в холме, с круглой дверью и удобным очагом, с полками, украшенными удивительной резьбой, сделал деревянные тарелки и чашки, а на столе всегда был набор... для гостей, которые никогда не придут.